

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY

Полное собраніе сочиненій
слова Александровича МЕЯ.

Издание Н. Т. Мартынова.

Lev Aleksandrovich Meï

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

Полное собраніе сочиненій

СОЧИНЕНІЙ

Льва Александровича

МЕЯ

v. 3

ТОМЪ ТРЕТІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1887.

а7

Л. А. Мей.

I.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Переводы съ польскаго и украинскаго языковъ.

II.

П Р О З А.

Переводы съ чешскаго, польскаго, французскаго и
англійскаго языковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца Н. Г. Мартынова.

1887.

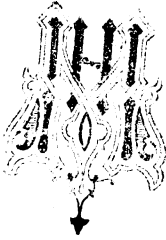
Digitized by Google

PG 3337

. M4

1887

v. 3

INDIANA UNIVERSITY LIBRARY

Телефонная станция общества «общественная польза», П. Подьяч. № 88.

6-1-61

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

СЪ ПОЛЬСКАГО.

Мицкевичъ.

I.	Pioszoska moja	СТР.	3
II.	Свитезянка		3
III.	Вилія		8
IV.	Разговоровъ		9
V.	Пани Твардовская		—
VI.	Ренегать		13
VII.	Пѣсня		14
VIII.	Облава (отрывокъ изъ Пѣсь (поэмы Тадеушь)		15
IX.	Къ ***		25

Кондратовичъ (Сырокомля).

I.	Горсть пшена	26
II.	Панъ Марекъ въ аду—шляхетская притча	32
III.	Иллюминація. Воспоминанія; подъ дождемъ	40
IV.	Грузинкѣ	45
V.	Невинной душкѣ	—
VI.	Корольки. Пѣсня	46
VII.	Краковецъ въ Литвѣ	47
VIII.	Украинкѣ	48
IX.	Прежде было лучше	50
X.	Капраль Терефера и Капитанъ Шерепыга—солдатская сказка.	51
XI.	Кукла	63

Богданъ Залескій.

I.	Ледащая	64
II.	Двѣ смерти	65

Одынецъ.

Дѣвушка и голубь	66
----------------------------	----

Реутъ.

Жена. Бѣлорусская сказка	67
------------------------------------	----

ХОДЗЬЕ.

Молодецъ	75
--------------------	----

КРАСИНСКИЙ.

I. Спишь ты	76
II. Слезы	—

СЪ УКРАИНСКАГО.

ШЕВЧЕНКО.

I. Вечеръ	81
II. Платокъ	—
III. Батрачка Повесть	84
IV. Гайдамаки	99

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

ЩЕГОЛЕВЪ.

Пѣсня	121
-----------------	-----

РУСНЯЦІЯ ПѢСНИ.

I. У сосѣдки сынъ молодчикъ	122
II. Что это не слышно Наны голосочка?	123

МОРАВСКІЯ ПѢСНИ.

I. У молодежи Наны	—
II. Лучше буколя пшеница	125
III. Тятенька-голубчикъ, гдѣ моя родная?	—

ВОЛЫНСКІЯ ДУМЫ.

I. Въ полѣ широкѣмъ желѣзомъ копыть	125
II. Пташка въ полѣ, рыбка въ тинѣ	126
III. Пьеть и пляшетъ Казакъ	127

ШОТЛАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Энни Лехроентъ	128
Итальянскій народный гимнъ	132

ПРОЗАИЧЕСКІЕ ПЕРЕВОДЫ.

Предчувствіе. Разсказъ Камергера короля Станислава Августа (съ польскаго)	137
Янъ изъ Непомукъ. Чешская легенда	159
Святочная пѣсня въ прозѣ. Чарльза Диккенса	165
Ураженные часы. Разсказъ М. Л. Фреда	222
Дочь Миссіонера. — А. Коффа	273
Таинственное путешествіе Фицъ-Джеральда. Леона Гозлана съ французскаго	319

СЪ ПОЛЬСКАГО.

МИЦКЕВИЧЪ.

I

PIESZCZOTKA MOJA.

Моя баловница, отдавшись веселю,
Зальется какъ птичка, серебряной трелью
Какъ птичка, начнетъ щебетать-лепетать,
Такъ мило начнетъ лепетать-щебетать,
Что даже дыханьемъ боюсь я нарушить
Гармонію сладкую дѣвственныхъ словъ,
И цѣлые дни, и всю жизнь я готовъ,
Красавицу слушать и слушать и слушать!
Когда-жъ живость рѣчи ей глазки зажжетъ,
И щеки сильнѣе румянить начнетъ,
Когда при улыбкѣ, сквозь алыя губы,
Какъ перлы въ кораллахъ, блеснуть ея зубы—
О, въ эти минуты я смѣло опять
Гляжуся ей въ очи—и жду поцѣлуя,
И болѣе слушать ея не хочу я,
А все—цѣловать, цѣловать, цѣловать!

1849.

II.

СВИТЕЗЯНКА.

Кто этотъ молодецъ статный, красивый?
Что за дѣвица съ нимъ, краснымъ?
Вдоль по побережью Свитези бурливой
Идутъ при мѣсяцѣ ясною.

Оба малины набрали въ кошницы,
 Вьютъ по вѣнку себѣ оба:
 Знать онъ—другъ милый красотки-дѣвицы,
 Знать она—парня зазноба.

Каждою ночью въ тѣни осокори
 Онъ ее здѣсь поджидаетъ:
 Молодецъ—ловчій въ сосѣдственномъ борѣ,
 Дѣвица... кто ее знаетъ!

Богъ вѣсть—когда и откуда приходитъ,
 Богъ вѣсть—куда исчезаетъ...
 Мокрой былинкой надъ озеромъ всходитъ,
 Искрой ночной пропадаетъ.

«Полно таяться со мной, дорогая!
 «Вымолви слово, для Бога:
 Гдѣ твоя хата, семья гдѣ родная,
 «Какъ къ тебѣ путь и дорога?»

«Минуло лѣто, листочки валяются;
 «Холодно въ полѣ просторномъ...

«Али всегда мнѣ тебя дожидаться
 Здѣсь на побережьѣ озерномъ?»

«Али всегда ты какъ стѣнь гробовая,
 «Бродишь полночной порою?»

«Лучше ко мнѣ приходи, дорогая,
 «Лучше останься со мною!

«Вотъ и избенка моя не далечко,
 «Видишь—гдѣ въ чащѣ лощина..

«Будеть у насъ съ тобой лавка и печка,
 «Будеть и хлѣбъ и дичина».

— Парнямъ не вѣрю я, чтобы ни пѣли,
 Знаю я всѣ ихъ уловки:

Въ голосѣ ихъ—соловиныя трели,
 Въ сердцѣ ихъ—лисыя сноровки.

— Ты насмѣешься потомъ надо мною,
 Кинешь меня и загубишь!

Я тебѣ тайну, пожалуй открою,
 Только... Ты вправду-ли любишь?—

Молодецъ клялся у ногъ своей милой,
 Бралъ, горсть сырой земли въ руку,
 Бралъ заклинаясь темною силой,
 На душу вѣчную муку.

«Будь-же ты вѣренъ въ священномъ обѣтѣ:
 Если кто клятву забудеть,
 Горе ему и на нынѣшнемъ свѣтѣ,
 Горе и тамъ ему будетъ! —

Молвила строгое слово дѣвица,
 Молвивъ вѣнокъ надѣваетъ,
 Парню махнула рукой и, какъ птица,
 Въ темныхъ кустахъ исчезаетъ.

Слѣдомъ за ней, по кустамъ и по кочкамъ
 Гонится ловчій—задаромъ!
 Сгибла, умчалась изъ глазъ вѣтерочкомъ,
 Тонкимъ разсѣялась паромъ.

Вотъ онъ остался одинъ надъ водою...
 Нѣтъ ни слѣда, ни тропинки;
 Тихо кругомъ него, лишь подъ ногою
 Кой-гдѣ хрустятъ хворостинки.

Онъ надъ стремниной идетъ торопливо,
 Робко поводитъ очами...
 Вдругъ вихоръ взвылъ по дубровѣ сонливой,
 Озеро вздулось волнами.

Вздулось, вскипѣло до дна котловины...
 Въявь, али греза ночная?
 Тамъ надъ Свитевью, изъ темной пучины,
 Всплыла краса молодая...

Личико чище лилеи прибрежной,
 Вспрыснутой свѣжей росой;
 Легкою тканью станъ бѣлоснѣжный
 Обвить какъ бѣлою мглою,

«Парень пригожій мой, парень красивый»,
 Молвила дѣвица страстно:
 «Кто ты? Зачѣмъ надъ Свитевью бурливой
 Бродишь порою ненастной?

«Полно жалѣть тебѣ пташки отлетной,
 Глупой и вѣтренной дѣвки:
 Ты по ней сохнешь, а ей, переметной,
 Только смѣшки да издѣвки.

«Полно вздыхать тебѣ, полно томиться,
 Няньчиться съ душой печальной:
 Бросься къ намъ въ волны и будемъ кружиться
 Виѣтъ по зыби хрустальной.

«Хочешь, мой милый—и ласточкой шибкой
 Будешь надъ озеромъ мчаться,
 Или здоровой, вѣселою рыбкой
 Цѣлый день въ струйкахъ плескаться.

«На ночь, на ложе волны серебристой
 Ландышей мы набросаемъ,
 Сладко задремлемъ подъ сѣнью струистой,
 Дивныя грезы узнаемъ».

Смокнула. Вѣтеръ покровъ ей колышетъ,
 Млечную грудь открывая...
 Парень, хоть смотреть не смотреть, а слышать—
 Близко краса молодая:

То надъ водою въ кругахъ прихотливыхъ
 Мчится, воды не касаясь,
 То заиграетъ въ волнахъ говорливыхъ,
 Жемчугомъ брызгъ осыпаясь.

Ловчій смутился душой, подбѣгаетъ
 Къ самому краю стремнины,
 Хочетъ спрыгнуть—и назадъ отступаетъ:
 Милы, но страшны пучины.

Вдругъ къ нему въ ноги волна подкатилась,
 Плещеть, ласкается, манить...!
 Сердце въ немъ замерло, кровь расходилась...
 Память и мысли туманить,

И позабылъ онъ про прежнюю любовь,
 Клятвою презрѣлъ святою:
 Кинулся въ волны на вѣрную сгубу
 Слѣдомъ за новой краскою.

отъ надъ волнами несется онъ смѣло,
 Смѣло очами поводить;
 Берегъ изъ глазъ у него то и дѣло
 Дальше и дальше уходить.

Ловчій къ дѣвицѣ плыветь что есть мочи,
 Доплылъ и обвилъ руками:
 Смотрится ей въ ненаглядныя очи,
 Лынетъ къ ея губкамъ устами.

Въ этотъ мигъ мѣсяцъ надъ тучею черной
 Вспыхнулъ сквозь темнеть ночную:
 Ловчій взглянулъ и въ красотѣ озерной
 Призналъ подругу былую.

«Такъ-то ты вѣренъ въ священномъ обѣтѣ,
 Если кто клятву забудетъ,
 Горе ему и на нынѣшнемъ свѣтѣ,
 Горе и тамъ ему будетъ!»

«Нѣтъ, не тебѣ надъ холодной струею
 Рыбкой веселой плескаться:
 Тѣло твое распадется землею,
 Очи пескомъ засорятся.

«А за измѣну душа проклятая
 Вѣчно при той осокори
 Будетъ томиться, въ тоскѣ изнывая...
 Горе измѣннику, горе!»

Слушаетъ ловчій, плыветь торопливо,
 Робко поводить очами...
 Вихорь поднялся въ дубровѣ сонливой;
 Озеро вздулось волнами.

Вздулось, вскипѣло до дна котловины,
 Пѣнится, плещетъ и стонетъ...
 Разомъ раскрылись сѣдыя пучины:
 Дѣвица съ молодцемъ тонетъ.

Волны доселѣ вздымаются въ пѣнѣ;
 Ночью, при мѣсяцѣ ясномъ,
 Бродятъ доселѣ двѣ блѣдныя тѣни—
 Дѣвица съ молодцемъ краснымъ.

Молодецъ стонетъ въ тѣни осокори,
 Дѣвица въ плесѣ играетъ...
 Молодецъ ловчимъ когда-то былъ въ борѣ,
 Дѣвица... кто ее знаетъ!
 1851.

 Ш.

В И Л І Я.

У Виліи, нашихъ потоковъ царицы,
 Дно чисто, а волны румянѣй денницы;
 У юной литвинки, царицы изъ паней,
 Еще чище сердце, ланиты румянѣй.

Вилія, по ковенскимъ милымъ полянамъ,
 Струится въ нарцисахъ, бѣжитъ по тюльпанамъ;
 Въ ногахъ у Литвинки весь цвѣтъ молодежи,
 Красивѣй тюльпановъ, нарциссовъ пригоже.

Виліи нелюбы цвѣточки долины:
 Не ихъ, она Нѣмана ищетъ роднова;
 Литвинкѣ нелюбы и скучны латвины:
 Не ихъ она, молодца любить чужова.

Поднявши Вилію къ себѣ на рамена,
 Несетя въ даль Нѣманъ на дикомъ просторѣ,
 И держать подругу у влажнаго лона,
 И гибнетъ съ ней вмѣстѣ въ невѣдомомъ морѣ.

Какъ Нѣманъ Вилію, тебя, о литвинка,
 Похитилъ пришлецъ изъ роднова селенья—
 И ты, моя бѣдная, ты, сиротинка,
 Погибнешь тоскливо въ пучинѣ забвенья.

Ни рѣку, ни сердце, никто не догонитъ —
 Вилія струится, а дѣвица любитъ:
 Вилія въ возлюбленномъ Нѣманѣ тонетъ,
 А дѣвица въ кельѣ дни юные губитъ...

1851.

IV

РАЗГОВОРЪ.

Красавица моя! на что намъ разговоры!
 Зачѣмъ, когда хотимъ мы чувствомъ подѣлиться,
 Зачѣмъ не можемъ мы душою прямо слиться
 И не дробить ея на этотъ звукъ, который—
 До слуха и сердцецъ достигнуть не успѣть —
 Ужь гаснетъ на устахъ и въ воздухѣ хладѣть?

«Люблю тебя, люблю!» твержу я повсечасно,
 А, ты—ты смущена и сердилъся на друга
 За то, что своего любовнаго недуга
 Не можеть высказать и выразить онъ ясно,
 За то, что обмеръ онъ, за то, что нѣтъ въ немъ силы —
 Жизнь знакомъ проявить и избѣжать могилы.

Съ-измлада утрудилъ я праздными рѣчами
 Свои уста: теперь хочу ихъ слить съ твоими
 И говорить хочу съ тобою не словами,
 А сердцемъ, вздохами, лобзаньями живыми...
 И такъ проговорить часы, и дни, и лѣта,
 И до скончанія, и по скончаньи свѣта.

1851.

V.

ПАНИ ТВАРДОВСКАЯ.

Пьютъ, курятъ, ѣдятъ, веселятся:
 Не пирь—разливанное море!
 Чуть стѣны корчмы не валятся...
 «Ай жги—да гуляй, мое горе!

Пашой подбоченясь, Твардовской
 Въ корчмѣ за столомъ засѣдаетъ,
 Гарцуеть, и чарой бѣсовской
 Туману въ глаза напускаеть.

Какъ саблю свистнетъ надъ ухомъ
 Солдату, который храбрился,

Да спорилъ со всѣми—такъ духомъ
Въ зайченка храбрець обратился.

Подсудку, что молча съ ѣдою
Возился въ кострюль-ль, на блюдѣ-ль,
Слегка потрезвонилъ кисою—
Глядитъ—а подсудокъ ужь пудель.

Твардовской опять за продѣлки:
Сапожнику ко-лбу приставилъ
Воронку—да чмокъ!—и горѣлки
Три полныя кварталы доправилъ.

Пока кубокъ съ водкой онъ двигалъ
Поближе къ себѣ—что за чудо?
Запѣнился кубокъ, запрыгалъ...
На дно глядь:—«ты, братецъ, откуда?»

Самъ бѣсъ на днѣ кубка возился...
Весь нѣмцемъ—кургузою штучкой—
Учтиво гостямъ поклонился,
Снялъ шапку, и сдѣлалъ имъ ручкой.

Изъ кубка на скатерть, какъ кошка,
Спрыгнулъ и подросъ на два локтя:
Носъ крюкомъ—куриная ножка—
На лапахъ совиные когти.

«Здорово Твардовской! Сердечно
Я радъ повидаться здѣсь съ другомъ:
Хоть я Мефистофель, но вѣчно
Готовъ къ твоимъ панскимъ услугамъ.

«А помнишь ли, панъ, какъ условье
На Лысой горѣ мы съ тобой
Писали на шкурѣ воловьей,
И бѣсы клялися толпою,

«Что я свой контрактъ не нарушу:
И ты поклялся передъ ними,
Что долженъ намъ панскую душу
Отдать черезъ два года, въ Римѣ?

«Вотъ семь уже лѣтъ миновало,
А ты только пекло морочишь
Да чарой мутяшь, и ни мало
Сбираться въ дорогу не хочешь.

«Съ лѣнливимъ такимъ пиллигримомъ,
Сыграли мы шутку другую!—
Корчма называется Римомъ:
Я милость твою арестую.»

Твардовской охотно бы скрылся
Отъ этого dictum acerbum,
Да бѣсъ за кунтушь уцѣпился.
«А гдѣ же, панъ, nobile verbum?»

Что дѣлать?—Ума не хватило,
И плачешь, а надо платиться.
Твардовской задумался-было,
Да скоро успѣлъ ухитриться...

«Ну что же? контрактъ нашъ контрактомъ:
Своей не теряетъ онъ силы...
Но справься-ка съ подлиннымъ актомъ—
Тамъ сказано вотъ-что, мой милый:

«Имѣю я право три раза
Задать тебѣ всякой работы.
А ты долженъ слушать приказа
И все мнѣ исполнить до йоты.

«Вонъ конь на холстѣ намалеванъ:
Чтобъ мигомъ тотъ конь оживился,
Былъ вьнузданъ, осѣдланъ, подкованъ,
А я бы на немъ прокатился!

«Да свей ты мнѣ хлысть изъ песочку
Для справы съ лошадкой лихою,
Да—видишь—вонъ въ этомъ лѣсочку—
Построй-ка мнѣ домъ для постоя.

«Домъ выстрой изъ ядеръ орѣха,
Высокій, съ вершину Креньпака...
Изъ пейсовъ жидовскихъ застреха...
Усыпь ее сѣменемъ мака,

«И въ каждое сѣмячко, мѣрно,
Натыкай гвоздочковъ по тройкѣ.
А гвозди чтобъ были — примѣрно —
Еъ три пяди — какъ надо для стройки.»

Сказалъ, а ужъ бѣсъ за работу:
Коня накормилъ и отхолилъ,
Вьетъ хлыстикъ, ну, словомъ, до поту
Трудится — и все изготавилъ.

Твардовскій — въ сѣдло, и пытается —
Какъ выѣзженъ конь и спокоевъ;
Ваяль рысью, въ галопъ поднимаетъ;
Глядитъ — анъ и домъ ужъ достроенъ.

«Ну, кончено съ службой одною!
Осталася служба другая:
Влѣзай-ка вонъ въ миску съ водою —
А въ мискѣ вода не проталъ.»

Затрясся мой бѣсъ, какъ осина,
Весь скорчился, съежился, сжался:
Но... слушай слуга господина —
И въ мискѣ бѣднякъ искупался..

.
.

— Ну, панъ, перенесъ же я кару!
За то ужъ и ты въ нашей власти..

«Изволь еще службу исправить,
И съ мрачностью вашей бѣсовской
Мы квиты.. Позволь-ка представить
Тебя моей женкѣ, Твардовской?»

«Чу, слышишь — кричить за дверями?..
Пока за тебя, Асмодею,
Я буду работать съ чертями,
А ты поживи-ка вотъ съ нею.

«Ты пани во всемъ подчинишься...
Люби ее, будь ей послушенъ..
А ежели въ чемъ провинишься,
Ну... весь договоръ нашъ нарушенъ!»

Бѣсъ слушаетъ, самъ по немногу
 Все на дверь да на дверь косится,
 А крики все ближе къ порогу...
 Твардовскій на бѣса грозится,

И требуетъ кончить раздѣлку,
 И въ дверь, и въ окно не пускаетъ,
 А бѣсъ... шмыгъ въ замочную щелку—
 Да такъ и теперь пропадаетъ.
 1852.

VI.

РЕНЕГАТЪ.

О томъ, что недавно случилось въ Иранѣ,
 Повѣдаю я передъ всѣми..
 Сидѣлъ на цвѣтномъ кашемирскомъ диванѣ
 Паша трехбунчужный въ гаремѣ.

Гречанки, лезгинки поютъ и играютъ,
 Подъ пѣсни ихъ пляшутъ киргизки:
 Здѣсь небо, тамъ тѣни Эвлиса мелькаютъ
 Въ обѣтныхъ глазахъ одалиски.

Паша ихъ не видитъ, паша ихъ не слышитъ;
 Надвинулъ чалму; недвижимо
 И молча онъ курить—и вѣтеръ колышетъ
 Вокругъ его облако дыма.

Вдругъ шумъ до порога блаженства доходить
 Рабы разступились толпою:
 Кизляръ-ага новую плѣнницу вводитъ
 И молвить, склоняся предъ пашою:

«Эффенди! твои свѣтозарныя очи
 Горятъ межъ звѣздами дивана,
 Какъ въ яркихъ алмазахъ, на ризахъ полночи,
 Самъ пламенникъ Альдеборана!

«Блесни-же мнѣ свыше, свѣтило дивана!
 Слуга твой, въ усердѣѣ горячемъ,

Принесъ тебѣ вѣсти, что вѣтръ Ляхистана
Дарить тебя новымъ *харачемъ*.

Въ Стамбулѣ сады падишаха едва ли
Такою красуются розой..

Она—уроженка холодной той дали,
Куда ты уносишься грезой».

Тутъ съ плѣнницы снялъ онъ покровъ горделиво—
И ахнулъ весь дворъ и смутился...

Паша на красавицу глянулъ лѣнливо—
И медленно на бокъ склонился.

Чубукъ и чалма у него упадаютъ;
Дремотой смежилися вѣки;

Уста посинѣли.. къ нему подбѣгаютъ:
Уснулъ *рнегатъ*... и на вѣки.
1852.

VII.

П Ъ С Н Я.

Али мать меня рожала
На горе большое?
Али вѣдьма зачурала
Мнѣ гнѣздо родное?

На пролетъ и дни и ночи
Плачу какъ ребенокъ;
Сваты прійдутъ—нѣтъ мнѣ мочи
Выстоять смотренкоъ.

Охъ, уѣхалъ да и сгинулъ
Милой за дружиной;
Не сберегъ—одну покинулъ
Панночку съ кручиной.

У подружекъ въ церкви ясно
Свѣчка догараеть;
У меня одной, несчастной,
Сразу погасаеть.

Въ полѣ осень; листь валится;
 Песч нашъ землю роетъ,
 Сычъ на крышу къ намъ садится:
 «Что-жь ты—скоро?» воетъ

Скоро я съ тобою, значить,
 Свижуся, мой милой!
 Скоро... вотъ какъ мать заплачетъ
 Надъ моею могилой.
 1857.

VIII.

ОБЛАВА.

(Отрывокъ изъ поэмы „панъ тадеушъ“).

Литовскіе лѣса,—бездонныя пучины!
 Кто въ вашу глубь проникъ до самой сердцевины?
 Съ усильемъ достаетъ рыбакъ у береговъ
 Морское дно; кружась въ окраинѣ лѣсовъ,
 Стрѣлокъ—литвинъ узналъ ихъ обликъ обычной,
 Да тайна сердца ихъ на вѣкъ осталась тайной...
 Но все идетъ молва, иль сказка до-сихъ-поръ,
 Что если миновать крайній темный боръ
 И засѣки пройти,—за чашей ихъ густою
 Предстанетъ на пути запретною стѣною
 Высокій валъ изъ шней, кореньевъ и колодь,
 Обороняемый трясиною болотъ
 И тысячью ручьевъ; сѣтъ поросли ползучей
 И злаковъ водяныхъ; надъ ними, куча-кучей,
 Гдѣ муравейники, гдѣ гнѣзда ось, шершней,
 Гдѣ, свитые въ клубокъ упругой, семьи змѣй.
 Найдись такой смѣльчакъ, чтобъ могъ преграду эту
 Хоть чудомъ одолѣть—за ней дороги нѣту.
 За нею, что ни шагъ,—травой полужакреть,
 Какъ яма волчая, залегъ и сторожить
 Проваль,—и ни въ одномъ дна люди не достали...
 (Что хочешь—говори, а только-что едва-ли
 Въ нихъ черти не сидятъ?..) Въ тѣхъ омутахъ вода

Кровавой ржавчиной ослужена всегда,
 И гарь изъ нихъ идетъ; и словно какъ чумныя,
 Безъ листьевъ и коры, деревья окружныя,
 Всѣ выгнанныя въ сукъ, червивы и больны:
 По вѣтвямъ мшистыя навѣсивъ колтуны
 И бородатый пенъ нагорбивъ по-середкѣ,
 Сидятъ вокругъ воды, какъ вѣдьмы въ тайной сходкѣ
 Сидятъ вокругъ котла, въ которомъ трупъ варятъ.
 За эти омуты не проникаль и взгляды,
 Не только шагъ людской, затѣмъ—что черной тучей
 Тамъ вѣчно дымъ встаетъ надъ зыбію трясучей.
 Но дальше, какъ молва народная гласить,
 За дымной тучею, эдемъ лѣсной сокрытъ
 И начинаются цвѣтушія границы
 Растеній и звѣрей таинственной столицы.
 Изъ-ней-то всѣхъ деревъ и знаковъ сѣмена,
 Въ-едино собраны, повсюду племена
 И отрасли свои, и юные побѣги
 Разсѣяли; и въ ней, какъ въ Ноевомъ ковчегѣ,
 Витааетъ всякій звѣрь, и всѣ на перечеть—
 По парно избраны на племя и приплодъ.
 Въ самой глуши—дворы лѣсныхъ владыкъ—сосѣдей—
 И тура давняго, и зубровъ, и медвѣдей.
 Вокругъ державцевъ тѣхъ гнѣзятся на вѣтвяхъ,
 Какъ думцы чуткіе, ч семьи росомахъ,
 И рыси; далѣе—жилыя вассаловъ многихъ,
 И вепрей, и волковъ, и лосей круторогихъ.
 Надъ головами ихъ орлы и сокола,
 Наушники-льстецы, съ придворнаго стола
 Нетерпѣливо ждутъ обычную подачку...
 Тутъ каждая чета селится въ одиначку,
 Сокрытая въ глуби невѣдомыхъ дубровъ:
 Своихъ дѣтенышей они изъ тайниковъ
 Выводятъ на племя за дальнія границы,
 Но сами вѣкъ живутъ среди своей столицы,
 Не зная, какъ разятъ желѣзо и свинець,
 И мрутъ, когда прійдетъ естественный конецъ.
 У нихъ есть кладбище... Быть-можетъ, небылица,
 Но, говорить, туда, предъ смертью, звѣрь и птица

Свое перо, иль мѣхъ торопятся отнестъ...
 Медвѣдь, коль зубы съѣлъ и не чѣмъ больше ѣсть;
 Олень, коль съ мѣста онъ и ногъ уже не сдвинетъ;
 И заяцъ, коль вся кровь его по жиламъ стынетъ;
 И воронъ, коль ужъ съѣдъ; и соколъ, коль ужъ слѣдъ;
 Орелъ, коль у него такъ старый зобъ окрѣпъ,
 Что клюва не рознять ему во-вѣки болѣй,—
 На кладбище свое влекутся вольной-волей...
 И даже меньшій звѣрь пораненный, больной,
 Плетется—лечь костями на сторонѣ родной:
 Вотъ почему въ мѣстахъ, доступныхъ человѣку,
 Звѣриныхъ костяковъ не найдено отъ вѣку.
 Межъ-тѣмъ въ столицѣ той звѣриной, говорятъ,
 И нравы добрые: затѣмъ, что свой урядъ...
 Цивилизація проникнуть не успѣла;
 До собственности имъ и до всего нѣтъ дѣла,
 О чемъ страдаетъ такъ и мучится нашъ свѣтъ;
 И нѣтъ у нихъ войны, и поединковъ нѣтъ:
 Какъ ихъ отцы въ раю, они среди трущобы,
 Хоть дики, но ручны, проводятъ вѣкъ безъ злобы.
 И ни одинъ свой гнѣвъ не явить на другомъ
 Ни рогомъ извитымъ, ни зубомъ, ни когтемъ.
 И еслибъ человѣкъ зашелъ къ нимъ безоружно,
 Покоенъ могъ бы быть—оружія не нужно:
 Остановивъ на немъ взглядъ изумленный свой,
 Смотрѣли-бъ на него они, какъ въ день шестой
 Смотрѣли предки ихъ на праотца въ Эдемѣ,
 Пока межъ нихъ вражды не пало злое сѣмя.
 Но къ счастью человѣкъ къ нимъ слѣду не найдетъ:
 Тревога, трудъ и смерть оберегаютъ входъ.
 Случалось, что порой охотничьи собаки
 Въ трущобу попадутъ, сквозь мхи и буераки,
 Но тотчасъ же стрелглавъ бросаются назадъ.
 Ихъ боязливый вой и сумасшедшій взглядъ
 На тайный ужасъ ихъ указываютъ ясно—
 И долго господинъ ласкаетъ ихъ напрасно.
 И тотъ, укрывшійся въ безвѣстномъ тайникѣ,
 Звѣриный стольный градъ, на ловчихъ языкѣ,
 Зовется: *Маточникъ*.

Простакъ медвѣдь! Ну, что-бы
 Тебѣ не выходить изъ вѣковой трущобы?
 И *войскій* *) бы тогда тебя не подстерегъ..
 Но вѣрно съ пасѣки пролетный вѣтерокъ
 Донесъ къ тебѣ сотовъ янтарныхъ благовонность,
 Иль къ зрѣлому овсу почувствовалъ ты склонность,
 Что, выйдя изъ-лѣсу, опушкою бродилъ;
 А тамъ тебя, какъ разъ, лѣсничій сослѣдилъ,
 И соглядатаевъ послалъ—твой сноровки
 Всѣ вывѣдать, узнать прикормъ твой и ночевки..
 И вотъ облавниковъ разставилъ войскій самъ,
 Загородивъ тебѣ возвратъ къ роднымъ лѣсамъ.

Тадеушъ опоздалъ: давно уже собаки
 Изчезли межъ листвы, въ зеленомъ полумракѣ.

Тишь... Неподвижные, задерживая духъ,
 Вотще охотники всѣ превратились въ слухъ
 И съ бора темного вотще не сводятъ ока:
 Лишь музыка лѣсовъ слышна имъ издалека..
 Ныряютъ псы въ лѣсу, какъ на-морѣ нырки;
 Двустволки наведя въ лѣсную глубь, стрѣлки
 Глядятъ на войскаго: склонившись на колѣна.
 Припалъ къ сырой землѣ онъ ухомъ.. Перемѣна
 Въ лицѣ врача друзьямъ больного вѣрный знакъ—
 Отчаиваться-ль имъ, иль радоваться: такъ
 И въ войскаго стрѣлки, исполнены волненья,
 Впивались взорами надежды и сомнѣнья.
 „Есть! Есть!“ онъ прошепталъ и быстро поднялся.
 Онъ слышалъ: звѣрь ему уже отозвался,
 Когда другіе лѣсъ пытали только глазомъ..
 Но, чу! залаялъ песь... и два... и двадцать разомъ..
 За ними всѣ: вдали, вблизи, со всѣхъ концовъ,

*) Старинный чинъ въ Польшѣ. Его обязанностью было заботиться о шляхетскихъ женахъ и дѣтяхъ, и вообще наблюдать спокойствіе вѣреннаго ему округа во время общаго ополченія. Съ давнихъ временъ этотъ чинъ (*tribunus*) сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ титула. Въ Литвѣ есть обычай придавать почетнымъ особамъ какой-нибудь старинный титулъ, напр. сосѣди величаютъ другъ друга *обозными*, *стольниками*, и т. д. Прежде эти титулы употреблялись въ актахъ.

Раздался громкій лай разбитой стаи псовъ.
 Но вотъ свалилися, попали на горячій
 И гонять; голосъ ихъ не брехоть дребезжачій
 Псовъ, зайцемъ стянутыхъ, иль ланью, иль лисой,
 А частый, хриплый лай, отрывистый и злой:
 Вблизи, по зрячему, вся стая дружно гонить,
 Вдругъ смолкло все: *дошли!* Но мигъ—и чаша стонеть
 Опять подъ сотнями свирѣпыхъ голосовъ:
 Медвѣдь боронится, бьетъ и увѣчить псовъ—
 Сквозь непрерывный лай и ревъ и завыванья,
 Все чаще слышенъ визгъ предсмертнаго страданья.
 Ружейные стволы, сжимая между рукъ,
 Охотники впередъ нагнулися, какъ лукъ—
 Не могутъ дольше ждать... И ждать имъ для чего-же?
 Одинъ въ слѣдъ за другимъ, покинули сторожи—
 И въ лѣсъ: всѣмъ хочется скорѣй, на-единѣ,
 Со звѣремъ встрѣтиться. Хоть войскій на конѣ
 Сторожи обскакалъ, хотъ расточалъ укору,
 Кричалъ, что будь то панъ, или холопъ, а своры
 Отвѣдаетъ, коль шагъ отъ мѣста отойдетъ—
 Но сладу не было: всѣ кинулися впередъ.
 Вотъ грянули въ лѣсу три выстрѣла; слитая
 Посыпалась пальба, какъ вдругъ, перекрывая
 Сухой ружейный трескъ, раздался грозный ревъ:
 Въ немъ слышались боль, отчаянье и гнѣвъ.
 За этимъ ревомъ вновь и лай и визгъ собачьи.
 И крикъ охотниковъ, и трубы доѣзжачьи
 Слилися въ гулъ одинъ... Послѣдніе стрѣлки—
 Тѣ съ мѣсть уходятъ въ лѣсъ, а тѣ звели курки,
 И радуются всѣ—ужъ будто побѣдили;
 Лишь войскій жизнь клянеть, что звѣря пропустили.
 Межъ чашею стрѣлки и между осокомъ *)
 Медвѣдью бросились гурьбой на переемъ;
 А тотъ, испуганный и псами и людьми,
 Свернулъ къ мѣстамъ, уже покинутымъ стрѣлками,
 Къ полямъ, гдѣ стерегли, одни за цѣлый станъ,
 Тадеушъ, войскій, графъ, да нѣсколько кричанъ.

*) *Осокъ*—обесенное тенетами мѣсто, гдѣ *осочень* (обойденъ) звѣрь.

Тамъ лѣсъ рѣдѣлъ... Стрѣлки ужь слышать ревъ могучій,
 И трескъ, и ломъ—и вотъ, какъ-будто громъ изъ тучи,
 Изъ чащи ринулся медвѣдь... Со всѣхъ сторонъ
 Псы гонятся за нимъ и рвутъ его, а онъ
 Поднялся на дыбы и задомъ отступаетъ,
 И съ ревомъ лапами, что шагъ, то вырываетъ
 Гдѣ осмоленный пенъ, гдѣ узлища корней,
 Гдѣ камни взрослые—и мечетъ ихъ въ людей
 И въ псовъ; сломалъ себѣ корягу извитую
 И машетъ ею вкругъ себя на-пропалую;
 Потомъ вдругъ отскочилъ и кинулся стремглавъ
 Къ кустамъ, гдѣ на часахъ стоялъ безпечный графъ
 Съ Тадеушемъ... Они—курки на оба взвода—
 Ружейные стволы, какъ два громоотвода
 На тучу черную, на звѣря навели;
 Но выждать должнаго мгновенья не смогли
 И—о, неопытность!—курки спустили разомъ—
 И промахнулись. Звѣрь, какъ углемъ, вспыхнулъ глазомъ
 И прыгнулъ на стрѣлковъ; они, заторопясь,
 И оба за одну рогатину схватятся,
 Другъ-у-друга ее насильно вырываютъ...
 Глядятъ, а ужь у нихъ надъ головой сверкаютъ
 Изъ пасти кровавой огромные клыки,
 И лапа свѣсилась когтистая... Стрѣлки
 Успѣли отскочить, отъ страха чуть живыми,
 И бросились бѣжать къ опушкѣ; звѣрь за ними:
 Когтями сноровилъ царапнуть — не досталъ, —
 Пустился догонять охотниковъ, догналъ,
 Всталъ снова на дыбы и графа лапой черной
 Ловить за волоса льняные сталъ... Безспорно,
 Какъ шапку-бъ черепъ снялъ сятельному онъ;
 Но въ этотъ самый мигъ на помощь, съ двухъ сторонъ,
 Ассессоръ и Регентъ явились неожиданно,
 А спереди бѣжалъ Гервасій бездыханный,
 И Робакъ, безъ ружья, почти-что въ ста шагахъ:
 Какъ по командѣ всѣ, въ одинъ и тотъ-же взмахъ,
 Въ медвѣдя грянули они тремя стволами —
 Медвѣдь подпрыгнулъ вверхъ, какъ заяцъ передъ псами,
 И о землю грянулся башкою, но потомъ

Очнулся, графа сбиль тяжелымъ ковыркою,
 Рыча, хотѣлъ привстать; но мигъ еще единой —
 И *Стражникъ* на него наскѣ со *Страпчиной**).

Тогда-то войскій взялъ свой буйволоный рогъ,
 Придѣтый къ поясу за шелковый снурокъ,
 Рогъ длинный, крапчатый, скрученный завитками,
 Какъ змѣй-удавъ, прижалъ къ губамъ его руками
 И закатилъ глаза, и обѣ щеки вадулъ,
 Какъ полушарія, животь въ себя втянулъ,
 Вобравши въ легкія весь духъ, и полной грудью
 Въ рогъ затрубилъ... Какъ вихрь пустынный по безлюдью,
 Промчалась музыка по чащѣ вѣковой,
 И чутко вторилъ ей отзывный кличъ лѣсной.
 Дивяся чистотѣ гармоніи и силѣ,
 Стрѣлки и ловчіе дыханье притаили.
 Еще разъ испытать хотѣлъ старикъ для нихъ
 Свой даръ, прославленный въ дубровахъ окружныхъ.
 И вотъ наполнилъ онъ и оживилъ дубровы,
 Какъ-будто въ нихъ пустилъ собакъ и началъ ловы.
 Въ его игрѣ весь гулъ охоты слышенъ былъ:
 Сначала рѣзкій звукъ—то ловчій затрубилъ;
 Потомъ и лай и вой—то гончихъ псовъ оравы;
 Потомъ далекій громъ—то выстрѣлы облавы.
 Тутъ духъ онъ перевелъ, а рогъ держалъ; казалось,
 Что онъ игралъ, но нѣтъ: то эхо разыгралось.

Вновь затрубилъ, и рогъ какъ будто-бы мѣнялъ
 Въ устахъ его свой видъ: длиннѣлъ онъ и тончалъ.
 То умягчая звукъ, то сязнова грубѣя,
 Какъ голоса звѣрей. Порой, что волчья шея
 Протянутая, выль, пронзительно стена;
 Порой, медвѣжью пасть тобою замѣня,
 Ревѣлъ на цѣлый лѣсъ; и вотъ мычанье лося
 Съ рыканьемъ зубровымъ по вѣтру донеслося.
 Тутъ духъ онъ перевелъ, и рогъ держалъ; казалось
 Что онъ игралъ, но нѣтъ: то эхо разыгралось,
 И рога чудную игру, за звукомъ звукъ,

*) Кличка мордашекъ.

Передавалъ сполна дубъ—дубу, буку—букъ.
 Трубитьъ опять, и всѣмъ почудилось, что въ рогѣ
 Звучало сто роговъ, и полонъ лѣсъ тревоги:
 Слились въ одно и крикъ, и лай, и ревъ, пока
 Побѣднымъ гимномъ рогъ не грянулъ въ облака.
 Духъ войскій перевелъ, а рогъ держалъ; казалось
 Что онъ игралъ, но нѣтъ: то эхо разыгралось.
 Что дерево—то рогъ; проснулся старый боръ;
 Перекликается съ зеленымъ хоромъ хоръ;
 И чище каждый разъ гармонія лѣсная
 И льется все нѣжнѣй, дрожа и замирая,
 И вотъ послѣдній звукъ, очаровавшій лѣсъ,
 Стихъ гдѣ-то—тамъ, вдали, на паперти небесъ.

Тутъ войскій опустилъ свой рогъ, рознявши руки,
 И закачался рогъ на поясѣ; но звуки.
 Стихавшіе вдали, ловилъ еще старикъ,
 И вдохновеніемъ горѣлъ румяный ликъ...
 А между-тѣмъ вокругъ, дробясь тысячекратно,
 Гремѣли по лѣсу побѣдные *виваты*.

Но скоро смокло все, и всѣ сошлись глядѣть
 На тушу свѣжую медвѣдя... А медвѣдь
 Лежалъ въ крови: насквозь весь пулями прошитый
 И въ сѣть густой травы косматой грудью вбитый,
 Концы переднихъ лапъ закинувши крестомъ;
 Еще дышалъ, и кровь лилась еще ручьемъ
 Изъ храпа, но башки поднять ужь не былъ въ силѣ:
 Мордашки съ двухъ сторонъ повисли и душили.

Затѣмъ, по войскаго приказу, рычагомъ
 Псамъ пасти розняли; прикладами потомъ
 Медвѣдя подняли и навзничъ положили
 И вновь три раза лѣсъ *виваты* огласили.

«А что? Ружьишко-то поставить на своемъ!»
 Ассессоръ закричалъ, вертя своимъ ружьемъ:
 «А что ружьишко-то? Хоть птичка не величка,
 «Да ноготокъ востеръ... конечно и привычка.
 «Заряду на вѣтеръ не тратило оно—
 «Не даромъ мнѣ самимъ Сангушко дарено...»

И показалъ ружье: работа просто диво—
 Не велико, а какъ приметно и красиво!
 —Я за медвѣдемъ такъ и рвусь-себѣ впередъ,
 Регентъ заговорилъ со лба стирая потъ:
 —Вотъ—такъ и рвусь, а тутъ панъ войскій мнѣ мѣшаетъ,
 Кричить: «на мѣстѣ стой... А мишка удираетъ...
 Чего тутъ ждать? Ну, нѣтъ! я думаю: «постой!»
 И баць... А онъ—кувыркъ, да о-земь головой!
 Ну, правда, что ружье—какъ есть, Сагаласовка!
 И подпись: *Sagalas, London, Balabanovka.*
 (Онъ тамъ и проживаль;—хоть польскій мастеръ былъ.
 Но англійскій манерь въ отдѣлкѣ полюбилъ).

Ассессоръ фыркнулъ:—«Что! Уже-ли, панъ, не бредя,
 Увѣрить хочеть насъ, что онъ убилъ медвѣдя?»
 —Послушай-ка, регентъ отвѣтилъ:—здѣсь не судъ:
 Здѣсь—всѣ свидѣтели, и дѣло разберуть.»

И завели-жь стрѣлки споръ съ этого момента,
 Тѣ за ассессора стоять, тѣ—за регента;
 А о Гервазіѣ никто не поминалъ:
 Имъ было не видать—кто спереди стрѣлялъ.
 Панъ войскій началъ рѣчь:—«Теперь—вотъ есть причина:
 Тутъ не какой-нибудь косою лайдакъ-зайчина,
 А тутъ медвѣдь—не жаль шляхетскій дать отвѣтъ—
 Споръ сабля разрѣшить, а то и пистолетъ...
 Васъ трудно разсудить, и старымъ обычаемъ
 На поединокъ васъ мы всѣ благословляемъ.
 Припоминаю я теперь, что въ оны дни
 Знавалъ двухъ шляхтичей; сосѣдами они
 Считались по домамъ—дѣлила ихъ Вилейка;
 Одинъ-то шляхтичъ былъ по прозвищу Домейко,
 Другой—Довейко. Вотъ пришлось имъ вмѣстѣ быть
 Въ облавѣ и вдвоемъ медвѣдицу убить.
 Ну, какъ тутъ умирить шляхетскую натуру?
 Стрѣляться! да вѣдь какъ?—черезъ медвѣжью шкуру,
 Стволъ въ стволъ! Вотъ молодцы! вотъ—шляхтичи по мнѣ!
 Я секундантомъ былъ на чьей-то сторонѣ:
 Какъ было, расскажу... Одна изъ тѣхъ оказій...»

Но рѣчь его и споръ вдругъ прекратилъ Гервазій.
 Медвѣдя оглядѣвъ внимательно кругомъ,
 Онъ пасть ему въ длину разрѣзалъ тесакомъ,
 И тамъ, гдѣ сходится затылокъ съ головою,
 Онъ пулю отыскалъ, отеръ ее полою,
 Сличилъ съ патронами, примѣрилъ къ ней ружье,
 И на ладони сталъ показывать ее.

«Паны!» такъ началъ онъ: «оставьте споръ и толки?
 Вотъ пуля—и она, изъ старой одностволки
 Горешковской, врага свалила въ мигъ одинъ...»
 Онъ показалъ стрѣлкамъ негодный карабинъ;
 Къ стволу привязано снурками было ложе...
 «Однако-же не я стрѣлялъ: помилуй Боже!
 И вспомнишь, такъ опять стемнѣтъ все въ глазахъ:
 Медвѣдъ у паничей почти-что на плечахъ
 И графу черепъ снять пытается съ навалки—
 Послѣдному въ роду Горешковъ... хоть по прылѣ! *).
 Дрожалъ я, словно листъ, я всѣхъ святыхъ молилъ,
 Чтобъ Господь меня въ конецъ не погубилъ—
 И божьи ангелы мнѣ Робака послали.
 Онъ выхватилъ ружье—прицѣлился едва-ли —
 И выстрѣлилъ... Теперь замѣйте: сто шаговъ;
 Стрѣлялъ онъ на бѣгу, промежду двухъ головъ;
 И прямо въ пасть попалъ и зубы вышибъ звѣрю!..
 Признаться, и теперь глазамъ своимъ не вѣрю!..
 Паны, хоть я живу давненько, но пока
 Знавалъ лишь одного подобнаго стрѣлка,
 Того, кто былъ всегда героемъ поединка,
 Отстрѣливалъ каблукъ у дамскаго ботинка,
 Того разбойника, злодѣя, палача,
 По прозвищу—забылъ, а *vilgo* «Усача».
 Но для него ужъ нѣтъ охоты иль игрища:
 Горить теперь въ аду по самыя усища...
 Честь ксендзу и хвала! двѣ жизни спасъ онъ разомъ,
 А можетъ-быть—и три... Ни лаской, ни приказомъ

*) Геральдическое выраженіе «по мечу» употребляется, когда идетъ рѣчь о мужской линіи какого-нибудь рода; а «по прылѣ», или «по кудели», когда говорится о линіи женской.

Меня не подобеть на похвалбу никто;
 Но—нечего таить: погибни графъ мой, то...
 Медвѣдь-бы перегрызъ Гервасіевы кости.
 Пойдемъ-ка, выпьемъ, ксеендзъ, здоровье его мости!»

Но ксеендза не нашли; а кто-то объяснилъ,
 Что ксеендзъ къ Тадеушу и къ графу подскочилъ,
 Когда медвѣдь упалъ на вылазѣ дубровы;
 Но, вида, что они и цѣлы и здоровы,
 Взоръ поднялъ къ небесамъ, молитву прошепталъ
 И—словно-бы за нимъ гнались—побѣжалъ.

1859.

IX.

КЪ **

I.

На жизненномъ пути различные судьбой—
 Какъ въ морѣ двѣ ладья, мы встрѣтились съ тобой!

II.

Твоя, ласкаема покорными волнами,
 Извѣстной глубиной увѣренно плыветь,
 И съ флагомъ боевымъ, съ крутыми парусами
 Къ надежной пустыни свершаетъ свой полетъ!

III.

Моя жъ, опалена небесными грозами,
 Безъ веселья и руля, средь незнакомыхъ водъ,
 Съ клочками паруса, съ избитыми бортами,
 Черезъ рифы и бурунь летить въ водоворотъ!

IV.

Разстанемся—прости! Увидимся ль съ тобою?...
 Мнѣ—не догнать тебя; ты не пойдешь за мною!

КОНДРАТОВИЧЪ.

(Сырокомля.)

I.

ГОРСТЬ ПШЕНА.

1

Старый Щепанъ—онъ отъ вѣка
 Войтомъ *) былъ,—и то сказать,
 Что такого человѣка
 И со свѣчкой не сыскать.
 Голова! Душа прямая!
 Такъ стоялъ онъ за народъ,
 Что—прийди бѣда лихая —
 Какъ рукою отведеть.
 Было то чудно въ Щепанѣ,
 Что и панъ его любилъ,
 Да любили и міряне:
 Вотъ какъ всѣмъ онъ угодилъ.
 И подъ старость, и во младость
 Былъ имъ призрѣнъ человѣкъ...
 Только... старость-то не радость:
 Отжилъ дѣдушка свой вѣкъ.
 О силенкѣ нѣтъ и рѣчи:
 Ужъ безъ палки никуда;
 Глазъ потухъ; опали плечи;
 Побѣлѣла борода.
 Созвалъ мѣрь: „Прощайте дѣти!
 Пожилъ я на бѣломъ свѣтѣ,
 На покой пора костямъ.
 И не войтъ теперь я вамъ:
 Вамъ моложе войта надо.“
 Тутъ какъ крикнетъ вся громада **):

*) Войтъ—староста.

**) Громада—мірская сходка.

„Ой, пришла бѣда-бѣдой!
 Дѣдъ, помилуй, Богъ съ тобой:
 Изъ чего ты насъ морочишь?
 Словно пагубы намъ хочешь!
 Словно нашей худобѣ
 Быть радѣльцемъ не тебѣ!
 Нѣтъ, ужъ если Бога сами
 Чѣмъ нибудь не прогнѣвимъ,
 Такъ и знай: пока ты съ нами,
 Новыхъ войтовъ не хотимъ!“
 Дѣдъ и мѣръ—въ переговоры,
 Въ споры, въ ссоры, въ перекоры, —
 Доведи, какъ дали пить:
 Дѣду войтомъ быть и быть.
 Да на тонкомъ волосочкѣ
 Жизнь виситъ у старика:
 Даль совѣтъ имъ—безъ отсрочки
 Выбрать, загодя—пока,
 Подставного войта, чтобы
 Не накликать послѣ ссоръ,
 Брани, зависти и злобы:
 Отъ людей несешь покоръ,
 Да и Господа такое
 Несогласье прогнѣвить.
 «Ладно! слово золотое
 Молвиль Щепанъ!» мѣръ кричитъ
 «Выбрать войта! Для почина
 Недалеко и искать:
 У Щепана-же три сына;
 Парни—нечего сказать—
 Дѣло знаютъ: всѣ три брата —
 Молодецъ на молодцѣ.
 Пусть одинъ изъ нихъ, ребята,
 Будетъ войтомъ по отцѣ..
 Да который?..» Вотъ и горе!
 Стало дѣло тутъ на спорѣ:
 Каждый ровно говоритъ,
 А на рознь вѣдъ нѣтъ закона —
 Кто Григорія кричитъ,

Кто Василья, кто Шимона.
 Видить дѣдь: «Ахти—бѣда!
 Не пошла бы потасовка...
 Тутъ сноровка, да сноровка...»
 Чубъ погладилъ: «Господа!»
 Перекрикнулъ всю громаду:
 «Сами знаете вы, чай,
 Что у насъ въ селѣ сподряду
 Войта къ войту подбирай...
 Ну, а что мои ребята
 Вамъ какъ-будто и рука —
 Ваша милость!... Да тропа-то
 Вѣдь до войта не близка...
 Прежде, чѣмъ служить приспѣть
 Войту новому пора,
 Пусть покажетъ, коль сѹмѣеть,—
 Что намъ сдѣлаетъ добра?
 Да и время наступаеъ
 Больно гожее притомъ:
 Панъ Григорья посылаетъ
 Въ Королевецъ съ байдакомъ,
 А Василя-то кстати
 Шлетъ онъ въ Краковъ; Шимонъ въ хатѣ .
 Вотъ въ Украину бы... Ага!
 Пусть намъ соли предоставитъ —
 А въ мѣстечкѣ дорога.
 Знаю—каждый дѣло справить
 Въ томъ ужъ Божья благодать.
 Но который въ Пруссакъ, въ Польшѣ,
 Аль въ Украинѣ сможетъ больше
 Намъ прибытку догадать —
 Тотъ и войтъ... Объ эту пору,
 Черезъ годъ, мои друзья —
 Буду живъ авось и я—
 Войта выберемъ безъ спору...»

 И громада вся молчить:
 Стариково слово свято...
 Съ Богомъ, войтовы ребята!
 Цѣлый миръ васъ сторожить.

2.

Новый годъ ужь у подворій
 Стукъ въ ворота... Въ байдакѣ
 Съ Королевца, по рѣкѣ,
 Править старшій сынъ, Григорій.
 Миръ на дворъ къ отцу валить;
 Старый тотчасъ—меду, пива...
 И Григорій говоритъ
 Про три чуда, про три дива.
 «Какъ у нѣмцевъ быть хорошъ,
 «Какъ палаты ихъ прибраны!
 «А что шапки и кафтаны—
 «Лучше въ свѣтѣ не найдешь!
 «Какъ посмотришь на сермяги:
 «Экой крой-то! какъ сидитъ!
 «Эхъ! кафтаны хоть изъ свить
 «Понашили-бъ мы, бѣдняги!
 «А соломенный колпакъ—
 «Псмотрътъ—уборъ холопа...
 Вотъ у нѣмцевъ ужь не такъ:
 «Сразу видно, что Европа!»
 Старика и не слышать:
 Въ комелькѣ золу сгребаетъ,
 Да тихонько повторяетъ:
 «Парню войтомъ не бывать!»

3.

Изъ подъ Кракова, за братомъ,
 И Василій слѣдомъ въ домъ:
 Подлетѣлъ такимъ-то хватомъ
 Что весь миръ—молчокъ-молчкомъ...
 «Вотъ-ужь въ Краковѣ гуляка,
 «Вотъ-ужь пѣсенникъ народъ!
 «Ну и пѣсни! Краковьяка
 «Всякій хлопецъ пропоеть!
 «А у насъ-то стонеть, стонеть
 «Наша пѣсня—просто дичь:

«Слєвно мертваго хоронить
 «Да въ дубравѣ будить кличь.
 «Такъ-то братцы! Что пригоды
 «Въ старыхъ пѣсняхъ? Скажемъ такъ:
 «То-ли дѣло краковякъ?
 «Ужь одно, что хороводы!...»
 Старика и не слыхать;
 Въ комелькѣ золу сгребаеть,
 Да тихонько повторяеть:
 «Парню войтомъ не бывать!»

4.

Вотъ и Шимонъ вслѣдъ за ними
 Изъ Украйны прикатилъ.
 Все такой-же какъ и былъ,
 И какъ счастливъ со своими!
 «Хороша у нихъ земля»,
 Говорить: «озера, крѣпи *),
 «Все-то степи, все-то степи,
 «Неоглядныя поля...
 «Да чужому-то несносны:
 «И во снѣ-то видишь ты
 «Все свои густыя сосны.
 «Холмы, рѣки и кусты.
 «Просто молвить: на Украйнѣ
 «Сыпь мнѣ золото горой,—
 «Тосковать я буду втайнѣ
 «По деревнѣ по роднѣй!
 «Ну, чего тамъ много—хлѣба!
 «Рожь, что мелкій лѣсъ, часта...
 «А пшеница смотреть въ небо;
 «Колосъ—толще вотъ кнута.
 «Вижу: дѣло-то пригоже—
 «И насыпь себѣ мѣшокъ:
 «Попытаемъ—можетъ, тоже
 «Намъ и выдастся годокъ—

*) Маленькія плотины.

«На украинскую мѣру...
 «Для почина и примѣру,
 «Я, сосѣдушки, всѣмъ вамъ
 «Верхомъ по-горсти роздамъ...»
 Старый слушалъ и, сначала
 Весь въ раздумьи погружень,
 Не сказалъ ни слова онъ;
 Но скользнула—пробѣжала
 Мысль по вѣщему челу:
 «Сынъ мой Шимонъ—по селу!»

5.

Всталъ старикъ, прослушавъ сына,
 Говорить: «Глупцовъ учить,
 Что покойниковъ лечить!
 Тотъ, кто хочеть славянина
 По нѣмецки нарядить;
 Кто людей считаетъ тряпкой;
 Кто не съ сердцемъ ихъ знакомъ
 А съ поярковою шапкой,
 Да съ соломеннымъ шлыкомъ,—
 Тотъ и вѣкъ свой промытарить
 Чужеземцемъ на пролетъ,
 Чужеземцемъ и умереть...
 Лѣтомъ зной его изжарить,
 Дождикъ осенью пробьетъ.
 Тотъ еще глупѣй родился,
 Кто мечтаетъ, что счастливъ,
 Если только обучился
 Чуждой пѣснѣ съ чуждыхъ нихъ.
 Кто безъ слезъ и безъ усилий
 Молвить родинѣ: «прости!...»
 И Григорій, и Василий—
 Въ нихъ обоихъ нѣтъ пути...
 Но... кто родиною грезить.
 Для кого свята она,
 Кто изъ чужи въ даръ привозить
 Землякамъ хоть горсть пшена,
 Кто въ чужбинѣ покоенъ,

Кто бѣжитъ отъ суеты,
Тотъ и войтомъ быть достоинъ:
Будешь войтомъ, Шимонъ, ты!»

И громада рѣчи рада;—
Всѣ пшеницей заняты
И кричать всѣ до упада:
«Будешь войтомъ, Шимонъ, ты?»
1858.

П.

ПАНЪ МАРЕКЪ ВЪ АДУ.

ШЛЯХЕТСКАЯ ПРИТЧА.

1.

Пане Якубе! Сапоніса нога *):
Значить, что надобно выпить безъ спора...
Намъ вѣдь съ тобой не знакомиться стать:
Вмѣстѣ и радость и горе дѣлили,
Медь вмѣстѣ пили и кровь вмѣстѣ лили,
Что съѣли соли—не вдругъ сосчитать,
А ужъ по свѣту шатались-шатались
Вмѣстѣ съ полкомъ, словно Марекъ въ аду—
Стало, написано намъ на роду,
Чтобъ и подъ старость за кубкомъ братались.
Пей-ка!.. Я притчу про Марка скажу.

2.

Марекъ тотъ,—чести твоей доложу—
Былъ неизвѣстно какое отродье...
Какъ прозывали его благородье,
Что былъ за гербъ у него и печать—
Темное дѣло; а свѣтъ поболтать
Всякую-всячину любить охотно...
Только изъ шляхтичей былъ онъ отметной:

*) Выраженіе, соответствующее нашему — *адмиральскій часъ*.

Знатному дому былъ какъ-то сродни,
 Знаешь—по самой по линіи жалкой,
 То есть, не-то-чтобы саблей, а прялкой...
 Ну, а тщеславенъ былъ пуще вельможъ —
 Мелкую шляхту не ставилъ и въ грошъ:
 За версту дворъ объѣзжаетъ сосѣдній,
 И не нахвалится панской передней.
 вмѣсто того, чтобъ съ дѣтьми и женой
 Борщъ похлебать со свиной, да слѣдомъ
 Вспѣнить стопу себѣ брагой хмѣльной,
 Марекъ вздыхаетъ по панскимъ обѣдамъ,
 Старую спину сгибаетъ дугой —
 Только-бъ пригубить токая отстой.
 Въ стертомъ кунтушѣ, при ржавой сабленкѣ,
 Къ замку отъ замка труситъ на кляченкѣ:
 Здѣсь свадьбу празднуетъ панъ-кастелянъ,
 Тамъ—имянинникъ самъ панъ воевода...
 Разнемогись кто изъ сродичей,—анъ
 Марку заѣхать къ нему не свобода,
 Неудосужится просто никакъ:
 Къ старостѣ ѣздить и лечить собакъ;
 Гнетъ да и гнетъ въ три погибели шею,
 Панамъ вельможнымъ читаетъ рацею —
 Кто былъ ихъ прашуръ, и прадѣдъ и дѣдъ,
 Какъ онъ слуга имъ и вѣрный клевереть;
 Падаеть до-ногъ... А паны все паны—
 Стѣнъ не жалѣють для шляхетскихъ плечъ:
 «Пусть-моль потрутъ наздоровье жупаны.»
 Вотъ за обѣдомъ иная ужъ рѣчь:
 Сядь, гдѣ подальше отъ пана, пріятель,
 Ёшь и насмѣшки глотай въ свой чередъ,
 Какъ подобаетъ,—на то прихлебатель!
 Что-жь? передъ сеймомъ панъ руку пожметъ,
 Да и на сеймѣ тебя уважаетъ:
 Лобъ за себя раскроить позволяеть—
 А раскроилъ, такъ смотри ни-гу-гу!
 Пана Якубе! Что-жь, скажешь, я лгу?

3.

Молвить по совѣсти, всѣмъ намъ, ей Богу,
 По-сердцу панскій кусокъ даровой;
 Больше-ли, меньше-ли, всѣ понемногу
 Рады мы гнуться надъ панской сохой.
 Только панъ Марекъ, предъ ясновельможьемъ
 Шляхты не числилъ твореніемъ Божьимъ,
 Развѣ въ харчевнѣ, когда сгоряча
 Станетъ высчитывать знатные дома:
 Все то сенаторы, все то знакомы...
 Что-жь, что дырява на немъ епанча!
 Всѣ съ нимъ, вотъ всѣ-то съ нимъ за панибрата,
 Словно и самъ онъ рожденъ для сената
 И для него тамъ и кресла стоять.
 Ну, проживаль Марекъ все до полушки,
 Чествуя пановъ въ плохой деревушкѣ—
 Да вѣдь и какъ же, бѣдняжка, былъ радъ.
 Если съѣдали запасы поварни
 Панскіе слуги и панскія псарни!
 А заѣзжай къ нему шляхтичъ, свой братъ,
 Жалко поподчивать ковенскимъ медомъ.
 Вотъ если паны,—токай и токай—
 Прямо изъ Венгріи намъ подавай!
 Такъ-то онъ годъ разорялся за годомъ...
 Свѣтчъ восковыхъ онъ для пановъ изжегъ
 Словно въ костелѣ какомъ—о каминѣ
 Не было даже у Марка въ поминѣ:
 Стыдно при панахъ топить камелекъ!
 Ну, а на глупый мой разумъ, такъ въ печкѣ
 Больше угрѣвы и свѣта, чѣмъ въ свѣчкѣ.
 Какъ затрепцать, загуторять дрова,
 Кругомъ съ веселья поидеть голова.
 Если-же съ трескомъ и хрустомъ березы
 Искорки сыплются, словно фонтанъ,
 Если имъ вторить шляхетскій стаканъ—
 Все тутъ: и пѣсни, и сказки, и грезы...
 Кажется, лучше и нѣту житья!
 Пане Якубе! Не правда-ль моя?

4.

Правда? такъ хлопнемъ еще разъ по чаркѣ!
 Я бишь о чемъ говорилъ-то?.. О Маркѣ...
 Такъ-то вотъ, съ дуру, онъ брезгаль шляхтой;
 Панама былъ вѣрнымъ, покорнымъ слугой;
 Сабля, спины и мошны не жалѣя,
 Влѣзь и въ долги.. это все ничего-бъ,
 Да одолѣла болѣзнь чудодѣя —
 Померъ и чинно уложенъ былъ въ гробъ.
Здѣсь не заплакалъ никто надъ покойнымъ,
Тамъ угодилъ онъ прямехонько въ адъ,
 Или, какъ пишется слогомъ пристойнымъ,
 «Во елисейскій вступи вертоградъ».
 Умеръ бы тамъ онъ въ другой разъ съ боязни,
 Если бы могъ... Страшно!.. пламя горить...
 Танталъ съ Сизифомъ и казнь Данаидъ...
 Да дуракамъ не придумано казни:
 Марка толкнули куда-то... Глядитъ—
 Видитъ онъ: срублена крѣпко ограда
 Вкругъ да и около знатнаго сада;
 Садъ десятинь эдакъ на сто разбить...
 Роши, лужайки, зеленяя сѣни—
 Все есть... И бродятъ безплотныя тѣни
 Цѣлый громадой и тамъ вонь, и тамъ,
 По благовоннымъ, цвѣтистымъ лугамъ.
 Встрѣтятся,—если знакомы, подходятъ,
 Машать рукой, разговоры заводятъ...
 Думаетъ Марекъ:—«Эге! и въ аду
 Можно бесѣду вести со своими:
 Семка я пановъ знакомыхъ найду,
 Да и сдружуся попрежнему съ ними,
 Нечего долго раздумывать... Ба!
 Вотъ на меня прямо катить гурьба!
 Видно по минѣ,—не то—по чупринѣ,
 Что за орлы и какого пера:
 Все воеводы, да все канцлера,

Гетманы... Чинъ такъ и ѣдетъ на чинѣ...
 Что же? Мы въ грязь не ударимъ лицомъ!..
 Чу! говорятъ... Да и голосъ знакомъ...
 Венденьскій староста!.. *Дяло-то знамо...*
 Думаетъ Марекъ и къ старостѣ прямо:
 «Ясновельможному пану челомъ!»
 И по давнишнему рукъ своихъ тѣни
 Вытянулъ, старостѣ тронулъ колѣни;
 Да не отвѣтила тѣнь на поклонъ:
 Староста только отхаркнулъ вельможю
 И отошелъ—будто онъ—да не онъ,
 Будто-бы съ Маркомъ и знаться не можно.
 «Староста нынче не въ духѣ.. Ну, что жъ!
 Панъ-кастелланъ завсегда былъ хорошъ».
 Думаетъ Марекъ—и маршъ къ кастеллану:
 «Падаю въ ноги вельможному пану!»
 Только звать Марку тогда не везло:
 Какъ ни вытягивалъ рукъ своихъ тѣни,
 Какъ кастеллану ни трогалъ колѣни,
 Тотъ отвернулся, нахмуривъ чело.
 Марекъ мой далѣе по саду править:
 То воеводѣ отвѣситъ поклонъ,
 То передъ гетманомъ чувства заявить,
 То передъ канцлеромъ вертится онъ...
 Руки себѣ изломалъ, да напрасно:
 Съ нимъ не хотять разговаривать—ясно!..
 А межъ собою собираются въ кругъ:
Simili gaudent—и хохотъ и шутка—
 Свой своему поневолѣ ужъ другъ!
 Панае Якубе! Правѣ прибаутка?

5.

Марекъ въ отчаяннѣ... Правду сказать:
 Если захочешъ языкъ почесать,
 Да если не съ кѣмъ, такъ истая мука...
 Ну! Марекъ думаетъ, дурню наука:
 Къ панамъ таперъ ужъ меня не сманить!

Вонъ собирается тамъ, подь оливой,
 Сеймикъ шляхетскій... какой говорливый!
 Шумный какой!.. И въ костель не ходить,
 Если сейчасъ не начнутъ они биться
 И, съ первой кровью, за кубкомъ мириться!..
 Къ шляхтичамъ Марекъ! къ своимъ поскорѣй!
 Чашникъ съ хорунжимъ давно замуѣли;
 Вызвалъ квартирмистра панъ казначей
 И засверкали у нихъ карабелы... *)
 Регентъ—должно быть, царапнули разъ—
 Вопить: «прошу успокоиться васъ!»
 Вотъ и панъ мечникъ на встрѣчу шагаетъ.
 «Пану челомъ!» Марекъ мой возглашаетъ;
 Но меченосецъ—съ чего онъ такъ золь?—
 Усь закрутилъ попригладилъ чуприну,
 Брови нахмурилъ и прочь отошелъ.
 Видно, что на-сердцѣ носить кручину!»
 Марекъ подумалъ. Къ другимъ подойду.
 «Ротмистръ! Какъ можетъ, панъ досточтимой!»
 Ротмистръ ворчитъ себѣ подь носъ—и мимо.
 Марекъ все дальше, но всѣ, на бѣду,
 Шляхтича или едва примѣчаютъ,
 Или не слышать, иль просто не знаютъ.
 Руку протянетъ—руки не возьмутъ
 И отвернутся.. Поди-же ты тутъ!
 Марекъ съ отчаянья бухъ на колѣни:
 «Милые шляхтичи! милыя тѣни!»
 Молить онъ: «сжальтесь-же вы надо мной!
 Не обращайтесь со мной такъ сурово:
 Молвите брату единое слово!»
 Тѣни качаютъ въ отвѣтъ головой,
 Да ударяютъ по саблѣ рукой.
 Такъ ему платять—и вѣрная плата:
 Если гордецъ убѣгаетъ отъ брата,
 Всѣ гордеца отъ себя оттолкнуть.
 Пане Якубе! По правдѣ-ли судъ?

*) Сабли съ рукояткой, осыпанной драгоценными каменьями.

6.

«Лихо-бы было всёмъ шляхтичамъ-панамъ—
 На-зло гербовымъ—пристану къ селянамъ!»
 Крикнулъ панъ Марекъ съ досады и зла:
 Видно тоска ужь его проняла!
 Смотришь: по близости цѣлой толпою,
 У ручейка поселяне сидятъ,
 Дымъ изъ коротенькихъ трубокъ пускаютъ
 И головою въ раздумьѣ качаютъ:
 «Что-то, сосѣдушки, тамъ?» говорятъ:
 «Какъ-то живется родимымъ ребятамъ?
 Мы помирали—былъ холодъ по хаткамъ,
 Да и земля-то какая—песокъ!..
 А на святого Мартына--оброкъ
 И поземельныя подати тоже...
 Чѣмъ они выplatятъ, Господи Боже!»
 Такъ говорили въ смиреніи душъ
 Бѣдные люди, когда уже близко
 Былъ отъ нихъ Марекъ: завидя кунтушъ,
 Съ мѣста громада поднялся, низко
 Ясному пану поклонъ отдала,
 И разбѣжалася—вся, какъ была.
 Все отъ того, понимаешь-ли пане,
 Что недовѣрчивы къ шляхтѣ крестьяне,
 Знаютъ они съ незапамятныхъ лѣтъ—
 Что до любви ихъ и дѣла намъ нѣтъ,
 А потому вся ихъ жизнь — лицемѣрье:
 Надо любовью купить ихъ довѣрье,
 А за холодность — холодность въ отвѣтъ.
 Пане Якубе! Что, такъ, али нѣтъ?

7.

Заскрежеталъ-же панъ Марекъ зубами,
 Мѣрять онъ адскую область шагами:
 То отъ крестьянской толпы по пятамъ
 Гонится вслѣдъ онъ вельможнымъ панамъ,
 То, не польщенный бесѣдою панской,

Мчится опять за ватагой крестьянской,
 Если-жь толпа отъ него убѣжить,
 Шляхтичамъ кланяться бѣдный спѣшитъ;
 Шляхтой отверженный и мужиками,
 Снова торопится онъ за панами,
 Такъ-то по аду панъ Марекъ снуеть,
 Такъ-то за годомъ смѣняется годъ:
 Всѣ-то бесѣдой вольны забавляться —
 Онъ осужденъ одиноко скитаться;
 Всякой, кто хочеть, его осмѣеть,
 А не признаеть, руки не пожметъ;
 Братья его не считаютъ за брата.
 Пане Якубе! По дѣлу отплата?

8.

Божьею волей, воспрянувъ отъ сна,
 Но неземного полна обаянья,
 Марка загробную казнь и страданья
 Видѣла разъ монастырка одна.
 Какъ преподобной сестрѣ подобало,
 Духовнику она все рассказала,
 Послѣ, за тайну, игуменья-мать
 Тоже сподобилась какъ-то узнать;
 Послѣ и прочія сестры узнали...
 Чудо! о *Маркѣ въ аду* заболтали —
 Мило-что въ городѣ — въ цѣломъ краю...
 (Что, еслибъ видѣли Марка въ раю?)
 Съ тѣхъ-то вотъ поръ и ведется присловье:
 Если я мѣста себѣ не найду, —
 «Мечется», скажутъ, «какъ Марекъ въ аду!»
 Людямъ смѣшно, ну такъ чтожь? — На здоровье!
 Да не смѣшно наказаніе снестъ:
 Выдержалъ Марекъ жестокія битвы...
 Много такихъ грѣховодниковъ есть!
 Еслибы отнялъ Господь у нихъ мечь!...
 Пане Якубе прочтемъ три молитвы.

4 ноября 1848.

III.

ИЛЛЮМИНАЦІЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПОДЪ ДОЖДЕМЪ.

1.

Стали осенніе ночи длиннѣе;
 Въ дрѣмѣ природа;
 На небѣ тучи чернѣй и чернѣе;
 Дождь — непогода!

Въ сумракѣ плачетъ бубеньчикъ почтовый
 Всю-то дорогу;
 Но отчего въ душѣ сумракъ суровый —
 Вѣдомо Богу!

Мечется по лѣсу вѣтеръ съ налета,
 Кружить на полѣ:
 Также и грустная мысль безъ отчета
 Кружить на волѣ.

О невозвратномъ въ душѣ зароились
 Смутныя грезы;
 Капли дожда по щекамъ покатались, —
 Или то — слезы?

Стыдно мнѣ плакать: рѣсницы закрыты,
 Все подо тьмою...
 Образъ далекій, былой, позабытый
 Всталъ передо мною...

2.

Было давно это... Такъ-же дождливо;
 Ночь, осень, слякоть,
 Только въ тѣ старыя годы мнѣ было
 Не о чѣмъ плакать,

Разъ на охоту друзей собралася
 Цѣлая лава;
 Я хоть стрѣлкомъ не бывалъ отродяся —
 Все-же забава.

Мигомъ собрался я вслѣдъ за ватагой;
 Въ чемъ была треба,
 Все вялъ съ собой: карандашъ мой съ бумагой,
 Трубку и хлѣба.

Весело было въ дорогу пуститься:
 Молоды были...
 Только до лѣсу — боюсь ошибиться —
 Двѣ иль три мили.

Ѣдемъ... А дождь такъ и льетъ, какъ изъ кадки;
 Все-то промокло...
 Плохо... Вдругъ видимъ у ловчаго въ хаткѣ
 Свѣтятся стекла.

Принялъ насъ, высушилъ все до рубашки:
 Подаль закуску;
 Только и самъ ужъ охотничьей фляжкѣ
 Не далъ онъ спуску.

Мать его къ намъ пододвинулась ближе,
 Разговорилась:
 Князь Карль, пиры его, замокъ въ Несвижѣ—
 Все не забылось.

Давняя пышность и давняя слава!
 Потерты лямки,
 Съ тѣхъ поръ, какъ князь короля Станислава
 Ждалъ въ своемъ замкѣ!

Новое время — о немъ не охота
 Старой калякать,
 А о быломъ рассказала, такъ кто-то
 Просто сталъ плакать.

Скромная повѣсть, да толко порою
 Сердце мнѣ точить...
 Я передалъ ее рѣчью простою...
 Слушай, кто хочеть.

«Такъ-то! Князь Карль!..Онъ вытаскивалъ сѣти
 Съ звонкой монетой:
 Вамъ не слыжать, не видать вамъ и трети
 Пышности этой.

Живы Ляховичъ, Шибецкій Василій,
 Съ старымъ Францискомъ:
 Пусть вамъ расскажутъ, какъ въ тѣ поры жили
 Въ замкѣ Несвижскомъ.

Что за припасы, за вина велися,
 Что за посуда!
 Если-же князь подъ хмѣлькомъ, такъ дивися —
 Чудо и чудо!

Да и вѣстимо: въ пирахъ и въ забавахъ
 Радость магнатамъ...
 Экъ имъ, что ходитъ въ лохмотьяхъ кровавыхъ
 Бѣдность по хатамъ!

4.

Помнится, годъ прожила я ужъ съ мужемъ...
 Болѣе даже...

Только и дѣло-бывало, что тужимъ,
 Да и нельзя-же.

Борешься, борешься съ нуждой упрямой —
 Нѣтъ съ ней управы...

Въ тѣ поры дворникомъ мужъ былъ у самой
 Слуцкой заставы.

Ну... Имянины на Карла святого
 Княземъ справлялись —

Третьяго что-ль ноября, аль второго...
 Гости съѣзжались.

Мужа куда-то отправили къ спѣху...
 Да, до Люблина...

Богъ безъ него и послалъ намъ утѣху —
 Перваго сына.

Крошка былъ вылить въ отца!.. Я съ поклономъ
 Къ свату—сосѣду:

И окрестили ребенка Антономъ
 Въ честь его дѣду.

Ахъ мой Антось.. Что другіе не жили—
 Богъ бы ужъ съ тѣми!
 Жалко его.. Чай и косточки сгнили
 Въ мать сырой земли!

Можетъ, и жилъ-бы и я-бъ не страдала,
 Да имянины..
 Осенью оспа къ ребенку пристала,
 Такъ, безъ причины.

Панъ понимаетъ: отъ оспы успѣшно
 Можно избавить.
 Только въ день Карла велятъ намъ поспѣшно
 Факелы справить...

Въ княжескомъ замкѣ огни запылали;
 Чернь, что есть мочи,
 Бросилась къ замку, за тѣмъ-что спускали
 Фейерверкъ къ ночи.

Такъ-то свѣтло вдругъ на улицѣ стало—
 Вотъ какъ: булавка—
 Кажется, даже и ту бы подняла..
 Въ городѣ давка!

Передъ домами столпы съ фонарями
 Въ землю вкопали;
 Дворники дружно прямыми рядами
 Ихъ зажигали.

Горе мяѣ, бѣдной! На грѣхъ я немного
 Позапоздала
 Столпъ освѣтить: все ребенка больного
 Тихо качала.

Мы на Подолѣ тогда проживали—
 Домъ былъ, какъ въ ямѣ,
 Вдругъ кто-то стукъ къ намъ въ окно! задрожали
 Стекла всѣ въ рамѣ...

На полъ упало одно, зазвенѣло..
 «Гэй, ротозѣи!
 Видно заспались? дворникъ, за дѣло!
 Свѣту живѣ!»

Что было дѣлать? какъ кинуть малютку!
 Плачетъ пригожій!
 Тутъ-то и входитъ, сердить не на шутку,
 Въ хату обхожій.

Выгналь... Я къ факелу. Сердце нѣмѣть
 Вмѣстѣ съ руками...
 Гляну въ окошко: дитя коченѣеть
 Передъ глазами.

Крикомъ кричить, почернѣло, что сажа...
 Всею душою
 Рвешься къ нему—ратушѣвая стража
 Ждетъ за спиною.

Стала огонь раздувать я—за даромъ:
 Вѣтеръ мѣшаеъ;
 Факелы около пышутъ пожаромъ—
 Мой угасаеъ.

Такъ и хохочутъ кругомъ надо мною—
 Смѣхъ имъ и шутка!..
 Факель зажгла я, а слезы рѣкою:
 Плачетъ малютка!

Вѣтеръ въ окошко на нѣжное тѣло
 Холодомъ дышетъ;
 Смерть къ колыбели за вѣтромъ слетѣла:
 Мать-ли не слышать!

А торопиться нельзя, не велѣли—
 Сторожъ такъ страшень...
 Къ полночи пушки, что громъ, загудѣли
 Съ замковыхъ башень!

Тамъ—веселится все такъ и пируетъ,
 Пѣсни такъ звонки...
 Здѣсь—раздуваетъ огонь и тоскуеъ
 Мать по ребенкѣ!

Бочки изъ замка для черни прислали:
 Вина, медъ старой;
 Кто поважнѣе, тѣхъ въ ратушѣ стали
 Подчивать чарой.

Вотъ закричали: «вивать на виватѣ,
 Князь благородный!»
 Я—къ колыбелькѣ, къ родному дитяти.
 Весь ужь холодный!

Утромъ нашъ князь провожалъ имянины;
 Чернь веселилась...
 Я на кладбище шла съ гробикомъ сына,
 Шла и молилась.

И не забыть мнѣ веселые звуки,
 Крики хмѣльные,
 Желтое личико, желтыя руки,
 Что восковья.

Умеръ... и словно бы такъ, безъ причины...
 Богу знать ближе...
 Знать, бывало, справлялъ имянины
 Князь нашъ въ Несвижѣ!...
 1859.

 IV.

Г Р У З И Н К Ъ .

Ты вся создана для любви, но кавказскія горы
 Пахнули морозомъ на сердце твое молодое,—
 И вотъ—перелился весь пламень изъ сердца во взоры,
 И вотъ—загорѣлись глаза твои южной звѣздой,
 И стало лицо твое горнаго снѣга бѣлье.
 И стала коса твоя ночи беззвѣздной чернѣ:
 Какъ геній Кавказа, ты блещешь красой неземною—
 Все дивно въ тебѣ, только сердце твое—ледяное.
 1857.

 V.

НЕВИННОЙ ДУШКЪ.

Что за радость биться съ долей?
 Даль Богъ сонъ—чего-же болѣй?
 Спи!.. я пѣсенку спю...

Вотъ постелька, вотъ подушка!
 Спи голубчикъ, спи-же, душка!
 Баю-баюшки-баю!

Миръ не спитъ,—хоть и зѣваетъ...
 Все куда-то поспѣшаетъ...
 А куда?.. на пользу чью?..
 На огонь летитъ, какъ мушка...
 Спи, голубчикъ, спи-же, душка!..
 Баю-баюшки-баю!

Спи! тебѣ приснятся грезы.
 Что и словъ нѣтъ: бѣдность, слезы—
 Нѣтъ ихъ, также-какъ въ раю!..
 Да и жизнь-то вся—игрушка...
 Спи, голубчикъ, спи-же, душка!..
 Баю-баюшки-баю!

9 мая 1858.

VI.

К О Р О Л Ь К И.

пѣсня.

Какъ пошоль я съ козаками,
 Ганна говорила:
 «За тебя я со слезами
 «Бога умолила:
 «Ты вернешься съ первой бытвы
 «Веселъ и здоровъ—
 «Привези жь мнѣ за молитвы
 «Нитку корольковъ!»

Богъ послалъ намъ атамана:
 Сразу мы разбили
 Впухъ и впрахъ все войско хана,
 Городъ полонили,
 Сбили крѣпкія ворота—
 Пиръ для козаковъ!
 У меня одна забота:
 Нитка корольковъ.

Вдругъ—сама въ глаза сверкнула—
 Знать, помочь Всевышній —
 И сама мнѣ въ горсть юркнула
 Алой, крупной вишней.
 Я добычу крѣпко стиснула—
 Да и былъ таковъ:
 Прямо къ Ганнѣ степью свиснулъ
 Съ ниткой корольковъ.

И не спрашивалъ я брода,
 Гати, или моста...
 Звонъ у нашего прихода;
 Людъ валить съ погоста --
 И кричить мнѣ вся громада
 Сотней голосовъ:
 «Ганна тамъ—и ей не надо
 «Нитки корольковъ!»

Сердце сжалось, замирая,
 Въ груди раздробленной,
 И упалъ съ коня, рыдая,
 Я передъ иконой
Встѣхъ скорбящихъ: о пощадѣ
 Я молилъ безъ словъ,
 И повѣсилъ на окладѣ
 Нитку корольковъ.
 9 января 1861.

 VII.

КРАКОВЕЦЪ ВЪ ЛИТВѢ.

Любо, вольно намъ, краковцамъ,
 Жить, не беспокоясь;
 Только надо-жь и литовцамъ
 Поклониться въ поясъ.

Хоть на Нѣмнѣ и Вилии
 Калачи чернѣ,
 Да сердца-то золотыя,
 Даи грудь сильнѣ.

Лѣто намъ дуга и нивы
 Снаряжаетъ братски;
 Наши молодцы игривы,
 Что соколъ карпатскій...

А литовцы дики, грубы,
 Словно лѣсъ дубовый;
 Ну, и борятся, какъ дубы,
 Со грозой суровой...

Краковянчкѣ-рѣзвущкѣ
 Пляшется, поется
 И смѣется, хохотушкѣ,
 Такъ вотъ—все смѣется;

А литвинка величавой
 Тихой рѣчью манить,—
 И кольнетъ стрѣлой лукавой
 Въ сердце, если взглянетъ.

Наша пѣсня—вся изъ смѣха,
 Вся изъ юркой мысли,
 А въ Литвѣ—плавнѣ эха
 И волны на Вислѣ.

Кто бывалъ въ Литвѣ, конечно
 Тотъ пойметъ—что значить,
 Если съ радости сердечно
 Человѣкъ заплачетъ.

1861.

VIII.

УКРАИНКѢ.

Когда молодая красotka Украйны,
 Съ румяными щечками, съ темной косой,
 Со всѣмъ обаяньемъ украинской тайны,
 Про дѣдовъ мнѣ пѣсню затынетъ порой,
 И, вѣя тоскою не признанной муки,
 Закаплуютъ мнѣ на душу свѣтлые звуки,
 Тогда... о, тогда я—мечтой и душой—

Въ бываломъ привольѣ Украины былой,
 И хочется быть мнѣ тогда гайдамакомъ,
 Съ булатною саблей, съ лихимъ аргамакомъ.
 Какъ было-бъ привольно и весело мнѣ
 Промчаться по степи до хаты-дымовки,
 На встрѣчныя ласки моея чернобровки,
 Въ вѣнкѣ изъ барвинокъ, въ простомъ полотнѣ:
 Баранью бы шапку на брови надвинулъ,
 За плечи стальное копье перекинулъ,
 И мой долгогривый, по теми лѣсной,
 Мелькаль-бы, какъ молнія въ тучѣ ночной;
 Слывала-бы съ плечъ моихъ черная бурка,
 А за поясъ заткнуты ножъ и бандурка,
 Бандурка для пѣсенъ дѣвчины моея.
 Туда-бы, въ Украину, въ затишьє степей,
 Бѣжалъ я отъ взгляда и шума людского,
 И тамъ допросился-бы вѣщаго слова
 У вѣчно-зеленыхъ, безбрежныхъ морей,
 Гдѣ вѣтеръ колышетъ вѣтвями бурьяна,
 Той пальмы Украины, что, съ шлема кургана,
 Вѣнчаетъ, какъ памятникъ присно-живой,
 Быть можетъ, могилы Мороза, Нечая,
 Могилы страдальцевъ обмершаго края,
 Могилы казачьей семьи удалой,
 Какъ памятникъ славы и вольности дикой
 И дикой поэзіи...

Но защемить

Мое ретивое тоскою великой,
 Когда моя греза, что дымъ, улетитъ,
 Когда многожданное слово: «воскресни!»
 Услышу въ преданіяхъ только и въ пѣснѣ...
 Видалъ я, какъ—пѣсней испуганы—въ высъ
 Срывалися соколы съ гнѣздъ и неслись,
 Вращая кругомъ изумленное око,
 И всѣ отлетали со стовомъ далеко...
 И понялъ я, понялъ тоскливый ихъ стонъ:
 Охъ, не съ кѣмъ-ужь больше помчаться въ обгонъ.
 Все минуло... только листочки калины
 Шумять по обломкамъ былой Украины.

IX.

ПРЕЖДЕ БЫЛО ЛУЧШЕ.

Нѣтъ! село у насъ стояло
 Краше въ старину!
 Да не быть порѣ бывалой:
 Что ни дѣвка—цвѣтиѣз алыѣ,
 Что ни паренѣ—ну!

Васѣ привелѣ Богѣ умудритѣся,
 А посмотришѣ—не споритѣся
 Ничего-то вамѣ:
 На лугу цвѣты—крапива;
 И чахоточная нива;
 И народѣ-то срамѣ!

Намѣ, бывало, не помѣха—
 Снѣгѣ и градѣ съ дождемѣ;
 Коль работаемѣ—утѣха,
 А гуляемѣ—такѣ застрѣха
 Ходитѣ ходенемѣ.

Нынче люди не такѣ:
 За работой—что больные,
 Съ чарки—подѣ столомѣ...
 А могучихѣ дѣдовѣ кости
 Почиваютѣ на погостѣ
 Вѣковѣчнымѣ сномѣ!

Кѣ нимѣ бреду въ морозѣ и слякоть:
 Выпить жбанѣ медку,
 По покойникамѣ поплакать
 И съ могилкой покалякать—
 Любо старику...

1861.

X.
КАПРАЛЪ ТЕРЕФѢРА
И
КАПИТАНЪ ШЕРПЕТЫНА.
СОЛДАТСКАЯ СКАЗКА.

I.

Хлѣбъ солдатскій—не пшеница...
А припомнишь, сердце стиснетъ:
Горько... что твоя горчица!
Ахъ слеза въ глазахъ повиснетъ
Панъ подумаетъ: такая
Наша молодость бывала,
Какъ теперь у васъ, шальная.
Что съ пелень старухой стала?
Нѣтъ! похоже, де не то-же:
Гдѣ въ васъ сила? гдѣ въ васъ вѣра?
Ахъ ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

II.

Вотъ теперь-то мы въ невзгодѣ,
Старики совѣтъ ослабли,
А въ двѣнадцатомъ-то годѣ.
Какъ пришла пора до сабли...
Эхъ!.. Вотъ видишь, панъ, петличку
Съ алой лентою?.. А нутка,
Какъ я эту взялъ отличку—
Поспроси, такъ скажешь: жутко!
Да! бывало намъ негоже:
Голодь, холодъ, лѣсъ—квартира..
Ахъ ты, Господи, мой Боже!
Ахъ ты, старче Терефера!

III.

Ну смоленская дорожка!..
Что ни шагъ, то перестрѣлки...
Въ ранцахъ хлѣба хоть бы крошка...

А ужъ гдѣ тутъ до горѣлки!
 Подъ усадебкой одною
 Дали роздыхъ... Чуть свѣтаеть...
 А казаки за спиною...
 А морозъ такъ и кусаетъ...
 Кресть зажгли съ могилы... Что же?
 Не могилы святы—вѣра!..
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

IV.

Всѣ къ огню: хсть у лучины,
 Да сгрѣть-бы только пальцы,
 Всѣ—гасконцы, и жмудины,
 И кракусы, и вестфальцы.
 Вотъ и вспыхнулъ кресть... Раздули...
 Хворостинокъ подложили,
 Не добромъ морозъ ругнули,
 Съ пѣсней трубки закурили...
 А иной легъ спать, да тоже
 Вѣдь и сну бываетъ мѣра...
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

V.

Легъ на снѣжной-то постели,
 Да вотъ встать—не всталъ понынѣ,
 Развѣ встанетъ, въ самоъ дѣлѣ,
 Въ юсафатовой долинѣ.
 Ну, бывало, палашами
 Мы и выроемъ могилу,
 И съ молитвой, со слезами,
 Сложимъ въ снѣгъ былую силу...
 Про другихъ болтать негоже,
 А нашъ полкъ крѣпила вѣра..
 Ахъ ты, Господи, мей Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

VI.

Да, нашъ полкъ былъ въ капитана:
 Что по битвѣ, что до битвы,
 Каждый день онъ, ранымъ-рано,
 Намъ велить читать молитвы,
 Если-жъ постъ когда настанеть,
 Nolens, volens *), а постися,
 Офицеръ его помянеть,
 А солдаты имъ клялися!..
 Человѣкъ былъ въ лѣтахъ тоже;
 Рѣчь по маслу, взгляду мѣра..
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

VII.

Хоть была похмура мина,
 Да живьемъ его изжарьте —
 Камень.... Звали Шерпетына *),
 Потому рубился arte **),
 Для солдатъ весь на распашку.
 Есть нужда, такъ всё къ нему же:
 Дастъ послѣднюю рубашку....
 Передъ фронтомъ—чорта хуже!
 Голосъ нешто трубы строже —
 Оглушить и офицера....
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

VIII.

Со Смоленска—примѣчаю —
 Старый сѣлъ на обѣ ноги:
 Можетъ, ранень по случаю,
 Можетъ, такъ усталъ съ дорога?
 Богъ же вѣдаетъ! Примѣрно
 Такъ былъ крѣпко вѣренъ роли.

*) По-русски: хопъ, не хопъ.

***) Шерпетына (польское szeregietyna—рубець, зазубрина, въ переносномъ значеніи.
 сабля

****) Собственно ислучно, по солдатски, ладно.

Что умри онъ съ боли — вѣрно
 Не узнали бы, что съ боли.
 По колѣна снѣгъ, а все же
 Претъ въ немъ лучше гренадера.....
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

IX.

Чуть мы были на-готовѣ,
 «Сняться!» крикнулъ онъ порядно:
 «На плечо!» Я вижу брови
 Такъ и сходятся.... Не ладно!...
 По шеренгамъ всѣхъ opravилъ.
 «Маршъ впередъ!» Такой-то бравый,
 Только смотримъ, анъ оставилъ
 На снѣгу онъ слѣдъ кровавый..
 И шатается онъ, тоже
 Словно весель, для примѣра....
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

X.

Вотъ и сѣлъ онъ на дорогу,
 Обвязалъ платочкомъ рану:
 Я и вышелъ на подмогу,
 Чѣмъ прійдется капитану.
 А старикъ какъ крикнетъ: «Что ты!
 На чужую кровь глазѣшь,
 Терефера! Маршъ до роты!»
 Тереферой, разумѣшь,
 По полку прозвали тоже
 Хоть меня бы, для примѣра?
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

XI.

Эко зелье было злое!
 Экой норовъ непреклонный!
 Всталъ съ земли бодрѣе вдвое,

Зашагалъ передъ колонной...—
 Ладно! думаемъ мы: сказки!
 Невтерпежъ ему, бахвалить...
 Кровь сочится сквозь повязки;
 Усталъ съ ногъ сѣдого валить...
 А шагаетъ... И вѣдь что же?
 Оху нѣтъ! ... Не та манера!...
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

ХП.

Ну, сломила мука хвата:
 Застоналъ—и брякъ, что плаха!...
 Подскочили тутъ ребята—
 Кто съ усердья, кто со страха,
 Цѣлый взводъ поднять собрался:
 Самъ не можетъ встать отъ боли.
 А обозъ-то нашъ остался
 Позади, въ Смоленскѣ, что-ли.
 Съ плечъ долой плащи мы: все же
 Хоть на нихъ снести командера....
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

ХШ.

Огрызнулся-жъ онъ тогда-то
 Такъ, что развѣ въ пору волку:
 —«Это что? изъ за меня-то
 Опоздать въ походѣ полку!
 Прочь! Я съ вами не попутчикъ;
 Я ужъ въ спискахъ стертый номеръ...
 Заготовьте, панъ поручикъ,
 Рапортчику, что я умеръ.
 Гробъ въ снѣгу не рыть, да тоже
 Не трубить!... Одна химера!...
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

XIV.

Павъ-поручикъ, что-жь? по чину
 Долженъ былъ его покинуть...
 «Нѣтъ же!» думаю: «хоть сгину,
 А ему не дамъ ужъ сгинуть!»
 Подхожу къ нему—не трушу....
 Говорю: «По вольной волѣ,
 Панъ, сгубить задумалъ душу,
 Али любви снѣгъ, да поле?»
 — «Коль идти не въ мочь, такъ что же?»
 — «Мы доставимъ командера...»
 Ахъ ты, Господи мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

XV.

— «Отойди ты прочь съ совѣтомъ,
 Не болтай мнѣ ничего ты!
 Мнѣ приказъ: проститься съ свѣтомъ!
 А тебѣ свои заботы;
 У тебя вонъ поослабли
 Рекрута, да и балуютъ:
 Ружья держать, словно грабли,
 И гляди какъ маршируютъ—
 Ни на что вѣдь не похоже!
 Гдѣ ровненье, ровность, мѣра?...»
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

XVI.

Говорить онъ: «Крѣпко ранень...
 Изшелъ въ конецъ я кровью...
 Какъ вернешься ты сохранень
 Къ намъ на родину, къ домовью,—
 Вѣдь село тебѣ извѣстно,
 Гдѣ живетъ моя родная,—
 Ты скажи ей: «умерь честно,
 Съ шеи крестъ сняль, умирая:

Да хранить тебя, а тоже
 Хату съ парой ульевъ, вѣра!>
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче, Терефера!

XVII.

Вся казна моя хранится
 Здѣсь въ лядункѣ: ты за душку
 За мою гдѣ прилучится,
 На поминъ церковный, въ кружку
 Опуститъ всѣ деньги... Надо
 И ребятамъ помолиться
 За меня... Прощай!... Отряда
 Не видать ужъ... А отбиться
 Отъ отряда не пригоже:
 Долгъ и честь солдату—вѣра!...>
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

XVIII.

— «Ладно, ладно, мошь! проходить
 Всѣмъ людямъ одна дорога,
 А куда она приводитъ?
 Ну, ужъ это въ руцѣхъ Бога!
 Я вотъ такъ смекаю: взять бы
 Капитана мнѣ на плечи,
 Да вдвоемъ и дошагать бы
 До больницы: не далече...
 А въ снѣгу-то для чего же
 Ночевать? Что за квартера?...>
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

XIX.

Обозлился лютымъ бѣсомъ;
 Искры сыплются отъ взгляда.
 — „Дурень! полкъ подъ самымъ лѣсомъ.
 Ты отстанешь отъ отряда. .

Договай живѣ!... Знаешь:
 За побѣгъ—арестъ и пули!»
 — «Ну, мерекаю, пугашь,
 А не хочешь чорта въ стулѣ?»
 Взялъ его на плечи... Что же?
 Какъ эхидна, для примѣра.
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

XX.

Рвется, бьется и бранится..
 --«Пусть же,» думаю: «знать нужно!..
 Только по снѣгу тащиться
 Было съ нимъ, ей-ей, притужно!
 Отдохнешь себѣ немножко,
 И впередъ, ажъ лобъ потѣветъ
 Мили съ три я той дорожкой
 Промололъ... Старикъ слабѣтъ,
 Жметъ мнѣ шею.. Да чего же?
 Вѣдь на все про все есть мѣра...
 Ахъ ты, Господи мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

XXI

Вслѣдъ за войскомъ кой-гдѣ тлѣютъ
 Огоньки; кой-гдѣ потухли;
 Трупы грудой коченѣютъ,
 Посинѣли и опухли;
 Кой-гдѣ видѣнь слѣдъ обоза...
 У меня сухарь остался,
 Подѣлились мы—съ мороза
 Мой старикъ проголодался;
 Пропустилъ горѣлки тоже;
 Молодцомъ сталь, для примѣра...
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера.

XXII.

Глядь, подъ вечеръ: насъ густая
 Туча войска накрываетъ;
 Знать, что конница какая...
 Шерпетына укоряетъ:
 — «Видишь, дурень, самъ на дѣлѣ,
 Какъ не слушаться приказу:
 То казаки налетѣли..
 Пропадешь задаромъ съ разу,
 Своевольникъ!... Для чего же
 Не послушалъ командера?»
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

XXIII

— «Жаль тебя!... Такія-ль лѣта,
 Чтобы пропасть со всей семьею?...
 Да, постой, не наши-ль это?
 Я-жъ справлюся съ тобою!»
 Вижу: валять еъ намъ рядами,
 Словно по степи бураны;
 Одалъ пушки; передами
 Мамелюки и уланы,
 Снѣгъ-что вихорь, воздухъ тоже
 Стономъ стонеть, для примѣра....
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

XXIV.

Глядь, какой-то всадникъ близко,
 На конѣ на бѣломъ скачетъ:
 Въ сертучишкѣ; шляпу низко,
 До бровей, надвинулъ, значить...
 Тутъ я крѣпко струсилъ что-то,
 Словно ставилъ жизнь на картѣ....
 — «На-крауль!» инѣ крикнулъ мой-то:
 «Это кесарь Бонапарте!»

Самъ долой мнѣ съ плечь, вотъ тоже,
 Что змѣя, али випера...
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

XXV.

Подскакаль къ намъ кесарь, грозно
 Насъ обвелъ орлинымъ взглядомъ:
 — «Кто такіе? Что такъ поздно?
 Отчего вы не съ отрядомъ?
 Я подумалъ: будь что будетъ,
 Правду молвить хватить духу!
 (Я тогда-панъ не забудеть—
 По-французски зналь по слуху.)
 Собрался я съ силой тоже,
 Начинаю, для примѣра!...
 Ахъ ты, Господи мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

XXVI.

Разсказаль ему съ почина,
 Что случилось въ дорогѣ,
 Какъ упаль нашъ Шерпетына,
 Какъ отбился отъ подмоги,
 Какъ команду я нарушилъ.
 Разсказаль все дѣло—право!
 Онъ все молча слушалъ-слушалъ...
 — «Ну, капраль,» промолвилъ: «Браво!»
 А глаза зажглися тоже,
 Что горячая вотъ сѣра....
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

XXVII.

Разспросилъ у Шерпетыны,
 Кто я, какъ служилъ, бывало?
 Тотъ ему—свои причины
 Про мои заслуги, стало....

Вижу я: теперь мнѣ льгота,
 Нѣтъ въ немъ злости сатанинской...
 А вѣдь все бормочеть что-то
 Объ ослушности воинской;
 Да ужъ знать, что словомъ тоже
 Не хотѣлъ срамить мундера ...
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

XXVIII.

Обнялъ самъ меня, скорѣе
 Далъ мнѣ крестъ своей рукою...
 Это—лента: крестъ на шеѣ;
 А умру я—въ гробъ сомною
 Положить отлички обѣ:
 Не пропасть же имъ задаромъ,
 Пусть красуются во гробѣ,
 На моемъ мундирѣ старомъ...
 Вѣдь достались отъ кого же,
 Отъ какого командера!..,
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

XXIX.

Ну!... тряхнулъ я головою,
 Крикнулъ, словно затрубили:
 — «Vivat, кесарь!» а за мною
 Всѣ гвардейцы подхватили.
 Насъ—въ фургоны и въ дорогу!
 Довезли въ больницу рано
 На зарѣ... Тамъ, слава Богу
 Излечили капитана.
 Онъ теперь на Немнѣ тоже...
 Мыза... Знатная квартера...
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

XXX.

А тогда-то... Вотъ былъ былъ крутокъ!
 Только съ койки, для примѣру,
 Подъ арестъ на трое сутокъ,
 За ослушность Тереферу!
 — «Кесарь далъ тебѣ награду,
 Говорить, и дѣло свято!
 Только вамъ-то я поваду
 Ужь не дамъ: шалишь, ребята!...
 Ты и спасъ мнѣ жизнь, а все же
 Надо слушать командера...
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты, старче Терефера!

XXXI.

Да и правда! Недоуки
 Тѣ, кому любя безчинность:
 Далъ Господь команду въ руку,
 Такъ справляй свою повинность!»
 Такъ гуторилъ Терефера,
 На порогѣ низкой хаты;
 Вытеръ слезы, для примѣра,
 И на посохъ суковатый
 Оперся, и стала строже
 Бровь сѣдая кавалера....
 Ахъ ты, Господи, мой Боже!
 Ахъ ты старче Терефера! *)

25 августа 1860 г.

*) Изъ многихъ стихотвореній польскаго писателя Владислава Сырокомли (Лудвигъ Кондратовича), переведенныхъ на русскій языкъ Львомъ Александровичемъ Меемъ, — «Кукла» была любимой піесой покойнаго поэта. Теперь и автора и переводчика уже нѣтъ въ живыхъ: они умерли въ одинъ годъ (1862), слишкомъ рано для литературы, для всѣхъ, кто зналъ и любилъ ихъ. Въ талантѣ обоихъ поэтовъ было много общаго, даже характеромъ и наружностью они походили другъ на друга, хотя никогда лично не были знакомы. Незадолго до своей смерти, Левъ Александровичъ перевелъ стихотвореніе Сырокомли „Терефера и Шршетывъ“, напечатанное въ Сѣверной Пчелѣ 1862 г. Авторъ такъ восхитился переводомъ, что тотчасъ же прислалъ Мееу стихи, въ которыхъ благодарилъ его за превосходно переданную его мысль и по-

XI.

КУКЛА.

Будь пай дитя, будь куколка исправна;
 Не плачь, а то вѣдь скажутъ, что глупа;
 Нагни ушко; послушай, что недавно
 Я слышала отъ мамы и папа.

Вотъ видишь: кромѣ новенькой бурнуски,
 Мнѣ къ празднику и ленту подарятъ;
 Я выучу молитвы по французски
 И обновлю въ костелѣ свой нарядъ.

Я потихоньку помолюсь въ костелѣ
 По польски: «Дай мнѣ, Боже, подрости,
 Похорошѣть, а папѣ съ мамой болѣ
 Съ небесъ кружочковъ жолтенныхъ спусти.

Они ихъ любятъ, молятся усердно
 Кладутъ на блюдо злата два, подъ часъ,
 А Божье сердце, знаешь, милосердно:
 Положишь злотъ, — отдасть онъ во-сто разъ.

Какая ты! зачѣмъ онъ такъ поступить,
 Когда роздалъ все золото жидамъ?
 Ну, жидъ пріѣдетъ съ золотыми, и скупить
 У насъ холоповъ всѣхъ по деревнямъ.

Вѣдь ты не знаешь: мы съ тобою—пани,
 А то есть чернь—холопство и народъ;
 Они совсѣмъ другое, чѣмъ дворяне,
 И созданы работать на господъ.

Всѣ грязные, приличія не знаютъ,
 Всѣ глупы такъ, глупѣ воть столпа...
 А виноваты сами. Богъ караетъ
 За то ихъ, что не слушаютъ папа.

Папа лошадокъ любить, мама спица,
 А этихъ-то, холоповъ-то, бранятъ,
 Да какъ вѣдь бьютъ!.. Небесная царица!
 Охъ, какъ ихъ бьютъ—и плакать не велятъ!..

слѣднюю строку этихъ стиховъ принимаетъ съ припѣвомъ Терефера, переведеннымъ по русски, такимъ образомъ:

«Ахъ ты, Господи, мой Боже,
 Ахъ ты, старче Терефера».

За то и бьютъ, что неучтивы дѣти...
 Вотъ и вчера: папа откушалъ чай,
 Легъ отдохнуть—вошли мужланы эти,
 Кричатъ: панъ, хлѣба, хлѣба намъ давай!

Ну, приказалъ прогнать... поколотили...
 Нѣтъ, выросту—не лягу отдохнуть,
 Пока ихъ всѣхъ, вотъ—всѣхъ не накормили,
 А то подумай: можно-ли заснуть—

Когда трещить вся голова отъ стука,
 И ломится нахально въ дверь народъ?
 Не накорми—прійдетъ, пожалуй, бука,
 Возьметъ тебя въ мѣшокъ и унесетъ...

Да это что!.. А какъ Христось-то съ неба
 Увидить... Онъ вѣдь поровну даетъ
 Всѣмъ бѣднымъ и голоднымъ рыбъ и хлѣба...
 Спаси насъ, Богъ, и накорми народъ!..

БОГДАНЪ ЗАЛЕСКІЙ.

I.

Л Е Д А Ц А Я.

Ахъ, крикунъ мой пѣтухъ, чтобъ взяло тебя лихо!
 Не сидится тебѣ на насѣсточкѣ тихо,
 Аль не знаешь, что бѣдной мнѣ ночь коротка,
 Что мнѣ хочется спать, а постеля жестка?

Такъ-вотъ вдругъ, на зарѣ, я горошкомъ и встала!
 Не за то-ль, что вчера цѣлый день работала?
 Будто впрямь—работать велика мнѣ нужда—
 Какъ не такъ!.. Я сама пригожѣ, молода...

А вчера меня мать спозаранокъ гоняетъ:
 «Шла-бы жито полоть: вишь—оно поспѣваетъ».
 Не полола я жита—совсѣмъ не могла:
 Хоть ушла изъ избы, да въ бороздку легла.

Тамъ мнѣ въ руки давались сами цвѣточки,
 И свивались сами въ такіе вѣночки,
 Что хотѣлося только взглянуть и надѣть,
 Да подумала: долго-ли такъ загорѣть?..

Я вернулась... Мать все хлопочеть, хлопочеть
 По избѣ: накормить дочку милую хочетъ
 За работу, за то, что вернулась домой
 Ужь такая усталая, Боже ты мой.

Вѣдь лица нѣтъ на ней... Улеглась я на лавку
 И кота поманила къ себѣ на забавку;
 Жмурюсь, жмурюсь и вижу, что къ прялкѣ ужъ мать
 Три кудели несеть—и опять работать!

Только солнышко къ низу—какъ гляну я бодро,
 Какъ вскочу, какъ схвачу коромысло и ведра,
 Какъ порхну изъ избы удалѣй воробья,
 Потому—ужъ куда черноброва-то я!..

И ужъ то на душѣ моей горя-заботы,
 Да охочей чужой и повольной работы,
 Что не ставлю въ укоръ парнямъ я молодымъ,
 Коли ведра снесутъ мнѣ къ воротамъ самимъ.

И бранить меня мать съ темной ночи до свѣта,
 За мои молодыя и глупыя лѣта.

И не знаю, за что всѣ сосѣди корять,
 И «ледащяя» прямо въ глаза говорить.

Пусть бранятся, на сколько имъ станетъ охоты,
 А ужъ встать не могу я съ вчерашней работы...
 Вѣдь не знаютъ, какъ бѣдной мнѣ ночь коротка,
 И какъ хочется спать, а постеля жестка.

1861

II.

Д В Ъ С М Е Р Т И.

Годъ они любилась—на-вѣкъ разлучились,
 И сердца обоихъ въ дребезги разбились...

Дѣвица томится во свѣтлицѣ новой,
 А казакъ уложенъ мать-сырой-дубровой.

мѣй, т. у.

Дѣвица понизла къ пуху-изголовью,
 А казакъ къ жупапу, облитому кровью.
 Дѣвичьи лекарства—меды-вареницы,
 А казакъ... хоть каплю-бъ подали водицы!..
 Дѣвицу семья вся съ плачемъ обнимаетъ,
 А казакъ... ужь воронъ каркнулъ и слетаетъ...
 Оба отстрадали; грудь сожгло обоимъ,
 И заснули оба вѣчнымъ сномъ-покоемъ.
 Дѣвицу со звономъ, съ литіей зарюють,
 А казакъ... надъ бѣднымъ только волки воють...
 Дѣвичью могилку холятъ и лелѣють,
 А казачьи кости по-вѣтру бѣлѣють.
 1861

ОДЫНЕЦЪ.

ДѢВУШКА И ГОЛУБЬ.

Ахъ ты милой-миленькій,
 Ахъ ты, мой дружочекъ!
 Ахъ ты непризнательный,
 Бѣлой голубочекъ!
 Еслибъ съ кѣмъ мнѣ вздумалось
 Такъ расцѣловаться,
 Развѣ-бъ онъ изъ рукъ моихъ
 Сталъ тревожно рваться?
 Али бѣднымъ дѣвицамъ
 Ждать-пождать напрасно,
 Чтобъ любили молодцы
 Безавѣтно-страстно?
 Богъ вѣсть!.. только на сердцѣ,
 Что ни день, больнѣе...
 Чѣмъ онъ горделивѣ
 Тѣмъ мнѣ и милѣ.
 Богъ съ нимъ! Пусть голубчикъ мой
 Голубицу мучить,

Пусть ему и теплое
Гнѣздышко прискучить...

О, теперь по ниточкѣ
Доберусь къ клубочку,
И зато спасибо я
Молвлю голубочку.

Кто ко мнѣ привѣтливѣй,
Съ тѣмъ я буду строже:
Пусть меня полюбить онъ
Беззавѣтно то же.

Только пусть же вѣдаетъ
Тотъ, кому прискучить,
Что дѣвицу строгости
Голубочекъ учить.

1860.

Р Е У Т Ъ.

Ж. Е Н А.

БѢЛОРУССКАЯ СВЯЗКА.

1.

Жилъ когда-то мужичокъ...
Самъ-то былъ онъ съ ноготокъ,
Да уомъ-то съ локотокъ:
Былъ слугою вѣрнымъ пану,
Прихожаниномъ плебану. *)
Парни нынѣшніе—что?..
Всѣ пьянчуги .. и за то—
Сѣвъ у нихъ, аль имянины,
Али свадьба, аль крестины,
Али что тамъ ни на есть,
Хоть-бы вотъ мірская сходка—
Все у нихъ покончить водка.
Чуть къ обѣднѣ зазвонять,

*) Плебанъ—приходскій священникъ.

Тутъ-какъ тутъ кромѣшный адъ:
 И въ корчмы, а не въ костелы
 Тянетъ бѣсъ мірянъ за полы.
 Почему же, спросимъ мы,
 Противъ папертей корчмы
 Для соблазна христіанамъ?
 Отвѣчать на это панамъ...
 Мужичокъ мой (какъ назвать —
 Не припомню) — не таковской:
 Чары не пилъ онъ бѣсовской,
 Крѣпко вѣрилъ въ благодать
 И молился... Отчего-же
 Не молились послѣ то же
 Хоть-бы правнуки его?
 Какъ тутъ скажешь — отчего?...
 Ну, за набожность въ награду,
 Самъ Господь его разыскалъ:
 Нивѣ, пчельнику и стаду
 Стражемъ ангела послалъ.
 Сѣна — каждый взмахъ — полпуда,
 Самъ-двѣнадцать колосокъ...
 Просто жилъ царькомъ, покуда
 Не женился мужичокъ.
 «Тѣфу ты, пропасть! Неужели,
 Какъ женился, такъ пропалъ?»
 — «Да ужь такъ, коль въ самомъ дѣлѣ
 Не жену, а чорта взялъ».
 Съ первыхъ сутокъ молодая
 Показала мужу прыть:
 «Знай моль, дурень, что лиха я
 Кочергой и словомъ бить».
 Ангелъ видитъ, что лукава —
 Вразумить ее хотѣлъ,
 Да вѣдь бабѣ гдѣ управа?
 Поневолю отлетѣлъ...
 Что-тутъ? Бѣсу съ ней тогда-бы
 Врядъ-ли сладить было въ мочь:
 Онъ навѣрно въ адъ отъ бабы
 Поскорѣй ушелъ бы прочь.

Словомъ, баба вызываетъ
 На ножи изъ ничего.
 Мужъ молчить, хоть и страдаетъ:
 Сынъ родился у него.
 А чего отецъ для чада
 Не снесетъ? И то сказать,
 Что ему сынокъ—отрада,
 И при немъ не злится мать.
 На рукахъ его качаетъ,
 И баюкаетъ отецъ:
 «Баю—баю!—припѣваетъ,
 Баю—добрый молодецъ!
 Выростай на черномъ хлѣбѣ,
 Да на нашей сельской требѣ,
 Будешь счастливъ и любимъ:
 Я и самъ бывалъ такимъ..
 Да теперь-то нездорово:
 Хатка врозь себѣ ползеть,
 Что ни годъ, то и падетъ
 На дворѣ моемъ корова;
 Въ ульяхъ—покотомъ пчела;
 Нива—словно не была,
 Не поднимешь ржи и новью.
 Да тебѣ-то что пенцу?..
 Пусть все сердце черной кровью
 Обольетъ тоска отцу».

2.

Минуль годъ, другой за ними—
 Третій годъ, четвертый, пять...
 Время мчится—не видать...
 Но остались все такими,
 Какъ и были, мужъ съ женой—
 Значить: шея съ кочергой.

3.

Разъ жена и напустилась
 На супруга, словно бѣсъ,
 Съ кочергой, и такъ озлилась,

Что ушелъ отъ ней онъ въ лѣсъ.
 Только, Господи мой Боже!
 И въ лѣсу одно и то-же:
 Въ перелетномъ вѣтеркѣ
 И болтливомъ ручейкѣ
 Слышны женины угрозы;
 Кочергой глядятъ березы;
 Каждый пруть и каждый сукъ
 Мужу въ спину хлысть, да стукъ,
 Слово бабѣ дались въ руки.
 Молить бѣдный мужъ, стена:
 «Свободи, Христе, отъ муки
 Многогрѣшнаго меня!»
 Помолился такъ-то, слезку
 Рукавомъ себѣ отеръ,
 И изъ лѣсу, на просторъ,
 Вышелъ прямо къ перекрестку.
 «Наконецъ-то уголокъ
 Отыскалъ я, слава Богу!
 Тутъ авось-либо тревогу
 Милой женки голосокъ
 Бить не будетъ барабаномъ...
 Эко солнце-то! Съ небесъ,
 Что снопомъ лучей румянымъ,
 Такъ и сыплется на лѣсъ!
 И цвѣтки и травки въ полѣ;
 Пташки вольныя въ кустахъ.
 Отчего-же я въ неволѣ,
 Отчего-же я въ слезахъ?»
 Посмотрѣлъ—глаза-то зорки
 Послѣ слезъ: кругомъ пригорки,
 Знать могилки. На одной
 Подъ крестомъ сидитъ съ клячкой
 Нищій старецъ, бородатый,
 Изможенный и горбатый,
 И какъ бѣлый лунь сѣдой.
 Шепчетъ старецъ—что такое,
 Не разслушать издали,
 Да уста его могли

И шептать-то лишь святое,
 Такъ онъ самъ былъ святъ на видъ.
 Мужичокъ глядитъ, глядитъ,
 И мерекаетъ: «пожалуй,
 Онъ со мной заговорить».
 Такъ и сталось: «Что ты, малый»,
 Молвилъ старецъ: «что съ тобой,
 Что кручинный ты такой?
 Я и самъ брожу по свѣту—
 Сытъ денекъ, а три дня—нѣту,
 Такъ чужую-то бѣду
 Я руками разведу:
 Расскажи-же, не таяся,
 Ты съ чего загоревалъ?»
 Мужичокъ нашъ отродяся
 Никому еще не лгалъ,
 И теперь всю правду-матку
 Старцу высказалъ:—«Да вотъ,
 Такъ и такъ, который годъ
 Посѣтило горе хатку
 У меня, а все жена
 И причина и вина:
 Ни любви, ни совѣта
 Нѣту съ ней.. сжила со свѣта...»
 Помолчалъ тутъ старецъ —«Да!
 Говорить, твоя бѣда—
 Былъ, не то-что небылица:
 Вѣдь жена не рукавица—
 Какъ ты сбросишь съ рукъ ее?...
 Да... съ ней мука—не житье...
 Но послушай: Богъ даруетъ
 Счастье людямъ по дѣламъ,
 По дѣламъ и наказуетъ...
 Можетъ ты невиненъ самъ,
 Да виновны дѣды были,
 Передъ Богомъ согрѣшили—
 Ты за нихъ и отвѣчай
 На землѣ, а въ небѣ—рай
 Всѣмъ, грѣхъ ближнихъ-искупившимъ,

Пострадавшимъ и любившимъ.
 Дни твои ужь сочтены—
 Ты погибнешь отъ жены:
 Тотъ, кто дерево зарубить
 Не подь силу, тотъ погубить
 И его, да и себя..
 Но вѣдь сынъ есть у тебя,
 И счастливую судьбину
 Богъ пошлетъ, быть можетъ, сыну
 Злополучнаго отца.
 «Претерпѣвый до конца—
 Той спасется!» Этимъ словомъ
 Ты, о имени Христовомъ,
 Прожилъ вѣкъ и претерпѣлъ,
 Какъ Спаситель повелѣлъ,
 И за то Господней волѣ
 Ты изъ устъ моихъ внемли:
 Какъ почувствуешь, что болѣ
 Не жилецъ ужь на земли,
 Призови къ себѣ ты сына:
 Пусть при ложѣ онъ твоёмъ
 Поклянется быть врачомъ
 Всѣхъ—раба и господина,
 Бѣдняка и богача,
 Всѣхъ, кто требуетъ врача;
 А ему ты изъ-за гроба
 Предназначенъ помогать—
 Вотъ какъ: будете вы оба
 У одра больныхъ стоять.
 Коль увидишь, что больного
 Не смущаетъ смерти страхъ,
 Ты съ улыбкой у такого
 Долженъ будешь стать въ ногахъ.
 Коль увидишь, что больному
 Неизбѣжно смерти данъ
 Заплатить пришлось, къ такому
 Въ изголовьи самомъ стань.
 Этимъ сына ты избавишь
 Отъ ошибокъ и прославишь

Не простымъ его врачомъ—
 А всевѣщимъ мудрецомъ».

Кончилъ старецъ—и мгновенно,
 Средь лазоревыхъ небесъ,
 Въ свѣтломъ облакѣ исчезъ.
 Кто былъ старецъ?—несомнѣнно,
 Этой тайны не указать...

4.

Снова годъ, другой и третій
 Пролетѣли—не видать...

Вотъ и пять... И стали дѣти
 Ростомъ батекъ обгонять.
 Хоть прошли года, но съ ними
 Все остались такими,
 Какъ и были, мужъ съ женой—
 Значить: шея съ кочергой.
 Наконецъ—великій Боже!—
 То сбылось, что предсказалъ
 Вѣщій старецъ, и на ложе
 Мертвымъ бѣдный мужъ упалъ.
 И пора была: долгонько
 Пострадалъ и потерпѣлъ...
 Передъ смертью онъ тихонько
 Подозвать сына успѣлъ,
 Говорить ему: «Сегодня
 Стало плохо мнѣ съ утра—
 Умереть пришла пора,
 И на это власть Господня...
 Такъ попомни ты о томъ,
 Что обязанъ быть врачомъ—
 Воля отчая такая,
 И прошу я, умирая:
 Нашей воли не забудь
 И обѣту вѣрнень будь».

5.

Такъ-ли, инакъ-ли, а лѣта
 Пронеслися чередомъ:

Сынъ покойника врачомъ
 Сталь—и вѣсть пошла о немъ
 На четыре страны свѣта
 По затридевать земель,
 Незвѣданныхъ досель.

6.

Вотъ, по этому-то слуху.
 Шлетъ, по морю, аль по суху,
 За врачомъ своихъ пословъ
 Царь.. А кто онъ былъ таковъ,
 Изъ котораго слалъ краю,
 Ужь доподлинно не знаю,
 Только вотъ его слова.
 «Пріѣзжай ко мнѣ: болѣю. .
 Помоги хоть встать сперва—
 Полказны не пожалѣю!
 Не поможешь—голова
 Съ плечъ долой!»

Не убоился
 Врачъ такихъ рѣчей царя:
 Ничего не говоря,
 Въ путь-дороженьку собрался,
 И по дальнимъ по странамъ,
 По горамъ и по морямъ,
 Ко дворцу царя добрался...
 Показали, гдѣ лежитъ
 Царь ихъ батюшка въ недугѣ,
 Всѣ дворецкіе и слуги.
 Глянулъ врачъ — анъ смерть стоитъ
 Въ изголовьѣ у больнова,
 И совсѣмъ уже готова
 Душу царскую принять...
 Царь почти ужъ и не дышетъ...
 Лекаръ смерть хотѣлъ прогнать:
 Сталь кивать ей и шептать—
 Такъ не видитъ и не слышитъ...
 Что тутъ дѣлать? Наконецъ
 Догадался врачъ:

«Отец!»

Говорить онъ: «ради Бога,
Ты уйди—мать у порога!»
Не успѣлъ промолвить онъ—
Смерть изъ царской спальни вонъ,
Только пятки засверкали...
Что случилось потомъ,
Вы безъ насъ-бы угадали:
Царь съ постели молодцомъ
Встать не медля соизволилъ,
И врача онъ такъ захолилъ
Цѣлыхъ полгода, что тотъ
Отъ неслыханныхъ щедротъ
Еле-еле не рехнулся...
Какъ ужъ онъ домой вернулся—
Говорить ни то, ни се. .
Мы не знаемъ—вотъ и все.
Намъ не все еще: два слова
Нѣтъ приходится сказать.
У врача тогда-же мать
Вышла замужъ за другога,
И другога доконать
Собралась-было отъ скуки,
Да у ней и обѣ руки
И языкъ вдругъ отнялся..
Вотъ теперь— и все и вся.

1860.

ХОДЗЬБО.

М О Л О Д Е Ц Ъ.

Съ конца въ конецъ мой конь гонецъ
Обрыскалъ свѣтъ:
Гдѣ я леталъ, мой врагъ пропалъ—
И слѣду нѣтъ..
Въ Литвѣ, въ Руси людей спрости,
Кто вѣдалъ бой:

Чей рогъ звучить, чей конь бѣжить

Вотъ такъ, какъ мой?

Моихъ коровъ среди луговъ

Зашла трава;

На нивѣ рожь волнится сплошь;

Хмѣль — деревѣ.

Да и въ дому найдемъ кому

Припрятать соть:

Мои красна — что день ясна —

Красотка ткеть.

Взялъ на лету я пташку ту

Съ чужихъ полей.

«Вотъ клѣтка — пой, прости съ родной,

«Да слезъ не лей!

«Прости съ отцомъ: за молодцомъ

«Въ лѣса — дубнякъ.

«Литвина знай, не знай — ласкай-

«У насъ вѣдь такъ!

24 февраля 1858.

КРАСИНСКІЙ.

С П И Ш Ъ Т Ы.

(Dobra noc Iscenta?)

Krasinsky.

Спишь ты... Ангелъ ночи

Вѣетъ надъ тобою:

Незабудки — очи

Оросилъ слезою.

Косу перекинулъ

Вкось по изголовью, —

И всю душу вынулъ

Мнѣ изъ сердца съ кровью...

Спишь ты и не слышишь...

Только Богъ то слышитъ,

Что, когда ты дышишь,

Кто-то и не дышитъ...

2-го августа 1860 г.

С Л Е З Ы.

Изъ думки Казимира Юркевича.

Зачѣмъ если въ нивѣ ты рвешь василекъ,
По зорькѣ росистой такъ звученъ твой голось,
И вся ты, голубка, нѣжнѣй чѣмъ цвѣтокъ,
Свѣжѣ росы и стройнѣе чѣмъ колось?

Зачѣмъ ты всегда весела и счастлива,
Ко всѣмъ равнодушна, на все беззаботна,
Всегда, словно птичка, рѣзва и игрива,
И Богъ вѣсть вздохнула-ль хоть разъ безотчетно?

Шепнула ли слово горячей молитвы?
Отерла ль невольныя слезы на глазахъ?
Нѣтъ, нѣтъ! ты не вѣришь въ житейскія битвы,
А если и вѣришь, такъ развѣ—что въ сказкахъ.

Ребенокъ, когда въ эти дѣтскіе годы
Въ тебѣ столько силы, приманки и власти,
Чѣмъ будешь ты женщина, въ вихрѣ невзгоды
Въ душевной истомѣ, подъ бурей страсти?

Теперь передъ тобою невинныя грезы
Пронесятся въ образахъ легкихъ, безтѣнныхъ,
Теперь ты не знаешь, что женскія слезы
Дороже и краше жемчужинъ безцѣнныхъ

Не знаешь, но скоро узнаешь. Слезами
Тебя омывали отъ самой купели
И мать и отецъ... и, повѣрь мнѣ, надъ нами
Не вѣчно лазурныя выси горѣли.

Повѣрь, что и красное солнце порою
Свой ливъ лучезарный подъ тучами прячетъ,
И все на землѣ, подъ землей, надъ землею
Порою слезами горячими плачетъ.

Поетъ свою пѣсню лѣсная пѣвица
И плачетъ; деревья, лужайки, поляны,
Цвѣточки, былинки, заря—заряница—
Все плачетъ, хоть скрылись далеко туманы.

Да! Слезы на землю съ небесь ниспослала
Въ усладу печали любовь всеблагая...
И ярче всѣхъ звѣздъ Богоматерь сіяла,
Слезами подножье креста обливая.

Но ты все молчишь и глядишь, въ изумленьи,
Какъ-будто повѣдалъ я дивныя дива,
Какъ-будто не знаешь, что мнѣ наслажденье
Подумать, какъ ты весела и счастлива!

«Такъ что же?» ты мнѣ отвѣчаешь очами:—
«Такъ что-же, коль сердце нашлося на свѣтъ,
Еще не облитое скорби слезами?

О, какъ вы завистливы, старья дѣти!»

А, вотъ онъ, укоръ простодушный ребенка,
И что передъ нимъ всѣ душевныя грезы!..
Такъ пой-же и смѣйся по прежнему звонко
И даже забудь, что и слово есть: слезы.

СЪ УКРАИНСКАГО.

ШЕВЧЕНКО.

I.

ВЕЧЕРЪ.

Вишневый садикъ возлѣ хаты;
Жуки надъ вишнями гудять;
Плугъ съ нивы пахари ташать;
И распѣваючи дѣвчаты
Домой на вечерю спѣшать.

Семья ихъ ждетъ, и все готово;
Звѣзда вечерняя встаетъ,
И дочка ужинъ подаетъ,
А мать сказала бы ей слово,
Да соловейко не даетъ.

Мать уложила возлѣ хаты
Малютокъ-дѣточекъ своихъ;
Сама заснула возлѣ нихъ...
Затихло все: однѣ дѣвчаты,
Да соловейко не затихъ.

11 мая 1859.

II.

ПЛАТОКЪ.

Аль была ужъ Божья воля,
Аль ея дѣвичья доля,

Что въ чужой семьѣ вскормилась,
 Съ сиротою полюбилась.
 Сиротина, словно голубь,
 Безталанной смотритъ въ очи
 И воркуетъ у сосѣдки
 Съ ней съ утра до поздней ночи.
 Говорили-ворковали,
 Госпожинокъ поджидали.
 Дождалися...

Въ Чигиринѣ

Всю Украину созвонили,
 Чтобъ коней сѣдлали хлопцы,
 Сабли острыя точили,
 На веселый пиръ собирались,
 На казацкое веселье—
 На кровавое похмѣлье.
 Въ воскресенье, раннимъ-рано,
 Сурмы-трубы заиграли—
 Съ красной зорькой компанейцы
 Въ путь дорогу выступали.
 Провожала мать-вдовица
 Своего родного сына,
 И сестра родного брата,
 Сиротину сиротинка
 Провожала: вороному
 Налила воды студеной,
 И сняла съ стѣны винтовку
 Вмѣстѣ съ саблей золоченой.
 Провожала за три поля,
 Попрошались при долинь
 И дала дружкѣ платочекъ,
 Чтобъ попомнилъ на чужбинѣ.
 Охъ, платокъ ты мой, платочекъ,
 Шитый шелкомъ по узору!
 На сѣдлѣ тебѣ казацкѣмъ
 Красоваться только впору!
 А она-то, сиротинна,
 Опознала грусть-тревогу:

Что ни свѣтъ-заря, выходитъ
 Каждымъ утромъ на дорогу,
 А въ воскресный день съ кургана
 Смотрить... Очи помутились...

Черезъ два года на третій
 Компанейцы воротились.
 Рать гремитъ, гремитъ другая,
 А за третьей ратью тихо—
 (Не гляди туда, голубка!)
 Не добро везуть, а лихо:
 Гробъ везуть, китайкой крытый,
 И со двухъ сторонъ у гроба
 Самъ полковникъ съ старшиною
 Въ черныхъ свиткахъ идутъ оба,
 Самъ полковникъ компанейскій,
 Характерникъ съ Сѣчи—значить;
 Слѣдомъ—паны эсаулы...
 Кто идетъ за гробомъ—плачетъ...
 И несутъ они доспѣхи:
 Броню крѣпкую, литую,
 Всю въ рубцахъ, въ разсѣчкахъ вражьихъ,
 Да и саблю золотую,
 А за саблей три винтовки,
 Да еще три самопала;
 И по всѣмъ по нимъ казачья
 Кровь горячая бѣжала.
 Охъ! вѣдутъ и воронова:
 Поражены всѣ копыты;
 И платкомъ шелковымъ, шитымъ
 У него сѣдло покрыто.

11 мая 1859.

III.

БАТРАЧКА.
ПОВѢСТЬ.

Прологъ.

Въ воскресенье, раннимъ-раномъ,
Поле крылося туманомъ;
Подъ туманомъ, на могилѣ,
Словно тополь наклонили,
Молодица молодая,
Что-то къ груди прижимая,
Говорить:

«Туманъ, туманъ,
Горемычный мой талантъ!
Что меня ты здѣсь на полѣ
Не схоронишь, не задавишь,
Въ мать сыру-землю не вдавишь?
Что мнѣ, виѣсть съ злой недолей,
Вѣку не убавишь?
Нѣтъ, туманъ мой, не дави,
А зарой меня на полѣ,
Чтобъ никто не зналъ, не вѣдалъ
Злой моей недоли!..

Не одна я: у меня
Есть и батька и родня...
Есть еще, туманъ дружочекъ,
Некрещеный мой сыночекъ...
Не крестить, на горе злое,
Мнѣ тебя, дитя родное,
А чужимъ.. Мнѣ не узнать,
Какъ тебя, дитя, и звать...
Ахъ! и я была когда-то
И счастлива и богата!
Не кляни меня постылой!
Съ неба самага, мой милый,
Долю выплачу слезами
И пошлю тебѣ съ мольбами!»

И, рыдая, полемъ кралась,
 Подъ туманомъ укрывалась,
 Да сквозь слезы про вдову
 Тихо напѣвала,
 Какъ въ Дунай дѣтей вдова
 Хоронила-клала:

«Ой—на полѣ могила,
 По ней вдова ходила,
 По ней она гуляла
 Да зельица искала;

Только зелья не нашла —
 Сыновой двухъ привела,
 И въ китайку повела,
 И къ Дунаю отнесла:

«Тихій, тихій Дунай,
 Мнѣ сынковъ забавляй!
 Ты, мой желтый песокъ,
 Будь для нихъ ты легокъ!
 Накорми, успокой
 И собою укрой!»

1.

Жиль-быль-себѣ старикъ съ старушкой.
 Они съ издавна надъ прудомъ
 Живуть на хуторѣ вдвоемъ,
 Не разлучаяся другъ съ дружкой.
 Дѣтьми овецъ пасли вдвоемъ,
 А послѣ повѣнчались,
 И своего добра дождались:
 Нажили хуторъ надъ прудомъ;
 Въ лѣсу садочекъ развели,
 И пчельникъ обрядили —
 Всего нажили;
 Да Богъ обидѣлъ ихъ дѣтьями,
 А смерть съ косою за плечами.

Кто жь ихъ старость приглубить?
 Въмѣсто дѣтокъ станеть?

Кто заплачетъ, кто облюбитъ?
 Душу кто помянетъ?
 Кто добро схоронитъ честно,
 Въ холѣ, да въ покоѣ? .
 Кто сберечь его сдумѣтъ,
 Какъ дитя родное?
 Тяжко, горько нянчить дѣтокъ
 Въ непокрытой хатѣ,
 А еще тяжелѣ старость
 Въ каменной палатѣ, —
 Старость, смерть, тоска-злодѣйка,
 Сирость и кручина
 И залежная копѣйка
 На смѣхъ чужанива.

2.

Старикъ съ старухой, въ воскресеньи,
 Сидятъ на присыпкѣ вдвоемъ,
 Въ сорочкахъ бѣленькихъ—чистенько...
 А солнце въ небѣ голубомъ
 Прогнало тучки: тихо тихо
 И ясно, словно-бы въ раю,
 И схоронилось въ сердцѣ горе,
 Какъ звѣрь въ потемномъ борѣ.
 Вотъ и рай... О чемъ, кажися,
 Старымъ бы взгрустнулось?
 Али къ нимъ бывое горе
 Въ хату наверхнулось?
 Аль вчерашнее, что только
 Придавили, живо?
 Аль наклюнулась кручина
 Новая на диво?

Не знаю я, какъ и почто
 Взгрустнулось старымъ? Можетъ то,
 Что собрались они ужъ къ Богу,
 Да кто жъ въ далекую дорогу
 Имъ добрыхъ коней запряжетъ?

«А кто насъ, Настя, похоронитъ,
Когда помремъ?»

— Да Богъ вѣсть—кто.

Я—вотъ все про то смекала—
Даже грусть-тоска напала:
Одиноки, постарѣли,—
А кому добра хотѣли
И нашили? —

«Дай пеленокъ...

«Чу! въ воротахъ плачешь
«Кто-то... Словно-бы ребенокъ?
«Побѣжимъ-ка!.. Значить—
«Угадалъ я: будетъ что-то:»

Оба съ мѣста разомъ
Къ воротамъ—и отступили:
Передъ перелазомъ—
Запеленанный младенецъ,
И не туго... новой
Свиткой крытъ, за одѣяло:
Видно—материно сердце
Крыло-пеленало,
Вмѣсто бѣлыхъ рукъ, младенца,
Можетъ быть, послѣдней
Свиткой.. Старые дивились,
Молча—и молились
О подкидышѣ-ребенкѣ,
А дитя рученки
Къ нимъ тянуло, замолкала..

«Видишь. Настя, видишь:

«Зналъ я: доля не такая
«Намъ, чтобъ безъ ребенка
«Хорониться одинокимъ..
«Отыщи пеленку,
«И неси дитятю въ хату;
«Ну, а тѣми я часами
«Погоню за кумовьями
«Въ Городище.»

Чудно что-то
 Въ жизни между нами!
 Тутъ иной изъ хаты сына
 Гонить, проклинаеть,
 А иной, сердечный, свѣчку
 Пóтомъ добываетъ
 И, рыдаючи, становить
 Передъ образами,
 Чтобъ дѣтей далъ Богъ... Да, чудно
 Въ жизни между нами!

3.

Вотъ на радостяхъ три пары
 Кумовьевъ набрали,
 За вечерней окрестили
 И Маркомъ назвали.
 Онъ ростеть; а тутъ не знаютъ—
 Какъ и быть съ дитятей:
 Гдѣ сажать, гдѣ класть, чѣмъ холить
 Маленькаго въ хатѣ.
 Минулъ годъ. Ростеть нашъ Марко;
 Дойная корова
 Отъѣдается. Вдругъ, какъ-то,
 Съ виду черноброва,
 Молода и бѣлолица,
 Входитъ молодица
 Къ старикамъ въ укромный хуторъ
 По найму проситься.
 «Али взять ее къ намъ, Настя?
 — Что жъ, Трофимъ, пожалуй:
 Мы и стары, и недужны,
 А ребенокъ малый...
 Хоть дитя и подростаетъ.
 Все-таки, вѣдь, надо
 Присмотрѣть за нимъ порядкомъ. —
 «То-то вотъ, что надо!
 «Старость точно-что не радость,
 «Какъ тамъ ни судите...

«Что же съ насъ возьмешь, голубка,
«Въ годъ?»»

— А что дадите!—

«Нѣтъ, ты знаешь, деньги любятъ
«Счетъ; кто не считаетъ
«Трудовыхъ своихъ копеекъ,
«Тотъ и обнищаетъ,
«Такъ послушай-ка, голубка!
«Мы тебя не знаемъ,
«Да и ты-то насъ не знаешь ..
«Ну, а скоротаемъ
«Вмѣстѣ день, другой и третій,
«Молвимъ и про плату.
«Такъ ли, дочка?»»

— Ладно, батька!—

«Ну, такъ просимъ въ хату!»»

Порядились. Молодица
Весела и рада.
Словно съ паномъ повѣнчалась,
Аль дождалась клада.
Съ утра до ночи хлопочеть
На дворѣ и въ хатѣ.
Или около скотины;
А ужъ для дитяти—
Будто мать она родная—
Не поспить и ночку,
Каждый день головку мою,
Вѣлюю сорочку
Каждый Божій день надѣнеть,
Пѣсней забавляетъ
И игрушками, а въ праздникъ
Съ рукъ вотъ не спускаетъ.
Старики мои дивятся—
Богъ имъ даль подружку...
А безсонная батрачка
Грянется въ подушку,—
Проклинаетъ горе-долю
И навзрыдъ рыдаетъ,

И никто того не видит,
 И никто не знает,
 Кромѣ маленькаго Марка,
 Да и онъ не знаетъ —
 Отчего его слезами
 Ночью умываетъ
 Безталанная батрачка,
 Отчего такъ жарко
 И цѣлуетъ и милуетъ?
 Да не знаетъ Марко,
 Что когда онъ въ колыбели
 Еле шелохнется
 Въ ночь глухую, — на постелѣ
 Бѣдная проснется,
 Укрываетъ, нѣжно крестить,
 Колыбель колышетъ:
 Ей и сонной чутко-слышно,
 Какъ ребенокъ дышетъ.
 Но за то свои рученки
 Тянетъ къ ней онъ съ-рану,
 Какъ проснется только — мамой
 Величаетъ Ганну...
 Такъ ростеть да вырастаетъ
 Марко — и не знаетъ...

4.

Не мало лѣтъ перебѣжало,
 Воды не мало утекло;
 И въ хуторъ горе завернуло,
 И слезъ не мало принесло
 Старушку Настю схоронили
 И еле-еле отходили
 Трофима дѣда. Да ушло
 Куда-то горе проклятое,
 И вновь на хуторъ благодать
 Изъ лѣсу темнаго вернулась
 У дѣда въ хатѣ ночевать.

Вотъ ужъ Марко чумакуеть,
 И подъ осень не ночуетъ
 Ни подъ хатю, ни въ хатѣ..
 Время думать и о сватѣ.
 «За кого жь бы?» дѣдъ смекаетъ,
 И батрачку призываетъ
 На совѣтъ; а та бы рада
 Хоть царевну сватать:—Надо,
 Говорить, спросить у Марка,
 Кто и гдѣ его товарка?—
 «Ладно, спросимъ—и за дѣло
 «Если время подоспѣло.»

Разузнали, допросились..
 Марко—къ сватамъ. Воротились
 Съ рушниками, съ освященнымъ
 Короваемъ обмѣненнымъ;
 И просватали же панну.
 Хоть гетьману по жупану
 Просто краля дѣвка, либо
 Царь-дѣвица..

«Ну, спасибо!»

Молвилъ старей: «только знать бы,
 «Скоро-ль намъ дожждаться свадьбы,
 «Гдѣ къ вѣнцу пойдетъ невѣста,
 «Да и въ материно мѣсто
 «Звать кого намъ? Эхъ, когда бы
 «Свѣтикъ-Настя дожила бы...»
 И залвлся дѣдъ слезами.
 А батрачка за дверями,
 Въ косяки вцѣпясь руками,
 Словно мертвая стояла..
 «Мать... мать... мать!» она шептала,

5.

Въ тужь недѣлю молодицы
 Коровай мѣсили
 У Трофима; а старикъ-то
 Изю всей изъ силы

Съ молодицами танцуетъ
 Дворъ свой подметаеть,
 Да прохожихъ, да проѣзжихъ
 На дворъ закликаеть,
 Угощаеть варенухой
 И на свадьбу просить;
 Такъ и мечется, хоть ноги
 Еле-еле носить.
 Смѣхъ и гамъ въ избѣ у дѣда;
 Дворъ кипить народомъ,
 Изъ каморки новой бочки
 Выкатили съ медомъ.
 Всюду, моется, метется.
 Жарится, варится—
 Все чужими. Гдѣ жь батрачка?
 Въ Кіевъ помолиться
 Огпросилась Ганна. Старый
 Мало-ль съ ней калякаль.
 Ублажалъ ее, а Марко—
 Тотъ такъ даже плакаль
 И въ упросъ-просилъ батрачку
 Въ материно мѣсто.
 «Нѣту, Марко, не годится,
 «Не по мнѣ невѣста:
 «Изъ семьи она богатой,
 «А вѣдь я-то что же?..
 «Надъ тобой же посмѣются..
 Помогай вамъ Боже!
 «Я пойду молиться въ Кіевъ,
 «А потомъ вернуся,
 «Если приметъ, къ вамъ въ хату
 «Да и потружуся,
 «Сколько хватить силъ...»

Всѣмъ сердцемъ

Поручила Богу
 Ганна Марка... Зарыдала—
 И пошла въ дорогу..
 Принялись играть и свадьбу.
 Музыкѣ работа

И подковамъ. Баренухи
 Розлито безъ счета—
 Ею столъ и лавки моютъ.
 А бѣдняжка Ганна
 Все идетъ себѣ на Кіевъ
 Спѣшно, неустанно...
 И дошла, да не на отдыхъ;
 У мѣщанки стала,
 Нанялась носить ей воду:
 Денегъ не достало
 Для акаѳиста, а также
 Дѣтямъ для подарку...
 А скопила гривень восемь—
 И купила Марку
 Камилавочку въ пещерѣ
 Старца Іоанна,
 Чтобъ головка не болѣла;
 Вымѣняла Ганна
 И кольцо святой Варвары
 Для невѣстки; Богу,
 Преподобнымъ поклонилась—
 И опять въ дорогу.

Воротилась. Катерина
 Съ Маркомъ повстрѣчали
 За воротами—и въ хату,
 И за столъ сажали;
 Напоили, накормили,
 Что про Кіевъ знала—
 Разспросили. Катерина
 Ей постель постлала.

«Да за что жь меня такъ любятъ,
 «Столько уважаютъ?
 «Охъ, мой Боже милосердый!
 «Можетъ, вѣдь, и знаютъ...
 «Можетъ, вѣдь и догадались...
 «Нѣтъ!.. Я угадала:
 «Просто добры!..»

И батрачка

Тяжко зарыдала.

6.

Трижды мерзло въ чистомъ полѣ,
 Трижды отпускало,
 Трижды къ Киеву батрачку
 Катря провожала,
 Словно мать свою; въ четвертый
 Провела въ дорогу
 Вплоть до поля, до кургана.
 И молилась Богу,
 Чтобъ скорѣй она вернулась:
 Безъ нея, любимой,
 Сиротливо, темно въ хатѣ,
 Точно безъ родимой.

Введенье разломало ужъ леденье;
 Прошла и первая недѣля, въ воскресенье
 Погрѣться на завалинкѣ Трофимъ
 Засѣлъ, въ сорочкѣ бѣлой, какъ и всякой
 Честной христіанинъ; а передъ нимъ
 Малютка-внучъ игралъ съ собакой;
 А внучка въ юбку Катри облеклась,
 И будто бы приходитъ въ гости къ дѣду;
 И онъ заводитъ съ ней бесѣду,
 И говорить онъ съ ней, смѣясь,
 Какъ и взаправду съ молодежи
 «А что же ты не съ паянницей?
 «Ужъ не въ лѣсу-ль кому отнять
 «Пришла охота? аль забыла?
 «Аль просто въ печку не садила?
 «Эхъ, стыдно, право стыдно, мать!»
 Анъ—глядь—негаданно, неожиданно—
 Калитка скрипъ—и входитъ Ганна.
 Старикъ пошолъ ее встрѣчать,
 А та: «что, Марко все въ дорогѣ?»

— Да, въ дорогѣ по сей часъ.—

«Вотъ и я чуть доплелась
 «Къ вашей хатѣ: стары ноги.
 «Не хотѣлось одиноко
 «Гибнуть на чужбинѣ.
 «Только-бъ Марка мнѣ дождаться...
 «Вся душа въ кручинѣ!»

И гостинцы вынимала,
 Развязавъ мѣшочекъ,
 Внучкамъ: крестики и бусы
 И шерстей моточекъ,
 И въ окладѣ изъ червонной
 Фольги образочекъ.
 А для Карпа—соловейка,
 И лошадокъ пару,
 И четвертое колечко
 Отъ святой Варвары
 Для своей для Катри; дѣду,
 На замѣнъ подарку,
 Принесла она три свѣчки:
 А себѣ и Марку—
 Ничего: не стало денегъ...
 А самой хворалось,
 Работать была не въ силахъ.
 «Вотъ еще осталось
 «Полбаранка!»
 И внучатамъ
 По куску досталось.

7.

Входить въ хату, Катерина
 Ей обмыла ноги,
 И за ужинъ посадила—
 Закусить съ дороги;
 Да не ѣсть, не пить бѣдняга.
 «Катря!» молвить Ганна:
 Скоро ль будетъ воскресенье?
 — Послѣ завтра, Ганна.—

«Отслужить акаѡистъ надо
 «Вешнему Николѣ
 «И частицу тоже вынуть:
 «Никогда, вѣдь, долѣй
 «Марко нашъ въ дорогѣ не былъ?..
 «Что, коль онъ недужень?»
 И слезами залилася.
 Ну, какой тутъ ужинъ!
 Еле-еле встала съ лавки,
 Молвить: «Катерина!
 «Охъ не та теперь я стала:
 «Извела кручина;
 «Еле-еле носить ноги
 «Тяжко, Катря, тяжело
 «Умирать въ чужой, знать, хатѣ!»
 И слегка бѣдняжка.
 Ужь ее и приобщили,
 Переждавши мало,
 И соборовали также:
 Все не помогало.
 Старый дѣдъ—тотъ по подворью,
 Что убитый, бродить;
 Катерина—та съ болящей
 И очей не сводить;
 Катерина у болящей
 Днюетъ и ночуетъ.
 А сычи въ ночи на крышѣ—
 Словно сердце чуетъ—
 Не къ добру кричать. Больная
 Каждый часъ, что льдина,
 Таетъ, только все лепечетъ
 Тихо: «Катерина,
 «Что нашъ Марко, не вернулся?
 «Охъ, когда-бъ я знала,
 Что дождуся и увижу,
 «Я-бы подождала!»

8.

Ъдетъ Марко съ чумаками,
 Пѣсни распѣваетъ,
 Не спѣшить—воловь дорогой
 На траву пускаетъ.
 И везетъ онъ Катеринѣ
 Сукнеца цвѣтного,
 Батькѣ—пышно шитый поясъ
 Шолку дорогого,
 А батрачкѣ на очипокъ,
 Съ золотой парчею,
 Онъ везетъ платочекъ алый
 Съ бѣлою каймою;
 А ребятамъ—черевички,
 Фигъ да винограду;
 А всѣмъ вмѣстѣ—не простого,
 А изъ Цареграду—
 Онъ везетъ вина въ боченкѣ
 Съ три ведра, да съ Дону
 Онъ везетъ икры... Не знаетъ,
 Подъѣзжая къ дому,
 Что творится тамъ. Приѣхаль—
 Ну, и слава Богу!
 Отворяетъ онъ ворота,
 Помолился Богу...
 «Аль не слышишь, Катерина?
 «Встрѣтила, пошла-бы.
 «Онъ приползъ! скорѣе въ хату
 «Марка привела бы!...
 «Слава Богу, что дождалась!—
 «Долго поджидала!»
 И, сквозь сонъ какъ будто, тихо
 Отче нашъ читала.

 Старый сивыхъ выпрягаетъ,
 Упряжь прибираетъ
 Вырѣзную. А Катрусю
 Марка озираетъ,

«Гдѣ же Ганна, Катерина?
 «Мнѣ по ней взгрустнулось!...
 «Ужь жива-ли?»

— Да жива-то,

Только прихворнулось
 Крѣпко ей. Покамѣсть батька
 Сивыхъ выпрягаетъ,
 Сходимъ въ хату поскорѣ:
 Ганна поджидаетъ.—
 Входитъ Марко съ Катрей въ хату,
 Сталь онъ у порогу:
 Испугался. Ганна шепчетъ:
 «Слава... слава Богу!
 «Подойди сюда, не бойся...
 «Выйди, Катерина:
 «Разспросить его мнѣ надо,
 «Разказать кручину».

Вышла Катря, а нашъ Марко
 Подошель по-ближе,
 Наклонился къ изголовью.
 «Марко! погляди же,
 «Погляди ты на старуху:
 «Видишь—похудѣла?
 «Я—не Ганна, не батрачка,
 «Я...» И онѣмѣла.
 Марко плакалъ и дивился..
 Вновь глаза открылись:
 Долго, пристально глядѣла—
 Слезы покатились.
 «Ты прости меня! Томилась
 «Вѣкъ въ чужой я хатѣ
 «Для тебя, сыночень милый,
 «Для тебя, дитяти!
 «Я.. я мать твоя!» И смолкла
 Вся земля вдрогнула
 Подъ подкидышемъ... Онъ къ Ганнѣ—
 А ужъ та заснула...

1859.

Г А Й Д А М А К И.

Прологъ.

Была шляхетчина когда-то
 Вельможной панею: вела
 Борьбу съ Москвой, съ ордой, съ султаномъ,
 Съ Нѣмецкимъ Орденемъ... Была!..
 Да что на свѣтѣ не минуетъ?
 Бывало, шляхта знай-кичится,
 И день и ночь себѣ гуляетъ,
 Да королями помыкаетъ.
 Не говорю я про Стефана,
 Про Собіескаго про Яна—
 Тѣ двое изъ ряду ужь вонъ—
 А про другихъ. Ну, приходилось
 Бѣднягамъ молча пановать...
 А сеймы, сеймики ревѣли;
 Сосѣди молча дивовались,
 Какъ короли бѣгутъ изъ Польши,
 И какъ реветъ безумно шляхта.

«*Nierogwałat! nierogwałat!*» *)

Крикнетъ, кто захочетъ,—
 И магнаты палятъ хаты,
 Карабели **) точатъ
 Долго такъ велося въ Польшѣ,
 Былъ урядъ таковскій—
 Наконецъ засѣлъ въ Варшавѣ
 Смѣлый Понятовскій.

Запановалъ и думалъ шляхту
 Прибрать къ рукамъ... и не съумѣлъ!
 Хотѣлъ онъ всѣмъ добра, какъ дѣтямъ;
 Чего-нибудь еще хотѣлъ:
 Одно словечко—*nierogwałat*
 Хотѣлъ у шляхты отобрать.

*) Не позволяю, не позволяю!

**) Польская сабля съ особенной рукояткой.

Затѣмъ... вся Польша запылала,
 Взбѣсилась шляхта, ну кричать:
 «*Slowo honoru! darma praca* *)
 Наемникъ гнусный москаля!»
 На крикъ Пулавскаго и Паца
 Встаетъ шляхетская земля,
 И—разомъ сто конфедерацій.

Разбрелись конфедераты
 По Литвѣ, Волыни,
 По Молдавіи, по Польшѣ
 И по Украинѣ.
 Разбрелись, да и забыли,
 Что за волю стали—
 Повязалися съ жидами
 И запиrowали:
 Разоряли, убивали,
 Церкви жгли-палили,
 А тѣмъ часомъ гайдамаки
 Ножи освятили.

1.

Г а л а й д а.

На свѣтѣ жить тяжело, а хочется жить:
 И хочется видѣть, какъ солнце сіяетъ,
 И хочется слышать, какъ море играетъ,
 Какъ пташка щебечетъ, дуброва шумитъ
 И какъ чернобровка въ лѣсу распѣваетъ...
 О, Господи Боже, какъ весело жить!

Сирота Ярема; жизнь его убога:
 Ни сестры, ни брата—никого-то нѣтъ;
 Прихвостень жидовскій, выросъ у порога,—
 А не проклялъ доли, и не проклялъ свѣтъ
 И людей. Да, впрочемъ, вѣдь они не знаютъ,
 Нужно ли ласкать имъ, нужно ли казнить?

*) Честное слово! Плохо дѣло!

Водить ими доля... Пусть же их гуляют...
 Пусть.. Да сиротѣ-то тяжко въ свѣтѣ жить.
 Часомъ такъ случится: про себя рыдаешь,
 И не оттого, что сердце наболить,—
 Просто, что увидишь, или что узнаешь...
 И опять за дѣло. Вотъ—какъ надо жить!
 Что-тутъ батька, мать, высоки палаты,
 Если не-съ-кѣмъ сердце къ сердцу отогрѣть!
 Сирота Ярема—сирота богатый,
 Есть съ кѣмъ и поплакать, есть съ кѣмъ и попѣть:
 Карія есть очи—что звѣзда сіяютъ,
 Бѣлыя есть руки—млѣютъ, обнимаютъ,
 Есть дѣвичье сердце—плачетъ и смѣется,
 Какъ Ярема знаетъ, какъ ему сдается.

Вотъ такой-то мой Ярема,
 Сирота богатый.
 Былъ и я такимъ, дѣвицы,
 Былъ... да вѣдь когда-то!..
 Было-было, да и сплыло,
 Было—миновалось.
 Сердце ноетъ, какъ припомню...
 Что же не осталось?

Что же не осталось? Что не погодило?
 Легче бы слезами обливаться было.
 Отобрали люди: видно, все имъ мало.
 «Что ему за доля?... Закопаемъ, стало:
 Онъ и такъ богатый..

Развѣ на заплаты

Да на слезы... Дай Богъ ихъ не отирать!
 Доля, горе-доля! гдѣ тебя искать?
 Воротися, доля, до моей до хаты,
 Али хотъ приснился... да нельзя и спать!

2.

Третьи пѣтухи.

Еще день бѣдную Украину
 Терзали лахи, и одинъ,

Еще одинъ хранили тайну
 Украина вся и Чигиринъ.
 Прошелъ и онъ—день Маккавея,
 Великій праздникъ. Онъ прошелъ—
 И ляхъ съ жидами, не жалѣя,
 Горѣлку кровію развелъ.
 Кляли Украину, распинали,
 Зачѣмъ-что нечего ужъ взять.
 А гайдамаки молча ждали,
 Пока гонцы залягутъ спать.
 Они легли—и не гадали,
 Что завтра имъ Ужъ не вставать.
 Заснули ляхи, а іуду
 Вѣдь не уложишь: онъ гроши
 Въ потьмахъ считаетъ—барыши
 Не были бъ видны добру люду.
 И тѣ на золото легли
 И сномъ нечистымъ задремали.

Дремлютъ... дай-Богъ, еслибъ на-вѣкъ задремали!
 А тѣмъ часомъ мѣсяцъ выплылъ посіять,
 Поглядѣтъ на небо, на землю, на море,
 Выслушать, что будутъ люди лепетать
 И потомъ поутру Богу рассказать.
 Свѣтитъ бѣлолицый—всю онъ Украину
 Видитъ... а глядятъ ли онъ на сиротину,
 На Оксану нашу? Гдѣ она горюетъ?
 Гдѣ голубка наша и очемъ воркуетъ?

Знаетъ ли Ярема, знаетъ ли и чууетъ?
 Мы увидимъ послѣ, а теперь играть
 Мнѣ пришлось пѣсню словно бы иную:
 Будутъ не дѣвицы подъ нее плясать,
 А попляшетъ горе. Пѣсню распѣвать
 Еусть придется внукамъ, только нашимъ внукамъ—
 Надо тоже внукамъ пѣсню завѣщать,
 Какъ Украина встала, на смѣхъ лютымъ мукамъ,
 Какъ умѣли ляховъ прадѣды карать.

Долго, долго по Украинѣ
 Та гроза гремѣла;
 Долго, долго кровь степями
 Лилась и алѣла.
 Лилась, лилась—и подсохла.
 Степи зеленѣютъ;
 Дѣды спать легли, - курганы
 Въ головахъ синѣютъ.
 Ну, да что же, что высоки?
 Ихъ никто не знаетъ,
 И надъ ними не заплачетъ,
 И не разгадаетъ.
 Только вѣтеръ тихо, тихо
 Пролетитъ надъ ними,
 Да роса поутру рано
 Слезками своими
 Ихъ умоетъ. Встанетъ солнце—
 Высушить, пригрѣетъ...
 А внучата? Нѣтъ имъ дѣла—
 Въ полѣ жито сѣютъ!
 Много ихъ, а кто укажетъ,
 Гдѣ лежить въ могилѣ
 Гонта, мученикъ за правду?
 Гдѣ похоронили?
 Желѣзнякъ, душа прямая,
 Гдѣ опочиваетъ?
 Тяжко! больно! Все погибло—
 Ихъ не вспоминаютъ.
 Долго, долго по Украинѣ
 Та гроза гремѣла;
 Долго, долго кровь степями
 Лилась и алѣла.
 День и ночь подъ тѣмъ погромомъ
 Стонетъ степь и гнется,
 Грустно, страшно! а вспомнешь—
 Сердце усмѣхнется.

Мѣсяць ты мой ясный! съ неба на ночь эту
 Ты спустишь за гору: намъ не надо свѣту:

Страшно будетъ, мѣсяцъ! хоть ты видѣлъ Рось.
 Видѣлъ Альту, Сену, какъ тамъ разлилось
 Алой крови море въ проклятую пору.
 А теперь что будетъ?.. Спрячься же за гору:
 Спрячься, мой дружочекъ, чтобъ не довелось
 Намъ подъ старость плакать... Ну, а всежь пришлось!..

Тускло, тускло въ поднебесьѣ
 Свѣтитъ бѣлолицый.
 Вдоль Днѣпра казакъ плетется,
 Можетъ, съ вечерницы.
 Онъ плетется смутный, грустный,
 Чуть волочить ноги,
 Можетъ, дѣвица не любить,
 Потому—убогій?
 Нѣтъ, его дѣвица любить:
 Пусть онъ весь въ заплатахъ,
 Да за-то онъ чернобровый—
 Будетъ изъ богатыхъ.
 Отчего жъ ему взгрустнулось,
 Отчего тоскуетъ
 И едва не плачетъ? Вѣрно,
 Сердце горе чуетъ.
 Чуетъ сердце: злое горе
 Завернуло въ гости,
 Да узнай его!.. Всѣ люди
 Словно на погостѣ.
 Дремлетъ пѣвень на заборѣ,
 Дремлетъ песъ—не лагетъ,
 Только гдѣ-то издалека
 Волки завываютъ.
 Пусть ихъ спать... Идетъ Ярема,
 Только не къ Оксанѣ,
 Не къ Оксанѣ чернобровой,
 Что жила въ Вильшанѣ,—
 А въ Черкесы къ ляхамъ. Третій
 Пѣвень запѣваетъ..
 Ну, а тамъ.. Идетъ Ярема,
 Рѣку озираетъ.

«О Днѣпръ, ты мой Днѣпръ, мой широкій, глубокой!
 Довольно ты крови казачьей носилъ
 Въ далекое море, дорогой далекой,
 Да синее море ты все не спойлъ...
 Сегодня упьешься. Сегодня отъ Бога
 Украину ждеть праздникъ, съ полуночи ждеть,
 Да праздникъ-то страшный. И много и много
 Прольеть она крови. Казакъ оживетъ
 И встанутъ гетьманы, въ парчевомъ жупанѣ,
 И будетъ, какъ прежде, Украина жива,
 И снова казакъ запоетъ не-по-тайну:
 «Нѣтъ ляховъ съ жидами!» и снова Украину
 Освѣтитъ, какъ въ старые дни, булава..»

Такъ думалъ, плетая въ дырявой рубахѣ,
 Сердечный Ярема съ *священнымъ* въ рукахъ.
 А Днѣпръ словно слышалъ: на всемъ на размахѣ
 Горой пѣвнить волны; въ густыхъ тростникахъ

Ревня стонетъ, завываетъ,
 Лозы нагибаетъ;
 Громъ гремитъ и молоньєю
 Тучу раздираетъ...

.....

3.

Пиръ въ Лисянкѣ.

Вечерѣло. Надъ Лисянкой
 Искры закружили:
 Это Гонта съ побратимомъ
 Трубки закурили.
 Страшно, страшно закурили!
 Въ адѣ не умѣютъ
 Такъ курить! Болотный Тыкичъ
 Кровію алѣетъ
 И шляхетской, и жидовской;
 А надъ нимъ пылаютъ

И избушка и палаты:
 Видно, Богъ караетъ
 И большого и меньшого.
 Среди базара
 Желѣзнякъ и Гонта только
 Крикнуть: «ляхамъ кара!
 Кара ляхамъ!»—даже дѣти
 На ножи лѣзть рады.
 Плачуть, стонуть ляхи, просятъ—
 Нѣту имъ пощады!..
 Кто съ молитвой, кто съ проклятьемъ,
 Кто надъ трупомъ брата—
 Исповѣдуются ляхи:
 Времени потрага.
 Нѣтъ, не милуютъ *миѣ*
 Ни годовъ, ни роду,
 Ни полячки, ни жидовики...
 Кровь сочится въ воду.
 Старца-старого, калѣби,
 Малаго ребенка
 Не осталось: всѣхъ повила
 Красная пеленка.
 Все легло на землю лоскомъ,
 Все, что живо было
 Между шляхтой и жидами...
 А межъ тѣмъ все пылало
 Выше къ тучамъ и пылало
 Зарево пожара...
 Галайда—тотъ знай рыкаетъ:
 «Кара ляхамъ, кара»!
 Какъ безумный, мертвыхъ рѣжетъ,
 Жжетъ, что ни попало.
 «Дайте ляха, аль іуду!
 Все мнѣ мало, мало!
 Дайте ляха, дайте крови
 Наточить съ поганныхъ!
 Море-крови.. мало моря...
 Охъ, моя Оксана!

Гдѣ ты?» Крикнетъ и потонетъ
 Въ пламени пожара.
 А тѣмъ часомъ гайдамаки
 Ставятъ вдоль базара
 Столъ да столъ; несутъ припасы,
 Что добыть успѣли,
 Чтобъ отъуживать засвѣтло,
 «Тѣшья!» заревѣли...
 Сѣли ужинать; кругомъ ихъ
 Адъ горить и рдѣть.
 На рожнахъ то тамъ, то индѣ
 Панскій трупъ чернѣть.
 Вотъ рожны и загорѣлись—
 Трупы вмѣстѣ съ ними
 На земь рухнулися. «Пейте,
 Дѣти, съ проклятыми!
 Можесть быть, еще придется
 Повстрѣчаться съ ними.
 Пью за трупы, пью за души
 Ваши?» восклицаетъ
 Желѣзнякъ, и жбанъ горѣлки
 Разомъ осушаетъ.
 «Пейте дѣти! пейте, лейте!
 Выпьемъ, Гонта, что-ли?
 Выпьемъ, братъ ты мой названный!
 Погуляемъ въ волю!
 Гдѣ же волохъ? пусть сыграетъ—
 Мы его уважимъ:
 Что не скажетъ онъ про ляховъ,
 Мы ему доскажемъ.
 Не про горе, потому-что
 Гора не уважимъ—
 Веселую дерни, старче,
 Чтобъ земля ломилась,
 Какъ вдовица-молодица
 Попусту томилась!
 Ковзарь (*шрасть припыва*):
 «Отъ села и до села
 Музыка и пляска:

За насѣдку черевички—
 Будеть же имъ таска!
 Отъ села и до села
 Я бы расплясалась:
 Ни коровы, ни вола—
 Хата мнѣ осталась!
 Да и ту продамъ кумѣ
 Я со всеѣмъ приборомъ
 И куплю себѣ шалашъ
 Прямо подъ заборомъ;
 Торговать и шинковать
 Буду я крючками,
 И тогда-то ужъ гулять
 Буду съ молодцами.
 Охъ, вы дѣточки мои,
 Охъ, вы голубятка!
 Не стыдитесь, подивитесь,
 Какъ танцуетъ матка!
 Я въ наемъ пойду; дѣтей
 Въ школу... да и въ пляску—
 И червоннымъ черевичкамъ
 Я задамъ же таску!»

.

Все танцуетъ, все пируетъ...
 Галайда-бѣдняжка
 На концѣ стола горюеть,
 Плачетъ горько, тяжко,
 Какъ ребенокъ. Отчего же?
 Въ аломъ опъ жупанѣ;
 Есть и золото, и слава—
 Не замѣнь Оксанѣ!
 Не съ кѣмъ долей подѣлиться...
 Грустно... Не поется...
 Одинокимъ сиротою
 Пропадать прійдется
 За Оксану.

.....

 Галайда
 Съ Гонтою танцуетъ.
 Желѣзнякъ хватаетъ кобзу,
 Съ кобзаремъ толкуеть:
 «Попляши, а я сыграю,
 Старина какъ знаю.»
 И пошелъ слѣпой въ присядку
 По всему базару—
 Отдираетъ постоломи,
 Поддаетъ словами:

«Въ огородѣ пустарнакъ, пустарнакъ;
 Аль тебѣ я не казакъ, не казакъ?
 Аль тебя я не люблю, не люблю?
 Аль тебѣ я черевичковъ не куплю?
 Я куплю тебѣ обновку,
 Распотѣшу чернобровку!
 Буду, сердце, ходить,
 Буду, сердце, любить!

«Ой гошъ-гопака!
 Полюбила казака,
 Только старый, да недюжий,
 Только рыжий, неуклюжий,—
 Вотъ и доля вся пока!
 Доля слѣдомъ за тоскою,
 А ты, старый, за водою,
 А сама-то я въ шинокъ,
 Да хвачу себѣ крючокъ,
 А потомъ—все чокъ да чокъ:
 Чарка первая коломъ,
 А вторая соколомъ...
 Баба въ плясъ пошла—конецъ,
 А за нею молодець...
 Старый-рыжий бабу кличетъ,
 Только баба кукишь тычетъ:
 «Коль женился, сатана,

«Добывай же мнѣ пше́на:
 «Надо дѣтокъ пожа́лѣть—
 «Накормить и прио́дѣть.
 «Добывай, не то —быть ху́ду,
 «А ужь я сама добу́ду...
 «А ты, старый, не грѣши—
 «Колыбельки колыши,
 «Да молчи и не грѣши.

«Какъ была я молодою, да уго́дницею,
 Я повѣсила передникъ надъ оконни́цею,
 Кто бъ ни шель—не мине́тъ
 И кивне́тъ, и моргне́тъ.
 Я въ окошечко киваю,
 Шолкомъ въ пальцахъ вышиваю...
 Охъ Семены—вы—Иваны,
 Надѣвайте-ка жупаны,
 Да со мной гулять по́йдемте,
 Да присяде́мъ—запое́мте..»

4.

Гонта въ Умани.

Проходятъ дни, минуло лѣто,
 А степь горитъ, да и горитъ;
 По селамъ плачутъ дѣти: гдѣ-то
 Отцы ихъ? Богъ вѣсть! Шелеститъ
 Поблеклой листвою дуброва;
 Гуляютъ тучи: солнце спитъ—
 И не слышать людского слова;
 Лишь воетъ звѣрь, идя въ село,
 Гдѣ чуетъ трупъ: не хоронили,
 Волковъ поляками кормили,
 Пока ихъ снѣгомъ занесло.
 Да бѣлы снѣги и вьюга—
 Только въ помочь карѣ;
 Ляхи мерзли, а казаки
 Грѣлись на пожарѣ.

И весна пришла и ряской
 Воду принакрыла,
 Поднесла землѣ барвинокъ,
 Да и разбудила —
 Пусть сыра-земля проснетя.
 Жаворонокъ въ полѣ,
 Соловей въ кустахъ — и льется
 Пѣсня ихъ о волѣ...
 Сущій рай! а для кого же?
 Для людей? Не будетъ
 Человѣкъ глядѣть... а взглянетъ —
 Божій рай осудить.
 Надо кровію подкрасить,
 Освятить пожаромъ:
 Солнца мало: рясокъ мало;
 Тучи ходятъ даромъ;
 Аду мало!... Люди, люди!
 Да когда жъ довольно
 Будетъ вамъ добра Господня?
 И чудно и больно!

И весна не смыла крови:
 Злоба братьевъ вдвое —
 Не глядѣлъ бы; а припомнишь —
 Было такъ и въ Троѣ;
 Будетъ вѣчно.

Гайдамаки

Рѣжутъ да гуляютъ;
 Гдѣ пройдутъ — земля пылаетъ,
 Кровью намокаетъ.
 Подобралъ Максимъ сыночка —
 Вспомнить Украина!
 Хоть не сынъ родной Ярема
 Рѣжетъ — и литуетъ —
 Со священнымъ на пожарахъ
 Днюетъ и ночуетъ.
 Не помилуетъ, не минетъ
 Ляха проклятого:

Онъ за ктитора имъ платитъ,
 За отца святого,
 За Оксану... И шатнется,
 Вспомнивъ про Оксану,
 А Максимъ: «Гуляй, сыночекъ!
 Если не устану,
 Погуляемъ!»

Погуляли!

Купа подлѣ купы,
 Вплоть отъ Кіева на Умань
 Протянулись трупы.
 Словно туча Гайдамаки
 Умань обложили
 О полуночи; съ зарею
 Умань запалили, —
 Запалили, закричали:
 «Кара ляхамъ! Крови!»
 Покатились по базару
 Конны *parodowi*,
 Панны, малые ребята,
 Хворые калѣки.
 Снова громъ—и на базарѣ
 Рѣки крови, рѣки!
 Въ бродъ ихъ Гонта переходитъ
 Съ удалымъ Максимомъ
 И кричать вдвоемъ: вотъ такъ-то,
 Такъ имъ, нечестивымъ!
 Вотъ волочатъ гайдамаки
 Ксендза-іезуита
 И двухъ мальчиковъ. «Эй, Гонта!
 Вотъ твой сынокъ-то!...
 Вѣтъ католики: самъ знаешь —
 Дѣти католички.
 Ты насъ рѣжешь—ихъ бы кстати,
 Благо невелички!
 Отчего жъ ты ихъ не рѣжешь?
 Подрастутъ, такъ сами
 На тебя поднимутъ руки
 Съ нашими ножами».

— Пса убейте, а щенячь-то
 Я—своей рукою...
 Кличь громаду! Признавайтесь,
 Дѣти, предо мною:
 Вы—католики?—«Да, тятя!
 Мать насъ окрестила...»
 — Замолчите!.. Знаю! знаю!
 Боже ты мой милый!
 (Собралися гайдамаки.)
 — Нѣту имъ пощады!..
 Чтобы не было измѣны,
Господа громада,
 Присягаль я, взявъ *священный*...
 Дѣти католички...
 Охъ, вы, дѣти, вы, сыночки,
 Что вы невелички?
 Что не рѣжете вы ляховъ? —
 — Будемъ рѣзать, тятя!»
 — Нѣтъ, не будете вы рѣзать!..
 Пусть мои проклятья
 Поразятъ ту католичку,
 Что васъ породила!
 Отчего она съ зарею
 Васъ не утопила?
 Вы бы умерли безгрѣшно,
 Не еретиками;
 А сегодня... не на радость
 Встрѣтился я съ вами!
 Васъ присяга убиваетъ,
 А не батька, дѣти. —
 Ножъ поднялся—и малютокъ,
 Не было на свѣтѣ.
 И невинные малютки,
 Падая, шептали:
 «Тятя, тятя, мы не ляхи,
 «Мы...»—и замолчали.
 «Хоронить ихъ?»—Нѣтъ не надо:
 Дѣти католички...

Сыновья мои! чего вы
 Были невелички? —

Всѣ гуляють. Гдѣ же Гонта?
 Что онъ не гуляетъ?
 Что не пьеть онъ съ казаками?
 Что не распѣваетъ?
 Нѣтъ его; теперь бѣднягѣ
 Гонтѣ не до пѣсенъ...

Кто тамъ бродить въ черной свиткѣ
 Посреди базара?
 Кто тамъ сталь надъ грудой труповъ,
 Въ заревѣ пожара?
 Долго ищетъ онъ кого-то,
 Проклятую купу
 Мертвыхъ ляховъ разгребаетъ...
 Отыскалъ... Два трупа—
 Двухъ подростковъ взявъ на плечи,
 И позадь базара
 Черезъ мертвыхъ онъ шагаетъ,
 Среди пожара,
 За костеломъ. Кто же это?
 Гонта, горемъ битый:
 Хоронить дѣтей несетъ онъ,
 Чтобъ землю крыты
 Были, чтобъ казачье тѣло
 Стая псовъ не ѣла.
 И по улицамъ, по темнымъ,
 Гдѣ не такъ горѣло,
 Гонта несъ дѣтей на плечахъ,
 И отъ люду крылся,—
 Не видали бы, какъ старый
 Гонта прослезился,
 Хороня дѣтей. Онъ вынесъ
 Дѣтокъ въ поле прямо,
 Прочь съ дороги, и *священный*—
 Въ землю: будетъ яма...

Онъ копаеть и копаеть...
 Умань все пылаеть,
 Свѣтитъ Гонть на работу...
 Отчего же въ свѣтъ,
 Въ этомъ заревѣ кровавомъ,
 Гонть страшны дѣти?
 Отчего жъ онъ, словно крадетъ,
 Или кладъ хоронить,
 Даже струсить, если вѣтеръ
 До него догонитъ
 Крики, пѣсни гайдамаковъ?...
 Онъ дѣтей хоронить,—
 Онъ глубокую имъ хату
 Роеть; въ темной хатѣ,
 Не глядя, кладеть—звать слышитъ:
 «Мы не ляхи, тятя!»
 Уложилъ; досталъ китайку
 Изъ кисы; лобзаеть
 Мертвыхъ въ очи, и китайкой
 Алой накрываеть,
 Крестить...
 —Дѣти! поглядите
 Вы на Украинну:
 За нее вы сгибли, дѣти,
 За нее я сгину!
 Да меня-то кто схоронитъ
 На чужомъ на полѣ,
 Какъ я васъ, и кто заплачетъ
 По моей по долѣ?
 Спите, дѣти, почивайте!
 Вамъ постель—могила!
 Сука-мать другой постели
 Вамъ не обрядила.
 Безъ вѣнчочковъ—василечковъ,
 Безъ калины, дѣти,
 Спите здѣсь, моля у Бога,
 Чтобъ на этомъ свѣтѣ
 Покаралъ меня жестоко
 За грѣхи за эти...

Что католики вы были,
 Вамъ прощаю, дѣти!—
 И заравниваетъ землю,
 Чтобъ враги не знали,
 Гдѣ зарыты дѣти Гонты,
 Гдѣ ихъ погребали.
 —Спите дѣти! батьку ждите:
 Скоро будеть!... что же?
 Скороталъ вашъ вѣкъ я, только
 И меня ждетъ тоже,
 И меня убьютъ... Схоронять...
 Кто? и самъ не знаю...
 Гайдамаки!.. Охъ, еще разъ
 Съ ними погуляю!—
 И пошелъ убитый Гонта.
 Шагъ—и спотыкнется.
 Свѣтитъ зарево—онъ глянетъ,
 Глянетъ—усмѣхнется.
 Страшно, страшно усмѣхался..
 На степь оглянулся,
 Слезы вытеръ, и въ пожарномъ
 Дымѣ окунулся.

ЭПИЛОГЪ.

.

 Погуляли гайдамаки,
 Лихо погуляли:
 Чуть не годъ шляхетской кровью
 Вдоволь наводняли
 Украину, и замокли—
 Ножъ свой иззубрили.
 Нѣту Гонты; крестъ не блещетъ
 На его могилѣ.
 Буйны вѣтры разметали
 Пепель гайдамака,
 Больше некому молиться
 Слезно: нѣтъ и знака,

Гдѣ тотъ пепель... Въ цѣломъ свѣтѣ
 Только братъ названный,
 Только онъ одинъ заплакалъ:
 Зналъ, какъ окаянный
 Ляхъ замучилъ Гонту-брата
 Муками такими,
 Что и онъ заплакалъ, съ роду
 Въ первый разъ... Богъ съ ними,
 Со слезами! Ихъ не вытеръ
 Желѣзнякъ... а вскорѣ
 Самъ зарылъ онъ въ чуждомъ полѣ
 И тоску, и горе.
 И простились гайдамаки
 Съ той *железной* силой,
 Что они прикрыли слезно
 Насыпной могилой...
 А простились—и пропали,
 Словно не бывали...

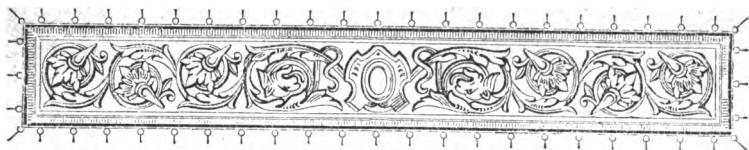
И однимъ-одинъ Ярема;
 Онъ одинъ, мой жалкой,
 Отъ могилы не отходить:
 Подиершися палкой,
 Долго онъ стоитъ. «Спи, батька,
 На чужомъ на полѣ—
 На своемъ ужъ нѣту мѣста,
 Нѣту мѣста волѣ.
 Спи, казакъ, коль спать охота!
 Припомянетъ кто-то!...»

И пошелъ онъ степью; слезы
 Сердце отирало.
 Онъ оглядывался долго—
 И его не стало...
 И въ степи одна могила
 Съ вѣтромъ говорила.

Такъ въ Украинѣ гайдамаки
 Засѣвали жито,

Только жать-то не пришлось:
 Градомъ, звать, побито.
 Правда сгнула въ подросткахъ,
 Кривда повивала...
 Разошлись гайдамаки,
 Кто куда попало.
 Разошлись гайдамаки
 По своимъ жилищамъ.
 Кто домой, а кто въ дуброву --
 Ножъ за голенищемъ
 Доконать жидовъ проклятыхъ,
 Доконать безбожье...
 А тѣмъ временемъ сломили
 Наше Запорожье:
 Кто къ Кубани, кто къ Дунаю..
 Только и остались
 Что пороги середь степи.
 Ревма-разрыдались:
 «Схоронили нашихъ дѣтокъ,
 И до насъ добрались!»
 Ревма-воюють—пусть ихъ воють:
 Ихъ пора минула...
 А Украина ихъ на вѣки
 Вѣчные заснула.
 Съ той поры по всей Украинѣ
 Жито зеленѣеть.
 Нѣтъ ни слезъ, ни грозъ, ни грома.
 Только вѣтеръ вѣеть,
 Гнетъ деревья по дубровѣ,
 Травку середь поля.
 Все замолкло... Пусть и смолкнеть:
 Видно, Божья воля!
 1860.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

ЩЕГОЛЕВЪ.

ПѢСНЯ.

Охъ, былъ конь и у меня—
Весь изъ полымя-огня,
Были сабля и винтовка
И колдунья-чернобровка.

Турокъ борзаго словиль,
Ляхъ мнѣ саблю иззубрилъ,
А винтовка изломалась,
А колдунья отурчалась.

По Буджацкимъ по степямъ
Путь казацкимъ бунчукамъ,
А мнѣ путь одинъ—съ сохою,
По-надъ нивою сухою.

Гей, гей, гей, воль чорный мой!
Долго намъ пахать съ тобой...
Вѣтеръ вѣеть-повѣваетъ...
Котелочекъ закипаетъ...

Кто бъ меня повеселилъ—
Хлѣбъ-соль виѣстѣ раздѣлилъ?
Ой, кто въ полѣ—покажися!
Кто въ дубровѣ—отзовися!

Никого... Въ дубровѣ гулъ;
Мѣсяцъ въ облачко нырнулъ;
Вѣтеръ вѣеть-повѣваетъ;
Котелочекъ простываетъ...

1859.

РУСНАЦКІЯ ПѢСНИ.

I.

У сосѣдки сынъ молодчикъ—
 Хата съ хатой рядомъ;
 У сосѣда дочь красотка—
 Сады сошелся съ садомъ.

Вѣть вѣтеръ съ полунѣчи—
 Старики за сказки;
 Вѣть вѣтеръ со полудня—
 Молодежь за ласки.

— Милый по саду гуляетъ,
 Смотритъ къ намъ въ окошки:
 Я, дѣвица, вышла въ сѣни,
 Стала на порожкѣ.

— Съ милымъ другомъ перемолвить
 Слово я хотѣла,
 Да отецъ въ саду работаль:
 Я и не посмѣла.

Сизый голубъ по застрѣхѣ
 Ходитъ, да воркуеть;
 Сизу-голубю Анюта,
 Смѣючись, толкуеть:

„Охъ, голубчикъ сизокрылый,
 Ворковать умѣешь,
 А небось къ намъ подъ окошко
 Прилетѣть не смѣешь?

„Для тебя-ли, голубочка,
 Для воркуны-птички,
 На окошкѣ я разсыплю
 Проса и пшенички:

„Ты не бойся, мой голубчикъ,
 А—какъ сидеть солнце—
 Прилетай ко мнѣ, дѣвицѣ,
 Прямо подъ оконце!“

Голубочку на застрѣхъ
 И отцу сѣдому
 Не въ домекъ дѣвичьи рѣчи,
 Да въ домекъ милѣму:

Не слетѣлъ клевать пшеничку
 Голубъ сизокрылый,
 А пришелъ со мной, дѣвицей,
 Цѣловаться милый.
 1849.

 II.

— Что-это не слышно Наны голосочка?
 Затяни намъ пѣсню, маленькая дочка!

«Во саду-садочкѣ
 Выросла малинка:
 Солнце ее грѣетъ,
 Дождичекъ лелѣетъ.
 Въ свѣтломъ теремочкѣ
 Выррсла Навинка:
 Тятя ее любитъ,
 Маменька голубить.»

— У малютки Наны пѣсенки—малютки:
 Малы, да пригожи, словно незабудки.
 1855.

 МОРАВСКІЯ ПѢСНИ.

I.

У молодки Наны
 Мужъ, какъ лунь, сѣдой..
 Старый мужъ не вѣрить
 Женкѣ молодой:
 Разомъ домекнулся,
 Что не будетъ прокъ—
 Глазь съ нея не спустить;
 Двери на замокъ.

«Отвори каморку—
Я чуть-чуть жива:
Что-то разболѣлась
Сильно голова—

«Сильно разболѣлась,
Словно жарь, горить...
На дворѣ погодно:
Можетъ, освѣжить.»

— Что-жь? открой окошко,
Прохладись, мой свѣтъ!
Хороша прохлада,
Коли друга нѣтъ!

Нана замолчала,
А въ глухой ночи
Унесла у мужа
Стараго ключи

«Спи, голубчикъ. съ Богомъ,
Спи, да почивай!»
И ушла тихонько
Въ дровяной сарай.

— Ты куда ходила,
Нана, со двора?
Волосы—хоть выжми:
Шубка вся мокра...

«А телята наши
Со двора ушли,
Да куда жь?—къ сосѣдкѣ
Въ просо забрели.

«Загнала на силу:
Разбѣжались всѣ...
Я и перемокла,
Ходя по росѣ!»

Видно—лучше съ милымъ
Хоть дрова щепать,
Чѣмъ со старымъ мужемъ
Золото считать.

Видно—лучше съ милымъ
Голая доска,
Чѣмъ со старымъ мужемъ
Два пуховика...
1856.

II.

Лучше куколя пшеница—
Лучше вдовушки дѣвица;
Лучше золото свинца—
Лучше молодець вдовца.
1856.

III.

«Тятенька-голубчикъ, гдѣ моя родная?»
— Померла, мой свѣтикъ, дочка дорогая!

Дочка побѣжала прямо на могилу,
Рухнулась на-земь, молвить черезъ силу:

«Матушка родная, вымолви словечко!»
— Не могу: землею давить мнѣ сердечко...

«Я разрою землю, отвалю камень...
«Вымолви слсвечко, дай благословенье!»

— У тебя есть дома матушка другая.
«Охъ, она не мать мнѣ—мачиха лихая!

«Только зубы точить на чужую дочку:
«Щиплеть, коли станеть надѣвать сорочку;

«Чешеть—такъ подъ гребнемъ кровь ручьемъ сочится;
«Рѣжетъ ломоть хлѣба—ножикомъ грозится!»
1856.

ВОЛЫНСКІЯ ДУМЫ.

I.

Въ полѣ широкомъ желѣзомъ копыть
Варыто зеленое жито...

Тамъ, подъ плакучей березой, лежитъ
Молодецъ, тайно убитый.

Молодецъ, тайно убитый, лежитъ.
Тайно въ траву схороненный:
Весь онъ, бѣдняжка, китайкой накрытъ,
Тонкой китайкой червонной.

Вотъ подъ березу дѣвица пришла—
Розой она расцвѣтала—
Съ молодца тихо китайку сняла,
Страстно его цѣловала.

Вотъ и другая дѣвица пришла—
Глазки сіяли звѣздами—
Съ молодца тихо китайку сняла.
Вся залилася слезами.

Третья пришла—и горѣлъ ея взоръ...
Молвила: «спить—не разбудишь...
Спи, мой молодчикъ: теперь трехъ сосестеръ
Больше любить ты не будешь!»
1856

II.

Пташка въ полѣ, рыба въ тинѣ
Рѣзвятся на волѣ...
Одному мнѣ, сиротинѣ,
Нѣтъ на свѣтѣ доли.

Осѣдлаю я, дѣтина,
Съ ночи вороного...
«Отпускай, старуха, сына,
Снаряжай родного.»

Сына мать благословляла
Въ дальній путь-дорогу,
Цѣловала-миловала,
Поручала Богу.

Мчится подъ небомъ туманнымъ

Соколъ: «Соколина!

Ты летѣлъ надъ полемъ браннымъ:

Не видалъ ли сына?

— Видѣлъ: спитъ онъ съ полуночи —

Въ головать ракита;

Удалому вырвалъ очи

Воронъ-ненасыта.

Какъ всплеснетъ она руками:

«Охъ, вы, дѣти, дѣти!

Пропадать теперь мнѣ съ вами

Сиротой на свѣтѣ!»

1858.

III.

Пьеть и пляшетъ казагъ

И волынщикамъ такъ

Говорить: «удружите—

«Чернобровкѣ шепните,

«Что изъ плохонькихъ я—

«Не гожуся въ мужья—

«Казачина убогой,

«И добра-то немного.

«На дворѣ сто воловъ,

«Да безъ счету коровъ;

«Кони въ холѣ—въ приборѣ;

«Скринка золотыхъ въ каморѣ»

Вѣсть—что чайка—летить...

Чернобровка бѣжить,

Въ попыхахъ и въ весельѣ,

Приготовливать зелье.

Изъ подъ бѣлыхъ камней

Накопала корней,

У рѣки ихъ расклала —

Въ молокѣ чаровала.

— Мой милóй далекó...
 Закипай, молоко,
 Передъ свадьбой моею...
 (А казакъ ужь за нею.)

— Что тебя принесло —
 Сивый конь, аль весло?
 «Принесла меня доля,
 «Да Господняя воля:

«Вѣкъ съ тобой вѣковать,
 «Вѣкъ тебя миловать,
 «Холить, нѣжить, покоить,
 «Хату новую строить.»

1858.

ЭНИИ ЛЕХРОЕНЪ.

Шотландская легенда.

«Кто мнѣ стройную ногу обуеъ теперь?
 Кто перчатку по бѣлой рукѣ прибереть
 И надѣнетъ? Кто станъ мой кругомъ
 Новымъ лондонскимъ поясомъ весь обовьеть?»

«Кто серебрянымъ новенькимъ гребнемъ пройдетъ
 Бѣлокурой моею косою?
 Кто замѣнитъ отца для малютки, пока
 Грегори не вернется домой?»

— Энии! стройную ногу обуеъ отецъ,
 Мать перчатку по бѣлой рукѣ прибереть
 И надѣнетъ; а станъ твой сестра
 Новымъ лондонскимъ поясомъ весь обовьеть.

— Я серебрянымъ новенькимъ гребнемъ пройду
 Бѣлокурой твоею косою;
 Богъ замѣнитъ отца для малютки, пока
 Грегори не вернется домой.

«Охъ! когда бы корабль— да корабль снарядить,
 Да очокихъ людей подобрать, —

Полетѣла бѣ къ милѡму на всѣхъ парусахъ,
Коль не въ мочь самому у меня побывать.»

И отецъ снарядилъ ей летучій корабль:
И несеть его къ берегу тихо волна...
Энни на руки сына-малютку взяла,
И простилася съ отческимъ кровомъ она.

Вотъ и парусить по морю съ мѣсяць она,
Али мало-чѣмъ больше,—и вотъ
У жилья Грегори, противъ самыхъ воротъ,
Снаряженный корабль пристаеть.

Ночь потемна была; вѣтеръ холоденъ былъ;
Милый Энни давно уже спалъ;
Да проснулся малютка у ней на рукахъ,
Началъ биться и крикомъ-кричалъ.

У воротъ, на замокъ запертыхъ,
Энни долго, какъ будто на спицахъ стоять..
Наконецъ вышла мачиха друга ея
И окликнула!—Кто-тамъ стучить?

«О! я, Энни Лехроэнъ, подруга твоя..
Прилетѣла къ тебѣ по волнамъ,
И малютку съ собой на рукахъ привезла:
Отвори поскорѣе же намъ.»

— Отойди, отойди ты, и сгинь-пропади!
Не къ добру ты стучишься у нашихъ воротъ
Ты колдунья, ты—вѣдьма проклятая, ты..
Ты—исчадье нечистое водъ. —

«Не колдунья, не вѣдьма проклятая я,
Не исчадье нечистое водъ, —
Но я—Энни Лехроэнъ твоя:
Не держи же меня у воротъ».

— Если Энни Лехроэнъ доподлинно ты,
Хоть тебѣ и не вѣрю ни въ чемъ, —
Разкажи мнѣ: какія мы рѣчи вели,
Какъ сидѣли съ тобою вдвоемъ?

«О! да развѣ не помнишь ты, мой Грегори,
 Какъ мы виѣстѣ сидѣли съ тобой за столомъ.
 Какъ тогда обмѣнялись салфетками мы?
 Вѣдь и дней-то немного промчалось потомъ...

— И салфетка была у тебя хороша,
 И на шеѣ пригодна была для стола;
 Только лучше вѣдь кембрика крученный шелкъ
 И моя-то шелковая лучше была.

«И ужь будто не помнишь ты, мой Грегори?..
 А не помнишь, такъ я расскажу,
 Какъ съ тобой перстеньками мѣнялися мы,
 Да ужь кстати и твой перстенекъ покажу...»

— Твой хорошъ перстенекъ и казистъ —
 Весь изъ краснаго золота, весь онъ литой,
 Да вѣдь мой-то получше: въ моемъ перстенькѣ
 Въ то же золото вправленъ алмазь дорогой.

„Отодвинь же скорѣй, милой мой Грегори,
 Отодвинь ты запоръ у воротъ:
 Не отдвинешь—на холодѣ наше дитя
 Скоченѣтъ совсѣмъ и умереть“.

— Отойди, одойди ты, и сгинь-пропади:
 Ко стыду ты у нашихъ воротъ!
 Приглядѣлъ я другую подругу себѣ,
 А тебѣ—отъ воротъ поворотъ.

„Приглядѣлъ ты другую подругу себѣ,
 Насмѣялся надъ клятвой святой,—
 Такъ прощай же, обманщикъ лихой, Грегори!
 Не видаться намъ больше съ тобой...“

О, какъ скоро, какъ скоро она
 Къ кораблю добѣжала, а тамъ,
 Добѣжавши, всю волю дала
 Неустаннымъ, горючимъ слезамъ...

„Золоченную мачту снимите скорѣй—
 Деревянной простой мнѣ довольно: не стать

Съ золоченною мачтой по морю везти
 «Опостылюю мужу супругу и мать».

Грегори пробудился отъ крѣпкаго сна
 И сказалъ своей мачихѣ онъ:

„Этой ночью все сердце въ конецъ сокрушилъ
 Мнѣ недобрый пророческій сонъ.

„Мнѣ приснилось, что Эни Лехроэнь моя,
 Изъ цвѣтовъ ненаглядный цвѣтокъ,
 На порогѣ стоять у моихъ у воротъ
 И никто не впускаетъ ее за порогъ“.

— Это вѣдьма — не Эни Лехроэнь твоя —
 Замышляла глаза тебѣ сномъ отвести:
 Постояла она у твоихъ у воротъ —
 Ну, а въ домъ не хотѣла войти.

„Перестань же ты, злостная женщина, лгать,
 И умри лютой смертью за то, что ты зла:
 Не хотѣла красавицы Эни впустить
 И меня разбудить не могла“.

Быстро, быстро съ постели онъ всталъ,
 И стерпѣть ему было не въ мочь:
 Побѣжалъ онъ на берегъ, а Эни его
 Отплываетъ отъ берега прочь.

„Эни! Эни! Куда ты, куда?“
 Крикнулъ онъ изо всѣхъ своихъ силъ,
 Только — ахъ! — чѣмъ онъ громче кричалъ,
 Тѣмъ быстрее корабль уходилъ.

„Эни! Эни! Куда ты, куда?“
 Перемолвись хоть словомъ со мной!“
 Только — ахъ! — чѣмъ онъ громче кричалъ,
 Тѣмъ все выше вздымался прибой.

Вѣтеръ крѣпнеть и море реветъ,
 И корабль закружило собой —
 Какъ взглянулъ Грегори, а ужъ Эни его
 Унесло бѣлопѣнной волной.

Смотрить онъ: и малютка у ней на рукахъ;
 Виѣстѣ ихъ съ корабля унесло..
 Поднялъ руки онъ къ верху и бросился вмигъ—
 Въ клокотавшее моря жерло.

Энни за косу русую крѣпко схватилъ
 И примчалъ ее къ берегу онъ,
 Да еще не доплылъ, а у ней каждый членъ—
 Смертнымъ холодомъ былъ ужъ сведень.

Цѣловаль, цѣловаль онъ ей щеки сперва,
 А потомъ пряди косъ золотыхъ,
 И тоскливо онъ въ губы ее цѣловаль,
 Да дыханья-то не было въ нихъ.

Цѣлый день просидѣлъ онъ надъ Энни своей,
 Такъ что солнце ужъ сѣло и пала роса..
 Вздохъ послѣдній тутъ сердце ему разорвалъ—
 И умчалась душа въ небеса...

19 сентября 1861.

ИТАЛЬЯНСКІЙ НАРОДНЫЙ ГИМНЪ.

Къ оружью! къ оружью! Разверзлись могилы.
 Проснулись былыя, загробныя силы:
 Воскресли всѣ тѣни страдальцевъ отчизны—
 И нѣтъ укоризны ихъ празднымъ мечамъ.
 Вѣнки на ихъ челахъ, а въ сердцахъ ихъ—пламя
 Любви къ согражданамъ... Поднимемъ же знамя
 Италіи прежней, во имя народа,
 И здравствуй свобода—на гибель врагамъ!

Врагъ, Италію оставь ты:
 Вновь она свободы дочь!
 И пока еще есть время,
 Убѣгай скорѣе прочь!

Царица цвѣтовъ, вдохновенья и звуковъ,
 Побѣдный щитъ предковъ возьми ты для внуковъ—
 Вѣка сотней узъ на тебѣ тяготѣли;

Но вдругъ загремѣли Леньяно мечи...
 Напрасно забылъ ты, коварствуя, нѣмецъ,
 Что въ нашей Италіи ты—чужеземецъ,
 Что стануть позорны ей, поздно иль рано,
 Оковы тирана и всѣ палачи!

Врагъ, Италію оставь ты:
 Вновь она свободы дочь!
 И, пока еще есть время,
 Убѣгай скорѣе прочь!

Зачѣмъ же въ чужомъ поселился ты краѣ?
 Дома эти наши; твои—на Дунаѣ;
 На немъ твои нивы и семьи, а наши—
 Быть можетъ—и краше, да нужны самимъ...
 Два моря и Альпы—Италіи грани:
 Скорѣй же огнемъ и желѣзомъ, граждане,
 Пробьемъ Аппениновъ упорную грудь,
 И знамя повсюду свое водрузимъ!

Врагъ, Италію оставь ты,
 Вновь она свободы дочь!
 И, пока еще есть время,
 Убѣгай скорѣе прочь!

Будь нѣмы уста и будь быстры десницы—
 И врагъ намъ очиститъ всѣ наши границы,
 И кончится власти намъ чуждой безчинство:
 Гдѣ мысли единство, тамъ нѣтъ пришлецовъ!
 О рабствѣ позорномъ не будетъ помина;
 Народъ итальянскій сольется въ-едино,
 И вольно задышать одною душою
 И жизнью одною всѣ сто городовъ!

Врагъ, Италію оставь ты:
 Вновь она свободы дочь!
 И, пока еще есть время,
 Убѣгай скорѣе прочь!

1862.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Разсказъ камергера короля Станислава Августа.

(Съ польскаго).

Въ молодыхъ моихъ лѣтахъ я помню одного изъ нашихъ сосѣдей, сѣдого, какъ лунь, старичка, котораго всѣ называли паномъ камергеромъ. Весь женскій полъ питалъ къ нему глубокое уваженіе и ставилъ его въ примѣръ молодежи за его юморъ, за любезное обращеніе въ обществѣ, за остроумные анекдоты о времени Станислава Августа, за превосходное владѣніе французскимъ языкомъ, и наконецъ—за изысканную опрятность и за умѣнье одѣваться.—Постоянно свѣжіе жабо и манжеты, напудренная голова, лакированные сапоги со скрипомъ и отворотами, фракъ особеннаго цвѣта и пестрые камзолы не могли не нравиться паннамъ сравнительно съ неуклюжими симарами, уродливыми фраками и душными галстухами усатыхъ нашихъ сосѣдей. Правда, эти усачи говорили громко и много, но большею частью нечего было ихъ слушать. Итакъ я сказалъ, что прекрасный полъ ухаживалъ за старичкомъ и называлъ его своимъ камергерчикомъ. Но мужчины, или изъ того, чтобъ идти на переборъ дамамъ, или изъ зависти къ свѣтскому лоску стараго камергера, отзывались о немъ слегка, особливо же записные помѣщики и скопидомы. Доставалось бѣдному старцу и за то, что протеръ онъ глаза наслѣдственнымъ дѣдовскимъ денежкамъ и однѣ за другими спускалъ помѣстья на разныя любовныя шашни, да на заграничныя поѣздки. Вотъ и теперь, добавляли они, остался у него всего-навсего одинъ выселокъ, а онъ все еще не научился хозяйничать и не

выбилъ барства у себя изъ головы: вмѣсто того, чтобы встать пораньше, надѣть сафьянные сапоги, осмотрѣть амбары и житницы, взглянуть на кухню, онъ спитъ до десятого часа, радится каждый день какъ куля, сыплеть пудру на голову и приказываетъ читать себѣ французскія книжки. Такъ-то обыкновенно осуждали его за-глаза; а въ глаза были съ нимъ необыкновенно вѣжливы, потому что старикъ внушалъ всякому невольное уваженіе, если не достаткомъ, такъ учтивостью и значеніемъ въ свѣтѣ. Осуждать его осуждали, а жить безъ него не могли. Семейный-ли праздникъ, крестины-ли, свадьба-ли, масляница-ли подойдетъ, дѣло безъ него не обходилось, потому что никто не умѣлъ забавлять такъ общество. И кому же было удерживать безъ него шумливыхъ гостей въ достодолжныхъ границахъ, кого посадить на первое мѣсто за столомъ, кого поставить въ первой парѣ полонеза? Словомъ, памбеланъ былъ душой нашего околodka и солнцемъ, около котораго все вращалось. Съ дѣтства я привыкъ называть его дѣдушкой и уважать его, какъ будто онъ былъ мнѣ дѣдомъ и взаправду. Онъ меня также очень полюбилъ, бралъ меня къ себѣ на-домъ, читывалъ со мною книжки, рассказывалъ о чужихъ краяхъ, о людяхъ, съ которыми сталеживался въ большомъ свѣтѣ, а иногда, вечеромъ, при огнѣ камелька, припоминалъ свои старыя приключенія, и для меня они казались гораздо занимательнѣе, чѣмъ книжные рассказы. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, чтобы на камергера нашла повѣствовательная минута, тѣмъ болѣе, что онъ облакалъ свой рассказъ въ такую изящную фѣрму, какъ будто находился въ кругу самыхъ избранныхъ слушателей и въ великосвѣтскомъ салонѣ. Никогда въ самомъ дружескомъ кругу не разставался онъ съ своими дворскими приемами и съ цвѣтистою рѣчью, а постоянно держался своего правила, что порядочный человѣкъ долженъ быть всегда однимъ и тѣмъ же, и съ самимъ собою и въ присутствіи постороннихъ. Быстрота соображенія и свѣжая память позволяли ему забавлять меня, какъ гостя, самыми разнородными воспоминаніями. Правда, гостю было не болѣе девяти-десяти лѣтъ, но старикъ всегда умѣлъ найти какойнибудь рассказецъ, доступный понятіямъ ребенка. Позднѣе, когда изъ меня сложился юноша и я пріѣзжалъ изъ школы на вакацію, не одинъ вечеръ проводилъ я съ старикомъ и наслаждался отъ него достаточно вольныхъ рассказовъ о любовныхъ похожденіяхъ. Надобно припомнить, что значительная часть его жизни протекла въ эпоху явнаго разврата, что съ него не могъ стереться окон-

чательно отпечатокъ этой эпохи, такъ что старику трудно было помириться съ современнымъ пуританизмомъ и не преслѣдовать его подъ-часъ остроумными нападками. „Если мы, говоривалъ онъ, дурачились и безчинствовали въ старое время, такъ наше легкомысліе было чисто поверхностно и не вліяло на то, что въ глубинѣ души мы привыкли считать непривосновенною святинею; конечно, теперь наружность стойчески сурова, да внутри-то все меньше и меньше святости. Прежде, добавлялъ онъ, было растлѣніе тѣлесное, теперь—духовно.“

Не разъ спорилъ я съ нимъ до слезъ и приводилъ аргументы усвоенные въ школѣ, говорилъ о прогресѣ, о духовномъ освобожденіи отъ предрасудковъ и тѣсныхъ рамокъ мысли, глядѣлъ ему въ глаза съ юношеской горделивостью, а онъ только усмѣхался и стоялъ на своемъ: „Поживешь подальше, узнаешь свѣтъ, такъ убѣдишься, что старикъ былъ правъ.“ Особенно разгорячился онъ на меня, когда я разъ завелъ рѣчь о примѣтахъ, предчувствіяхъ, о суевѣріи, о явленіи духовъ, и сталъ доказывать, что все это вздорные вымыслы, недопускаемые здравымъ разсудкомъ, а лучше сказать—допускаемые, какъ чистая нелѣпица.

„Если тебя этому тамъ учать, напустился на меня старикъ, заложивши руки за-спину, жаль мнѣ тебя: какъ поживешь своимъ умомъ, придется тебѣ отучаться отъ многого. Ясное солнце правды свѣтитъ на всѣхъ одинаково, а тебя поучаютъ бѣлымъ днемъ съ фонаремъ ходить. Ходи—себѣ, доискивайся, правяй: посмотримъ, далеко-ли уйдешь? Убѣждать мнѣ тебя нечего, и пользы нѣтъ: кого влечетъ потокъ современности, тому не мѣшаетъ разокъ другой захлебнуться, и дна не достать—самъ призоветъ на помощь дѣтскую простоту и вѣру малыхъ.... А теперь хочется мнѣ познакомить тебя хоть съ долей житейской правды: расскажу тебѣ давнишній случай.. Самъ былъ очевидцемъ и свидѣтелемъ. Рѣчь пойдетъ о предчувствіяхъ, по твоему недостойныхъ вѣры, объяснимыхъ просто умомъ. Не могу пожаловаться, чтобы Господь Богъ не вложилъ и въ меня зернышко здраваго разсудка и пытливаго невѣрія, а все таки убѣжденъ, что съ помощію этихъ проводниковъ, не всякое явленіе можно объяснить и доказать математически. Насъ, стариковъ сталиславовскаго времени, провозгласили вольнодумцами, материалистами, однакоже философія энциклопедистовъ скользнула только по поверхности нашего духа, но въ глубь его укоренились такія жизненные тайны, какихъ и не вѣдаетъ нынѣшняя молодежь, затѣмъ что жить не

умѣть и жизни не понимаетъ, погребенная за-живо въ пыли книжной премудрости и въ мертвыхъ теоріяхъ.“

Я не смѣлъ ничего отвѣтить камергеру, во первыхъ потому, что онъ былъ очень взволнованъ, а во вторыхъ потому, что боялся не отдалили бы его философскія воззрѣнія отъ обѣщаннаго разсказа. Принявъ мое молчаніе за полное признаніе его доводовъ, старіеъ опять развеселился, придвинулъ кресло къ камельку, досталъ табакерку съ портретомъ короля Августа Станислава, нюхнулъ нѣсколько разъ, отряхнулъ жабо и началъ такъ:

„Было это лѣтомъ, въ саду у Красиньскихъ, душнымъ вечеромъ, сулившимъ ночную грозу. Четверо или пятеро молодыхъ людей сидѣли въ сторонѣ, прохлаждались лимонадомъ и слушали музыку.“

Въ нашемъ кружкѣ, обыкновенно шумливомъ и веселомъ до пустоты, господствовало молчаніе, не потому, чтобы музыка была очаровательна, а потому, что дневной зной и удушливый воздухъ отняли всякую охоту къ разговорамъ. Каждый изъ насъ окидывалъ мутнымъ взоромъ то гулявшихъ, то своихъ пріятелей; ни у кого не вырывалось ни остроумнаго замѣчанія, ни шутки надъ смѣшными личностями и нарядами. Я также чувствовалъ себя рѣшительно ни къ чему не способнымъ, и не смотря на врожденную живость, осовѣлъ какъ и другіе. Оглядывая моихъ пріятелей, я вдругъ былъ пораженъ необычайною блѣдностію сидѣвшаго противъ меня кастеланскаго сына, Ливскаго.

Съ юныхъ лѣтъ насъ связывали тѣснѣйшее знакомство и пріязнь. Меня встревожила эта внезапная переменѣна въ чертахъ его лица и я съ безпокойствомъ спросилъ: „что съ тобой, панъ Станиславъ. На тебѣ лица нѣтъ: ужь не боленъ ли ты?“ Съ этими словами взялъ я его за руку—рука была холодная и дрожала. „Ты вѣрно схватилъ лихорадку? прибавилъ я. Если тебѣ нездоровится, мой экипажъ къ твоимъ услугамъ?“

— Нѣтъ, мнѣ ничего, отвѣтилъ кастеланскій сынъ, отирая на лбу потъ,—только сейчасъ по мнѣ пробѣжала какая-то невольная дрожь и сердце сжалось какимъ-то страннымъ, безотчетнымъ страхомъ.

Едва успѣлъ онъ это сказать, какъ какой-то незнакомый намъ рослый мужчина, остановился противъ насъ и обратился съ рѣчью къ Станиславу, поднявъ вверхъ палець:— „Мнѣ кажется, что я понимаю душевныя ваши ощущенія. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что

каждый въ насъ, особенно посреди вечерней тишины, когда чело-
вѣкомъ овладѣваетъ задумчивость, испыталъ внезапный, невѣдомый
страхъ, такъ что кровь застывала въ жилахъ, по тѣлу пробѣгали
мурашки и волосъ вставалъ дыбомъ на головѣ. Сколько-бы ни было
рыцарской смѣлости въ сердцѣ, а дрожишь какъ листъ, не смѣешь
глазъ поднять, и болѣе всего боишься взглянуть въ темный уголъ,
откуда вотъ-вотъ появится страшный призракъ. Совѣмъ пригото-
ваясь къ сверхестественной встрѣчѣ, вдругъ, совершенно неожиданно
опять приходишь въ себя и готовъ смѣяться надъ собственной сла-
бостію. Признайтесь, что недавно испытанное вами ощущеніе похоже
на мой очеркъ, какъ двѣ капли воды?

— Совершенно сараведливо, отвѣчалъ Станиславъ, я все это
испыталъ.

— Въ простомъ народѣ есть повѣрье, вмѣшался я въ разговоръ,
что въ это мгновеніе смерть заглядываетъ челоуѣку въ глаза, или
кто нибудь попираетъ ногою будущую его могилу.

— Въ каждомъ краю толкуютъ розно одно и тоже явленіе, про-
должалъ незнакомецъ. Я слыхалъ отъ арабовъ, что, по ихъ поня-
тіямъ, Господь въ это мгновеніе назначаетъ часъ смерти самого чело-
вѣка, или дорогой ему особы.

— Я съ своей стороны не вдаюсь ни въ метафизику, ни въ
суевѣріе, возразилъ нашъ постоянный собесѣдникъ и шутникъ Моль-
скій: „Полагаю, что по мнѣ всегда пробѣгаетъ такая дрожь послѣ
добраго обѣда или ужина...“

— А какъ-же объяснить, замѣтилъ незнакомецъ, что всѣ на-
роды, и образованные, и дикіе, принимаютъ эту дрожь за темное
предчувствіе и предвѣстіе близкой бѣды? Отчего, наконецъ, съ этимъ
невольнымъ трепетомъ связывается представленіе какого нибудь не-
обычнаго событія? Понять этого я не въ силахъ, и долженъ
вѣрить.

— Чему вѣрить? спросилъ Мольскій съ любопытствомъ.

— Вѣрить тому, продолжалъ незнакомецъ, что трепеть этотъ
порождается въ насъ вслѣдствіе тревоги и противодѣйствія какой
то незримой силъ, несочувственной земному естеству челоуѣка.

— Стало быть, панъ вѣрить въ духовъ? подхватилъ Мольскій.

— Не вполнѣ, а отчасти... Если мнѣ трудно допустить су-
ществованіе духовъ, зарожденныхъ въ пустыхъ головахъ метафизи-
ковъ, не знаю—почему бы не допустить мнѣ возможности существъ,
неуловимыхъ для взора, какъ тѣ твари, что мы поглощаемъ съ каж-

дой струей воздуха, — существъ, преисполненныхъ сатанинской злобы? Когда въ каплѣ воды физики разсмотрѣли подъ микроскопомъ существа, столько же хищныя какъ львы и тигры, отчего же около насъ не могутъ роиться незримые духи, готовые вредить намъ не хуже Люцифера? Кто не извѣдалъ острыхъ жалъ искушенія, подгоняющихъ человѣка къ безднѣ преступленія и злодѣявїи? Что-жь это таксе, если не продѣлки повсюду роящихся злыхъ духовъ? Положитесь въ чемъ вибудь на инстинктъ, на авось, и объясните мнѣ, — почему вы почти всегда ошибаетесь? Передъ вами расходятся двѣ дороги: вы ужь конечно надлежащей не выберете. Надѣвайте перчатку не глядя: вамъ всегда попадетса не та. Могъ бы я привести много и другихъ доказательствъ, но ужь и такъ виѣшался въ вашу компанію непрощенный: извините мою нескромность, не издѣвайтесь черезъ чуръ надъ иллюминаторомъ и визионеромъ, и позвольте пожелать вамъ доброй ночи“.

Проговоривъ это привѣтствіе, незнакомецъ учтиво поклонился, отошелъ отъ насъ и скрылся въ темной улицѣ.

— Однако кто-же этотъ господень? спрашивалъ Станиславъ. — Мольскій долженъ знать его.

— Знаю, какъ и всѣ, — то есть — вовсе не знаю. Правду сказать, хотѣлось мнѣ съ нимъ познакомиться, да это не къ чему не повело. Знаю только, что онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Варшавѣ, что помѣщеніе у него отличное, живетъ онъ на большую ногу и бываетъ только у сіятельной супруги маршала, а впрочемъ рѣдко — гдѣ показывается. Первый разъ онъ представился, къ немалому удивленію общества, подъ именемъ Задора, потому что это собственно названіе герба, а не фамиліи. Не смотря на это, онъ такъ умѣлъ занять всѣхъ разсказами о своихъ путешествїяхъ, изяществомъ прїемовъ и безукоризненностью французскаго выговора, что никто и не спросилъ — откуда онъ родомъ, а всякій былъ радъ его слушать и разговаривать съ нимъ. Болѣе всего онъ вскружилъ головы женщинамъ... Теперь разскажу, какъ я вошелъ съ нимъ въ болѣе короткія отношенія, хотя напередъ знаю, что всякій изъ васъ подумаетъ: Мольскій — стиходѣй, и все это выдумаль.

— Говори! говори! закричалъ Станиславъ. Таинственная личность этого пана Задоры необыкновенно интересуетъ меня. Въ то мгновеніе, какъ по мнѣ пробѣжала дрожь, онъ проходилъ мимо, и взгляды наши встрѣтились. Конечно не его я испугался, потому что въ дѣлѣ Варшавѣ я не знаю мужчины представительнѣе; но есть

въ немъ что-то такое, что оказываетъ на меня вліяніе... Разсказывай-же, Мольскій: жду съ любопытствомъ твоей исторіи.

— Необыкновеннаго въ ней ничего нѣтъ, а все таки она до сихъ поръ мнѣ непонятна... Зашелъ я разъ вечеромъ на партію банкя къ извѣстному вамъ генералу. Передъ банкометомъ лежала огромная грудя золота: взяла меня охота—попытать счастья, тѣмъ болѣе, что я недавно выигралъ нѣсколько сотенъ червонныхъ. Ставлю карту, другую, гну пароли, гну на шесть: все бьютъ!.. Въ мгновеніе ока не только опустѣли мои карманы, но еще на слово проигралъ... Грызу съ досады пальцы, отошелъ въ отчаяніи отъ зеленого стола, какъ вдругъ этотъ самый господинъ—мы съ нимъ познакомились въ домѣ маршала—подходить ко мнѣ, беретъ меня за руку и говоритъ: „Сегодня вамъ измѣнила фортуна, только вѣдь она пресвоенравная кокетка: кажется, рѣшительно не благоволяетъ, а глядишь—тутъ-то и исполнять наши желанія! Панъ любитъ игру, а я ее ненавижу, но не хочу оставаться празднымъ зрителемъ. Поставьте этотъ кошелекъ на карту; проигрышь мой, выиграешь—пополамъ“.

Не мало озадачило меня такое странное предложеніе, притомъ-же отъ едва знакомаго человѣка. Но... въ глазахъ у меня звонко—пересыпалось золото; кровь заговорила... я согласился.

— Хорошо, съ тѣмъ, что и проигрышь пополамъ, сказалъ я, принимая кошелекъ.

— Какъ вамъ угодно, ствѣчалъ онъ съ улыбкой, но вы должны выиграть, только ставьте туза.

Я поставилъ туза—выигралъ, загнулъ паролъ—выигралъ, и такъ далѣе, наконецъ въ карманахъ не стало мѣста для золота. Счастье мое было такъ неожиданно и внезапно, что не только банкометъ потерялъ голову, но и повтеры стали горячиться, а одинъ молодой шляхтичъ, Ленчичанинъ, которому перестало везти, забылся до того, что чуть не обвинилъ меня и Задору въ плутовствѣ.

— Мы начѣмъ не нарушили правилъ игры, хладнокровно возразилъ Задора. Обычная колея: одинъ выигрываетъ, другой проигрываетъ—не упрекать-же насъ за то, что мы сумѣли воспользоваться мимолетной улыбкой фортуны.

Ленчичанинъ, горячая голова, принявъ это скромное и спокойное объясненіе за трусость и—слово за словомъ—вызвалъ Задору на поединокъ.

— Я ссоры не ищу, сказалъ Задора, но и передъ обидой отступить не стану.

Вышли мы потихоньку изъ залы въ смежный садъ. Мѣсяцъ свѣтилъ такъ, что булавку можно было поднять съ земли. Разумѣется, я былъ секундантомъ у Задоры. Онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ.

— Этотъ Ленчичанинъ разомъ покончить свою глупую карьеру. Нѣкоторое время, пока все это дѣло не затихнетъ, мнѣ нельзя будетъ показываться въ обществѣ. Позаботьтесь, чтобы шляхтича похоронили въ монастырѣ Кармелитовъ, въ родовомъ склепѣ...

— Стало-быть, вы знаете его фамилію? спросилъ я. — И почему вы такъ увѣрены, что онъ падетъ отъ вашей руки? Вѣдь Ленчичане хорошо дерутся.

— Знаю. Да неужели вы думаете, что — не будь онъ самъ увѣренъ въ своей ловкости — такъ-бы и сталъ задирать перваго встрѣчнаго? Это ссора, о ней-же вѣщаетъ евангеліе: поднявшій мечъ отъ меча погибаетъ. Какъ я сказалъ, прикажите похоронить его у Кармелитовъ, рядомъ съ отцомъ, и добавьте, что это была послѣдняя воля покойнаго.

Вскорѣ подошелъ и Ленчичанинъ; онъ былъ взбѣшенъ, запыхался, а о мировой и слышать не хотѣлъ. Противники стали на мѣста, смѣрили другъ-друга глазами и скрестили шпаги: оба носили это оружіе, потому что одѣвались по французски.

Расправа была горячая, но короткая. Обидчикъ повалился на-земь. Я подскочилъ къ нему, въ надеждѣ, что ему можно оказать помощь и что ударъ не смертеленъ, но сразу убѣдился въ противномъ: кровь широкою струею лила у него изо рта; онъ страшно поводилъ глазами.

— Не дадите-ли какого порученія? спросилъ я. — Не послать-ли за ксендзомъ? Наконецъ, гдѣ прикажете похоронить васъ? Онъ ничего не могъ отвѣчать, только руками показывалъ, что далеко у себя въ деревнѣ. Секундантъ его побѣждалъ отыскивать лекаря, или цирюльника, и я остался одинъ при умиравшемъ.

Можетъ быть, вамъ угодно, сказалъ я, чтобы васъ похоронили въ родовомъ склепѣ, рядомъ съ вашимъ отцомъ?

При этихъ словахъ, лицо ему передернуло судорогой; глаза выкатились на лобъ; онъ заскрежеталъ зубами и испустилъ послѣдній вздохъ. Этотъ, за мгновеніе полный силъ, юноша лежалъ бездыханенъ...

— Ты рассказываешь намъ какую-то страшную исторію! крикнули мы въ одинъ голосъ. Вѣрно тебѣ хочется, чтобы мы ночь не спали.

— Подождите конца, продолжалъ Мольскій. Такъ какъ у покойнаго былъ свой домъ въ Варшавѣ, я отправился туда, отыскалъ его повѣреннаго и объявилъ (да проститъ мнѣ Господь эту ложь на страшномъ судѣ!) что его панъ, умирая, пожелалъ быть похороненнымъ рядомъ съ своимъ отцомъ, у Кармелитовъ. Это желаніе и самому мнѣ казалось очень простымъ и естественнымъ. Такъ его у Кармелитовъ и схоронили. Но когда отперли склепъ и подняли крышу отцовскаго гроба, съ которымъ рядомъ долженъ былъ стать сыновній, бывшій при этомъ докторъ замѣтилъ на совершенно обнаженномъ отъ волосъ черепѣ старика какое-то загадочное черное пятно. Онъ дотронулся до этого пятна пальцами и—кто опишетъ его удивленіе, когда онъ вытащилъ изъ черепа полуторный гвоздь. Это открытіе возбудило сильныя подозрѣнія. Припомнили, что старикъ умеръ скоростижно и до самой смерти пользовался совершеннымъ здоровьемъ; припомнили также, что онъ непомѣрно скупъ, а сынъ, напротивъ, расточителенъ и развратенъ въ полномъ смыслѣ слова. Дѣло дошло до правительства: нарядили слѣдствію, допросили слугу, распоряжавшагося похоронами старика, и слуга признался во всемъ на духу. Оказалось, что отецъ не давалъ сыну воли, а сынъ ужъ давно добирался до отцовской шеатулки, покусился на адскій умыселъ и свершилъ отцеубійство, не проливъ ни капли крови.

— Но, любезный мой поэтъ! перебилъ Станиславъ, откуда-же панъ Задора могъ провѣдать объ этой тайнѣ? И какъ онъ объяснился передъ судомъ?

— Откуда онъ могъ провѣдать? отвѣтилъ Мольскій, этого я не знаю, не знаю также и объясненія передъ судомъ. Довольно, что его не преслѣдовали и сочли поединкомъ болѣе Господнею справедливою карою, нежели преступленіемъ противъ законовъ страны.

— Ну вотъ, еслибы не моя исторія, вы бы давнымъ-давно загнули, а теперь я такъ раздражилъ вамъ воображеніе таинственной фигурой пана Задора, что врядъ-ли вы скоро заснете.

Мольскій пожалъ намъ руки и ушелъ; мы также собрались по домамъ.

— Пойдемъ со мной, сказалъ я, взявъ за руку Станислава, съ которымъ мы жили рядомъ, потомъ прошелъ нѣсколько шаговъ и

прибавилъ: Знаешь-ли что, любезный панъ Станиславъ? Мнѣ кажется, что этотъ мрачный господинъ и его сообщникъ Мольскій задумали какіе-то ковы? Не худо намъ быть на сторожѣ, а то какъ-разъ попадешься къ нимъ въ силки.

— Позволь мнѣ не согласиться съ тобой, возразилъ Станиславъ, подумавъ: конечно панъ Мольскій слыветъ за человѣка легкомысленнаго, за вертопраха, если хочешь—даже за тунейда, но въ сущности человѣкъ честный. Онъ позволитъ себѣ выдумать что нибудь, ради шутки, но такъ нагло клеветать не станетъ. Впрочемъ, ты долженъ былъ взглянуть въ этого пана Задору: его спокойная осанка, благородно горделивое выраженіе лица—признаетъ духовнаго превосходства—отличаютъ его ясно отъ простого шарлатана, или пройдохи.

— Признаюсь, любезный Станиславъ, что Задора и на меня произвелъ впечатлѣніе; но развѣ жизнь не постоянная комедія, а люди—не актеры? Развѣ мало подобныхъ господъ скрываютъ подъ личиной добродѣтели и чувства всю гнусность своихъ намѣреній? Впрочемъ, человѣку съ неомраченной честью, человѣку безъ скрытыхъ, а подчасъ и подозрительныхъ цѣлей нѣтъ, по крайней мѣрѣ, никакой нужды окружать себя таинственностью. Сколько разъ ты самъ ставилъ въ честь и въ заслугу полякамъ, что всѣ они въ Коронѣ и въ Литвѣ знаютъ другъ друга, знаютъ не только по помѣстьямъ, по происхожденію, по самымъ отдаленнымъ родственнымъ отношеніямъ? При первомъ громкомъ имени ты знаешь—какая кровь коренная, или еще свѣжая; взглянешь на человѣка и сразу угадаешь, если онъ ложно присвоилъ себѣ стародавнее имя или гербъ. Панъ Задора взялся Богъ вѣсть откуда; зовется неслыханнымъ именемъ, соритъ деньгами и никто не знаетъ источника его доходовъ. Вѣрь мнѣ, со времени пресловутаго Калиостро, развелось столько загадочныхъ личностей, что онѣ начинаютъ ужъ надоѣдать. Готовъ биться объ закладъ, что онъ имѣетъ на тебя какіе-то виды: затѣмъ и вѣшался, непрощенный, въ разговоръ, затѣмъ и заинтересовалъ тебя разгадкою твоего душевнаго настроенія.

— Говори, что хочешь, но не могу я признать дюжиннымъ чело-вѣкомъ того, кто мимоходомъ, видя меня въ первый разъ, прочелъ въ моей душѣ мимолетное ощущеніе яснѣе и опредѣлительнѣе, чѣмъ я самъ. Впрочемъ оставимъ въ покоѣ этотъ вопросъ. Случайное, уличное знакомство не можетъ повлечь за собой никакихъ послѣдст-

вій, поговоримъ лучше о Маріэттѣ; мнѣ всегда скучно, если я не говорю о ней,

— Пожалуй! вскрикнулъ я. Хочешь—будемъ говорить о ней и дни и ночи. Но скажи-же мнѣ, какъ далеко зашли твои любовныя дѣла? Ты нешути собираешься на пей жениться! А какими глазами посмотреть твоя семья на эту интригу съ актрисой?

— Что мнѣ за дѣло до семьи! отвѣтилъ онъ небрежно. Я женюсь не для счастья семьи, а для своего собственного. Знаю напередъ все, что будетъ: сначала сплетни, пересуды, родственныя гнѣвъ, а кончится тѣмъ, что всѣ преклонять головы передъ достойной женщиной. Найди мнѣ другую дѣвушку, чтобы могла поспорить съ Маріэттой красотою тѣла и души.

— Вижу, что ты влюбился по уши.

— И въ этой любви все мое блаженство! Одна Маріэтта виновницей тому, что я избѣжалъ нравственной порчи. Можно-ли же не преклоняться передъ такимъ совершенствомъ добродѣтели!

— Такъ говорятъ всѣ влюбленные.

— Знай ты ее ближе, и самъ заговорилъ-бы тоже, даже не влюбляясь.

— Пока это будетъ, любезный другъ, сказалъ я, позволь пожелать тебѣ доброй ночи: вотъ твоя квартира. Мы пожали другъ другу руку и разошлись.

Возвращаясь домой, я сталъ раздумывать о положеніи моего пріятеля. Богатый, родовитый дворянинъ, молодой, прекрасно образованный, намѣревался вступить въ такія отношенія, которыя должны были отдалять его отъ семейства и общества. Всего хуже казалось мнѣ то, что любимая имъ особа, при всей своей невыразимой прелести и при всѣхъ качествахъ, была чужеземка, итальянка, и это знаетъ? можетъ быть, какъ опытная искательница приключеній, не одного уже юношу поймала на удочку. Сообразивъ всѣ эти обстоятельства, я не на шутку сталъ тревожиться за будущность моего пріятеля, и уже составлялъ планы, какъ убѣдить сеньору, чтобы она оставила свои преслѣдованія, и, если можно, заставить ее удалиться изъ столицы. Мнѣ очень хорошо было извѣстно, что подобные браки всегда кончаются дурно для той или другой стороны. Пока любовь накидываетъ на все розовое покрывало, пока наполняетъ мысли благоуханнымъ ароматомъ, до тѣхъ поръ жизнь полна поэзіи и чувства; но

*

когда минуетъ пора бурныхъ и страстныхъ восторговъ, большею частію гаснетъ и послѣдняя искра прежней взаимности. Прежде всего, съ одной стороны, раздаются упреки и жалбы на сгубленную молодость и будущность; съ другой — жалобы на прозу жизни и семейныхъ обязанностей, не могущихъ замѣнить блестящихъ успѣховъ на сценѣ.

Когда такой же актрисѣ мужъ советѣмъ прискучить, ее обуяетъ тоска по театральной публикѣ, по рукоплесканіямъ и вѣнкамъ, вѣнкамъ — все болѣе свѣжимъ, рукоплесканіямъ — все болѣе желаннымъ, пока тѣ и другія не смѣнятся шиканьемъ и свистками. По истинѣ, мнѣ было жаль моего молодого друга: убѣдить его не было никакой надежды, да и какимъ языкомъ говорить съ влюбленными, когда они не хотятъ, или не могутъ ничего слушать, кромѣ пріятныхъ имъ словъ? Мною овладѣло недоброе предчувствіе и я долго не могъ заснуть въ ту ночь; зато раннимъ утромъ самъ смѣялся надъ моими опасеніями, и подѣломъ: синьора Маріэтта была вполне достойна страстной любви. Предубѣжденія мои разсѣялись съ дневнымъ свѣтомъ и я снова питалъ прежнюю дружбу къ очаровательной артисткѣ.

Но послушай, какая встрѣча ожидала Станислава въ тотъ-же день вечеромъ. Чтобъ размыкать беспокойныя думы, онъ вздумалъ отаравиться верхомъ за-городъ, свернулъ въ поле, и бросилъ поводья: ему хотѣлось освѣжить грудь и голову ароматнымъ вѣтеркомъ съ нивы.

Шагомъ ѣхалъ онъ по узкой тропѣ, между цвѣтущихъ полосъ жита и пшеницы, какъ вдругъ его конь шатнулся въ сторону — испугался: какой-то человѣкъ нагнулся къ землѣ и разглядывалъ не то насѣкомое, не то цвѣтокъ.

Станиславъ сдержалъ коня и не мало удивился, когда узналъ въ наблюдателѣ пана Задору, съ объемистой книгой подъ мышкой.

— Вотъ нежданная встрѣча! крикнулъ Станиславъ пану Задорѣ. Вѣрно вынашли какое-нибудь рѣдкое растеніе: такъ имъ занялись, что я чуть-было не пробѣжалъ мимо.

— Вы угадали, отвѣтилъ Задора, показывая бѣлый цвѣточекъ: дѣйствительно, въ корнѣ этого растенія такая дивная сила, о какой и въ голову не приходило нашимъ натуралистамъ. Не мудроно, что я и десять разъ не замѣтилъ-бы, кто пробѣжалъ мимо.

— Если такъ, извините мой неумышленный проступокъ.

— Ничего, дѣло поправимое.

— Признаюсь, продолжалъ Станиславъ, нѣсколько затронутый холоднымъ обращеніемъ пана Задоры, если-бы кому нибудь вздумалось опредѣлить вашъ характеръ по вчерашней нашей встрѣчѣ въ саду, тотъ очень-бы ошибся... На сколько вы вчера, какъ человѣкъ незнакомый, были доступны и обходительны, на столько сегодня охлаждаете во мнѣ искреннее желаніе сблизиться съ вами. Быть можетъ, я выбралъ неудобное время, но очень хотѣлось бы мнѣ убѣдиться, не даромъ-ли дѣлаю я первый шагъ къ болѣе короткому знакомству?

— Не въ моемъ обычаѣ отклонять протянутую мнѣ руку, замѣтилъ двусмысленно панъ Задора, однако-же позвольте васъ спросить: вѣрите-ли вы вліянію небесныхъ созвѣздія на судьбу человѣка?

— Право, не знаю, отвѣчалъ Станиславъ, смущенный неожиданнымъ вопросомъ.

— Не знаете?... Такъ я скажу вамъ, что вѣрите.

— Видно вы, панъ, знаете меня лучше чѣмъ я самъ?

— Быть можетъ... Какъ-бы то ни было, вы вѣрите и въ духовъ, и во вліяніе звѣздъ, потому что въ васъ сильно развито чувство, потому что вамъ отрадно возноситься духомъ надъ сферой ежедневныхъ житейскихъ мелочей, потому что вы энтузіастъ. Если-бы ми съ вами попросили какую-нибудь ворожею прочесть нашу судьбу по линіямъ руки, или какого-нибудь астролога, посвященнаго въ звѣздныя письма, мы узнали-бы безошибочно, что когда ваша звѣзда вошла на небосклонъ, мое созвѣздіе бросило на нее зловѣщую тѣнь.

— Слыхалъ я, что вы великій естествоиспытатель, даже иллюминать, а объ астрологическихъ вашихъ познаніяхъ не имѣлъ никакого понятія... Но будьте вы себѣ астрологомъ, пожалуй черно-книжникомъ, развѣ это помѣха нашему знакомству? Я всю жизнь ничего не боялся, тѣмъ менѣе побоюсь человѣка, который проникнулъ всю глубину премудрости.

— Вы правы: страхъ не измѣнитъ предопредѣленія.

— Стало-быть, вы отвергаете пріязнь, хоть вамъ предлагаютъ ее такъ безкорыстно?

— Не отвергаю, да и не заискиваю ея. Вы сами придаете ей мало цѣны, если готовы предложить ее при первой встрѣчѣ. Может-ли вы довѣрять мнѣ, не зная меня?

— Вчерашній вашъ разговоръ въ саду былъ для меня очень занимателенъ.

— Скажите лучше: очень затронулъ ваше любопытство.

Станиславъ, порядочно разгоряченный этимъ споромъ, далъ шпоры своему коню и тутъ-же затынулъ поводья. Конь сталъ на дыбы.

— Для чего-жэ вы разомъ и шпорите, и осаживаете коня? спросилъ съ улыбкой Задора. Умѣй онъ говорить, какъ ослица Валаама,—навѣрное попенялъ-бы вамъ.

— И былъ-бы въ полномъ правѣ, отвѣтилъ Станиславъ. Однако-же извините мою докучливость и прощайте, панъ Задора! Онъ стегнулъ коня и помчался вскачь по большой дорогѣ.

Въ это время прибыла въ Варшаву труппа итальянскихъ пѣвцовъ. На ея представленія, два раза въ недѣлю, собиралась многочисленная публика, привлеченная не столько любовію къ музыкѣ, сколько новизною, а главное—красотой примадонны, синьоры Бонафини. Помнится мнѣ, голосъ у нея былъ не великъ, но необыкновенно строенъ и звученъ. Вскорѣ послѣ свиданія Станислава съ Задорой, назначено было первое представленіе оперы Дидона. Готовились къ ней давнымъ-давно, потратили на постановку денегъ безъ счету. Въ самый этотъ вечеръ я былъ приглашенъ въ ложу двоюродной моей сестры, жены корсуньскаго старосты и, понимается, не могъ сопровождать Станислава за кулисы. Донна Маріэтта дебютировала въ роли Дидоны. Невообразимое впечатлѣніе произвела тогда эта восемнадцати-лѣтняя артистка на публику. Изъ всѣхъ ложъ и креселъ слышались единогласныя похвалы, и даже его величество король, большой любитель и не послѣдній знатокъ музыки, нѣсколько разъ крикнулъ браво, и общій энтузіазмъ дошелъ до-нельзя. Я разсудилъ, что Станиславъ нырнулъ за кулисы въ половинѣ перваго акта, чтобы налюбоваться вблизи предметомъ своего обожанія.

Знаю изъ вѣрныхъ ружъ, что онъ забился въ уголъ, словно окаменѣлый, не могъ надивиться голосу своей Маріэтты и конечно мечталъ о блаженствѣ обладать такой очаровательницей, какъ вдругъ чья-то рука коснулась его плеча. Словно очнувшись отъ летаргическаго сна, онъ оглянулся въ недоумѣніи и узналъ пана Задору. — „При выходѣ изъ театра“, шепнулъ ему Задора, „по-

старайтесь пригласить съ собой кого-нибудь изъ пріятелей, и не съ голыми руками.

— Что вы хотите этимъ сказать? Вы вызываете меня на поединокъ и заботитесь о томъ, чтобы у меня были секунданты?

— У меня нѣтъ никакого повода нанести вамъ обиду; я хотѣлъ только предостеречь васъ, что замѣтилъ около театра недобрыхъ людей. Они вооружены и безъ всякаго сомнѣнія сторожатъ именно васъ: ихъ, должно быть, предупредили, что вы обыкновенно возвращаетесь домой пѣшкомъ, а свою карету предлагаете къ услугамъ донны Маріэтты Бонафини.

— Правда, мой экипажъ всегда ее отвозить... Но я не понимаю...

Станиславъ хотѣлъ объясниться, да было ужъ не съ кѣмъ: Задора исчезъ. Почти въ то-же мгновеніе я увидѣлъ этого таинственнаго человѣка въ придворной ложѣ, онъ очень спокойно разговаривалъ съ дворцовымъ маршалькомъ.

Послѣ перваго акта Маріетта бросилась за кулисы и столкнулась съ Станиславомъ. Съ восторгомъ, со слезами на глазахъ сталъ онъ ее поздравлять съ триумфомъ; но въ этотъ вечеръ Маріетта была какъ-то разсѣяна: комплименты и похвалы пролетали мимо ея ушей незамѣченными и не вызывали даже отвѣтной улыбки. Ея большіе, черные глаза, отгнѣненные длинными рѣсницами, привыкли прожигать насквозь самыя закаленные сердца, а теперь блуждали безпокойно, не остановились даже ни разу на лицѣ восторженнаго поклонника. Онъ понялъ наконецъ, что его присутствіе и разговоръ докучаютъ Маріеттѣ, и замолчалъ. Маріетта кликнула старую Розалію, свою наперсницу, подвела къ занавѣсу и сказала:

— Видишь его, Розалія? Тамъ, въ этой ложѣ, отъ королевской направо?..

— Кого? спросила старушка.

— Этого мужчину... Я объ немъ тебѣ столько разъ говорила... Онъ всегда и вездѣ слѣдитъ за мной взглядомъ... приводитъ въ отчаяніе своей горделивой и насмѣшливой улыбкой... Ты замѣтила: весь театръ мнѣ рукоплещетъ, а онъ сидитъ холодный, какъ статуя... Весь театръ боится проронить одно слово, одинъ звукъ моего голоса, а онъ начинаетъ разгоривать вслухъ, или кашлять. Не знаю отчего, только его похвала, его рукоплесканія были-бы для меня

всего дороже, и какъ на зло онъ недвижимъ и нѣмъ. Охъ, сердце мое надрывается и слезы на глазахъ.

— Видно, мое дитяtko, дорогая моя донна, отвѣчала въ раздумьи старуха, что либо онъ глухъ, либо слѣпъ. Лучше и не думай о немъ: не стоить.

— Не думать! Да развѣ я могу не думать? Говорю тебѣ: взгляни —рядомъ съ королевской ложей, высокой, блѣдный, черно-волосый мужчина—разговариваетъ съ господиномъ въ орденахъ...

— *Jesus Maria Jozef!* вскрикнула Розалія, всплеснувъ руками Это онъ!..

Послышался звонокъ—занавѣсъ снова поднялся. Послѣ незначительныхъ сценъ наступила развязка пьесы. Маріэтта, въ роли обманутой любовницы, превзошла всякое ожиданіе; до того дошелъ въ ней порывъ страсти. Театръ дрожалъ; изъ ложъ махали платками, букеты сыпались на сцену. Одинъ только зритель, посреди всеобщаго восторга, оставался совершенно равнодушнъ. Это былъ Задора.

Оставивъ женское общество, я сошелъ въ кресла. Передо мной, въ первомъ ряду, сидѣлъ кавалерійскій ротмистръ, сынъ воеводы *** извѣстный своимъ распутствомъ и самохвальствомъ. Знакомы съ нимъ мы не были. Сидя за нимъ, я замѣтилъ, какъ онъ пожиралъ глазами Маріэтту и какъ безпрестанно шептался съ какимъ-то военнымъ, болѣе впрочемъ похожимъ на челядинца-фактотума, чѣмъ на товарища и сослуживца. До меня долетало нѣсколько словъ изъ ихъ разговора, и между прочимъ: — „она должна быть моею, сегодня же, хоть-бы пришлось разыграть свадебную комедію, для успокоенія совѣсти бѣдняжки. Все-ли готово, Бржеховъ?

Наперсникъ, мизерная, изрытая оспой фигура нашептывалъ съ злобной улыбкой: „Все, господинъ ротмистръ, только никакъ поклонникъ-то снуетъ за кулисами... Онъ всегда оставляетъ ей карету, а теперь, чего добраго, вздумаетъ уѣхать вмѣстѣ съ нею.

— Въ такомъ случаѣ—понимаешь. „При этомъ ротмистръ сдѣлалъ такое движеніе, что я сразу понялъ, какая опасность грозила моему пріятелю. Признаюсь, у меня ноги подкосились и сердце захолонуло; но я осилилъ свое волненіе и кинулся отыскивать Станислава, въ ту самую минуту, какъ занавѣсъ опускался. Какъ на смѣхъ, у самаго выхода меня обступила цѣлая толпа молодежи и атаковала просьбами разрѣшить чье мнѣніе справедливо объ игрѣ

синьоры Бонафини. Напрасно отдѣлывался я общими мѣстами, напрасно порывался на волю; не слушаютъ и не выпускаютъ изъ круга. Въ это время мимо меня прошелъ Задора и шепнулъ: — „Вашему пріятелю грозитъ опасность, увезите его“. При этомъ предостереженіи я рванулся какъ сумасшедшій, растолкалъ докучныхъ болтуновъ и къ счастію встрѣтилъ Станислава у подъѣзда; онъ грустно слѣдилъ взоромъ за каретой, увозившей его милую.

— Другъ мой! крикнулъ я ему, садись со мной—экипажъ мой здѣсь, не далеко.

— Благодарю за пріятельскую память.

— Благодарю Задору: онъ предостерегъ и подаль благой совѣтъ. Не всегда безопасно бродить ночью по нашимъ улицамъ. Но вотъ и мой фэтонъ—садимся.

— Опять этотъ Задора! всмыльчиво крикаулъ Станиславъ. Зачѣмъ этотъ человекъ путается въ мои дѣла? Ужъ нѣтъ-ли какого замысла похитить у меня Маріэтту? Не сяду я съ тобою, пойду нѣшеомъ, прощай!

— Ради Бога! Что ты дѣлаешь? сталъ я его усовѣщевать. Въ экипажъ тебѣ безопаснѣй.

— Ничего не боюсь! И онъ пустился рысью по улицѣ слѣдомъ за каретой артистки.

Зная грозившую опасность, я рѣшился не отставать отъ Станислава.

Тѣмъ временемъ его карета катилась минутъ уже десять по пустымъ и отдаленнымъ улицамъ, къ дому Маріэтты, но вдругъ остановилась на перекресткѣ. Маріэтта взглянула въ окно, и при слабости мерцаніи звѣздъ—фонарей нигдѣ не было—увидѣла, что ея возчика стащили съ козелъ и держатъ двое какихъ то людей, а третій отворяетъ каретныя дверцы.

— Не бойтесь ничего, пани, сказалъ по французски начальникъ шайки: потрудитесь только пересѣсть въ другой экипажъ, васъ доставятъ въ безопасное мѣсто.

Онъ распахнулъ свой плащъ, обнаживъ гибкій станъ Маріэтты и осторожно притянулъ ее къ себѣ.

— Если тебѣ жизнь мила, — прочь! закричала Маріэтта, и въ ея рукѣ блеснулъ кинжалъ. Ротмистръ, —это былъ онъ, отскочилъ и приказалъ обезоружить дѣвушку.

Уже одинъ изъ шайки подошелъ—было исполнить приказаніе, но

сообщники его не пустили. Бржехво завопилъ: „Измѣна, господинъ ротмистръ!“ и оба схватились за сабли.

— Позвольте, господа! крикнулъ начальникъ шайки. Перестаньте шумѣть, а лучше отиравайтесь, откуда пришли. Сопровожденіе ни къ чему не поведетъ.

— Это твоя продѣлка, Бржехво! кричалъ воеводскій сынъ, внявъ себя отъ гнѣва, и оттолкнулъ отъ себя своего помощника.

— Клянусь вамъ, не моя! защищался Бржехво; этихъ оборванцевъ кто-то подкупилъ.

— Вы можете заявлять претензію только ко мнѣ, панъ ротмистръ! проговорилъ самый видный мужчина изъ шайки. Меня зовутъ Задора, и я готовъ дать вамъ удовлетвореніе по первому вашему вызову.

Такимъ образомъ, осадивъ воеводскаго сына, панъ Задора вскопчилъ на козлы рядомъ съ возчикомъ, самъ взялъ возжи, ударилъ по конямъ и поѣхалъ неторопливо, словно показывая, что не боится нападенія.

У ротмистра, какъ говорится, языкъ прильнулъ къ гортани; какъ окаменѣлые, стояли они оба съ Бржехвой, пока не увидѣли двухъ, быстро подходившихъ къ нимъ людей. Это были мы съ Станиславомъ, и пріятель мой началъ у нихъ разспрашивать, не видѣли-ли они кареты съ возчикомъ въ зеленой ливрѣ?

— Разумѣется, видѣли, отвѣтилъ ротмистръ, выходя изъ оцѣпенѣнія. Къ нему возвратилось все его самохвальство и онъ прибавилъ: „Кромѣ того мы были свидѣтелями похищенія двухъ какихъ-то дамъ вмѣстѣ съ ихъ экипажемъ; одна показалась намъ очень красивой. При этомъ уличною насиліи, и гдѣ-же? возлѣ самаго дворца, въ столицѣ, мы обнажили сабли на защиту прекраснаго пола; но *pes Hercules contra plures*: мы должны были уступить силѣ и отретировались.

— Адская измѣна! крикнулъ Станиславъ, господа, прошу васъ, какъ благородныхъ людей, не откажите намъ въ вашей помощи... Насъ будетъ четверо.

Я узналъ по голосу и ссанкѣ ротмистра и понялъ, что мой другъ самъ отдается въ руки предателей. Я схватилъ его за руку и хотѣлъ-было удержать, чтобы объяснить все дѣло; но Станиславъ, словно сбданный кипаткомъ, не далъ мнѣ разинуть рта; рванулся впередъ и закричалъ: кто честный человекъ—за мной!

Ротмистръ и его товарищъ также обнажили сабли и съ криками — впередъ! смерть негодяямъ! пустились бѣгомъ. Вѣрный своему пріятелю, я послѣдовалъ ихъ примѣру, хотя не спускалъ съ глазъ нашихъ новыхъ помощниковъ. Вчетверомъ намъ не трудно было напасть на карету, которая остановилась при нашемъ приближеніи. Едва мы успѣли добѣжать, какъ изъ разныхъ угловъ выскочили на насъ вооруженные люди, окружили насъ и стали тѣснить. Въ ночной темнотѣ, увеличенной еще болѣе тѣнью развѣсистыхъ липъ, ничего нельзя было разглядѣть, и только звукъ желѣза доказывалъ, что дѣло завязалось не на шутку. Я держался какъ можно ближе къ моему другу, нанося частые удары, такъ удачно, что около насъ начинало становиться просторнѣе. Вдругъ какой-то высокой человѣкъ врывается въ толпу, расталкиваетъ, опрокидываетъ всѣхъ, и толпа разбѣялась: остался только я одинъ, тщетно отыскивая Станислава, который отбился отъ меня въ тѣснотѣ.

На этотъ шумъ, изъ домовъ выбѣжали обыватели, принесли огня. И какая же представилась сцена? Станиславъ, при самыхъ дверцахъ кареты, бьется съ великаномъ. Противники взглянули другъ другу въ глаза, и шпаги выпали у нихъ изъ рукъ. Бросаюсь къ Станиславу съ вопросомъ:

— Ты раненъ?

— Въ правое плечо, отвѣтилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Это еще счастье: рана не должна быть опасна.

— Конечно, только я еще раненъ подъ самое сердце... умираю... повтори Маріэттѣ, что я любилъ ее больше жизни, и гибну отъ руки человѣка, который мнѣ предсказалъ, что его звѣзда бросила на мою зловѣщую тѣнь.

— О неумолимый рокъ! крикнулъ Задора, опускаясь на колѣни возлѣ умирающаго.

— Ты убилъ у меня друга! сказалъ я, схвативъ его за грудь. Убей же и меня и вотъ тебѣ поводъ: я беру синьору Бонафини подъ свое покровительство и ты перешагнешъ къ ней только чрезъ мой трупъ.

— Да что вы потеряли головы! проговорилъ Задора вставая: ротмистръ хотѣлъ похитить у меня дочь, а я защитилъ ее, какъ отецъ.

— Твою дочь?

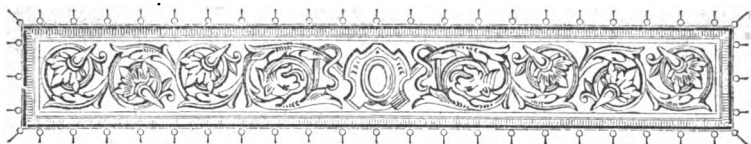
— Разумѣется!.. Только сегодня получилъ я документы, свидѣ-

тельствующіе, что она мнѣ дочь и что я оставилъ ее въ Италіи, когда уѣхалъ съ Пуласкимъ въ Америку. Вотъ этому несчастному юношѣ, продолжалъ онъ, указывая на умирающаго Станислава, отдавалъ я руку дочери и все мое состояніе; но грозное предопредѣленіе судило мнѣ быть его убійцей.

Станиславъ могъ еще слышать послѣднія слова, протянулъ Задоръ руку и прошепталъ: „награди тебя Богъ!“

Маріетта, очнувшись отъ обморока и ужаса, бросилась на безжизненные останки своего милаго, а когда ее оттащили насильно, изъ груди у ней вырвался отчаянный, раздирающій душу крикъ: „Отецъ! вези меня въ монастырь!“

ЯНЪ ИЗЪ НЕПОМУКЪ.

ЯНЪ ИЗЪ НЕПОМУКЪ.

(Чешская легенда).

Карлъ IV, Божию милостию, цезарь римскій и король чешскій, мудрый и набожный монархъ, послѣ долгаго и хваленаго царствования, кончилъ дни свои въ 1378 г. Ему наслѣдовалъ сынъ его Вацлавъ.

Какъ Неронъ, онъ подавалъ сначала большія надежды, но потомъ, окруженный толпою развратной молодежи обоюго пола и растлѣнный роскошью, онъ забылъ объ обязанностяхъ монарха, потерялъ голову и сталъ жестокииъ.

Жена Вацлава была Иоанна. Набожная и разсудительная, могла ли она равнодушно смотрѣть на предосудительные поступки мужа? Поэтому, со слезами упрасивала она его опомниться, перемѣнить образъ жизни и старалась наставить его на путь истинный. Но могла ли она нравиться тому, кто жадными устами осушалъ кубокъ разврата? Онъ не любилъ и не хотѣлъ, чтобы ему напоминали объ обязанностяхъ, пренебреженныхъ и затоптанныхъ имъ въ прахъ. Душеспасительные разговоры добродѣтельной супруги возбудили ненависть въ ея мужѣ, а услужливые придворные прихлебатели постарались очернить Иоанну, ославить ее невѣрной женой.

Въ прагскомъ каноническомъ капитулѣ находился знаменитый строгостию и святостию жизни Янъ изъ Непомукъ, духовникъ и милостынникъ королевы. Однажды, уже позднимъ вечеромъ, когда, въ скромной своей обители, капелланъ стоялъ на моленіи, дверь въ

его келью отворилась и вошелъ одинъ изъ придворныхъ короля. Каноникъ подумалъ, что королева, по заведенному обычаю, посылаетъ ему или исповѣдную милостыню, или какое нибудь приношеніе въ пражскій соборъ. Но каково было его удивленіе, когда онъ услышалъ изъ устъ посланца, что самъ король желаетъ немедленно видѣть каноника Яна изъ Непомука...

Много мыслей прошло въ его головѣ, и все-таки онъ не могъ понять причины такого поздняго призыва. Чтобы не раздосадовать его величество, онъ тщательно приодѣлся и отправился въ королевскій замокъ. Почтительно—увѣренно вооруженный чистой совѣстью, сталъ онъ передъ королемою. Покорно, но безъ тревоги онъ спрашиваетъ его—что ему прикажутъ?

— Ничего не прикажу я тебѣ, отвѣчалъ Вацлавъ, хочу только поговорить съ тобою, именитый мужъ, объ одномъ важномъ для меня дѣлѣ: на душѣ лежитъ оно камнемъ. Иду отъ тебя помощи. Королева мнѣ измѣнила... Есть у меня на это и доказательство, есть и свидѣтели.

— Король! Гнѣвишь ты Господа, обвиняя свою безгрѣшную супругу. Клеветники, для своихъ цѣлей, подшептали тебѣ на нее. Сердце королевы...

— Сердце женщины! перебилъ вспыльчиво король. Это лабиринтъ, и его извилины можетъ знать только одинъ человѣкъ—духовникъ. Королева обнажаетъ свою совѣсть только тебѣ. Слушай, отче! Даю тебѣ королевское слово: проси, чего хочешь... Понимаешь?..

— Прости меня, король, отвѣчалъ Непомукъ: не понимаю, да и врядъ ли пойму, къ чему клонится эта рѣчь... Ты не намѣренъ же принудить меня къ святотатству? Не забудь: я и помнить не долженъ чужихъ грѣховъ.

— Не понимаешь—скажу яснѣе. Цезарь и король Вацлавъ приказываетъ тебѣ, своему подданному, пересказать исповѣдь королевы... Теперь понялъ?

Измученный пытками и голодомъ, въ темницѣ, слабо освѣщенной сверху, поднявъ глаза и руки къ небу, молился капелланъ на связкѣ соломы.

Молился онъ за себя, чтобы ему Господь послалъ мужество—перенести присныя и будущія муки; молился и за короля, чтобы тотъ отогналъ отъ себя преступную мысль. Въ это время растворились

двери темницы и вошло нѣсколько человѣкъ, съ факелами; съ ними и Вацлавъ. Видѣ святого старца растрогалъ бы самое затвердѣлое сердце; но сердце Вацлава было звѣрски—дико. Отъ роду незнакомый съ чувствомъ милосердія, онъ похвалился имъ тогда передъ Непомукомъ.

— Видишь ли, говорить,—до чего ты меня доводишь своимъ упрямствомъ? Ты меня покоя лишилъ, палачомъ твоимъ сдѣлалъ... Но я отдамъ тебѣ свободу, награжу за все претерпѣнное, чтобы зналъ ты,—какъ Вацлавъ IV казнить и милуетъ... Надѣюсь, ты за это послужишь... Для тебя это бездѣлица, для меня теперь—самое важное дѣло.

Зналъ Непомукъ безбожную жестокость короля, но отвѣчалъ ему твердо, что ни муки, ни награды, даже и смерть не принудятъ его къ лже-присягѣ.

— Своего слова назадъ я не беру, возразилъ Вацлавъ: ступай себѣ на всѣ четыре стороны, но и желанія не беру назадъ. Буду ждать, что исполнишь его.

Евангельскимъ, смертнымъ текстомъ началъ Непомукъ свою прощальную проповѣдь съ прихожанами. Говорилъ о своей близкой смерти. Плачъ и стоны зазвучали подъ сводами древняго храма.

Ни новыя угрозы, ни новыя приказы, ни новыя обѣщанія короля не измѣнили твердыхъ убѣжденій поборника церкви: не таеъ ли и старый дубъ противится бурѣ, пока она его, наконецъ, не вырветъ съ корнемъ.

Вечерѣло. Дребезжали колокольчики францисканскаго монастыря. Молдава струилась спокойно...

Кто же это идетъ по мосту, изнуренный дорогой и блѣдный? Это Янъ изъ Непомуку возвращается изъ Болеславова, куда ходилъ приложиться къ образу Богоматери. На встрѣчу ему, въ толпѣ приспѣшниковъ, Вацлавъ—глаза искрятся, на губахъ пѣна.

— Погляди, говорить Непомуку, погляди на рѣку: она—твой гробъ... И будешь ты самоубійцей, и никто не оправдаетъ тебя. Въ послѣдній разъ повелѣваю тебѣ исполнить мою волю...

— Король! отвѣчалъ святой человѣкъ: ты—мой государь, и я долженъ быть тебѣ послушнымъ во всемъ, что не противъ Божьей воли. Но лжеприсяга—противъ Бога... Ты меня покараешь на время, а Богъ—на вѣки. Напрасны угрозы твои, король: я своимъ обязанностямъ не измѣню.

Сталъ онъ на колѣни и тихемъ голосомъ началъ читать отход-

ную. Приспѣшники хотѣли ужь утопить его, но Вацлавъ подско-
чилъ къ нему и схватилъ его за руку.

— Вѣднаетъ! завопилъ онъ. Перементался ли ты съ дьяволомъ,
что въ тебѣ такое упорство? Или ты надѣшься, что ангелы засту-
пятъ за тебя и вырвутъ изъ рукъ смерти?

Капелланъ прижималъ въ это время къ груди крестъ и творилъ
молитву. Вацлавъ вырвалъ у него изъ рукъ крестъ и, кощунствуя,
кинулъ въ рѣку. За крестомъ кинули и его поклонника. Молдава
приняла его на свое лоно. Но крестъ выплылъ подъ самыя руки
мученика: лѣвою рукою принялъ онъ его, а правую благословилъ
короля и его приспѣшниковъ.

Надъ головой его заблесталъ звѣздный вѣнецъ.

Надъ Прагой ночь и сонъ, но не спится Вацлаву... Хоть и дав-
но привышій къ убійствамъ, не могъ онъ отогнать отъ себя груст-
ныхъ мыслей, что напрасно погубилъ человѣка, повсюду оглашен-
наго святымъ. Тоскливо водилъ онъ глазами по комнатамъ, блѣдно
озаренной свѣтомъ лампы. Что же это?

Призракъ, или въ самомъ дѣлѣ кто-то, высокой и страшный,
стоитъ посрединѣ комнаты и смотреть на него, словно ножомъ проп-
зааетъ сердце? Вотъ онъ нагнулся надъ постелью и смѣется сата-
нинскимъ смѣхомъ.

А лампа вспыхнула въ послѣдній разъ и угасла...

Вацлавъ закрылъ глаза, но какая-то сила раскрыла ихъ снова.
Смотрить и слушать. Надъ головой у него вьется пламя; змѣи виш-
лись ему въ тѣло, шумить въ ухахъ; ударилъ громъ; потомъ все стихло.

Утромъ король уѣхалъ изъ Праги въ замокъ Цебрахъ.

Вѣсть о погибели Яна изъ Непомука поразила горестью весь
городъ. Каноники схоронили останки его въ соборъ, и съ той поры,
Непомукъ—патронъ чеховъ. Его изваяніе украшаетъ мостъ на
Молдавѣ. Памятнику надъ его гробницей поклоняются и художники,
и богомольцы, и память о немъ доселѣ жива въ Чехіи. Не на од-
номъ перекресткѣ, возвышается его изваяніе, въ поминъ его кончины.
Память его празднуется 16 мая, и доселѣ еще раздаются звуки
музыки передъ его изображеніями въ Познани и въ Менджежицѣ
Корецкомъ и поютъ бурсаки:

«Господь, за наши прегрѣшенья,
Караеъ такъ, что нѣтъ терпѣнья.
Спаси насъ отъ кари и мукъ,
Святитель нашъ, Янъ Непомукъ!»

СВЯТОЧНАЯ ПѢСНЯ.

Святочная пѣсня

ВЪ ПРОЗѢ

(Ч а р л ь з а Д и к к е н с а).

Первая строфа. Призракъ Мэрлея.

Начнемъ сначала: Мэрлей умеръ. Въ этомъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнiя. Метрическая книга подписана приходскимъ священникомъ, причетникомъ и гробовщикомъ. Росписался въ ней и Скруджъ, а имя Скруджа было громко на биржѣ, гдѣ-бы и подѣ чѣмъ-бы ему ни благоугодно было подписаться.

Дѣло въ томъ, что старикъ Мэрлей вбитъ былъ въ могилу, какъ осиновый колъ.

Позвольте! Не подумайте, чтобы я самолично убѣдился въ мертвенности осиноваго кола: я думаю, напротивъ, что ничего нѣтъ мертвеннѣе въ торговлѣ гвоздя, вколоченнаго въ крышу гроба...

Но... разумъ нашихъ предковъ сложился на подобяхъ и пословицахъ, и не моей нечестивой рукѣ подобаетъ коснуться священнаго кивота вѣровъ—иначе погибнетъ моя отчизна...

И такъ, вы позволите мнѣ повторить съ достоюжною выразительностiю, что Мэрлей былъ вбитъ въ могилу, какъ осиновый колъ..

Спрашивается: зналъ-ли Скруджъ, что Мэрлей умеръ? Конечно зналъ, да и какъ же не зналъ то бы? Онъ и Мэрлей олицетворяли собою торговую фирму.

— Богъ вѣсть — сколько ужъ лѣтъ Скруджъ былъ душеприкащикомъ, единственнымъ повѣреннымъ, единственнымъ другомъ и единственнымъ провожатымъ мэрлевскаго гроба. По правдѣ, смерть

друга не на столько его огорчила, чтобы онъ, въ самый день похоронъ, не оказался дѣловымъ человѣкомъ и бережливымъ распорядителемъ печальной процессіи.

Вотъ это-то слово и наводитъ меня на первую мою мысль, а именно, что Мэрлей безъ сомнѣнія умеръ, и что, слѣдовательно, если-бы не умеръ онъ, въ моемъ разсказѣ не было-бы ничего удивительнаго.

Если бы мы не были убѣждены, что отецъ Гамлета умеръ до начала пьесы, никто изъ насъ не обратилъ-бы даже и вниманія на то, что господинъ почтенныхъ лѣтъ прогуливается нехстати, въ потемкахъ и на свѣжемъ вѣтерѣ, по городскому валу, между могилъ, съ единственной цѣлю — окончательно разстроить поврежденныя умственныя способности своего возлюбленнаго сына. Что касается собственно Скруджа, ему и въ голову не приходило вычеркнуть изъ счетовъ книга имя своего товарища по торговлѣ: много лѣтъ послѣ смерти Мэрлея, надъ входомъ въ ихъ общій магазинъ красовалась еще вывѣска съ надписью: „Скруджъ и Мэрлей“. Фирма торговаго дома была все таже: „Скруджъ и Мэрлей“. Случалось иногда, что вѣкоторые господа, плохо знакомые съ торговыми оборотами, называли этотъ домъ: Скруджъ — Скруджъ, а иногда и просто: Мэрлей; но фирма всегда готова была откликнуться одинаково на то, или на другое имя.

О! Скруджъ вполне изучилъ свой ручной жерновъ и крѣпко держалъ его въ кулакѣ, милѣйшій человѣкъ — и старый грѣшникъ: скупецъ на показъ, онъ умѣлъ и нажать, и прижать, и поскоблить, а главное — не выпустить изъ рукъ. Неподатливъ онъ былъ и крѣпость, какъ ружейный камень, — изъ него-же даромъ и искры не выбьешь безъ огня; молчаливъ былъ, скрытенъ и отшельнически — замкнутъ, что устрица. Душевный холодъ заморозилъ ему лицо, нащипалъ ему заостренный носъ, наморщилъ щеки, сковалъ походку и окислилъ голосъ. Постоянный иней убѣлилъ ему голову, брови и судорожно-лукавый подбородокъ. Всегда и повсюду вносилъ онъ съ собою собственную свою температуру — ниже нуля, леденилъ свою контору даже въ каникулы и, ради самыхъ святокъ, не возвышалъ сердечнаго термометра ни на одинъ градусъ.

Внѣшній жаръ и холодъ не имѣли на Скруджа ни малѣйшаго вліянія: не согрѣвалъ его лѣтній зной, не забъ онъ въ самую жестокую зиму; а между тѣмъ рѣзче его никогда не бывало осенняго вѣтра; никогда и никому не падали на голову, такъ безопасно, какъ

онъ, ни снѣгъ ни дождикъ; не допускалъ онъ ни ливня, ни гололедицы, ни изморози — во всемъ ихъ изобилии: этого слова Скруджъ не понималъ.

Никто, и не разу не встрѣчалъ его на улицѣ привѣтливой улыбкой и словами: „Какъ вы поживаете, почтеннѣйшій мистеръ Скруджъ? Когда-же вы навѣстите насъ“? Ни одинъ нищій не рѣшился протянуть къ нему руки за полушкой; ни одинъ мальчишка не спросилъ у него: „который часъ?“ Никто, ни мужчина, ни женщина, въ теченіи всей жизни Скруджа, не спросили у него: „какъ пройти туда-то!“ Даже собака — вожатый уличнаго слѣпца, кажется, — и та знала Скруджа: какъ только его увидитъ, такъ и заведетъ своего хозяина либо подъ ворота, либо въ какойнибудь закоулокъ, и начнетъ помахивать хвостомъ, словно выговариваетъ: „Бѣднажка мой хозяинъ! знаешь-ли, что лучше ужъ еслѣпнуть, чѣмъ сглазить добрыхъ людей!“

Да Скруджу то что за дѣло? Именно этого онъ и жаждалъ. Жаждалъ онъ пройти жизненнымъ путемъ одиноко, помимо толпы, съ вывѣской на лбу: „па—ади—берегись!“ А затѣмъ — „и прианкомъ его не корми!“ какъ говорятъ лакомки — дѣти.

Однажды, въ лучшій день въ году, въ сочельникъ, старикъ Скруджъ сидѣлъ въ своей конторѣ и былъ очень занятъ. Морозило; падалъ туманъ; Скруджу было слышно, какъ прохожіе по переулку свистятъ себѣ въ кулаки, отдуваются, хлопаютъ въ ладоши и отплясываютъ на панели трепака, чтобы согрѣться.

На башнѣ Свѣта пробило только — еще три часа по полудни, а на дворѣ было ужъ совсѣмъ темно. Впрочемъ и съ утра не свѣтало, и огни въ сосѣднихъ окнахъ конторъ краснѣли масляными пятнами на черноватомъ фонѣ густого, почти осязательнаго воздуха. Туманъ проникалъ въ дома во всѣ щели и замочныя скважины; на открытомъ воздухѣ онъ до того сплотился, что, не смотря на узкость переулка, противоположные дома казались какими-то призраками. Глядя на мрачныя тучи, можно было подумать, что онѣ опускаются ближе и ближе къ землѣ съ намѣреніемъ — задымить огромную пивоварню.

Дверь въ контору Скруджа была отворена, такъ что онъ могъ постоянно слѣдить за своимъ прикащикомъ, занятымъ списываніемъ нѣсколькихъ бумагъ въ темной и тѣсной камеркѣ: — нѣчто въ родѣ володца. У Скруджа еле-еле тлѣлъ въ камелькѣ огонь, а у прикащика еще меньше: просто одинъ уголекъ. Прибавить къ нему онъ

ничего не могъ, потому, что корзинка съ угольями стояла въ комнать Скруджа, и всякій разъ, когда прикащикъ робко входилъ съ лопаткой, Скруджъ предвараля его, что будетъ вынужденъ съ нимъ разстаться. Вслѣдствіе сего, прикащикъ обматывалъ себѣ шею бѣлымъ „носоприятомъ“ и пытался отогрѣться у свѣчки; но, при такомъ видимомъ отсутствіи изобрѣтательности, конечно не достигалъ своей цѣли.

— Съ празднивомъ, дядюшка, и да хранить васъ Богъ! раздавался веселый голосъ.

Голосъ принадлежалъ племяннику Скруджа, заставшему дядюшку врасплохъ.

— Это еще что за пустяки? спросилъ Скруджъ. Племянникъ такъ скоро шелъ къ нему и такъ разгорѣлся на морозномъ туманѣ, что щеки его пылали полымемъ, лицо раскраснѣлось, какъ вишня, глаза заискрились и изо рта валилъ паръ столбомъ.

— Какъ дядюшка: святки—то пустяки? замѣтилъ племянникъ Скруджа.—То-ли вы говорите?

— А что-же? отвѣтилъ Скруджъ. Веселые святки. Да какое у тебя право — веселиться? Разоряться-то на веселье какое право?.. Вѣдь и такъ—ужь бѣденъ...

— Полно-же-полно! возразилъ племянникъ.—Лучше скажите мнѣ: какое у васъ право хмуриться и коптѣть надъ цифирью?.. Вѣдь и такъ-ужь богаты.

— Ба! продолжалъ Скруджъ, не приготовившись къ отвѣту, и къ своему „Ба!“ прибавилъ: Все это—глупости!

— Перестаньте-же, дядюшка, хандрить.

— Поневолѣ захандрить съ такими сумасшедшими. Веселые святки! Ну—его, ваше веселье!.. И что такое ваши святки? Срочное время — платить по векселямъ; а у васъ пожалуй, и денегъ-то нѣтъ... Да вѣдь съ каждымъ святками вы старѣете на цѣлый годъ и припоминаете, что прожили еще двѣнадцать мѣсяцевъ безъ прибыли. Нѣтъ! Будь моя воля, я каждого такого шального, за поздравительныя побѣгушки, приказалъ-бы сварить въ котлѣ, — съ его же пуддингомъ, похоронить, да ужь, заодно, что-бы изъ могилы не убѣжалъ, протенуть ему грудь сучкомъ остролистника... Это—вотъ такъ!

— Дядюшка! заговорилъ—было племянникъ, — въ качествѣ адвоката святокъ.

— Что, племянничекъ? строго перебилъ его дядюшка. Праз-

днуй — себѣ святки, какъ хочешь, а ужъ я — то отпраздную ихъ по своему.

— Отпразднуете? повторилъ за нимъ племянникъ.

— Да развѣ такъ празднуютъ?

— Ну, и не надо!... Тебѣ я желаю на новый годъ новаго счастья, если стараго мало.

— Правда: мнѣ кой-чего не достаетъ... Да нужды нѣтъ, что новый годъ ни разу еще не набилъ мнѣ кармана, а все-таки святки для меня святки.

Приказиѣъ Скруджа невольно зарукоплескалъ этой рѣчи изъ извѣстнаго намъ колодца; но, понявъ все неприличіе своего поступка, бросился поправлять огонь въ камелькѣ и затушилъ послѣднюю искру.

— Если вы еще затушите, сказалъ ему Скруджъ, вамъ придется праздновать святки на другомъ мѣстѣ. А вамъ, сэръ, прибавилъ онъ, обратившись къ племяннику, я долженъ отдать полную справедливость: вы — превосходный витія и напрасно не вступайте въ парламентъ.

— Не сердитесь, дядюшка: будетъ! Приходите къ намъ завтра обѣдать. Скруджъ ему отвѣталъ, чтобы онъ пошелъ къ... Право: такъ и сказалъ, все слово выговорилъ, — такъ-таки и сказалъ: пошелъ.... (Читатель, можетъ, если заблагоразсудитъ, договорить слово).

— Да почему же, вскрикнулъ племянникъ? Почему?

— А почему ты женился?

— Потому, — что влюбился.

— Любовь! пробормоталъ Скруджъ, да такъ пробормоталъ, какъ будто-бы, послѣ слова — новый годъ, любовь была самымъ глупымъ словомъ въ мірѣ.

— Послушайте, дядюшка! Вѣдь вы и прежде никогда ко мнѣ не заходили: причемъ-же тутъ моя женитьба?

— Прощай! сказалъ Скруджъ.

— Я отъ васъ ничего не желаю, ничего не прошу: отчегоже намъ не остаться друзьями?

— Прощай! сказалъ Скруджъ.

— Я истинно огорченъ вашей рѣшимостью... Между нами, кажется, ничего такого нѣ было... по крайней мѣрѣ, съ моей стороны... хотѣлось мнѣ провести съ вами первый день, — ну? что-жъ дѣлать! я все-таки повеселюсь — и вамъ того-же желаю.

— Прощай! сказалъ Скруджъ.

Племянникъ вышелъ изъ комнаты, ни полсловомъ не выразивъ своего неудовольствія; но остановился на порогѣ и поздравилъ съ наступающимъ праздникомъ провожавшаго его прикащика, а въ томъ, не смотря на постоянный холодъ, было все-таки больше теплоты, чѣмъ въ Скруджѣ. Поэтому онъ отвѣчалъ радушно на привѣтствіе своего поздравителя, такъ-что Скруджъ услыхалъ его слова изъ своей комнаты и прошепталъ:

— Вотъ, еще дуракъ - то набитый! Служить у меня прикащикомъ; получаетъ пятнадцать шиллинговъ въ недѣлю; на рукахъ жена и дѣти; а туда-же радуется празднику!... Ну, какъ-же не самъ напрашивается въ домъ сумашедшихъ?

Въ это время набитый дуракъ, проводивъ племянника Скруджа, ввелъ за собою въ контору двухъ новыхъ посѣтителей: оба джентльмена казались крайне порядочными людьми, съ благовидной наружностью, и оба при входѣ сняли шляпы. Въ рукахъ у нихъ были какіе-то реестры и бумаги.

— Скруджъ и Мэрлей, кажется? спросилъ одинъ изъ нихъ съ поклономъ и поглядѣлъ въ списоки. — Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить: съ мистеромъ Скруджемъ, или съ мистеромъ Мэрлеемъ?

— Мистеръ Мэрлей умеръ семь лѣтъ тому, отвѣтилъ Скруджъ. — Ровно семь лѣтъ тому умеръ, именно въ эту самую ночь.

— Мы не сомнѣваемся, что великодушіе покойнаго нашло себѣ достойнаго представителя въ пережившемъ его компаньонѣ! сказалъ незнакомецъ, предъявляя официальную бумагу, уполномочивавшую его на собраніе милостыни для бѣдныхъ.

Сомнѣваться въ подлинности этой бумаги было невозможно; однако-же, при досадномъ словѣ: *великодушіе*, Скруджъ нахмурилъ брови, покачалъ головой и возвратилъ своему посѣтителю свидѣтельство.

— Въ эту радостную пору года, мистеръ Скруджъ, заговорилъ посѣтитель, взявъ перо, „было-бы всего желательнѣе собрать посильное пособіе бѣднымъ и неимущимъ, страдающимъ теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь: тысячи изъ нихъ лишены самаго необходимаго въ жизни; сотня тысячъ не смѣютъ и мечтать о наискромнѣйшихъ удобствахъ.

— Развѣ тюрьмы уже уничтожены? спросилъ Скруджъ.

— Помилуйте, отвѣчалъ незнакомецъ, опуская перо. — Да ихъ теперь гораздо больше, чѣмъ было прежде...

— Такъ, стало-быть, продолжалъ Скруджъ, пріюты прекратили свою дѣятельность?

— Извините, сэръ, возразилъ собесѣдникъ Скруджа: дай-то Богъ, чтобы они ее прекратили!

— Такъ человѣколюбивый жерновъ все еще мелеть на основаніи закона?

— Да! и ему, и закону много еще дѣла.

— О!... А я вѣдь подумалъ-было, что какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство помѣшало существованію этихъ полезныхъ учрежденій!... Искренно, искренно радъ, что ошибся! проговорилъ Скруджъ.

— Въ полномъ убѣжденіи, что ни тюрьмы, ни пріюты не могутъ христіански удовлетворить физическихъ и духовныхъ потребностей толпы, нѣсколько особъ собрали по подпискѣ небольшую сумму для покупки бѣднымъ, ради предстоящихъ праздниковъ, куска мяса, кружки пива и пригоршни угля... На сколько вамъ угодно будетъ подписаться?

— Да... ни на сколько! отвѣтилъ Скруджъ.

— Вамъ, вѣроятно, угодно сохранить анонимъ.

— Мнѣ угодно, чтобы меня оставили въ покоѣ. Если вы, господа, сами спрашиваете — чего мнѣ угодно? вотъ вамъ мой отвѣтъ. Мнѣ и самому праздникъ — не радость, и не намѣренъ я поощрять бражничанья каждаго тунеядца. И безъ того я плачѣ довольно на поддержку благотворительныхъ заведеній... т. е. тюремъ и пріютовъ... пусть въ нихъ и поступаютъ тѣ, кому дурно въ иномъ мѣстѣ.

— Да вѣдь инымъ и поступать туда нельзя, а другимъ умереть легче.

— А если легче, кто-же имъ мѣшаетъ такъ и поступать, ради уменьшенія нищенствующаго народонаселенія? Впрочемъ, извините меня — все это для меня — темная грамота.

— Однако-же — вамъ ничего не стоитъ ей поучиться?

— Не мое дѣло! возразилъ Скруджъ... *Довѣтъ дневи злоба его.* А у меня собственныхъ дѣлъ больше, чѣмъ дней. Позвольте съ вами проститься господа!...

Появъ всю бесполезность дальнѣйшихъ настояній, незнакомцы удалились.

Скруджъ опять усѣлся за работу въ самодовольномъ расположеніи духа.

А туманъ и потемки все густѣли, да густѣли, такъ-что по улицамъ засверкали уже свѣточки, предназначенные уздодить извозчичьихъ коней и наставлять ихъ на правые пути. Старая колокольня съ нахмуреннымъ колоколомъ, постоянно наблюдавшимъ изъ любопытства, въ свое готическое окно, контору Серуджа, вдругъ исчезла изъ вида и стала трезвонить уже въ облакахъ четверти, получася и часы. Морозъ крѣпнулъ.

Въ углу двора нѣсколько работниковъ поправляли газопроводныя трубы и разогрѣли огромную жаровню; кругомъ тѣснилась цѣлая толпа мужчинъ и оборванныхъ ребятишекъ: они съ наслажденіемъ потирали себѣ руки и шурились на огонь. Кранъ запертого фонтана обледенѣлъ такъ, что смотрѣть было противно.

Газовыя лампы магазиновъ озаряли вѣтки и ягоды остролистника и бросали красноватый отблескъ на блѣдныя лица прохожихъ. Мясныя и зеленныя лавки сіяли такою роскошью, представляли такое великолѣпное зрѣлище, что нѣкому-бы и въ голову не пришло соединить съ ними идею расчета и барыша. Лордъ-мэръ, въ своей крѣпости Mansion-House, отдавалъ приказы, направо и налево, какъ и подобаетъ лордъ-мэру въ сочельникъ, своимъ пятидесяти поварами и пятидесяти ключницами. Даже бѣдная портной (не далѣе — какъ въ прошлый понедѣльникъ подвергнутый денежной пенѣ въ пять шиллинговъ, за пьянство и буянство на улицѣ), даже и тотъ принялся на своемъ чердачкѣ хлопотать о завтрашнемъ пуддингѣ, и тощая его половина съ тощимъ сосункомъ на рукахъ, отправилась на бойню купить необходимый кусокъ говядины.

Между тѣмъ, туманъ становится гуще и гуще, холодъ живѣе, жестче, пронзительнѣе. Вотъ онъ крѣпко ущипнулъ за носъ уличнаго мальчишку, тщедушнаго, обглоданнаго голодомъ, какъ кость собачьей: владѣлецъ этого носа прикладываетъ свой глазъ къ замочной скважинѣ серуджской конторы и начинаетъ Христа славить, но при первыхъ словахъ:

Господи спаси васъ,
Добрый господинъ!

Серуджъ такъ энергично схватываетъ линейку, что пѣвецъ, въ ужасѣ, отбѣгаетъ со всѣхъ ногъ, покидая замочную скважину въ добычу тумана и мороза, а они тотчасъ же врываются въ комнату... конечно изъ сочувствія къ Серуджу...

Наконецъ пора запереть контору: Серуджъ угрюмо сходитъ съ своего табурета, словно подавая молчаливый знакъ своему прика-

щику убираться скорѣе вонъ: прикащикъ мгновенно тушатъ свѣчу и надѣваетъ шляпу.

— Предполагаю, что завтра вы цѣлый день останетесь дома? спрашиваетъ Скруджъ.

— Если это вамъ удобно, сэръ.

— Нисколько это мнѣ неудобно, да и вообще, съ вашей стороны, несправедливо. Если-бы, за завтрашній день, я удержалъ изъ вашего жалованья пол-кроны, я увѣренъ—вы бы обидѣлись?

Прикащикъ слегка улыбнулся.

— А между тѣмъ, продолжалъ Скруджъ, вы не сочтете въ обиду для меня, что я долженъ вамъ платить за цѣлый день даромъ.

Прикащикъ замѣтилъ, что это случается только одинъ разъ въ годъ.

— Плохое оправданіе и плохой поводъ—запустить руку въ чужой карманъ (каждое 25 декабря), возразилъ Скруджъ, застегивая пальто до самаго подбородка. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, что вамъ нуженъ цѣлый завтрашній день: постарайтесь-же вознаграждать меня за него послѣ-завтра, и какъ можно по раньше.

Прикащикъ общалъ, и Скруджъ, ворча себѣ подъ носъ, вышелъ изъ дома. Контора была заперта во мгновеніе ока, и прикащикъ, скрестивъ оба конца «носопрята» на жилетѣ (скруглѣвъ онъ считалъ роскошью) пустился по Корнгильской панели, поскользнувшись разъ двадцать вмѣстѣ съ толпой мальчишекъ, то и дѣло падавшихъ въ честь сочельника. Во весь духъ добѣжалъ онъ до своей квартиры къ «Кэмден-тоунъ», чтобы поспѣть на жмурки. *) Скруджъ усѣлся за скудный обѣдъ, въ своей обычной грошевой харчевнѣ. Перечитавъ всѣ журналы и очаровавъ себя, къ концу вечера, просмотромъ своей счетной книжки, онъ отправился на ночевку домой. Занималъ онъ бывшую квартиру своего покойнаго сотоварища; длинный рядъ темныхъ комнатъ въ старинномъ, мрачномъ зданіи, на самомъ концѣ закоулка. Богъ-вѣсть, какъ оно туда попало? Такъ и казалось, что съ молодю оно играло въ прятки съ другими домами, спряталось, да потомъ и не нашло дороги. Вѣтъ оно было и печально, потому, что окромѣ Скруджа, въ немъ никого не жило: остальные квартиры были заняты разными конторами и бюро. Дворъ былъ до такой степени темень, что самъ Скруджъ, хотъ и зналъ наизусть каждую плиту,

*) Игра въ жмурки составляетъ къ Англіи необходимую принадлежность сочельника и вообще всѣхъ святокъ.

долженъ былъ пробираться ощупью. Холодъ и туманъ крѣпко прижались къ старой входной двери, — и вы бы подумали, что на ея порогѣ присѣлъ геній зимы, погруженный въ грустныя размышленія.

Фактъ одинъ, что въ дверномъ молоткѣ не было ничего замѣчательнаго, кромѣ непомѣрной величины; другой фактъ тотъ, что Скруджъ видалъ этотъ молотокъ ежедневно, утромъ и вечеромъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ поселился въ домъ; что при всемъ этомъ Скруджъ обладалъ такъ называемымъ воображеніемъ менѣе даже корпораціи нотѣблей и альдерменовъ *). Не слѣдуетъ также забывать, что, въ теченіе дѣлныхъ семи лѣтъ, значить какъ-разъ со дня смерти Мэрлея, Скруджъ ни разу не подумалъ о покойникѣ. Объясните-же мнѣ, пожалуйста, если можете: какимъ образомъ случилось, что Скруджъ, повертывая ключъ въ замкѣ, своими глазами увидалъ на мѣстѣ дверного молотка лицо Мэрлея? Истинно говорю вамъ: лицо Мэрлея! Оно не было непроницаемой тѣнью, какъ всѣ остальные предметы на дворѣ, напротивъ: оно свѣтилось какимъ-то синеватымъ блескомъ, подобно гнилому морскому раку въ темномъ погребѣ. Въ выраженіи его не было ничего гнѣвнаго и свирѣпаго: Мэрлей глядѣлъ на Скруджа — какъ и всегда, приподнявъ призракъ очковъ на призракъ лба. Волосы его шевелились на головѣ какъ будто отъ какого-то дуновенія, или отъ горячаго пара; Мэрлей глядѣлъ во всѣ глаза, но они были неподвижны. Это обстоятельство и синеватый цвѣтъ кожи приводили въ ужасъ, хотя ужасъ Скруджа происходилъ не отъ мертвеннаго выраженія лица, а — такъ-сказать отъ самого себя.

Пристально взглянувъ въ это явленіе, Скруджъ снова увидалъ одинъ только дверной молотокъ. Мы бы погрѣшили передъ совѣстью, еслибы сказали, что Скруджъ не ощутилъ ни дрожи, ни страшнаго, дотолѣ незнакомаго ему волненія въ крови. Однако онъ быстро повернулъ ключъ, вошелъ въ комнату и зажегъ свѣчу. На мгновеніе онъ остановился въ нерѣшительности и, прежде чѣмъ запереть дверь, поглядѣлъ нѣтъ-ли за ней кого, словно боялся, что вотъ-вотъ покажется въ сѣняхъ тонкій носъ Мэрлея. Но за дверью не было ничего, кромѣ гаекъ и винтовъ, придерживавшихъ изнутри дверной молотокъ. «Ба! ба!» сказалъ Скруджъ и сильно хлопнулъ дверь.

По всему дому прошелъ громовой гулъ. Каждая комната наверху

*) Т. е. представителей всевозможныхъ цеховъ и гильдій.

и каждая бочка внизу, въ винномъ погребѣ, приняли особенное участіе въ этомъ концертѣ эха. Скрудзь былъ не изъ таковскихъ, чтобы пугаться эха: крѣпко заперъ дверь, прошелъ сѣнями и сталъ подниматься на лѣстницу, поправивъ по дорогѣ свѣчу.

Вы мнѣ станете рассказывать о старинныхъ, блаженной памяти, лѣстницахъ, по которымъ могла бы проѣхать карета въ шесть лошадей рядомъ, или пройти процессія съ однимъ изъ маленькихъ парламентскихъ дѣлъ, а я вамъ скажу, что лѣстница Скруджа была нѣчто иное: по ней можно было провести дроги поперекъ, такъ, чтобы одинъ конецъ былъ обращенъ къ стѣнѣ, а другой къ периламъ, и это ничего-бы не значило, пожалуй еще мѣсто-бы осталось. По самой этой причинѣ, Скруджу и показалось, что передъ нимъ въ темнотѣ поднимается по лѣстницѣ погребальное шествіе. Полдюжины уличныхъ газовыхъ рожковъ едва-ли могли-бы освѣтить достаточно сѣни: можете-же представить себѣ, какое яркое сіяніе разливала свѣчка Скруджа!...

Онъ поднимался какъ ни въ чемъ не бывало: вѣдь темнота ничего не стоитъ, а потому Скрудзь и не чувствовалъ къ ней никакого отвращенія. Но, прежде всего, войдя къ себѣ, онъ осмотрѣлъ всѣ комнаты, видимо безпокоимый воспоминаніемъ о таинственномъ лицѣ.

Гостиная, спальня и кладовая оказались въ порядкѣ. Никого не было подъ столомъ, никого подъ диваномъ; комелекъ тлился и нагрѣвалъ кострюлю съ кашницей (у Скруджа былъ насморкъ); никого не было также и въ спальнѣ подъ постелью, и въ кладовой; никто не спрятался за висѣвшимъ на стѣнѣ халатомъ. Вполнѣ успокоившись, Скрудзь заперъ дверь на замокъ, въ два оборота, надѣлъ халатъ, туфли, ночной колпакъ, усѣлся передъ огнемъ и принялся за кашницу.

Печка была сложена очень давно, вѣроятно, какимъ-нибудь голландскимъ купцомъ. На изразцахъ были изображенія заимствованныя изъ библіи: Каины и Авели, дочери Фараона, царицы Савскія, Вальтасары... а все-таки надъ всѣми ними, казалось, мелькало неотступное лицо Марлея...

— Вздоръ! проговорилъ Скрудзь и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Вдругъ его глаза остановились на старомъ звонкѣ, давно уже не бывшемъ въ употребленіи и проведенномъ, для какой-то цѣли, въ нижнее жильё дома. Вообразите-же изумленіе и ужасъ Скруджа, когда этотъ звонокъ началъ шевелиться: сперва онъ только кач-

нулся почти безъ звука, но вслѣдъ затѣмъ колокольчикъ такъ и залился, и ему подхватили всѣ остальные колокольчики въ домѣ.

Звенѣли они никакъ не болѣе минуты, но эта минута показала Скруджу цѣлымъ часомъ. Колокольчики смолели, такъ же, какъ и зазвенѣли: всѣ разомъ. Ихъ звонъ смѣнило бряцаніе желѣза, — словно кто-то внизу, въ винномъ погребѣ, волочилъ по бочкамъ тяжелую цѣпь. Скруджъ вспомнилъ, что всѣ привидѣнія волочатъ за собою цѣпи.

Погребная дверь распахнулась съ ужаснымъ стукомъ, и Скруджъ услышалъ звукъ цѣпи сначала въ первомъ жильѣ, потомъ на лѣстницѣ, и наконецъ прямо противъ своей двери.

— Все это сущій вздоръ! сказалъ Скруджъ. И вѣрить не хочу!

Однако-же онъ перемѣнился въ лицѣ, когда призракъ вошелъ въ комнату прямо сквозъ запертую, толстую дверь. Умирающій огонекъ вспыхнулъ въ камелькѣ, словно прокричалъ: «Я его узнаю! это призракъ Мерлея!» и затѣмъ погасъ. Совершенно, — совершенно лицо Мерлея: та же тонкая коса, — тотъ же обыкновенный его жилетъ, тѣ-же панталоны въ обтяжку: и шелковыя кисточки на сапогахъ по прежнему качаются въ ладъ съ коскою, съ полами платья и съ тупеомъ. Цѣпь обхватывала ему поясъ и волочилась за призракомъ длиннымъ хвостомъ. Скруджъ разсмотрѣлъ, что она была составлена изъ кассовыхъ ящичковъ, изъ связокъ ключей, желѣзныхъ засововъ, замковъ, большихъ книгъ, папокъ и тяжелыхъ стальныхъ кошелевъ.

Тѣло призрака было до того прозрачно, что Скруджъ, взглянувъ на его жилетъ, ясно увидалъ сквозъ него двѣ пуговицы, пришитыя къ спинкѣ кафтана. Но хотя Скруджъ припомнилъ, что и при жизни Мерлея (по сосѣднимъ сплетнямъ), у него не было внутренностей, все еще не вѣрилъ своимъ глазамъ, однако-же замѣтилъ все до малѣйшей подробности, даже до фуляра на головѣ, повязаннаго подъ подбородкомъ.

— Что это значитъ? спросилъ онъ холодно и насмѣшливо, какъ и всегда. — Чего вы отъ меня хотите?

— Многого.

Нѣтъ никакого сомнѣнія: голосъ Мерлея.

— Кто вы такой?

— То есть: Кто я былъ такой.

— Ну, ктоже? переспросил Скрудзь, возвышая голосъ... Для призрака вы большой пуристъ...

— При жизни я былъ вашъ сотоварищъ Джэбокъ Мэрлей.

— Можете вы.... присѣсть?

— Могу.

— Садитесь-же.

Скрудзь предложилъ призраку присѣсть для испытанія въ состояніи-ли сидѣть такое прозрачное существо, и для избѣжанія непріятнаго объясненія. Призракъ сѣлъ очень развязно.

— Вы въ меня не вѣрите? замѣтилъ онъ.

— Не вѣрю.

— Какого-же доказательства въ моей дѣйствительности требуете вы, кромѣ свидѣтельства вашихъ чувствъ?

— И самъ не знаю.

— Отчего-же вы не довѣряете вашимъ чувствамъ?

— Оттого, что ихъ можетъ извратить всякая случайность, всякое разстройство желудка, и въ сущности вы, можетъ быть, ни что иное, какъ лометь непереважившагося мяса, или пол-ложечки горчицы, кусокъ сыра, кусочекъ сырого картофеля? Во всякомъ случаѣ, отъ васъ пахнетъ скорѣе можжевельковой, чѣмъ можжевельникомъ.

Скрудзь вообще не жаловалъ остроты, и теперь всего менѣе чувствовалъ охоту острить, но онъ пошутилъ для того, чтобы дать другое направленіе мыслямъ и побѣдить свой ужасъ, для того, что голосъ призрака заставлялъ его трепетать до самаго мозга костей.

Скрудзь выносилъ чертовскую пытку, сидя противъ призрака и не смѣя свести взгляда съ этихъ неподвижныхъ, стѣлянныхъ глазъ. И, въ самомъ дѣлѣ, было что-то ужасное въ адской атмосферѣ, окружавшей призрака: Скрудзь, разумѣется, не могъ ее самъ ощущать, но онъ видѣлъ, что призракъ сидѣлъ совершенно неподвижно, а между тѣмъ его волосы, полы кафтана и кисти сапогъ шевелились, будто отъ сѣрнаго пара, вылетавашаго изъ какого-то горнила.

— Видите вы эту зубчистку? спросилъ Скрудзь, чтобы разсѣять свой страхъ и хоть на мгновеніе оторвать отъ себя холодный, какъ мраморъ, взглядъ призрака.

— Вижу, отвѣтилъ призракъ.

— Да вы на нее даже и не смотрите!

— Это не мѣшаетъ мнѣ ее видѣть.

— Такъ — вотъ: стоитъ мнѣ только ее проглотить — и я до

конца моихъ дней буду окруженъ легиономъ домовыхъ собственнаго моего произведенія. Все это—вздоръ, говорю вамъ... Вздоръ!

При этомъ словѣ, призракъ страшно вскрикнулъ и такъ оглушительно, такъ заунывно потрясъ цѣпью, что Скруджъ ухватился обѣими руками за стулъ, чтобы не упасть въ обморокъ. Но его ужасъ удвоился, когда призракъ вдругъ сорвалъ съ головы фуляръ и при этомъ нижняя его челюсть свалилась на грудь.

Скруджъ упалъ на колѣни и закрылъ лицо руками.

— Боже милосердный! вскрикнулъ онъ. Проклятое привидѣніе!... Зачѣмъ ты появилось терзать меня?

— Душа плотская, душа земная! отвѣтилъ призракъ. — Вѣришь-ли ты теперь въ меня?

— Долженъ вѣрить поневолѣ!... сказалъ Скруджъ. Но зачѣмъ-же духи бродятъ по землѣ и зачѣмъ ко мнѣ заходятъ?...

— Обязанность каждаго человѣка, отвѣчалъ призракъ, сообщиться душою съ ближнимъ: если онъ уклоняется отъ этого при жизни, душа его осуждена блуждать въ мірѣ послѣ смерти... Осуждена она быть бесполезной и безучастной свидѣтельницей всѣхъ долбныхъ явленій, тогда-какъ при жизни она могла-бы слиться съ другими душами для достиженія общаго блага“. Призракъ вскрик-еще разъ и заломилъ свои безплотныя руки.

— Вы скованы? спросилъ дрожавшій Скруджъ; но скажите— за что?

— Я ношу цѣпь, которую самъ-же сковалъ себѣ въ жизни, звѣно за звѣномъ, аршинъ за аршиномъ; самъ надѣлъ ее на себя добровольно, что-бы добровольно-же носить ее всегда. Можетъ быть, тебѣ нравится этотъ образчикъ?

Скруджъ дрожалъ болѣе и болѣе.

— Или тебѣ хочется, продолжалъ призракъ, узнать тяжесть и длину твоей собственной цѣпи? Семь лѣтъ тому, изо-дня въ день, она была такъ-же длинна и тяжела, какъ моя; потомъ ты еще потрудился надъ нею, и теперь—славная цѣпь вышла...

Скруджъ посмотрѣлъ кругомъ себя на полъ, нѣтъ-ли на немъ самомъ желѣзной цѣпи, сажень—эдакъ въ пятьдесятъ? Но цѣпи не было.

— Джэкобъ, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ, старый мой другъ Джэкобъ Мэрлей, поговорите еще со мною, скажите мнѣ нѣсколько словъ утѣшенія, Джэкобъ!

— Не мнѣ утѣшать, отвѣтилъ призракъ: утѣшеніе принс-

сятся свыше, иными послами, и къ инымъ людямъ, чѣмъ ты, Эвенеэръ Скруджъ! Я тебѣ и сказать не могу всего, чтобы мнѣ хотѣлось сказать: я обреченъ блуждать безъ отдыха и нигдѣ не останавливаться. Ты знаешь, что на землѣ моя душа не преступала предѣловъ нашей конторы, и вотъ—почему мнѣ суждено теперь сдѣлать еще много тяжелыхъ путешествій!

У Скруджа была привычка, когда онъ задумывался, засовывать руки въ карманъ панталонъ: такъ поступилъ онъ и теперь, при послѣднихъ словахъ призрака, но съ колѣнъ не всталъ.

— Вы, должно быть, порядкомъ запоздали? замѣтилъ онъ, какъ истый дѣловой человѣкъ, однако-же съ покорностью и съ почтительностью.

— Запоздалъ! повторилъ призракъ.

— Семь лѣтъ умеръ, рассуждалъ Скруджъ, и все время въ дорогѣ...

— Все время! сказалъ призракъ... и ни отдыха, ни покоя, и непрерывная пытка угрызенія совѣсти...

— Быстро вы путешествуете? спросилъ Скруджъ.

— На крыльяхъ вѣтра, отвѣтилъ призракъ.

— Должно быть, много странъ видѣли? продолжалъ Скруджъ. При этихъ словахъ, призракъ вскрикнулъ въ третій разъ и такъ загремѣлъ цѣпью, что дозоръ имѣлъ-бы полное право—представить его въ судъ за ночной шумъ.

— О! горе мнѣ, скованному узнику! простоналъ онъ. Горе мнѣ за то, что я забылъ обязанность каждаго человѣка—служить обществу, великому дѣлу человѣчества, предначертанному верховнымъ существомъ, забылъ, что позднимъ сожалѣниемъ и раскаяніемъ не искупилъ утраченнаго случая къ пользѣ и благу ближняго! И вотъ мой грѣхъ, вотъ мой грѣхъ!

— Однако-же вы всегда были человѣкомъ исполнительнымъ, умѣли отлично вести дѣла... пробормоталъ Скруджъ, начиная примѣнять слова призрака къ самому себѣ.

— Дѣла! крикнулъ призракъ, снова заламывая себѣ руки: моимъ дѣломъ было все человѣчество; моимъ дѣломъ было общее благо, человеколюбіе, милосердіе, благодушіе и снисходительность: вотъ какія были у меня дѣла! А торговые обороты—одна капля въ безбрежномъ океанѣ моихъ былыхъ дѣлъ!

Онъ поднялъ цѣпь во всю длину руки, словно указывалъ на

причину своихъ безплодныхъ сожалѣній, и снова бросилъ ее на полъ.

— Болѣе всего я страдаю, продолжалъ призракъ, именно въ эти послѣдніе дни года. Зачѣмъ проходилъ я тогда мимо толпы со взорами, склоненными долу на блага земныя, и не возносилъ ихъ горѣ, къ благодатной, путеведной звѣздѣ волхвовъ! Быть можетъ, ея свѣтъ привелъ-бы и меня также къ какой нибудь бѣдной обители...

Скрудзь очень испугался подобнаго оборота рѣчи и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Слушай! крикнулъ ему призракъ: назначенный мнѣ срокъ скоро долженъ кончиться...

— Слушаю, сказалъ Скрудзь, только прошу васъ пощадить меня, Джекобъ: нельзя ли поменьше риторики...

— Не могу объяснить тебѣ — почему я тебѣ явился въ теперешнемъ моемъ образѣ?.. Мнѣ столько и столько разъ приходилось сидѣть рядомъ съ тобою незримо.

Это призваніе было не слишкомъ изъ пріятныхъ: Скрудзь содрогнулся и вытеръ на лбу холодный потъ.

— Да—еще это наказаніе—не самое тяжелое... Я посланъ извѣстить тебя, что тебѣ предстоитъ удобный случай и надежда избѣгнуть моей участи. Слушай-же, Эвенезеръ!..

— Вы всегда были ко мнѣ благосклонны и дружелюбны, сказала Скрудзь. Благодарю васъ.

— Тебя посѣтять три духа, прибавилъ призракъ. Лицо Скрудзя мгновенно подернулось такою-же блѣдностью, какъ у самого призрака.

— Про этотъ-то удобный случай и про эту надежду говорили мнѣ вы, Джекобъ? спросилъ онъ ослабѣвшимъ голосомъ.

— Да.

— Я... я... полагаю, что лучше-бы безъ нихъ какъ нибудь?

— Безъ ихъ посѣщенія, для тебя нѣтъ надежды избѣгнуть моей участи. Ожидай *«перваго»* завтра, ровно въ часъ.

— Немогу-ли я принять всѣхъ ихъ трехъ разомъ, Джекобъ? замятилъ вкрадчиво Скрудзь.

— Ожидай *«второго»* въ томъ-же часу на слѣдующую ночь, а *«третьяго»* — на третью, какъ только пробьетъ послѣдній ударъ двѣнадцати часовъ. Меня не надѣйся увидеть еще разъ; но ради собственной выгоды, попомнуй о томъ, что было между нами.

Послѣ этихъ словъ, онъ взялъ со стола и повязалъ по прежнему, свой набородникъ. Скруджъ поднялъ глаза и увидаль, что его таинственный поѣтитель стоитъ передъ нимъ, весь обмотанный цѣпью.

Привядшіе попятилось къ опускаемому окну, и, съ каждымъ его шагомъ, окно поднималось выше и выше, и наконецъ поднялось совсѣмъ.

Тогда призракъ поманилъ Скруджа къ себѣ, и тотъ повиновался. На разстояніи послѣднихъ двухъ шаговъ, тѣнь Мэрлея подняла руку, не допуская подходить ближе.—Скруджъ остановился, но уже не изъ позыновенія, а изъ изумленія и страха: въ воздухъ пронесся какой-то глухой шумъ и раздались несвязные звуки: вопли отчаянія, тоскливыя жалобы, стоны, вырванные изъ груди раскаяніемъ и угрызеніемъ совѣсти.

Призракъ прислушивался къ нимъ мгновеніе, а потомъ присоединилъ свой голосъ къ общему хору и исчезъ въ блѣдномъ сумрагѣ ночи.

Съ лихорадочнымъ любопытствомъ подошелъ Скруджъ къ окну и заглянулъ въ него.

Воздухъ былъ наполненъ блуждавшими и стонавшими призраками, Каждый, подобно тѣни Мэрлея, влачилъ за собою цѣпь; нѣкоторые (можетъ быть секретари министровъ съ одинаковыми политическими убѣжденіями), были скованы попарно; свободныхъ не было ни одного. Нѣкоторыхъ, при жизни, Скруджъ зналъ лично. Наказаніе всѣхъ ихъ состояло очевидно въ томъ, что они усиливались, хотя уже и поздно, вмѣшаться въ людскія дѣла и сдѣлать кому-либо добро; но они утратили эту возможность навсегда.

Сами-ли слились эти фантастическія существа съ туманомъ, туманъ ли накрылъ ихъ своею тѣнью? Скруджъ ничего не зналъ; только они исчезли, голоса ихъ смолкли разомъ, и ночь опять стала такой, какой была при возвращеніи Скруджа домой.

Онъ закрылъ окно и тщательно осмотрѣлъ входную дверь: она была заперта въ два оборота и замки были цѣлы. Изнеможенный, усталый Скруджъ бросился, не раздѣваясь въ постель, и тотчасъ-же заснулъ...

Вторая строфа.

ПЕРВЫЙ ИЗЪ ТРЕХЪ.

Когда Скруджъ проснулся, было такъ темно, что онъ еле-еле разглядѣлъ—гдѣ прозрачное окно, гдѣ непрозрачныя стѣны комнаты?... Тщетно усиливался онъ напрягать свои хорьковые глаза—

до тѣхъ поръ, пока часы сосѣдней церкви не пробили четырехъ четвертей: Скруджъ прислушивался и все-таки часа не узналъ.

Къ великому его изумленію, тяжелый колоколъ пробилъ сначала—шесть, а потомъ—семь, а потомъ—восемь, и такъ—до двѣнадцати, затѣмъ остановился.

Полночь! Онъ уже спалъ два часа, стало-быть?.. Часы, что ли невѣрно бьютъ? Не попала-ли въ волосокъ льдинка? Полночь!

Скруджъ прижалъ машинку своихъ часовъ съ репетиціею, чтобы провѣрить колокольные часы, по его мнѣнію, звонившіе вздоръ. Скореннкіе часишки ударили двѣнадцать разъ и смолели.

— Какъ-такъ! Не можетъ быть, сказалъ Скруджъ, чтобы я спалъ цѣлый день и проспалъ еще ночь. Не можетъ быть, чтобы солнце повернулось съ полуночи на-полдень! Эта идея расшевелила его до того, что онъ соскочилъ съ постели и подошелъ къ окну. Пришлось ему вытереть рукавомъ халата стекло, чтобы разглядѣть что нибудь. Увидаль онъ только, что очень холодно, что туманъ не снимался, что разные господа проходили взадъ и впередъ, проходили и шумѣли, какъ и подобаеетъ, когда ночь и морозъ прогонять день, и завладѣютъ міромъ. Скруджу было это большое облегченіе, ибо, безъ этого, что были бы всѣ заемныя трехъ-дневныя обязательства, подписанныя на имя мистера Эвенезера Скруджа? Были-бы они только залогамъ на Гудсонскіе туманы.

Скруджъ не понялъ бы трехъ часовыхъ четвертей, не понялъ-бы и четвертой, если-бы, зазвонивши, она не напомнила ему объ ожидаемомъ имъ духовномъ посѣщеніи.

Легъ онъ опять на постель и рѣшилъ не спать до тѣхъ поръ, пока на колоколенѣ не прозвонитъ послѣдняя четверть: заснуть—значило-бы поглотить мѣсяцъ. Рѣшимость Скруджа, была, по крайнему нашему убѣжденію, самая разумная. Эта четверть часа показалась ему такою долгою, что онъ засыпалъ нѣсколько разъ, самъ того не замѣчая и не слыша, какъ били часы. Наконецъ онъ услыхалъ:

- «Динь! Донъ!»
- Четверть! «счелъ Скруджъ.
- «Динь! Донъ!»
- Полчаса! «сказалъ Скруджъ».
- «Динь! Донъ!»
- Три четверти! «сказалъ Скруджъ».
- «Динь! Донъ!»

— Часъ! крикнулъ восторжествовавшій Скруджъ, и никого! Это говорилъ онъ, пока били часы, но не затихъ еще послѣдній

ударъ глухой, тоскливый, похоронный, — комната облилась яркимъ свѣтомъ и кто-то отдернулъ постельныя занавѣски.

Но не тѣ, что были за спиной, не тѣ, что были въ ногахъ, а тѣ, что были — лицомъ къ лицу. Занавѣски были отдернуты, Скруджъ приподнялся — и лицомъ къ лицу предсталъ передъ него таинственный посѣтитель, отдернувшій занавѣски.

Фигура была странная... Похожа на ребенка, и на старика, что то сверхъ-естественно среднее, что-то такое, получившее способность скрывать свой ростъ и прикидываться ребенкомъ. Волосы у него обвивались около шеи и падали на спину, сѣдые, будто, и въ самомъ дѣлѣ, отъ старости, а на лицѣ не было ни морщинки; кожа была свѣжа, какъ у ребенка, а длинныя руки красовались своими мускулистыми кистями, — признавъ необыкновенной силы. Голыя ноги и икры были у него такъ развиты, какъ будто-бы легко и безчувственно несъ онъ на нихъ все бремя жизни. На немъ была бѣлая-бѣлая туника, перетянутая яркимъ, блестящимъ поясомъ.

Въ рукахъ онъ держалъ зеленую вѣтвь остролистника, только-что срѣзаннаго и, вѣроятно ради противорѣчія этой эмблемѣ зимы, былъ усыянъ все-возможными лѣтними цвѣтами. Но что еще было страннѣе въ его одеждѣ, это-то, что поверхъ его головы сверкало сіяніе, озарявшее, вѣроятно, въ минуты радости и горя всѣ мгновенія жизни. Свѣтъ этотъ выходилъ, какъ я уже сказалъ, изъ его головы, но онъ могъ его затушить, когда хотѣлъ, большой воронкой, или — чѣмъ-то въ родѣ ея, положимъ, — воронкой, прижатой подъ мышкой.

Тѣмъ не менѣе этотъ инструментъ, какой-бы онъ ни былъ, не привлекъ на себя исключительнаго вниманія Скруджа. Занялъ его собственно говоря, поясъ; то тамъ блеснетъ, то здѣсь, то потухнетъ, и вся физіономія его обладателя, такъ или не такъ, пріиметъ соотвѣтственное выраженіе. То — существо однорукое, то — одноногое, то — на двадцати ногахъ безъ головы, то — голова безъ тѣла: члены исчезали, не позволяя видѣть перемѣны въ своихъ причудливыхъ очеркахъ. А потомъ онъ снова становился самимъ собою, больше чѣмъ когда-нибудь.

— Милостивый государь! спросилъ Скруджъ: вы-ли предсказанный мнѣ духъ?

— Я.

Голосъ былъ такъ сладокъ, такъ пріятенъ, и такъ тихъ, какъ-будто шепталъ не на-ухо Скруджу, а гдѣ-то далеко.

— Да кто-же вы? спросилъ Скруджъ.

— Прошлый праздникъ.

— Прошлый? а давно-ли? продолжалъ Скруджъ, взгляды-ваясь въ ростъ карлика.

— Послѣдній.

Если-бы кто-нибудь спросилъ Скруджа — почему? Онъ-бы-не отвѣтилъ, а все-таки сгоралъ желаніемъ — нахлобучить на своего посѣтителя извѣстную уже читателямъ воронку, и попросилъ объ этомъ духа.

— Вотъ - еще! крикнулъ призракъ. Не угодно-ли вамъ затушить мірскими руками небесное пламя? Вотъ еще!.. Да не вы-ли одинъ изъ тѣхъ, что надѣли на меня эту шапку изъ одного чер-стваго самолюбія и заставили нести ее вѣки и вѣки?..

Скруджъ отрекся почтительно отъ всякаго намѣренія оскорбить, или *«тринакрыть»* какого-бы то ни было *духа*. Потомъ онъ осмѣ-лился его спросить: что ему угодно?

— Вашего счастья, отвѣтилъ призракъ.

Скруджъ поблагодарилъ, но никакъ не могъ удержаться отъ мысли, что покойная ночь гораздо-бы скорѣе достигла предложенной цѣли. Вѣроятно, духъ поймалъ его мысль на лету, потому-что не-медленно сказалъ:

— Вашего счастья, т. е. вашего спасенія.. такъ берегитесь-же..

При этихъ словахъ, онъ протянулъ свою крѣпкую руку, и ти-хонько взялъ подъ руку Скруджа.

— Встаньте и идите за мной! сказалъ онъ.

Напрасно Скруджъ проповѣдывалъ-бы, что время года и часъ не соответствовали пѣшеходной прогулкѣ, что на постелѣ ему го-раздо теплѣе, чѣмъ на дворѣ, что термометръ его стоитъ гораздо ниже нуля, что онъ слишкомъ легко одѣтъ, т. е. въ туфляхъ, въ халатѣ и въ ночномъ колпакѣ, да къ тому-же у него и насморкъ,— напрасна была-бы вся эта проповѣдь: нѣ было никакой возможности освободиться отъ пожатія этой женственно—мягкой руки. Скруджъ всталъ, но, замѣтя, что духъ направляется къ окошку, ухватился за полы его одежды, умоляя.

— Вы подумайте: я вѣдь смертный,—упасть могу.

— Позвольте только прикоснуться сюда, сказалъ духъ, по-ложивъ ему руку на сердце: вамъ прійдется вынести много еще пы-токъ. Не успѣлъ онъ договорить, какъ они пролетѣли сквозъ стѣ-

ны и очутились на полѣ. Города какъ не бывало. Разомъ исчезли и потьмы, и туманъ, потому-что день былъ зимній и снѣгъ забѣлѣлъ.

— Господи! сказалъ Скеруджъ, всплеснувъ руками, и всматриваясь. Да вѣдь здѣсь я выросъ!

Духъ посмотрѣлъ на него благосклонно. Тихое, мгновенное его прикосновеніе пробудило въ старикѣ былую чувствительность: пахнуло на него чѣмъ-то прошлымъ, чѣмъ-то такимъ ароматнымъ, что такъ и повѣяло воспоминаніями о прежнихъ надеждахъ, прежнихъ радостяхъ и прежнихъ заботахъ, давнымъ-давно забытыхъ!

— У васъ губы дрожатъ! сказалъ призракъ. И что это у васъ на щекѣ?

— Ничего, прошепталъ Скеруджъ странно-взволнованнымъ голосомъ: не страхъ мнѣ вырвалъ щеку, это, не признакъ его, а просто—ямочка. Ведите меня—куда надо.

— А дорогу вы знаете? спросилъ духъ.

— Я-то! крикнулъ Струджъ. Да я найду ее съ завязанными глазами.

— Странно, въ такомъ случаѣ, что вы ее забыли въ теченіе столькихъ лѣтъ! замѣтилъ духъ. Пойдемте.

Пошли по дорогѣ: Скеруджъ узнавалъ каждое ворота, каждую вереву, каждое дерево, до тѣхъ поръ, пока передъ ними не показался въ отдаленіи городокъ, съ мостомъ, соборомъ и извилистой рѣчкой. Нѣсколько длинногривыхъ пони, запряженныхъ въ телѣжки, протрусили мимо. На пони сидѣли мальчишки и весело перекидывались.

— Это вѣдь только тѣни прошлаго, сказалъ призракъ: они не видятъ насъ.

Веселые путешественники проѣзжали мимо, и Скеруджъ узнавалъ каждого изъ нихъ, и называлъ по имени.

И почему онъ былъ такъ доволенъ ихъ видѣть? И почему его взглядъ, постоянно безжизненный, вдругъ оживился?

И почему его сердце задрожало при видѣ этихъ проѣзжихъ? И почему былъ онъ такъ счастливъ, когда услышалъ обоюдныя поздравленія съ наступающимъ праздникомъ, на пути ко всякому перекрестку? И развѣ могъ быть для Скеруджа веселый рождественскій праздникъ? Для него веселый рождественскій праздникъ былъ—парадоксъ. Ничего онъ ему никогда не принесъ.

— Школа еще не совсѣмъ опустѣла: тамъ остался еще одинокій ребенокъ, забытый всѣми товарищами! сказалъ духъ.

— Узнаю, подтвердилъ Скруджъ, и вздохнулъ глубоко. Свернули они съ большой дороги на проселокъ, коротко знакомый Скруджу, и приблизились къ строенію, изъ темнаго кирпича, съ флюгеркомъ на верху.

Надъ крышей висѣлъ колоколь; домъ былъ старинный; надворныя строенія пустовали: стѣны ихъ просырѣли и обомшились, стѣкла въ окнахъ были перебиты, двери соскочили съ петель. Въ конюшняхъ чванливо кудахтали куры; сарай и амбары поросли травой. И внутри не сохранило это зданіе своего былаго вида, потому-что кто-бы ни вступилъ въ темныя стѣны, кто-бы ни взглянулъ въ раскрытыя двери на длинный рядъ отворенныхъ комнатъ, увидаль-бы, какъ онѣ обѣдѣли, обветшали, какъ онѣ холодны и какъ одиночествуютъ. Пахло холодной, нагою тюрмой, или рабочимъ домомъ, гдѣ каждый день выбивались изъ силъ, и все-таки голодали. Проглянулъ духъ и Скруджъ въ заднюю стѣнную дверь, и увидали длинную, печальную залу съ сосновыми школьными скамьями и пюльпитрами, выровненными въ рядъ. У одной изъ пюльпитръ, пригрѣтый слабымъ печнымъ огонькомъ, сидѣлъ одинокій ребенокъ и что-то читалъ. Скруджъ сѣлъ на скамейку и заплакалъ, узнавъ самого себя, постоянно забытаго и покинутаго.

Не было ни одного отзвука, заглушаго въ домѣ, ни одного писка мышей, дравшихся за обоями, ни одной полужамороженной капли, падавшей на задворѣхъ изъ водомета, ни одного шелеста вѣтра въ обезлиственныхъ вѣтвяхъ тощей тополи, ни одного скрипа дверей опустѣлаго магазина, ни малѣйшаго треска огонька въ камелькѣ, — ничего, ничего, чтобы ни прозвучало въ сердцѣ Скруджа, что ни выдавило-бы у него изъ глазъ обильнаго ручья слезъ.

Духъ тронулъ его за руку, и указалъ ему на ребенка, на этого „самого себя“ Скруджа, углубленнаго въ чтеніе.

— Бѣдный ребенокъ! сказалъ Скруджъ, и опять заплакалъ. Хотѣлось-бы мнѣ, прошепталъ онъ, засунувъ руку въ карманъ, оглядываясь, и отирая рукавомъ глаза, хотѣлось-бы мнѣ, да поздно...

— Что такое поздно? спросилъ духъ.

— Ничего, отвѣтилъ Скруджъ, ничего. Вспомнилъ я о мальчикѣ... Вчера у меня Христа славилъ... Хотѣлось-бы мнѣ ему дать что-нибудь: вотъ и все...

Раздумчиво улыбнулся призракъ, махнулъ Скруджу рукой, чтобы замолчать, и проговорилъ:

— Посмотримъ на новый праздникъ.

Скруджъ увидалъ самого себя уже подросткомъ въ той же залѣ, только побольше темной и побольше закоптѣлой. Подозонники рас- трескались; перелопались стекла; съ потолка свалилась кучами из- вестка и оголила матицу. Но — какъ это все въ очью совершилось, Скруджъ не понималъ, точно такъ-же, какъ и вы, читатели.

Но понималъ онъ вотъ-что:

Что все это — было, что изъ тогдашнихъ школьниковъ остался онъ въ этой залѣ одинъ, какъ и прежде, а всѣ остальные, какъ и прежде, убрались во-свои, повеселились на святкахъ.

Читать онъ уже не читалъ, но шагалъ по знакомой залѣ, взадъ и впередъ, въ полномъ отчаяніи.

Скруджъ посмотрѣлъ на юнаго духа, тоскливо покачалъ голо- вой, и тоскливо глянулъ на сѣнную дверь. Дверь распахнулась настезь и въ нее влетѣла стрѣлкой маленькая дѣвочка. Обвилась руками кругомъ шеи Скруджа и стала целовать, лепеча:

— Голубчикъ — голубчикъ мой братецъ, *за тобой* пріѣхала? говорила она, хлопая въ ладоши маленькими своими рученками, и покатываясь со — смѣху. Домой! домой! домой!

— Домой! моя малютка Фанни? спросилъ мальчикъ.

— Домой! повторила она, просіявши всѣмъ лицомъ, и на- всегда, навсегда!... Папенька теперь такой добрый, что въ домъ рай. Какъ-то вечеромъ, на ночь, сталъ онъ говорить со мною такъ нѣжно, что я уже не побоялась спросить у него: нельзя-ли взять тебя на праздникъ домой? Отвѣчалъ: „можно.“ И повозку со мною прислалъ. Неужели ты ужъ большой? продолжала она, поглядѣвъ на Скруджа во всѣ глаза... Стало быть, ты сюда никогда ужъ не вернешься?... на святкахъ мы съ тобой повеселимся.

— Да, вѣдь, кажется, и ты уже женщина, малюточка — Фанни? крикнулъ юноша.

Опять Фанни захопала въ ладоши, и опять покатила со-смѣ- ху. Потомъ хотѣла погладить Скруджа по головѣ, но по малости своего роста, не достала, — еще разъ расхохоталась и приподнялась на ципочки — поцеловать. Тогда, во имя этого ребячески — стеро- веннаго поцалуйа, потащила его къ двери, и пошелъ онъ за ней безъ малѣйшаго сожалѣнія о школѣ.

Въ снѣгахъ они услышали страшный голосъ:

— Выкинуть чемоданъ мистера Скруджа!... Скорѣй!...

Вслѣдъ за этимъ голосомъ появился и самъ его обладатель, наставникъ школьника, — потрясъ ему руку такъ, что привелъ его въ неописанный трепеть, ради разлуки. Затѣмъ и брата и сестрицу пригласилъ онъ въ отжившую свой вѣкъ залу, до того низкую, что можно было принять ее за погребъ, и до того холодную, что въ простѣнкахъ ея оконъ мерзли и земные и небесные глобусы. Пригласилъ и поподчивалъ молодую чету такимъ легонькимъ винцомъ, и такимъ тяжелымъ пирожекомъ, словомъ, такими лакомствами, что когда выслалъ невзрачнаго своего служителя — угостить чѣмъ нибудь дожидавагося почтальона, — почтальонъ отвѣчалъ, что если намереннымъ винцомъ, ужъ лучше бы не подносилъ. Тѣмъ временемъ чемоданъ мистера Скруджа былъ укрѣпленъ на верхъ повозки; радостно простились дѣти съ воспитателемъ, и весело пронесли по садовой просѣкѣ, вспѣнивая колесами экипажа и снѣгъ, и иней, обсыпавшій хмурые листья деревьевъ.

— Была въ ней искра Божьяго огонька, сказалъ призракъ, и задуть ее можно было однимъ дуновеніемъ, да сердце-то у нея билось горячо...

— Правда ваша, отвѣчалъ Скруджъ, и оборони Богъ — мнѣ съ вами объ этомъ спорить.

— Вѣдь она, кажется, была замужемъ, спросилъ духъ и умерла, оставивъ по себѣ двухъ дѣтей?

— Одного, отвѣчалъ Скруджъ.

— Ваша правда, продолжалъ духъ: одного — вашего племянника.

Скруджу стало какъ-то неловко, и отвѣчалъ онъ коротко:

— Да.

Не смотря на то, что Скруджъ только-что выѣхалъ изъ школы, очутился онъ на многолюдныхъ улицахъ какого-то города: словно тѣни пронеслись передъ нимъ, не — то люди, не — то телѣжки, не — то кареты, оспаривавшіе другъ у друга мостовыя, и перекалились на мостовыхъ и шумъ, и всевозможные возгласы настоящаго города. Было ясно, по яркимъ выставкамъ товаровъ въ лавчонкахъ и магазинахъ, что и тамъ празднуютъ канунъ Рождества Христова; какъ ни теменъ былъ вечеръ, улицы освѣтились.

Духъ остановился у двери какого-то магазинчика, и спросилъ у Скруджа: узнаетъ-ли?

— Это что за вопрос?... сказалъ Скруджъ. Вѣдь здѣсь я учился, здѣсь прикащикомъ былъ.

Оба вошли. При видѣ старичка, въ уэльскомъ парикѣ, засѣвшего за конторкой такъ высоко, что — будь въ этомъ джентльмэнѣ еще хоть два дюйма росту, — онъ бы навѣрное стукнулся теменемъ о потолокъ, взволнованный Скруджъ крикнулъ:

— Да, вѣдь это самъ Фецдивигъ воскресъ, и да простить старика Всевышній!

Старикъ положилъ перо и взглянулъ на часы: было семь. Весело потеръ онъ руки, обдернулъ широкій камзолъ, засмѣялся съ головы до пятокъ, и провозгласилъ:

— Эвенезеръ! Диккъ!

Былой Скруджъ вошелъ, въ сопровожденіи своего бывшего товарища.

— Да — это навѣрное — Диккъ Уиллькинсъ! замѣтилъ Скруджъ призраку... Да смилуется надо мною Богъ: это онъ, когда-то любовно мнѣ преданный!

— Ну-же-ну ребята! кричалъ Фецдивигъ. — Что теперь за работа?... Сочельникъ, Диккъ! Сочельникъ, Эвенезеръ! Живо — ставни на запоръ!

Вы никогда и не повѣрите, какъ кинулись оба молодца на улицу со всѣхъ ногъ: разъ-два-три — и дѣло было кончено!... Только запыхались, какъ скакуны...

— Го-го! кричалъ Фецдивигъ: долой все отсюда, ребята! Простору — простору! Мигомъ, Диккъ, мигомъ, Эвенезеръ!

Долой!.. Да они-бы сина пороха не оставили, въ глазахъ у самого Фецдивига... Все подъемное исчезло во мгновеніе ока; полъ былъ выметенъ и вспыснутъ; лампы зажжены; въ камелекъ брошенъ цѣлый ворохъ угля: изъ магазина вышла бальная зала, такая-же теплая, сухая и освященная, какой и подобаешь ей быть для святочного вечера. Появился вдругъ и скрипачъ со своими нотами, вскарабкался на каеэдру, и сталъ пилить по струнамъ — хоть за бока держись!... Появилась и леди Фецдивигъ — олицетворенная улыбка во весь ротъ; появились и три боготворимо-сіяющія миссы Фецдивигъ, а за ними и шестеро несчастливцевъ, пронзенныхъ стрѣлами дѣвственныхъ очей въ самое сердце, а за ними: вся молодежь, прислуживавшая въ домѣ; служанка со своимъ двоюроднымъ братцемъ булочникомъ: кухарка съ неизмѣннымъ другомъ своего брата; голодный, по подозрѣнію, что его не кормить хозяинъ, сосѣдъ

прикащикъ съ дѣвушкой, которую его хозяйка достовѣрно теребила за уши... Все—это вышло, все заплясало и совершенно сбило съ толку старую чету Феццивиговъ, неустанно путая фигуры и теряя кадансъ... Наконецъ, старику пришлось хлопнуть въ ладоши и крикнуть скрипачу: „Васта!“ Артистъ утѣшился опрокинувъ себѣ въ горло заранѣе — приготовленный жбанъ пива, и пересталъ пилить. Только немедленно-же принялся опять за свое, съ прежнимъ, нѣтъ — не съ прежнимъ, съ новымъ жаромъ, словно ему вскочилъ на плечи еще такой-же ярый музыкантъ.

Потомъ еще поплясали, вынули фанты, поплясали еще опять; потомъ отвѣдали сочельническаго пирога и шипучаго лимонада, да чуть не подбика, да пирожковъ съ мяснымъ фаршемъ, да холоднаго бульона, да многое—множество пива... Но наибольшій восторгъ, послѣ бульона и жаркаго произвелъ скрипачъ (между нами, — такой чертовской плутяга, что ни мнѣ, ни вамъ не провести его), когда запылилъ; „Sir Robert de Coverley *)“. Тогда-то вышелъ на средину старикъ Феццивиговъ съ мистриссъ Феццивиговъ. Оба они стали въ главѣ танцующихъ. Вотъ-такъ ужъ была имъ работа: вести и направлять двадцать игръ, или двадцать четыре пары, а шутить съ ними было не легко!... Но, если-бы паръ было больше вдвое, или даже и вчетверо, старикъ Феццивиговъ и тогда-бы не отказался пробить стѣны лбомъ, да и мистриссъ Феццивиговъ также... Потому: заключала въ себѣ она достойную, истинно-полную половину мистера Феццивигова... Если это не похвала, прищайте чтонибудь другое: я, со своей стороны, отказываюсь. Икры господина Феццивигова, — да простятъ намъ это сравненіе, — были рѣшительно фазисами мѣсяца; появлялись, исчезали, появлялись снова... И, когда старая чета Феццивиговъ окончательно исполнила: „авансе - ревьюе; руки дамамъ; балансе - салюе; тир-бушонъ; нитеа въ нитеу и по мѣстамъ“, Феццивиговъ такъ легко выдѣлывалъ антраша, какъ будто-бы перебиралъ ногами на флажолетъ, а потомъ вдругъ выпрямлялся на тѣхъ-же ногахъ, какъ I...

Наконецъ, въ одинадцать часовъ балъ кончился и супруги, пожимая руки своимъ посѣтителемъ, поздравили ихъ, на прощанье, съ наступающимъ праздникомъ. Пожали они, на прощанье, руки и у своихъ прикащиковъ, а тѣ, какъ имъ и подобало, отправились — залечь въ заприлавочную.

*) Т. е. «Серъ Робертъ де Коверлей»; національная пѣсня, едва-ли переводимая, какъ — положимъ — наша «камариска».

Все это время Скрудзь былъ, — правду молвить, — чѣмъ-то въ родѣ бѣсноватаго. Душой и сердцемъ слился онъ со вторымъ я: вездѣ и повсюду онъ узнавалъ *самого-себя*, съ былыми радостями, восторгami и надеждами. Только тогда, когда его собственное и Диека сіяющія лица исчезли, — только тогда онъ опомнился, сталъ *настоящимъ* Скруджемъ и вспомнилъ о духѣ....

А Духъ впился въ него своими пронзительными взорами, и надъ его головой ярче и ярче сверкало пламя.

— А вѣдь не много требуется, сказалъ онъ, чтобы внушить этимъ дурачкамъ чувство благодарности?

— Не много? повторилъ Скрудзь.

Духъ подаль ему знакъ — вслушаться въ разговоръ молодыхъ прикащиковъ: отъ всей полноты души превозносили они Феццивига...

— А за что они его восхваляютъ? прибавилъ духъ. Кажется, изъ-за бездѣлицы: трехъ-четырехъ фунтовъ стерлинговъ, считая на ваши земныя цѣны?.. Неужели-же стоитъ его за это славословить?

— Не въ томъ дѣло, замѣтилъ Скрудзь, невольно преображенный въ свое бывшее я — дѣло не въ томъ, духъ!... Отъ Феццивига зависитъ наша доля: хорошо-ли, не хорошо-ли будетъ намъ у него служить, все это зависитъ отъ него, отъ его взгляда, его улыбки, отъ всего, чего ни перекинуть на счетахъ, ни въ конторскую книгу внести нельзя. И что-же! Скажетъ слово, — золотомъ осыплетъ.

Скрудзь, говоря это, успѣлъ уловить пронзительный взглядъ духа, брошенный небеса, и замолчалъ.

— Что съ вами? спросилъ призракъ.

— Ничего особеннаго, отвѣтилъ Скрудзь.

— Однако-же мнѣ показалось?... настаивалъ призракъ.

— Ничего! поспѣшилъ удостовѣрить Скрудзь. Ничего!.. Хотѣлось-бы мнѣ только сказать два-три слова моему прикащику... Вотъ и все.

Въ это время бывшее я Скруджа угасило лампу, и призракъ виѣсть съ Скруджемъ очутились, бокъ-объ-бокъ, на вольномъ воздухѣ.

— Мнѣ пора! проговорилъ духъ, живѣй!

Это слово было сказано не Скруджу, не кому-либо изъ видимыхъ имъ лицъ, но воплотилось оно, и Скрудзь снова увидалъ второе я. Былъ онъ, правда, немного постарше, — въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, какъ говорится. На лицѣ его были уже признаки возмужа-

лости, но и скудость успѣла провести по немъ свою борозду. По однимъ безпокойно бѣгавшимъ глазамъ можно было догадаться—какая страсть овладѣла этою душою; по тѣни можно было уже опредѣлить подростокъ дерева.

Теперь Скруджъ былъ не одинъ: рядомъ съ нимъ сидѣла молодая, красивая дѣвушка въ траурѣ, и слезы въ ея глазахъ отсвѣчивали Скруджу былымъ сочельникомъ, озареннымъ сіяніемъ призрака.

— Нѣтъ нужды, говорила она тихимъ голосомъ, нѣтъ нужды, — вамъ—по крайней мѣрѣ! Другая страсть замѣнила вашу, передъ другимъ идоломъ преклонилась ваша душа.

— Передъ какимъ это идоломъ? спросилъ Скруджъ.

— Передъ золотымъ тельцомъ.

— И вотъ людская справедливость! вскрикнулъ онъ. Ничего люди такъ жестоко не преслѣдуютъ, какъ бѣдность, и не противъ чего такъ не ожесточаются, какъ противъ желанія разбогатѣть.

— Вы слишкомъ боитесь общественнаго мнѣнія, такъ-же нѣжно продолжала молодая дѣвушка: вы пожертвовали лучшими вашими надеждами,—для избѣжанія позорнаго свѣтскаго приговора. Была я свидѣтельницей, какъ ваши благороднѣйшія стремленія стирались одни за другими,—все въ жертву единственной вашей страсти: корысти. Правда?

— Такъ что-же? Положимъ, что я умнѣю съ годами... Для васъ-то я все тотъ-же!

Она покачала головой.

— Развѣ я измѣнился?

— У насъ давнишнія обязательства... Скрѣпили мы ихъ, бѣдныя, оба—довольные убогимъ жребіемъ, и оба выжидали случая устроиться. Вы очень измѣнились съ тѣхъ поръ...

— Да вѣдь я тогда былъ ребенкомъ, нетерпѣливо замѣтилъ Скруджъ.

— Ну, а *теперь* васъ тяготятъ наши прежнія обязательства?

— Я этого не говорилъ, опять замѣтилъ Скруджъ.

— Не говорили, но показывали. А если-бы я васъ освободила отъ вашего слова, предложили-ли-бы вы мнѣ свою руку, какъ прежде?

Скруджъ хотѣлъ было отвѣтить, но она продолжала:

— Вы поступили-бы плохо, женившись на мнѣ, потому что скоро-бы раскаялись, и съ радостью ждали-бы дня нашей несомнѣнной разлуки.

Вот что сказала она, и исчезла.

— Духъ! началъ Струджъ. — Нельзя-ли мнѣ ничего такого не показывать? Отведите меня домой... что вамъ за охота меня мучить?

— Еще одна тѣнь! крикнулъ призракъ.

— Ой, нѣтъ—нѣтъ!.. завопилъ Скруджъ. — Не показывайте ужь мнѣ ничего такого...

Но неумолимый призракъ сжалъ его въ своихъ ерѣвкихъ объятіяхъ, и заставилъ насильно вглядываться въ былое.

Мигомъ перенеслись они въ иное мѣсто, и иной видъ поразили ихъ взоры. Увидали они небольшую, не роскошную, но пріятную и удобную комнату. У жарко разведеннаго, зимняго камелька сидѣла хорошенькая молодая дѣвушка, до того похожая на *первую*, что Скруджъ сбился было съ толку. Но скоро увидаль онъ и свою первую знакомку, уже мать семейства, окруженную, не считая старшей дочери, цѣлой ватагой дѣтей. Нельзя, даже и приблизительно, представить себѣ, что это былъ за шумъ и гамъ, поднятый ребятишками. Такъ и напоминали они собой старую сказку о сорока молчаливыхъ дѣтяхъ, только наоборотъ: каждый изъ нихъ пошелъ-бы одинъ за сорокъ.

И вдругъ все смодело...

Съ громомъ распахнулась стѣнная дверь, и вошелъ самъ отецъ семейства—съ игрушками... Вмигъ были они расхвачаны, и вмигъ скрылась вся ватага въ свѣтелку. Освободившійся счастливый отецъ усѣлся между женою и дочерью. Тогда-то понялъ Скруджъ значеніе великихъ словъ отца и мужа, и понялъ все, что онъ потерялъ въ жизни. Отеръ онъ себѣ глаза...

— Белла, сказалъ мужъ, видѣлъ я сегодня вечеромъ твоего старо-старо друга...

— Неужели Скруджа?

— Его. Шелъ мимо конторы, увидаль свѣтъ, заглянулъ въ окно одинъ, какъ всегда... Говорять, —его подручный умираетъ.

— Духъ! прошепталъ, задыхаясь Скруджъ: увели-бы вы меня отсюда...

— Я вамъ обѣщаль, сказалъ духъ, показать тѣни прошлаго, не пеняйте-же на меня, если былое было...

— Уведите меня, говорилъ Скруджъ: не могу я больше переносить этого зрѣлища!...

Взглянулъ онъ на духа, увидаль, что по непонятному стече-

нiю обстоятельствъ, *усматриваетъ* онъ на его лицѣ всѣ были, знакомыя ему лица,—увидаль и бросился на него.

— Отстань отъ меня! Оставь меня! Перестань меня мучить! кричалъ онъ.

Среди возникнувшей борьбы, если можно употребить слово,— «борьба» (потому, что духъ и пальцемъ не пошевелиль), Скруджъ замѣтилъ, что сіяніе надъ головой его противника разгоралось больше и больше.

Примѣня это обстоятельство къ вліянію, производимому на него духомъ, Скруджъ ухватился обѣими руками за известную читателямъ воронку-гасильникъ и неожиданно нахлобучилъ ея призрака духа. Тотъ такъ и присѣлъ, на сколько хватило воронки.

Но тщетно налегаль Скруджъ всѣмъ тѣломъ на этотъ гасильникъ: сквозь его металлическія стѣнки такъ и пробивались яркіе лучи и рассыпались по полу. Скруджа давно уже клонило ко сну; сдѣлаль онъ послѣднее усиліе изнеможенной рукою, — надавилъ гасильникъ, и упалъ на свою постель, — сонный, что мертвый...

Третья строфа.

ВТОРОЙ.

Разбуженный чѣмъ-то богатырскимъ храпомъ, Скруджъ приподнялся на постелѣ, и нечего было ему говорить: «*какой часъ?*» Сердцемъ онъ его почувялъ: былъ именно *часъ!* «Вспомнилъ Скруджъ очень ясно вѣщія слова Мэрлея, и пробѣжала у него дрожь отъ головы до пятокъ, когда кто-то отдернулъ у него занавѣски, прямо съ лицевой стороны кровати...

Неудобно-ли, господа вольнодумцы, полежать минутку-другую подъ одною простынею съ досточтимымъ мистеромъ Скруджемъ?..

Никто не отдергиваль занавѣсокъ; но изъ ближайшей комнаты врывался во всѣ скважины какой-то фантастическій свѣтъ, и Скруджъ началъ положительно раздумывать: вѣтъ-ли, и въ самомъ дѣлѣ, кого-нибудь тамъ, рядомъ?

Разумѣется такъ: его кто-то даже и позваль. Отворилъ онъ дверь, на голось, въ ближайшую комнату, вошелъ со свѣчкой и увидаль вотъ что:

Увидаль онъ собственную свою гостиную, но значительно измѣненную. Стѣны и потолокъ были затканы сѣткою зелени и красовались алыми ягодами, словно въ гостиной цѣлая роща поднялась за вечеръ...

Въ листочкахъ остролистника, омеги и плюща свѣтъ отражался и игралъ, какъ въ мириадахъ маленькихъ зеркалъ. Въ каминѣ такъ и трещалъ, такъ и пылалъ огонь, да такой, что такого огня, никогда, ни въ одну зиму, даже и не подозрѣвали тощій, холодѣющій камелевъ «Скруджа и Мэрлея». На полу лежали высокой кучей, чѣмъ-то въ родѣ престола: индѣйки, гуси, всякая дичь и живность, всякое мясо, — поросата, окорока, аршинныя сосиски, колбасы, пирожки съ фаршемъ, плом-пудинги, боченки съ устрицами, печеные каштаны, румяныя яблоки, сочныя апельсины и груши, громадные «крещенскіе» пироги, — и, за всѣмъ за этимъ, полныя аромата пушечныя чаши... Веселый великанъ — «на показъ» засѣдалъ, потягиваясь, на диванѣ; въ рукѣ у него было что-то въ родѣ свѣточа, похожаго на «рогъ изобилія», и онъ его приподнялъ, когда Скруджъ заглянулъ въ полуоткрытую дверь.

— Войдите! крикнулъ призракъ. Войдите, не бойтесь... Познакомьтесь со мною, любезный!

Скруджъ вошелъ съ робкимъ поклономъ: былъ онъ уже не прежній хмурый Скруджъ, и хотя благосклоннымъ взоромъ глядѣлъ на него духъ, Скруджъ все-таки не поднималъ глазъ.

— Я — нынѣшній *праздникъ*! сказалъ духъ. — Взгляните на меня...

Скруджъ почтительно повиновался. *Праздникъ* былъ не то въ халатѣ, не то въ туникѣ, но только въ чемъ-то темно-зеленаго цвѣта и съ бѣлой мѣховой выпушкой. Эта одежда была накинута на него такъ небрежно, что вся его широкая грудь вышла наружу. Ноги также были обнажены, а на головѣ только и убора, что вѣнокъ изъ остролистника, осыпанный алмазами инея. Длинные кудри его черныхъ волосъ развѣвались по волѣ; глаза горѣли, рука была протянута дружески; голосъ звучалъ радостно; всѣ его приемы были положительно непринужденны. При бедрѣ у него висѣли ржавые ножны безъ шпаги.

— Вы еще никогда *такого* не видали? крикнулъ духъ.

— Никогда еще, отвѣтилъ Скруджъ.

— Развѣ вамъ никогда не случалось столѣнуться по дорогѣ съ моими меньшими... виновать! — съ моими старшими братьями?.. Я вѣдь такъ еще молодъ!.. говорилъ духъ.

— Боюсь, право боюсь, что не случалось, отвѣчалъ Скруджъ. — А много у васъ братьевъ, духъ?

— Да... тысяча восемь сотъ съ чѣмъ-то проговорилъ духъ.

— Семейка! прошептала Скруджъ. Вотъ-такъ расходець на домъ....

Духъ приподнялся съ мѣста.

— Послушайте! сказала Скруджъ. Сведите меня куда-нибудь сегодня я получилъ такой урокъ, что во вѣкъ не забуду...

— Притроньтесь въ моей одеждѣ, отвѣчалъ ему духъ.

Скруджъ такъ и вѣѣнился. Остролистникъ, омела, красныя ягоды, плющъ, индѣйки, гуси, дичь, живность, окорока, поросята, сосиски, устрицы, пироги, пуддинги, плоды и пуншъ, — все разомъ исчезло. Исчезли также и комната, и огонь въ каминѣ, и красноватый отблескъ огня, даже и ночь сама, — все исчезло.

Очутились они уже утромъ, рождественскимъ утромъ, на улицѣ. Холодненько было; обыватели разыгрывали нѣсколько дикій, но оживленный концертъ, скреба панили передъ своими домами, и сметая снѣгъ съ крышъ, въ вѣщей радости мальчишекъ, восторгавшихся этими искусственными лавинами.

Фасады домовъ чернѣли на бѣлой скатерти снѣга, и еще болѣе чернѣли на ней черныя окна... Но все это не мѣшало чистильщикамъ на крышахъ: переключались они между собою, перекидывались снѣжками и хохотали отъ чистаго сердца, если промахивались.

Зеленныя лавки и фруктовые магазины сіяли въ полномъ ихъ блескѣ: пузатые каштаны, которыхъ, — такъ вотъ и кажется — хватить ударъ; испанскій чеснокъ — фотографія рыжеватыхъ монаховъ его родины, съ задирающими взглядами на дѣвушекъ; опять-таки груши, опять-таки яблоки, скученные во вкусныя пирамиды; кисти винограда, затѣшливо развѣшенныя продавцами, именно на томъ мѣстѣ, чтобы у покупателей слюнки потекли; вороха орѣховъ мшистыхъ и смуглыхъ, съ запахомъ любовныхъ лѣсныхъ прогулокъ, по щиколотку въ сухихъ листьяхъ, сочные апельсинны и лимоны, — все это такъ и просилось прямо въ ротъ. Золотыя и серебряныя рыбки, не смотря на всю апатичность своей природы, также суетливо развѣвали рты, какъ-будто собирались что-нибудь проглотить. Именно въ этотъ самый день, у прикащика Скруджа, мистера Крэтчита, происходило нижеслѣдующее:

О! какой-же былъ у его многочисленной семьи дивный пуддингъ!.. Бобъ Крэтчитъ объявилъ, совершенно спокойно и серьезно, что этотъ пуддингъ онъ признаетъ наилучшимъ произведеніемъ мистриссъ Крэтчитъ со дня ихъ свадьбы. Мистриссъ Крэтчитъ замѣтила на это, что теперь, когда у нея отпало отъ сердца такое тяже-

дое время, должна она заявить о своей былой боязни: не очень-ли много переложила она муки? Каждый из семьи счелъ долгомъ выразить по этому поводу свое мнѣніе; но никто не упомянулъ о томъ, что для такой семьи пуддинга было очень мало. Откровенно говоря: не хорошо было-бы объ этомъ подумать и сказать; и всякой изъ Крэтчитовъ, при этой мысли, сгорѣлъ-бы со стыда.

Наконецъ пообедали, сняли скатерть, подмели, огонекъ расшевелили. Бобъ сдѣлалъ прогъ—оказался отличнымъ; поставили на столъ яблоки и апельсины, поставили и полную пригоршню печеныхъ каштановъ. Тогда-то вся семья собралась у камелька, какъ выражался Крэтчитъ: *кругомъ*, т. е. сказать-то онъ хотѣлъ *пому-кругомъ*; тогда и поставили передъ нимъ, Бобомъ, всѣ семейные хрустали, какъ-то: двѣ рюмки и молочникъ безъ ручки. Ну чтожь изъ этого? все равно: въ нихъ налилась все та же кипучая жидкость, которая налилась-бы и въ золотыя чаши. Бобъ предложилъ такой тостъ:

— Съ веселымъ праздникомъ, храни насъ Богъ!

Вся семья откликнулась.

— Да хранить насъ Богъ!

— Духъ! сказалъ Скруджъ. Добрый духъ!.. Неужели кто нибудь изъ нихъ умретъ отъ нищеты?

— Не знаю! отвѣчалъ духъ: если кто и умретъ, только уменьшитъ бесполезное народонаселеніе.

Скруджъ покаянно наклонилъ голову.

— Слушай ты! сказалъ ему духъ. — Смѣешь-ли ты разсуждать о смерти?.. Господи Боже мой! Какое-то насѣкомое сидитъ у себя на листѣ и разсуждаетъ о жизни и смерти другихъ насѣкомыхъ!..

Скруджъ покорно принялъ этотъ упрекъ, и весь дрожа, потупилъ взоры въ землю. Но скоро онъ поднялъ ихъ, услыжавъ.

— За здоровье мистера Скруджа! кричалъ Бобъ.

— Предлагаю всѣмъ выпить за здоровье моего хозяина, мистера Скруджа!

— Хорошь хозяинъ! перебрала мистриссъ Крэтчитъ. Попался-бы онъ мнѣ въ лапы, показала-бы я ему...

— Да милыя дѣти!... замѣтилъ Бобъ, праздникъ...

— Развѣ на то праздникъ, чтобъ пить за здоровье такого окаяннаго, Робертъ! Ты самъ знаешь...

— Милая моя! Такимъ-же нѣжнымъ голосомъ продолжалъ Бобъ.— Попомни: вѣдь сегодня сочельникъ.

— За твое здоровье я выпью, выпью и за сочельникъ, возразила мистриссъ Крэтчитъ; но только не за него! А если и выпью, ему не поздоровится... А впрочемъ, Богъ съ нимъ—для праздника“!

Дѣти выпили за здоровье мистера Скруджа, вслѣдъ за своею матерью, хотя и не охотно.

Одно напоминовеніе его имени кинуло тѣнь на ихъ свѣтлый, дѣтскій праздникъ.

Но тѣнь эта была минутная, и пронеслась она...

Оторвавшись отъ этой семейной сцены, Скруджъ, вмѣстѣ съ духомъ, понесся по пустыннымъ улицамъ города.

Мрачно и черно надвигалась ночь; свѣгъ падалъ хлопками; но и въ кухняхъ, и въ гостиныхъ сверкали огоньки съ необыкновеннымъ эффектомъ. Вотъ здѣсь, мерцающее пламя обозначало приготовленіе въ семейной трапезѣ, съ подогрѣтыми тарелками и съ багровыми занавѣсками, предохранительницами отъ уличнаго холода и мрака. Вотъ тамъ всѣ ребятишки выбѣжали на встрѣчу или замужнихъ сестрицъ, или братцевъ, или двоюродныхъ братцевъ, или дядей или тетокъ, чтобы на перерывъ поздравить ихъ съ праздникомъ. Далѣе на сторахъ рисовались силуэты дѣвушекъ красавицъ, въ капорахъ и въ мѣховыхъ ботинкахъ: собрался онѣ, говорливья пташки, куда-то на вечеръ... И горе холостяку (онѣ уже наворожили), и горе ему, если онѣ взглянетъ на ихъ щечки, нарумяненные морозомъ. Судя по числу прохожихъ, можно было подумать, что ужъ въ домахъ не осталось ни одного человѣка для привѣта желанныхъ гостей, а между тѣмъ, не было ни одного дома, гдѣ-бы гостей не ждали, гдѣ-бы для нихъ не пылало биткомъ набитаго угольями камина. Потому-то, Господи праведный! Какъ-же восторгался духъ! Какъ раскрывалъ онъ свою широкую грудь! Какъ протягивалъ мощную руку! Какъ онѣ парилъ надъ этой толпою, пригоршнями брызгая на нее своей свѣтлою радостью, крапя всѣхъ, кто подвѣртывался подъ-руку! Даже и фонарщикъ, сей возжигатель и сѣятель искоръ свѣта по темнымъ улицамъ, даже и онѣ совершенно уже одѣтый на вечеръ, даже и онѣ захохоталъ при взглядѣ на духа, хотя и не подозрѣвалъ, что встрѣтился лицомъ къ лицу съ самимъ великимъ „праздникомъ“.

Вдругъ духъ, не говоря ни слова, перенесъ своего собесѣдника въ такое пустынное болото, обсаженное такими громадными камнями, что конечно можно было его назвать кладбищемъ великановъ. Вода

просачивалась повсюду, — такъ и была ключомъ изъ земли, — да морозъ наложилъ на нее руку и удержалъ въ достодолжномъ повиновении. Кромѣ моха, кромѣ дрока и кое-какихъ тощихъ былинковъ, ничего не было вокругъ.

По край-небу, съ заката, солнце провело свовми лучами багровую дорожку надъ этой безотрадной мѣстностью, и — надо было видѣть, — какъ закатывалось оно, какъ жмурилось и дремало, и какъ наконецъ, совсѣмъ заснуло...

— Гдѣ мы? спросилъ Скруджъ.

— Въ самомъ сердцѣ земли, гдѣ трудятся столько лѣтъ рудокопы... Да вотъ поглядите!...

Сказавши эти слова, духъ пронесся со Скруджемъ мимо хижины, гдѣ старый дѣдъ угольщикъ праздновалъ Рождество со своими внучатами... Взглянули они на радостныя лица и полетѣли далѣе...

Пронеслись они и надъ шумнымъ моремъ, прямо къ маяку; о маякъ разбились пѣнныя волны, брызжа на крылья бурныхъ чаеѣ. Дочери, быть можетъ, самого вѣтра, — опускались и поднимались чайки надъ пловучими лужайками морской травы и водорослей.

Но, даже и здѣсь двое маячныхъ сторожей развели праздничный огонекъ, и колыхался онъ исерами на волнахъ.

Протянувъ другъ-другу намозоленные руки, сторожа пригубили грога и поздравили другъ-друга съ праздникомъ. Старшій изъ двоихъ затянулъ какую-то дикую пѣсню, да такъ затянулъ, что его голосъ можно было принять за ревъ бури.

Духъ все летѣлъ, все летѣлъ надъ темнымъ, разыгравшимся моремъ, пока не опустился вмѣстѣ со Скруджемъ, далеко отъ берега и всякой земли, на какой-то корабль.

Останавливались они то около рулевого, то около вахтенныхъ часовыхъ и офицеровъ, и всматривались въ эти темныя, фантастическія лица: но каждый, къ кому-бы они ни подходили, или напѣвалъ праздничную пѣсню, или думалъ о праздникѣ, или напоминалъ своему товарищу о какомъ либо минувшемъ праздникѣ, — и все это было связано съ радостной надеждой — благополучно возвратиться въ объятія родной семьи. Всѣ, и худые, и хорошіе, и злые, и добрые, всѣ обмѣнялись привѣтствіями, всѣ припомнили о родныхъ и друзьяхъ, зная, что милые имъ люди думаютъ, въ свою очередь, также и о нихъ.

Несказанно было удивленіе Скруджа, когда онъ вслушивался въ завыванія вѣтра и вдумывался въ этотъ ночной полетъ надъ невѣдо-

мыми, таинственными какъ смерть, безднами, — несказанно было удивленіе Скруджа — при чемъ-то, вдругъ раздавшемся, веселомъ хохотѣ. Но удивленіе его преступило всякія границы, когда онъ узналъ хохотъ своего племянника, и самъ очутился въ свѣтлой, теплой, сверкающей чистотою комнатѣ. Духъ стоялъ съ нимъ рядомъ и глядѣлъ на племянника нѣжно и любовно.

— Ха! ха! ха! заливался племянникъ Скруджа. Ха! ха! ха!

Если-бы вамъ, противъ всякой вѣроятности, случилось познакомиться съ человѣкомъ, одареннымъ способностію смѣяться, ото всей полноты души, — болѣе и задушевиѣ Скруджовскаго племянника, я скажу вамъ одно: неотступно просиль-бы я васъ представить вашему знакомому и меня. Сдѣлайте милость представьте меня. Очень счастливая, правдивая и благородная идея была у судьбы — вознаградить человѣка, за всѣ его заразительныя болѣзни и печали, еще болѣе заразительнымъ и неотразимо веселымъ смѣхомъ.

И такъ, племянникъ Скруджа хохоталъ во все горло; хохотали ото всей души и жена его и пріатели: Ха—ха—ха!

— Честное слово! крикнулъ племянникъ: онъ мнѣ сказалъ, что святки — пустыя, и — повѣрьте онъ самъ крѣпко убѣжденъ въ этомъ!

— Тѣмъ стыднѣе для него, Фредъ! замѣтила съ негодованіемъ нареченная племянница Скруджа.

Вообще — вѣдь женщины ничего не дѣлають въ половину и за всякое дѣло принимаются нешутя.

Племянница — она-же и супруга племянника Скруджа, была мила т. е. въ высшей степени мила, съ очаровательной головкой, съ простодушнымъ, искреннимъ выраженіемъ лица, и при этомъ — что за увлекательная улыбка, что за живые искрометные глаза!

— Большой чудотворъ — мой старикъ! продолжалъ племянникъ. Спору нѣтъ, могъ-бы онъ быть нѣсколько пообходительнѣе; но его недостатки наказываются сами собою, и мнѣ противъ него сказать нечего.

— Кажется, онъ очень богатъ, Фредъ?

— Э! до что толку въ его богатствѣ, моя милая? Богатство ему ничего не приноситъ: онъ не можетъ быть полезенъ не только другимъ, даже самому себѣ. У него нѣтъ даже удовольствія подумать... ха—ха—ха! — что вскорѣ насъ-же прійдется ему награждать.

— Я его терпѣть не могу! сказала племянница. Сестры ея и прочія дамы согласились съ ея мнѣніемъ.

— О! янисходительнѣе васъ! возразилъ племянникъ. Мнѣ его только жалко. Кому вредятъ его своенравныя выходки? ему-же... Я это не потому говорю, что онъ отказался пообѣдать съ нами— въ этомъ случаѣ, онъ только въ выигрышѣ: избавился отъ плохого обѣда.

— Въ самомъ дѣлѣ?... А мнѣ — такъ кажется, что онъ потерялъ очень хорошій обѣдъ!.. перебила его молоденькая жена.

Всѣ гости раздѣлили это убѣжденіе, и—надо сказать правду— могли быть въ этомъ случаѣ неумѣстными судьями, ибо только-что изволили покушать, и въ настоящее мгновеніе десертъ не сходилъ еще со стола, и все общество столпилось у камелька, при свѣтѣ лампы.

— Честное слово мнѣ очень пріятно разубѣдиться: я до сихъ поръ плохо вѣрилъ въ умѣнье юныхъ хозяевъ. Не правда-ли, Топперъ?

Вѣроятно Топперъ взглянулъ на одну изъ сестеръ племянницы Скруджа, потому-то отвѣтилъ: я холостякъ и ничто иное, какъ жалкій парія и не въ правѣ—выражать своего сужденія о подобномъ предметѣ; а сестра племянницы Скруджа—вотъ это полненькое созданіе въ кружевной косынкѣ, что вы видите, вся такъ и зардѣлась.

— Продолжай-же, Фредъ! крикнула его жена, нетерпѣливо забавъ въ ладоши. Начнетъ и остановится... какъ это несносно!

— Я хотѣлъ только прибавить, что старикъ самъ себя лишилъ пріятной компаніи; ужь конечно она веселѣе его мыслей и темной сырой конторы. Впрочемъ я еще не унялся: каждый годъ буду ходить къ нему съ привѣтствіемъ: какъ ваше здоровье дядюшка? съ празникомъ имѣю честь поздравить! Если я его такъ расшевелю, что онъ, по крайней мѣрѣ, откажетъ своему бѣдному прикащику тысячу двѣсти фунтовъ, — ужь и это будетъ хорошо. Не знаю почему, только мнѣ кажется, что я сильно поколебалъ его вчера...

Пришлось теперь гостямъ посмѣяться надъ чванливымъ притязаніемъ хозяина—поколебать Скруджа. Но Фредъ былъ добрѣйшій малый, несколько не обидѣлся шутками, а еще придалъ обществу веселья круговой бутылкой.

Послѣ чая занялись музыкой, потому что всѣ собесѣдники, увѣрая васъ, были замѣчательными исполнителями разныхъ ариеттокъ и ригуреллей, а особенно Топшеръ: онъ артистически переливалъ изъ тона въ тонъ свой басъ, не напрягая жилъ на лбу и не краснѣя, какъ ракъ.

Хозяйка оказалась превосходной артисткой; въ числѣ прочихъ пьесокъ, она сыграла простую пѣсенку, такую простую, что можно-бы было насвистать ее на память въ двѣ минуты; но Скруджъ вздрогнулъ: эту пѣсенку напѣвала когда-то посѣщавшая его въ школѣ маленькая дѣвочка...

Послѣ музыки начали играть въ фанты, и прежде всего въ жмурки.

Въ жмуркахъ опять отличился Топшеръ своимъ плутовствомъ и ловкостью въ преслѣдованіи полненькой дѣвицы въ кружевной косынкѣ: какъ ни роняла она-то каминную рѣшетку, то стулъ, какъ ни пряталась за занавѣски—поймалъ-таки ее въ какомъ-то углу.

Хозяйка не принимала участія въ жмуркахъ, а усѣлась въ сторонѣ, на покойное кресло и положила ноги на табуретъ; за кресломъ стояли духъ и Скруджъ. Зато она приняла живое участіе въ фантахъ и тутъ-то, въ вѣдущему удовольствію Фреда, показала себя: всѣхъ затгнула за поясъ, даже и сестеръ, хотя онѣ были далеко не глупы—спросите вотъ—хоть Топшера... Особенно отличалась она въ „какъ вы его любите и въ „идъ, когда и почему?“ Самъ Фредъ такъ и разсыпался и духъ не сводилъ съ него благосклонныхъ взоровъ, до такой степени, что Скруджъ началъ его умолять, какъ ребенокъ, — подождать до разъѣзда гостей; но духъ сказалъ, что этого невозможно.

— Вотъ еще новая игра! говорилъ Скруджъ: еще полчаса, духъ, только полчаса...

Играли въ „Да и нѣтъ“. Фреду пришлось быть въ отвѣтъ: онъ долженъ былъ задумать какое-либо слово, а играющіе должны были отгадывать, предлагая ему вопросы и, требуя отъ него въ отвѣтъ или *да или нѣтъ?* Осыпанный перекрестнымъ огнемъ вопросовъ, Фредъ волей-неволей былъ вынужденъ на нѣсколько признаній, а именно что думалъ онъ о животномъ: что животное это—живое; животное неприятное, дикое; что иногда оно рычитъ, иногда хрюкаетъ, а прежде говорило; что водится оно въ Лондонѣ и даже ходитъ по улицамъ, но что за деньги его не показываютъ, на приязни не водятъ, въ звѣринцѣ не держатъ и на бойнѣ не убиваютъ;

что оно ни лошадь, ни осель, ни корова, ни быкъ, ни тигръ, ни собака, ни свинья, ни кошка, ни медвѣдь. — При каждомъ новомъ вопросѣ мошенникъ Фредъ до того заливался хохотомъ, что всакивалъ съ дивана и начиналъ топтать ногами. Наконецъ и полненькая сестрица покатила со-смѣху и крикнула.

— Угадала, угадала, Фредъ! знаю, что такое?

— Что-же такое? спросилъ Фредъ.

— Вашъ дядюшка Скру-у-дъжъ?

Именно такъ и было. Затѣмъ послѣдовалъ общій взрывъ похвалъ, хотя дѣло и не обошлось безъ легкихъ замѣчаній.

— Ну, что, же? замѣтилъ Фредъ. Онъ доставилъ намъ столько удовольствія, что намъ не грѣхъ-бы и выпить за его здоровье, благо у насъ въ рукахъ по стакану жженки! — за здоровье дядюшки Скруджда!

— Идетъ! За здоровье дядюшки Скруджда! подхватили гости.

— Веселаго праздника и счастливаго новаго года старике, кто-бы онъ тамъ ни былъ! крикнулъ Фредъ: не хотѣлъ моего изустнаго поздравленія, пусть же прійметъ заочно: за здоровье дядюшки Скруджда!

Скрудждъ принялъ такое участіе въ общемъ весельѣ, что собрался-было уже произнести благодарственный спичъ; но вдругъ вся сцена исчезла, и духъ и Скрудждъ снова понеслись въ путь.

Далекъ былъ ихъ путь: много перевидали они мѣстностей, много посѣтили обителѣй и жилищъ. Духъ принималъ къ изголовью больныхъ, и они забывали свои недуги; и на мгновеніе казалось страждущему изгнаннику, что онъ припадаетъ снова къ лону своей милой родины. Душу, обрѣкшую себя на отчаянную борьбу съ судьбою, просвѣтлялъ онъ чувствомъ самоотверженія и упованіемъ на лучшую участь; приближался къ бѣднымъ, — и они считали себя богатыми. Въ дома призрѣнія, въ больницы и въ тюрьмы, во всѣ притоны нищеты, вездѣ, куда тщеславный и горделивый человекъ не могъ — своею ничтожною, проходящею властію — возбранить входъ и загородить пути безплотному духу, — вездѣ духъ внесъ за собою — благословенія, вездѣ слышалъ отъ него Скрудждъ заповѣдь милосердія.

Длинка была эта ночь, если все случилось въ нее одну; но Скрудждъ сомнѣвался; ему казалось, что нѣсколько сочельниковъ слилось во-едино въ теченіе того времени, пока онъ былъ съ духомъ. Еще одна странность: Скрудждъ не замѣчалъ въ себѣ ни малѣйшей

наружной перемѣны, а духъ видимо становился старше и старше. Отъ Скруджа не ускользнула эта перемѣна, но онъ не сказалъ ни слова до тѣхъ поръ, пока, выходя изъ одного дома, гдѣ толпа дѣтей славила Богоявленіе, не увидалъ, что волосы на головѣ духа побѣлѣли.

— Развѣ жизнь духовъ такъ коротка? спросилъ онъ, когда они остались одни.

— Дѣйствительно, отвѣчалъ духъ, жизнь моя на земномъ шарѣ очень коротка; она кончается нынѣшнюю ночь.

— Нынѣшнюю ночь! вскрикнулъ Скруджъ.

— Ровно—въ полночь. Чу? часъ уже близокъ.

Въ это время часы пробили гдѣ-то три четверти одиннадцатаго.

— Извините мой нескромный вопросъ, сказалъ Скруджъ, пристально взглядываясь въ одежды духа: я вижу подъ полою вашего платья что-то странное, непринятое вамъ... Что-это: нога или коготь?

— Это могло-бы назваться и когтемъ, потому что сверху немножко мяса есть, отвѣчалъ печально духъ. — Глядите!

Онъ распахнулъ полы своей одежды и оттуда вывалились двое дѣтей, — два бѣдные существа—презрѣнныя, гадкія, гнусныя, омерзительныя, отталкивающія; они упали на колѣни къ ногамъ Скруджа и вцѣпились ему въ платье.

— О, человѣкъ! склони, склони взоры къ своимъ стопамъ! крикнулъ духъ.

Это были мальчикъ и дѣвочка, — желтые, худые, въ лохмотьяхъ, съ нахмуренными лицами, свирѣпые, хотя и пресмыкающіеся—въ своемъ подломъ униженіи. вмѣсто привлекательнаго младенчества, долженствовавшаго покрыть ихъ щеки вѣшнымъ свѣжимъ румянцемъ, чья-то блеклая, высохшая рука, словно рука времени, сморщила эти ввалившіяся щеки и стерла съ нихъ жизненные краски; въ этихъ глазахъ, откуда, казалось, должны были улыбаться на Божій міръ ангелы, теперь гнѣздились демоны и метали угрожающіе взгляды. Никакія перемѣны, никакой упадокъ, никакого извращеніе человѣческаго рода, въ самой высшей степени, и при всѣхъ таинственныхъ уклоненіяхъ природы, никогда не могли произвести подобныхъ чудовищъ, отвратительныхъ и ужасныхъ.

Скруджъ отшатнулся, блѣдный отъ страха. — Впрочемъ не желая оскорбить духа, можетъ быть, родителя этихъ чадъ, онъ хо-

тѣлъ-было сказать: „какія миленькія дѣти!“, но слова сами собою остановились въ горлѣ, чтобы не участвовать въ такой неимовѣрной лжи.

— Духъ, это ваши дѣти?

Вотъ все, что могъ сказать Скруджъ.

— Дѣти людей, отвѣтилъ духъ; они обратились ко мнѣ съ челобитною на своихъ отцовъ. Вотъ этого зовутъ: „*невѣжество*“, а эту— „*нищета*.“ Бойтесь обоихъ и ихъ потомства; но первая бойтесь больше—я на челѣ у него читаю: „*проклятіе*.“ „Слѣши, о Вавилонъ! возгласилъ духъ, протягивая руку къ городу: слѣши изгладить это слово — оно осуждаетъ тебя еще болѣе, чѣмъ этого несчастнаго: его только на несчастіе, тебя на гибель! Дерзни сказать, что ты не виноватъ, клевети даже на своихъ обвинителей: тебѣ это можетъ послужить на время, для достиженія твоихъ преступныхъ цѣлей; но... берегись конца!

— И у нихъ нѣтъ никакого пристанища! никакихъ средствъ! вскрикнулъ Скруджъ.

— Какъ!... Развѣ нѣтъ тюремъ? спросилъ духъ, въ послѣдній разъ насмѣшливо повторяя собственные слова Скруджа: Развѣ нѣтъ смиренныхъ домовъ?

Часы начали бить полночь.

Скруджъ посмотрѣлъ на духа, но духа уже не было. При послѣднемъ замиравшемъ ударѣ, Скруджъ вспомнилъ предсказаніе стараго Джакоба Мэрлея и поднялъ глаза: призракъ величественнаго вида, окутанный въ широкую одежду съ покрываломъ, подлеталъ къ нему, скользя по землѣ, какъ паръ.

Призракъ приближался медленно, важный и молчаливый. Когда онъ былъ уже совсѣмъ подлѣ, Скруджъ склонилъ предъ нимъ колѣно, потому что призракъ словно разливалъ вокругъ себя въ воздухъ какой-то мрачный и таинственный ужасъ.

Длинная черная одежда совершенно закрывала его съ головы до ногъ и оставляла наружи только одну вытянутую руку: иначе его было бы очень трудно отличить и отдѣлить отъ густыхъ тѣней ночи.

Скруджъ замѣтилъ, что призракъ высокаго роста, величавой осанки, и что таинственное его присутствіе наводитъ на человѣка торжественный страхъ и трепеть.

Но болѣе онъ ничего уже не могъ узнать, потому — что призракъ не говорилъ ни одного слова, не дѣлалъ ни одного движенія.

— Вѣроятно, я имѣю честь находиться въ присутствіи будущаго праздника? спросилъ Скруджъ.

Призракъ не отвѣчалъ, но не опускалъ вытянутой впередъ руки.

— Вы мнѣ покажете то, что должно случиться, но не случилось еще... неправдали? продолжалъ Скруджъ.

Верхнія складки черной одежды на мгновеніе сблизились между собою, какъ-будто призракъ наклонилъ голову; но это движеніе было его единственнымъ отвѣтомъ.

Хотя и привычный къ обращенію съ духами, Скруджъ, все-таки чувствовалъ такой ужасъ въ присутствіи этого молчаливаго призрака, что у него дрожали ноги и онъ едва устоялъ на нихъ, когда приготовился слѣдовать за своимъ вожатымъ. Призракъ остановился на мгновеніе, какъ-будто хотѣлъ дать Скруджу время — собраться съ силами. Но волненіе Скруджа только усилилось, особенно, когда онъ подумалъ, что сквозь этотъ черный саванъ на него устремлены неподвижные взоры призрака.

— Духъ грядущаго! вскрикнулъ онъ. Я васъ боюсь больше, чѣмъ всѣхъ прежнихъ призраковъ; но такъ-какъ я знаю, что вы желаете мнѣ добра; такъ-какъ намѣреніе мое — переимѣнить образъ жизни, — я съ благодарностію готовъ за вами слѣдовать... Не заговорите-ли вы со мной?

Нѣтъ отвѣта. Только вытянутая рука указываетъ впередъ.

— Ведите меня! сказалъ Скруджъ. — Ночь быстро подвигается, а я знаю, что для меня это время драгоцѣнно. Ведите меня, духъ?

Призракъ также удалился, какъ и приблизился. Скруджъ слѣдилъ за нимъ, въ тѣни его одежды, и ему казалось, что эта тѣнь поднимаетъ и уноситъ его съ собою.

Нельзя сказать опредѣлительно, что они вошли въ городъ: скорѣе городъ выплылъ кругомъ нихъ и охватилъ своимъ движеніемъ. Во всякомъ случаѣ, они очутились въ самомъ сердцѣ Ситя на биржѣ, между негоціантами: быстро шныряли негоціанты во всѣ стороны, звенѣли деньгами въ карманахъ, собирались въ кучки — потолковать о дѣлахъ, смотрѣли на часы, задумчиво побрякивали огромными брелочками... и т. д. — словомъ; все были тѣ-же, какими такъ часто видалъ ихъ Скруджъ.

Призракъ остановился подлѣ небольшой группы этихъ капита-

листовъ, и Скруджъ, замѣтивъ направленіе его руки, также подошелъ—послушать разговоръ.

— Нѣтъ, говорилъ высокій и толстый джентльменъ съ чувовищнымъ подбородкомъ, „больше я ничего не знаю—знаю только, что умеръ.

— Когда?

— Прошлой ночью, кажется,

— Какъ онъ распорядился своимъ состояніемъ? спросилъ еще джентльменъ съ наростомъ на носу, похожимъ на зубъ индѣйскаго пѣтуха.

— Право, не знаю.... Можетъ быть, завѣщаль своему Обществу.... во всякомъ случаѣ; *не мнѣ*—вотъ это я знаю навѣрное.

Общій смѣхъ привѣтствовалъ эту шутку.

— Я думаю, заговорилъ джентльменъ съ наростомъ, похороны обойдутся ему не дорого: его никто не зналъ и охотниковъ провожать его тѣло найдется не много. Впрочемъ я, пожалуй, пойду: мнѣ была-бы только закуска!

— Ну, такъ я всѣхъ васъ безкорыстно, господа! Заговорилъ джентльменъ съ двойнымъ подбородкомъ. Черныхъ перчатокъ я не ношу, на похоронахъ не закусываю, а все-таки пойду, хоть безъ приглашенія, и вотъ почему мнѣ кажется, что покойникъ считалъ меня своимъ истиннымъ другомъ—какъ ни встрѣтятся, всегда поговорить.... прощайте, господа!

Группа разсмѣялась и смѣшалась съ другими. Скруджъ узналъ всѣхъ этихъ господъ и взглянулъ на призракъ, будто хотѣлъ попросить у него объясненія.

Призракъ скользнулъ въ боковую улицу и указалъ пальцемъ на двухъ только-что встрѣтившихся джентельменовъ. Скруджъ опять сталъ вслушиваться, въ надеждѣ—хоть тутъ узнать слово загадки.

Джентельменовъ онъ очень хорошо зналъ: это были два богатые почтенные негоціанта, и Скруджъ очень цѣнилъ ихъ уваженіе къ себѣ, разумѣется, уваженіе въ дѣлахъ, просто и положительно только въ дѣлахъ.

— Какъ вы поживаете? говорилъ одинъ.

— А вы какъ? спрашивалъ другой.

— Да хорошо. А старый-то „Gobseck“ *) того... совсѣмъ рассчитался... Гм?

*) Непереводимое слово: вѣчто въ родѣ—«кошельковца».

— Говорили мнѣ.. А вѣдь, неправда-ли, холодно?

— Пора! Пора такая: святки... Вы, я полагаю, не катаетесь на конькахъ?

— Ни-ни: мнѣ есть кой-о-чемъ—другомъ подумать... Прощайте.

И ни слова больше. Таковы были ихъ встрѣча, разговоръ и прощанье.

Скруджъ сначала удивился, почему призракъ придаетъ такую важность пустымъ разговорамъ; но, внутренно убѣдившись, что долженъ-же таиться въ нихъ какой-нибудь смыслъ, онъ сталъ раздумывать про себя—какой-же это именно? Трудно предположить чтобы во всемъ этомъ скрывался намекъ на смерть Джэкоба: дѣло было такъ давно, а призракъ—провозвѣстникъ будущаго. На знакомыхъ не на кого подумать... Тѣмъ не менѣе, не сомнѣваясь, что здѣсь готовится ему, для его-же блага, таинственный урокъ, Скруджъ рѣшился не обронить ни одного слова, не пропустить безъ вниманія ни одного малѣйшаго обстоятельства, а главное не спускать* глазъ со своего второго я, при его появленіи: Скруджъ былъ увѣренъ, что поведеніе его *будущаго самого себя* послужитъ ему ключомъ къ разгадкѣ.

Сталъ онъ отыскивать *самого себя* на биржѣ, но обычное его мѣсто въ любимомъ уголкѣ было занято кѣмъ-то другимъ и, хотя биржевые часы показывали именно то время, когда онъ сюда появлялся, однако-же въ многочисленной толпѣ, тѣснившейся на крыльцѣ зданія, не было никого, мало-мальски похожаго на его особу. Это, впрочемъ, нисколько его не удивило: онъ подумалъ, что, при будущей перемѣнѣ въ родѣ его жизни, конечно перемѣнится и родъ занятій.

Призракъ стоялъ противъ него неподвижный, мрачный, съ вытянутой рукой. Когда Скруджъ очнулся, ему показалось, по движению руки и по прямому положенію призрака, что незримые его глаза пристально устремлены *на него!* При этой мысли онъ задрожалъ съ головы до ногъ...

Покинувъ шумное позорище торговыхъ дѣлъ и сдѣлокъ, они перенеслись въ глухой закоулокъ города, гдѣ Скруджъ никогда не бывалъ, но хорошо зналъ, по слухамъ, недобрую славу про этотъ закоулокъ. Грязныя, узкія улицы; лавчонки и домишки; обыватели—полунагіе, пьяные, на босу ногу—отвратительные... Темныя, крытые ходы, словно сточныя трубы, извергали въ лабиринтъ улицъ—и

жилцовъ, и ихъ удушливый запахъ; весь кварталъ дышалъ преступленіемъ, грязью, нищетою.

На самомъ днѣ этого логова видѣлась, подъ выступнымъ навѣсомъ, желѣзная лавочка: желѣзо, тряпки, битое стекло, кости, черепки посуды, ржавые ключи, беззубыя пилы, засовы, чашки вѣсовъ, гири—всего въ ней было *).

Можетъ быть, въ этомъ ворохѣ замазляннаго тряпья и костей крылись такія тайны, что лучше-бы ихъ и не знать...

Передъ всею этою дрянью сидѣлъ господинъ, лѣтъ семьдесятъ, сѣдой и обрюзглый; сидѣлъ за дырявой занавѣской, повисшей на окнѣ и покуривалъ коротенькую трубочку, наслаждаясь полнымъ одиночествомъ.

Скруджъ и призракъ предстали предъ него—какъ-разъ въ то мгновеніе, когда въ лавочку шатнулась какая-то женщина, съ тяжелымъ узломъ на спинѣ. Слѣдомъ за ней вошла другая женщина, съ такимъ-же узломъ, и какой-то мужчина, въ черномъ поношенномъ платьѣ. Всѣ они видимо изумились, увидя другъ-друга. Послѣ нѣсколькихъ мгновеній недоумѣнія, раздѣленного и хозяиномъ, всѣ они расхохотались.

Ступайте, ступайте въ залу! проговорилъ хозяинъ.

— Ну—вотъ, сказала первая женщина. Чтѣ бы ему не поступить, какъ всѣ добрые люди? Взялъ-бы сестру милосердія: было-бы, по крайности, кому глаза закрыть... А то—околѣлъ въ своей конурѣ, что собака... Да что тутъ?.. Развязывай-ка мой узелъ, Джой!

Но старый Джой сначала развязалъ узеломъ мужчины—могильщика; онъ не былъ подъемистъ: печатка—другая, карандашникъ, двѣ рукавныя запонки, грошовая булавка—вотъ и все... Старикъ Джой осмотрѣлъ каждый предметъ порознь и отмѣтилъ мѣломъ на стѣнѣ пристойную каждому предмету сумму.

— Вотъ-что я могу вамъ дать, сказалъ онъ, и—жарьте меня на маленькомъ огонькѣ—шести пенсовъ не прибавлю... Кто тамъ?

На очереди были двѣ *«дамы»*.

*) Нѣкоторыя подробности разсказа Ч.—Диккенса выпущены нами, потому что на нихъ лежатъ непонятный, непередаваемый большинству читателей, чисто лондонскій колоритъ. Отъ этого выпуска, по крайнему нашему убѣжденію, разсказъ теряетъ немного... разумѣется для святой Руси.

И вообще, мы предвараемъ нашихъ читателей, что въ переводныхъ статьяхъ держимся правила *«сокращенія»*, конечно,—гдѣ будетъ нужно.

Строки, переведенныя слово въ слово,—читатели угадаютъ сами.

— Передъ дамами я всегда—пасъ! говорилъ Джой, принимая отъ второй посѣтительницы скатерть, салфетки, пару платья, двѣ старинныя чайныя ложечки, сахарныя щипцы и сколько-то сапоговъ.

— Передъ дамами я всегда пассъ,—и это—моя слабость!... Вотъ вашъ счетъ... Если вы запросите денежку приба веки, я принужденъ буду скинуть съ первой моей опѣнки

— Ну, теперь, Джой! развяжи мой узелъ! сказала первая посѣтительца.

Джой сталъ на колѣни, развязалъ множество узловъ, и вытащилъ кусокъ какой-то темной матеріи.

— Что это? спросилъ онъ.— Постельныя занавѣски?

— Конечно! отвѣчая со смѣхомъ женщина.

— Не можете-же быть, чтобы вы ихъ сняли *при немъ*?

— Почему-же?

— Ну!... Вы рождены богачкой, и будете...

— Что-же? У меня рука не дрогнетъ... совершенно хладнокровно спросила продавщица: неужели эдакаго жалѣть?

— Такъ это *его* занавѣски и простыни?

— А чьи-же? Не боисься ли ты, что онъ насморкъ схватить?

— Я надѣюсь, что онъ не умеръ отъ какой-нибудь заразительной болѣзни... ммъ? спросилъ старый Джой, поднимая голову.

— Не бойтесь, Джой! Неужели я такъ глупа, чтобы съ нимъ связалась, если-бы?... О! Вы можете выворотить на изнанку и на лицо эту рубашку: могу вамъ отвѣтить, что хороша—лучшая его рубашка... Слава Богу, что я подвернулась: безъ меня бы пропало...

— Что-такое пропало? спросилъ старикъ Джой.

— Да вотъ что: похоронили-бы его, навѣрное, въ этой рубашкѣ;—отвѣтила она, смѣясь: по моему,—не такъ: господину покойнику все равно въ чемъ лежать: въ коленкорѣ или въ полотнѣ....»

Скруджъ едва-едва дослушалъ этотъ разговоръ.

Вообще всѣ лица казались ему демонами, прецарировавшими, на перебой, чей-то трупъ.

Онъ отшатнулся въ ужасъ, ибо сцена перемѣнилась, и онъ еле-еле не прикасался къ кровати, безъ занавѣсокъ: на кровати, подъ дырявой простыней, лежало *что-то*, понятное только на страшномъ языкѣ смерти.

Комната была очень темна, слишкомъ темна, чтобы разглядѣть въ ней что-нибудь, хотя Скруджъ и впиался въ этотъ полумракъ

пытливыми взорами. Блѣдный свѣтъ извнѣ падалъ прямо на кровать, гдѣ лежалъ трупъ этого обнаженнаго, ограбленнаго, всѣми покинутаго, никѣмъ не оплакиваемаго и никѣмъ несторожимаго покойника.

Скруджъ поглядѣлъ на духа: тотъ указывалъ ему пальцемъ на голову мертвеца. Саванъ былъ накинута такъ небрежно, что стоило только притронуться пальцемъ, — и все лице покойника было-бы на виду. Скруджъ это понималъ; было у него даже и поползновеніе — поднять саванъ, да... силы не хватило.

О, холодное — холодное, страшное пугало — смерть! Воздвигай здѣсь твои жертвенники, окружай ихъ всѣми твоими ужасами: ты здѣсь полная владычица!... Но, если ты падешь на любимую, чтиную и кому-то дорогую голову, не властна ты ни въ единомъ волосѣ съ этой головы. Не то, чтобы эта рука не падала безжизненно тяжело, не то, чтобы не смолкъ этотъ пульсъ, нѣтъ! — но, эта рука бывала раскрыта честно, тепло и великодушно для всякаго; но это сердце благородно, горячо и нѣжно билось въ груди...

Рази, рази, безопаднаа смерть. Твои удары тщетны: за мимолетною живнію — безсмертіе!...

Никто не произнесъ этихъ словъ; но Скруджъ ихъ слышалъ, глядя на кровать.

— Еслибы этотъ человѣкъ ожилъ... подумалъ Скруджъ, «что бы онъ сказалъ про свое былое? Скупость, черствость сердца, жажда пріобрѣтенія, — вотъ онъ къ чему приводить!

И вотъ онъ, вотъ онъ — лежитъ въ пустомъ и мрачномъ домѣ: нѣтъ ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, что могли-бы сказать: Онъ мнѣ помогъ тогда-то и тогда-то, и я ему отплачу въ свою очередь, хотя-бы за радушное слово.

Никого не было. Только въ дверь скреблась кошка, да подъ напольной каменной настилкой камелька грызли что-то такое крысы. И что имъ было нужно въ этой похоронной комнатѣ? Изъ-за чего такъ ѡсновались онѣ?... Скруджъ не осмѣлился даже и подумать съ этомъ...

— Духъ! сказалъ онъ: эта комната ужасна. Побинувъ ее, я не забуду даннаго мнѣ урока... Повѣрьте.. и — поскорѣ прочь!

Призракъ все-таки указывалъ своимъ неподвижнымъ пальцемъ на голову трупа.

— Я васъ понимаю, сказалъ Скруджъ, и сдѣлалъ-бы то, что вы хотите, еслибы могъ... Но у меня силы нѣтъ... силы нѣтъ у меня

Духъ!... Покажите мнѣ что-нибудь такое, гдѣ смерть напутствуется нѣжными слезами?...

Призракъ промчалъ его по знакомымъ улицамъ, и они вошли въ домъ бѣднаго Боба Крѣтчита. Горе стукнуло ему въ двери: умеръ его милый, больной, хроменькій сынъ, котораго всегда носилъ онъ на плечѣ, умеръ его милый—милый Тини-Тимъ. Мать и остальные дѣти сидѣли у комелька... Они были спозойны, очень спокойны. Маленькіе, шумливые Крѣтчиты окаменѣли въ уголькѣ и не спускали глазъ со своего старшаго брата Петра и съ развернутой передъ нимъ книги. Мать и дѣвочки шили что-то такое.

Вся семья была совершенно спокойна.

«И поставилъ онъ среди нихъ отрока».

Гдѣ слышалъ Скрудъжъ эти слова?.. но слышалъ онъ ихъ не во снѣ. Вѣроятно, прочелъ ихъ вслухъ Петръ, когда Скрудъжъ и духъ переступали порогъ... Но отчего-же Петръ пересталъ читать?

Его мать положила работу на столикъ и закрыла лице руками.

— Кажется, отецъ? сказала она немного погодя, и побѣжала навстрѣчу своему бѣдному Бобу.

Бобъ вошелъ въ своемъ неразлучномъ „носотряпѣ“,—и хорошо, что на этотъ разъ съ нимъ не разлучался. Подогрѣтый въ камелькѣ чай поднесла ему чуть не вся семья, на перерывѣ. Оба маленькіе Крѣтчита вскарабкались ему на колѣни, и каждый прижался щекой къ его щевѣ, словно выговаривая: Не думай больше объ этомъ, папенька!.. Не огорчайся.

Бобъ былъ очень веселъ, похвалилъ работу жены и сказалъ, что вѣроятно она поспѣетъ раньше воскресенья?

— Воскресенья! Стало быть, —ты навѣдывался сегодня туда, Робертъ? спросила жена.

— Да. Мнѣ очень жаль, что тебя не было... мѣсто отличное— все зеленъ кругомъ... Впрочемъ, ты еще увидишь... я ему общалъ, что буду ходить къ нему гулять по воскресеньямъ... Бѣдный мой, милый мой ребенокъ! крикнулъ Бобъ.

И безъ удержу залился слезами...

Торопливо вышелъ онъ изъ комнаты и поднялся въ верхнее жильѣ, освѣщенное и убранное цвѣтами по праздничному. Противъ кровати мертваго ребенка стояло кресло, и — казалось, только-что-только всталъ съ него кто-то. Бобъ присѣлъ, въ свою очередь, посидѣлъ и всталъ, всталъ, поцаловалъ холодное, милое личико, и спустился внизъ...

Быстро-быстро умчалъ Скруджа изъ этой комнаты призракъ и нигдѣ не останавливался, пока самъ Скруджъ не сказалъ:

— Пойдите!.. вотъ дворъ и домъ, давно мнѣ знакомые... позвольте мнѣ посмотреть — чѣмъ я долженъ быть?

Призракъ остановился; но рука его была вытянута по другому направленію.

— Да вѣдь-вотъ гдѣ домъ, замѣтилъ Скруджъ, „зачѣмъ-же вы меня маните дальше?

Неумолчный палецъ призрака не измѣнялъ своего положенія. Скруджъ усиленно побѣждалъ къ окну своей конторы и заглянулъ внутрь: контора и осталась конторой, — только не его. И меблировка была другая, и въ креслахъ сидѣлъ не онъ. Призракъ все указывалъ рукою куда-то...

Скруджъ совсѣмъ потерялъ голову и перенесся со своимъ вожакомъ къ какой-то желѣзной рѣшеткѣ. — Еще не переступая за нее, онъ оглянулся кругомъ... кладбище! Тутъ-то, вѣроятно, и лежитъ, подъ нѣсколькими футами земли, тотъ несчастный, чье загадочное имя Скруджъ сейчасъ-же узнаетъ. Ей-Богу, хорошенькое было мѣсто: кругомъ стѣны сосѣднихъ домовъ: по землѣ дернъ и сорные травы; могилъ-могилъ столько, такъ *утучнили* онѣ землю, что тошно становится... Славное мѣстечко!..

Духъ показалъ на одну могилу — Скруджъ подошелъ къ ней и прочелъ:

— „*Эвезеръ Скруджъ*“.

— Такъ это я себя-то видѣлъ на смертной кровати? крикнулъ Скруджъ, упавъ на колѣни.

Духъ указалъ пальцемъ на него и на могилу, потомъ — на могилу и на него.

— Нѣтъ, духъ, нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ!

Палецъ духа будто застылъ въ одномъ и томъ-же положеніи.

— Духъ! вскрикнулъ Скруджъ, вцѣпившись въ платье призрака, выслушайте меня: я уже не тотъ человѣкъ, не буду тѣмъ человѣкомъ, какимъ былъ до встрѣчи съ вами... Зачѣмъ-же вы мнѣ показываете все это, если для меня уже нѣтъ надежды?

Въ первый разъ шевельнулась рука призрака.

— Добрый духъ! продолжалъ Скруджъ, лежавшій ничкомъ: походатайствуйте за меня, смилуйтесь надо мною. Удостоверьте меня, что я могу переименовать всѣ эти образы, если переименую мою жизнь?

Призракъ благосклонно махнулъ рукойъ.

— Ото всего сердца буду чтать я святки, и буду ждать ихъ круглый годъ. Буду жить въ прошломъ, въ настоящемъ и въ будущемъ: всѣ-вы три духа дали мнѣ незабвенные уроки... О! скажите мнѣ, что я могу стереть эту надпись съ могильнаго камня?

Скруджъ отчаянно ухватился за руку призрака: рука выскользнула было, но Скруджъ сдавилъ ее, какъ клещами; однако-же призракъ все-еще былъ сильнѣе Скруджа, и оттолкнулъ его.

Поднявъ обѣ руки въ послѣдней мольбѣ обѣ измѣненіи своей участи, Скруджъ замѣтилъ, что одежды духа становятся тоньше и тоньше, и самъ духъ постепенно преобразуется, и преобразился въ занавѣсный столбикъ постели.

Дѣйствительно—это былъ занавѣсный столбикъ. Да. И столбикъ надъ собственной постелью Скруджа, и даже въ собственной спальнѣ Скруджа. Передъ нимъ былъ цѣлый день—оправиться и перемѣнить образъ жизни.

— Буду жить въ прошломъ и въ настоящемъ.. повторилъ Скруджъ, соскакивая съ постели. Врѣзались мнѣ въ память три духовные урока. О, Джэкобъ Мэрлей! Да святится праздникъ Рождества Христова.

— Не сняты онѣ, не сняты! продолжалъ Скруджъ обнимая съ рыданіемъ постельныя занавѣски. И кольца цѣлы... И все, что я видѣлъ,—греза!.. Онъ мялъ и переминалъ платье, самъ непонимая—что дѣлаетъ.

— Боже мой! говорилъ онъ, схвативъ въ обѣ руки чулки и становясь съ ними въ позу Лаоксона, оплетеннаго змѣями. Господи! я легче пуха, счастливѣе безплотнаго духа, веселѣе школьника, пьянѣе вина!.. Съ праздникомъ! Всѣхъ имѣю честь поздравить съ праздникомъ!.. Эй! кто тамъ! Ау!.. Го-го-го!..

Однимъ прыжкомъ перескочилъ онъ изъ спальни въ гостиную и остановился въ ней, запыхавшись.

— Вотъ и кастрюлька съ кашицей! кричалъ онъ. Вотъ и дверь, сквозь нея же проникъ призракъ Мэрлея! Вотъ и уголокъ, гдѣ сидѣлъ нынѣшній Сочельникъ! Вотъ и окошко, откуда я слѣдилъ за грѣшными душами: все на мѣстѣ, все въ порядкѣ... Ха-ха-ха-ха!

И это было такъ... Для человѣка, не смѣявшагося столько лѣтъ, этотъ смѣхъ былъ торжественно-великолѣпнъ, былъ родоначальникомъ нескончаемыхъ покатовъ со-смѣха.

— Не знаю я — какое у нас сегодня число? продолжалъ. Скрудзь. Не знаю — сколько времени проведешь я между духовъ. Ничего не знаю: я просто ребенокъ... И какъ-бы мнѣ хотѣлось быть маленькимъ ребенкомъ... Эй, гай, гой, гай!..

Его восторгъ былъ умѣренъ церковными колоколами, перезванивавшими во всѣ тяжкія:

„Дини-дини-донъ-бумъ, бумъ! Динь динь-донъ, бумъ, бумъ, бумъ! Донъ, динь-донъ, бумъ“!

— Отлично! отлично! покрикивалъ Скрудзь; подбѣжалъ къ окошку и глянулъ на улицу. Не было ни изморози, ни тумана: былъ ясный, свѣжій денекъ, одинъ изъ тѣхъ, что веселятъ и укрѣпляютъ, и гонять кровь по жиламъ въ „плясовую“. Золотое солнце; голубое небо; колокольный трезвонъ... Отлично! отлично!..

— Какой сегодня день? крикнулъ Скрудзь изъ окошка какому-то вѣроятно на него-же заглядѣвшемуся мальчишкѣ.

— Что? спросилъ изумленный мальчижъ.

— Какой сегодня день, голубчикъ? повторилъ Скрудзь.

— Сегодня? еще разъ спросилъ мальчижъ. Да сегодня — Рождество.

— Рождество! подумалъ Скрудзь. Стало-быть, я его не потерялъ. Духи устроили все въ одну ночь. Они все могутъ сдѣлать — кто-же въ этомъ сомнѣвается? — все могутъ...

— Эй-эй, любезный?

— Ну-что? отвѣтилъ мальчижъ.

— Знаешь ты мясную лавку на углу второй улицы?

— Конечно.

— Умный ребенокъ! замѣтилъ про себя Скрудзь. — Ребенокъ замѣчательный... Не знаешь-ли ты, продана, или нѣтъ, индѣйка — не маленькая, а которая побольше?

— А! Это такая, что съ меня будетъ?

— Восхитительный ребенокъ! прошепталъ Скрудзь. Съ нимъ и разговаривать любо... Ну, эта самая, котеночекъ ты мой!

— Не продана еще.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. — пойдѣ-же — купи.

— Шутникъ! отвѣтилъ мальчижъ.

— Нѣтъ, сказалъ Скрудзь: я говорю не шутя. Купи и скажи, чтобы принесли ко мнѣ. Я дамъ адресъ — куда ее отнести. Захвати съ собой какого-нибудь мальчика изъ лавки, и вотъ —

тебѣ шиллингъ. Если ты черезъ пять минутъ вернешься съ покупкою, я тебѣ дамъ еще“.

Мальчишка полетѣлъ необгонной стрѣлой.

— Я эту индѣйку пошлю къ Бобу Крэтчиту, шенталь Скеруджъ, потирая руки и смѣясь: онъ и не узнаеть—отъ кого? Она вдвое толще Тини-Тима... я увѣренъ, что Бобъ пойметъ эту шутку...

Онъ написалъ адресъ нѣскольکو дрожавшею рукою и сошелъ внизъ, на встрѣчу приказчика изъ мясной лавки. Ему бросился въ глаза дверной молотокъ.

— Всю мою жизнь буду я любить тебя! сказалъ Скеруджъ, погладивъ молотокъ. И до сихъ поръ я не замѣчалъ его!.. А какое честное выраженіе во всей его фізіономіи... Охъ ты мой добрый, мой изящный молотокъ! А вотъ и индѣйка!.. Эдакая-то вы! Эге-ге-ге-ге! Съ праздникомъ имѣемъ честь поздравить“!..

И точно—была-себѣ индѣйка!..

Не вѣрю я, чтобы это пернатое держалось когда-либо на ногахъ, онѣ подломились-бы подъ нимъ, какъ сургучныя палочки. „Да вѣдь вотъ что: вамъ не снести ея въ Кэмденъ-Тоунъ, сказалъ Скеруджъ: надо взять кабъ*).

Все это было проговорено со смѣхомъ; со смѣхомъ-же, съ веселымъ смѣхомъ, распасился Скеруджъ и за индѣйку и за кабъ, со смѣхомъ далъ деньги мальчику, и, задыхаясь, и смѣючись до слезъ, упалъ въ свое кресло.

Потомъ онъ выбрился, одѣлся въ лучшее свое платье и вышелъ прогуляться по улицамъ. На улицахъ была густая толпа; Скеруджъ глядѣлъ на всѣхъ самодовольно, заложивъ руки за спину, такъ самодовольно, что трое-четверо прохожихъ зѣвакъ не удержались и привѣтствовали его словами: „здравствуйте, господинъ! Съ праздникомъ имѣемъ честь поздравить“!

Не успѣлъ онъ пройти нѣсколькихъ шаговъ, какъ на встрѣчу ему попался тотъ изящный джентльмэнъ, что наканунѣ приходилъ къ нему въ контору въ вопросомъ: „Скеруджъ и Мэрлей кажется“? Скеруджъ смутился-было; но тотчасъ же оправился и сказалъ, взявъ почтеннаго джентльмена за обѣ руки:

— Какъ вы поживаете, сэръ? Надѣюсь, что вчера, къ чести

*) Кабъ—нѣчто въ родѣ кабриолета, т. е. двухколесной таратайки, или телѣжки.

вашей, выдался денекъ? Съ праздникомъ позвольте васъ поздравить, сэръ!

— Мистеръ Скруджъ?

— Да. Боюсь, что это прозвище не совсѣмъ для васъ приятно? Позвольте мнѣ извиниться: не будете-ли вы такъ добры, что... (Скруджъ сказалъ почтенному джентльмену нѣсколько словъ на ухо.)

— Господи! неужели? спросилъ, задыхаясь джентльмэнъ. Любезный мой мистеръ (круджъ, вы говорите не шутя?)

— Безо всякихъ шутокъ! ствѣчалъ Скруджъ. — Я уплачиваю старый долгъ, если милость ваша будетъ—принять?...

— Милостивый государь! перебилъ Скруджа собесѣдникъ, дружески тряся его за руку: я не знаю — какъ и хвалить такое великое....

— Ради Бога, ни слова болѣе! остановилъ его Скруджъ. Заходите ко мнѣ... вѣдь вы зайдете, не правда-ли?

— О! безо всякаго сомнѣнiя! вскрикнулъ убѣдительно старый господинъ.

— Благодарю, сказалъ Скруджъ. Я вамъ безконечно обязанъ, и тысячу разъ приношу мою благодарность. Прощайте». Зашелъ онъ въ церковь; пробѣжалъ по улицамъ; роздалъ мальчишкамъ нѣсколько легкихъ щелчковъ по головамъ; изумился прiятности своей прогулки, а по-полудни направилъ стопы къ дому племянника.

Разъ двѣнадцать прошелъ онъ мимо знакомой двери, и не рѣшался войти. Наконецъ осмѣлился и постучался.

— Дома хозяйинъ, голубушка? спросилъ Скруджъ у служанки: какая-же ты хорошенькая, ей Богу!...

— Дома, сэръ!

— Гдѣ-же, милашка?

— Въ столовой, сэръ, съ мистриссъ... Если позволите, я васъ провожу.

— Спасибо: онъ меня знаетъ, отвѣтилъ Скруджъ, налегая на ручку замка. — Я и самъ войду.

Приотворилъ дверь и просунулъ въ нее голову.

Юная чета осматривала накрытый по праздничному столъ....

— Фредъ! произнесъ Скруджъ.

— Господи мой Боже! какъ вздрогнула нареченная его племян-

ница! Скруджъ и позабылъ, какъ она сидѣла въ креслѣ, положивъ ноги на табуретъ: иначе онъ не осмѣлился бы войти такъ нечаянно.

— Господи! вскрикнулъ Фредъ: да кто же это тамъ?

— Я, я, твой дядя Скруджъ... Обѣдать пришелъ... можно войти?

Вотъ былъ вопросъ! Фредъ чуть-чуть ему руки не вывихнулъ, втаскивая его въ столовую. Черезъ пять минутъ Скруджъ былъ какъ дома. Ничего не могло быть радужнѣе приема его племянника и племянницы. Точно также поступили, когда прибыли и Топперъ, и полненькая сестрица, и всѣ прочіе гости. Какое удивительное общество, какая удивительная игра въ фанты, какое *у-ди-ви-тем-*ное веселье.

На другой день Скруджъ рано пришелъ въ свою контору, — о! раннѣе-рано... Ему только и хотѣлось — прійти раньше Боба Крэтчита и уличить его на мѣстѣ преступленія.

Такъ ему и удалось! Часы прозвонили девять — Боба нѣтъ; девять съ четвертью — все нѣтъ Боба. Бобъ опоздалъ восемнадцать минутъ съ половиною. Скруджъ сидѣлъ въ растворенной двери, чтобы лучше видѣть, какъ Бобъ опустится въ свой колодезь.

Еще не растворяя двери, Бобъ снялъ шляпу и носопятъ; а потомъ, во мгновеніе ока, очутился на своемъ табуретѣ и такъ пустилъ перо по бумагѣ, какъ будто хотѣлъ догнать улетѣвшіе девять часовъ.

— Эй, господинъ! крикнулъ Скруджъ, попадая по-возможности вѣрно въ свой прежній тонъ: что-такъ поздно?

— Мнѣ очень непріятно, сэръ! сказалъ Бобъ. Я немножко опоздалъ.

— Опоздали! продолжалъ Скруджъ. Мнѣ дѣйствительно кажется что вы опоздали. Пожалуйста-ка сюда...

— Разъ въ году, сэръ! замѣтилъ робко Бобъ, выходя изъ своего кладезя. Больше не случится... Загулялъ я вчера немножко, сэръ!....

— Это все хорошо, сказалъ Скруджъ, но я долженъ вамъ, любезный другъ, замѣтить, что не могу терпѣть такихъ безпорядковъ. А слѣдовательно, прибавилъ онъ, вскочивъ съ табурета и толкнувъ подъ бока Боба такъ, что онъ отлетѣлъ къ своему колодезю, слѣдовательно — я желаю прибавить вамъ жалованья.

Бобъ задрожалъ и протянулъ руку къ линейкѣ. Было мгнове-

ніе, когда онъ хотѣлъ ударить линейкой Скруджа, схватить его за шиворотъ и позвать людей, чтобы на Скруджа надѣли горячечную рубашку.

— Съ веселымъ праздникомъ, Бобъ! проговорилъ важно Скруджъ и дружески потрепалъ своего прикащика по плечу. Съ болѣе веселымъ, чѣмъ когда—либо. Я прибавлю вамъ жалованья и постараюсь помочь вашей трудолюбивой семьѣ. Сегодня мы поговоримъ о нашихъ дѣлахъ за рождественскимъ стаканомъ бисофа, Бобъ!

Скруджъ не только сдержалъ слово, но сдѣлалъ гораздо — гораздо болѣе, чѣмъ обѣщалъ.

Для Тини-Тима (онъ разумѣется, и не думалъ умирать), для Тини-Тима Скруджъ сдѣлался истинно вторымъ отцомъ.

И сталъ Скруджъ такимъ хорошимъ другомъ, такимъ хорошимъ хозяиномъ и такимъ хорошимъ человекомъ, какъ всякой гражданинъ всякаго добраго, стараго города, въ добромъ, старомъ свѣтѣ. Нашлись господа, что подсмѣивались надъ подобною переменою, да Скруджъ имъ позволялъ подсмѣиваться, и даже ухомъ не вель.

Въ отместку этимъ господамъ, онъ и самъ смѣялся — отъ полноты души.

Съ духами прекратилъ онъ всякія сношенія; но за-то завелъ съ людьми, и дружески готовился каждый годъ встрѣтить съ ними святки, и всё отдавали ему полную справедливость, что никто такъ весело не встрѣчалъ праздниковъ.

Если-бы то-же говорили о васъ, обо мнѣ, о всѣхъ насъ... А затѣмъ, какъ выражался Тини-Тимъ: «*Да спасетъ всѣхъ насъ Господь, — всѣхъ, сколько насъ ни на есть!*»

УКРАДЕННЫЕ ЧАСЫ.

УКРАДЕННЫЕ ЧАСЫ.

(РАЗСКАЗЪ М. Л. ФРЭНЧА).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Эдиовъ Эльпинъ.—Обманутая надежда.—Свадьба.—Обѣтъ.

Июльское утро 1764-го года золотило легкое руно облаковъ; красивая деревенька Дингльбэрри притаилась, на западѣ Англiи, укромнымъ гнѣздомъ между двухъ холмовъ, отгороженныхъ змѣистымъ, звучащимъ по камнямъ потокомъ; на природномъ зеленомъ коврѣ лужайки, въ ясныхъ лучахъ солнца, паслось стадо.

При входѣ въ деревню, бросалась въ глаза маленькая хижина, —вся опутанная сѣткой витескъ, козьяго листа и дикихъ розъ: съ каждымъ повѣвомъ вѣтра такъ и разносилось кругомъ цѣлебное благоуханiе цвѣтовъ.

У раскрытаго окна сидѣла красавица-дѣвушка и пристально всматривалась въ окрестность. Свѣтлорусые волосы падали кольцами на бѣлую, нѣжную шею и на изящно-развитую грудь; лобъ — гладкiй и чистый; глаза —ясная, но глубокая лазурь, съ влажнымъ и мягкимъ отгѣнкомъ; на губахъ играетъ откровенная, младенчески-дѣвѣрчивая улыбка.

Пока она сидѣла у окна, слѣдя за переливами тумана и, вдыхая аромать цвѣтовъ, дверь хижины вдругъ распахнулась, —и въ комнату влетѣли три молодыя дѣвушки. Здоровье такъ и вѣяло отъ ихъ розовыхъ щекъ; беззаботность и довольство звучали въ ихъ дѣвичьемъ смѣхѣ.

— Ну, что-же, Эдиёв? крикнула одна из дѣвушекъ. Ну, что-жъ ты?

Эдиёв встрепенулась, встряхнула кудрями и шаловливый вѣтерокъ разнесъ ея грезы....

— Задремала! проговорила она. И теперь еще слипаются глаза... Да развѣ ужъ такъ поздно?

— Только что въ пору одѣться. Мы пришли тебѣ помочь.

Дѣвушка начала одѣваться съ помощью своихъ вѣтренныхъ подругъ.

Бѣлое кисейное платье и распутолки розановъ въ бѣлокурыхъ волосахъ придали ей волшебный видъ.

— Господи, какъ хороша! замѣтила одна изъ юныхъ подругъ, — и кровь проступила на бѣломъ, прозрачномъ лбу Эдиёв, потому-что и зеркало шептало ей:

Господи, какъ хороша!

— Прелестна! подхватила другая подруга.

— Очаровательна! закончила третья.

Эдиёв и три ея подруги сошли въ гостиную.

— Развѣ его еще нѣтъ, Эмма? спросила Эдиёв у одной изъ подругъ. — Развѣ его нѣтъ-еще?

Звуки ея голоса были такъ безнадежно-грустны, что Эмма поглядѣла на нее съ изумленіемъ.

— Нѣтъ-еще, нѣтъ! отвѣчала она.

— Который часъ? спросила Эдиёв.

— Ровно одиннадцать.

— Ему слѣдовало быть еще полтора часа назадъ! замѣтила не-вѣста, и склонила на руки голову.

— Милая Эдиёв! перестань-же такъ отчаяваться изъ-за пустяковъ!... Ну... его что-нибудь задержало: сама сейчасъ узнаешь... утѣшала невѣсту Эмма.

Но Эмма не могла узнать — отчего такъ безпокойна ея блѣдная красавица-подруга, отчего у нея такъ наболѣло сердце!

Чѣмъ дальше не являлся ожидаемый женихъ, тѣмъ сильнѣе грызла тоска бѣдную Эдиёв. Приглашенное на свадьбу общество сначала ждало терпѣливо; но потомъ въ комнатахъ слышались сдержанные вздохи, и сострадательные взоры устремились на Эдиёв. Прошло двѣнадцать часовъ — и созданные на веселье гости грустно и молчаливо разошлись по домамъ.

— Какъ это странно! проговорила маленькая, черноглазая дѣвушка. Я дала-бы все на свѣтъ, чтобы узнать — отчего мистеръ Гардинджъ не прѣхалъ на свадьбу?

— Вѣроятно его разбили лошади? замѣтила другая дѣвушка.

— А я такъ вовсе не удивленъ, что Гомезъ Гардинджъ не сдержалъ своего слова! замѣтилъ съ жаромъ Ральфъ Уильтонъ, высокій и красивый молодой человекъ. — Замѣчательно только одно, до какой степени Эдионъ не умѣетъ владѣть собой...

— Стыдитесь, Ральфъ! крикнула первая дѣвушка, — и черные ея глаза загорѣлись негодованіемъ. Вы говорите это потому, что Эдионъ предпочла Гомеза вамъ. Я, съ своей стороны, гордилась-бы такимъ красавцемъ. Что за глаза, что за усы, что за величавые приемы! Ручаюсь, что онъ вполне загладитъ эту маленькую неприятность и отпразднуетъ свою свадьбу на славу.

— Я и сама это думаю, прибавила третья подруга Эдионъ.

— Дай-то Богъ! отвѣтилъ Ральфъ.

— Если Гомезъ Гардинджъ такъ же горячо любитъ Эдионъ, какъ я, ему будетъ стыдно поразить ея сердце холодностью, или обманомъ. Дай Богъ, что-бы ваше пророчество сбылось!

Ральфъ Уильтонъ заложилъ руки за спину и задумчиво потупилъ глаза въ землю.

Присѣщеніе съ Эдионью опечалило всѣхъ ея гостей, и они молча разбрелись по домамъ.

На другое утро какой-то мальчикъ принесъ Эдионъ записку; она распечатала ее, — и щеки ея облились румянцемъ, пока она, съ лихорадочною дрожью, читала: „Дражайшая Эдионъ. Мнѣ очень жаль, что я нанесъ тебѣ такое огорченіе; но со мною вчера случилась маленькая бѣда: не успѣлъ я сѣсть въ экипажъ, чтобы ѣхать къ тебѣ, какъ лошадь моя вдругъ понесла и выкинула меня вонъ. Къ счастью, я былъ только ошеломленъ, и теперь вовсе не въ такой опасности, какъ полагалъ сначала медикъ. Онъ говоритъ, что черезъ день, черезъ два я могу сѣсть на лошадь: до тѣхъ поръ не теряй мужества и надѣйся на твоего вѣрнаго друга.“

Гомезъ Гардинджъ.

Въ умѣ доврчивой Эдионъ не промелькнула даже и тѣнь сомнѣнія, она только тоскливо считала проходившіе дни.

Черезъ недѣлю Гомезъ Гардинджъ подѣхалъ къ хижинѣ, сошелъ съ коня, вошелъ въ приемную — и опустился на кушетку.

Едва-едва отвѣчалъ онъ на ласки бѣдной Эдиен. Дѣвушка не могла не замѣтить его холодности: она поблѣднѣла и заплакала.

— Эдиенъ, проговорилъ Гомезъ: я сдержалъ свое слово и пріѣхалъ, но у меня есть дѣло: я долженъ потратить на него все мое время и вниманіе... Нельзя-ли намъ отложить свадьбу на нѣсколько недѣль?

Эдиенъ взглянула на него — и все ея лицо болѣзненно передернулось. Она потупила глаза въ землю и молчала.

— Что-жь ты мнѣ не отвѣчаешь, милая? спросилъ Гомезъ, подвигаясь ближе къ Эдиен.

Она подняла свои темно-голубые глаза и впиалась въ Гомеза пристальнымъ взоромъ, щеки ея покрылись мертвенной блѣдностью; губы раскрылись, но нѣсколько мгновеній она не могла сказать ни слова.

Изумленной Гардинджъ ожидалъ ея отвѣта.

Вдругъ она вскрикнула: Гомезъ!... Гомезъ вздрогнулъ онъ не узнавъ ни голоса, ни лица Эдиен.

— Ну что-же ты? спросилъ онъ. Молодая дѣвушка встала.

— Зачѣмъ тебѣ такъ безсердечно лицемѣрить? крикнула она. — Гомезъ! ты никогда, никогда и не думалъ на мнѣ жениться... "

Онъ не вынесъ взгляда Эдиен, и она отъ него отвернулась.

— Эдиенъ! Какъ у тебя повернулся языкъ на такія слова? проговорилъ онъ отчаянно, и грустно склонилъ голову на руки; но его голосъ и приемы были холодно натынуты...

Когда онъ поднималъ голову, въ глазахъ у него сверкали слезы. Эдиенъ не выдержала — и опять заплакала.

— Богъ видитъ мою душу! говорилъ Гомезъ. — Передъ Нимъ ничего не скрыто. Онъ одинъ знаетъ — справедливъ я, или нѣтъ?

— Но, возразила бѣдная дѣвушка, останавливаясь на каждомъ словѣ, съ запылавшимъ отъ прилива крови лицомъ, и такъ тихо, что Гомезъ напряженно вслушивался въ ея шопотъ. Но... мой позоръ не можетъ долѣе оставаться тайной... Я страшусь, что меня ужъ подозрѣваютъ... О! не выставляй-же на показъ моего стыда, если въ тебѣ есть хоть искра человѣческаго чувства!.

— Отчего не сказала ты мнѣ этого раньше, Эдиенъ? Боже мой! Какъ-это могъ я быть такъ легкомысленъ?.. И сколько ты должна была выстрадать, малютка моя... И все изъ-за меня!.. Но пора кончить: на дняхъ я за тобою пріѣду и мы обвѣчаемся. Съ не-

дѣлю,—другую ты пробудешь у себя, а какъ я только устроюсь, приѣду за тобой. Теперь мнѣ необходимо уѣхать.. Да перестань-же глядѣть безнадежно, какъ жертва закланія: передъ нами—цѣлый міръ блаженства... Онъ прижалъ ее къ груди, поцѣловалъ, сѣлъ на коня и уѣхалъ.

Уѣхалъ, а Эдиѣ печально сѣла за какую-то работу. Прошла недѣля, — и снова былъ назначенъ бракъ Эдиѣ. Солнце свѣтило какъ-то тускло, стлались бѣлые туманы, и вѣтеръ проносился заушивно.. Эдиѣ стояла въ своемъ садикѣ и прислушивалась къ стуку колесъ по дорогѣ... Гомеза все нѣтъ, хотя уже и миновалъ назначенный срокъ... Эдиѣ одѣта по дорожному... И вотъ она подошла къ двери, и положила руку на запоръ, но опустила ее въ бессиліи: ей показалось, что вѣтеръ навѣваетъ ей въ уши злые укору, что изъ тумана глядятъ на нее жгучіе глаза, встаютъ какіе-то насмѣшливые образы и указываютъ на нее пальцемъ..

Она поспѣшно отворила дверь и выбѣжала изъ хижины.

Пройдя около двухъ миль, Эдиѣ услышала за собою стукъ экипажа.

Она остановилась и учтиво обратилась къ сѣдоку съ вопросомъ .

— Могу я спросить: куда вы ѣдете?

— Въ Йоркѣ, то есть — не довѣжая мили. Не хотите-ли подвезу?

— Если я васъ не обезпокою?..

— Нисколько, отвѣтилъ сѣдокъ, выпрыгнувъ изъ экипажа и подавъ Эдиѣ руку.

Добрые кони промчали ихъ пять-шесть миль, и тогда путешчкъ обратился къ Эдиѣ съ вопросомъ:

— Вамъ нужно дальше?

— Съ милю.

— Стало быть, вы — въ городъ? Такъ что-же! Кликнуть вамъ муху *), или самому доставить?

— Благодарю! сказала Эдиѣ; доставьте меня въ городъ — не останетесь въ накладѣ.

Возница домчалъ ее до городской околицы, получилъ за провозъ и пожелалъ ей добраго дня.

Эдиѣ не знала городскихъ улицъ, а шла — куда глаза глядѣли.

*) Муха (по англійски—«fly») загородная одноколка.

Весь ея мозгъ занялся полымемъ, душу притянуло къ пытѣѣ. Она разсѣянно шла все впередъ и впередъ, и вдругъ—остановилась... Ея слухъ былъ пораженъ свадебными звуками музыки, и она стала внимательно прислушиваться... Безсознательно остановилась она передъ мраморными ступенями въ какой-то вельможный домъ... Двери были открыты, — и Эдиѣ вошла... Собрана была блестящая свадебная компанія, въ великолѣпной залѣ. Золото и серебро давили накрытые столы. — Дворецкій провозгласилъ, что завтракъ готовъ. Его голосъ пробудилъ Эдиѣ: она очнулась, увидала длинные свадебные столы, отягченные серебрянной и золотой посудой, и только теперь поняла, что это столы свадебные...

Гости садились позарно. Эдиѣ не вздрогнула, не крикнула, хотя и видѣла ясно, что женихъ—Гомезъ Гардинджъ... Эдиѣ выстрадавала весь пиръ. Когда онъ кончился и Гардинджъ остался одинъ, Эдиѣ подошла къ нему и шепнула на ухо: расплата за мяо!... Гомезъ вздохнулъ свободнѣе, потому-что, сказавъ эти слова, Эдиѣ скользнула изъ комнаты легче тѣни.

— Умиѣ она, чѣмъ я думалъ! проговорилъ онъ: а все, впрочемъ,—отъ разстройсва нервъ... Я увѣренъ, что нынче ночью будетъ самоубійство...

И, улыбувшись саркастически, Гомезъ вышелъ изъ пріемной.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Украденное дитя.—Разносчикъ.—Губертъ и Ида.—Разлука.—Много лѣтъ прошло, а Гомезъ Гардинджъ ничего не слыхалъ объ обманутой имъ Эдиѣ.

Однажды, по утру, мистрисъ Гардинджъ собралась сѣсть за завтракъ, какъ вдругъ swoхватилась и спросила у служанки.

— Гдѣ же нянька? Развѣ нѣтъ ея дома?

— Не видѣла я ея! отвѣчала служанка.

— Куда же она дѣвалась? спросилъ мистеръ Гардинджъ.

— Передъ завтракомъ она взяла Клару на руки, а потомъ уже и не возвращалась, сказала мистрисъ Гардинджъ.

Потомъ, повернувшись къ служавѣ, прибавила:

— Посмотрите, не въ саду-ли? Служанка вышла, но также долго не возвращалась, и безпечкойная мать пошла за нею...

— Я боюсь не случилось ли чего съ Кларой? сказала она вернувшись.

— Да перестань-же ты! сказалъ мистеръ Гардинджъ съ досадою: вѣчно пустые страхи... Неужели ребенка не могутъ унести на нѣсколько минутъ безъ того, чтобы ты не безпокоилась?

Мистрисъ Гардинджъ покраснѣла отъ стыда, и отъ огорченія, и молча сѣла на свое мѣсто. Она была премилое маленькое созданіе, одна изъ тѣхъ нѣжныхъ и покорныхъ женщинъ, которыя, какъ цвѣтокъ на солнцѣ, сіяютъ отъ каждой ласковой улыбки и, какъ цвѣтокъ отъ мороза, вянутъ отъ перваго суроваго слова.

За завтракомъ супруги говорили мало, а когда онъ кончился, въ комнату вошла служанка.

Мистрисъ Гардинджъ поблѣднѣла и поглядѣла на нее съ безпокойствомъ, однако не сказала ни слова.

— Нянька, проговорила служанка, лежитъ въ саду подь деревомъ, только я никакъ не могла ее добудиться.

— Добудиться? повторилъ мистеръ Гардинджъ.

— Да, сэръ!

Оба супруга поспѣшили къ тому мѣсту, гдѣ нянька лежала въ глубокомъ снѣ: соединенныя ихъ усилія — разбудить ее остались тщетными.

Мистеръ Гардинджъ приказалъ перенести ее въ домъ и послалъ за медикомъ; медикъ объявилъ, что она заснула подь вліяніемъ сильнаго опіата, и ничто на свѣтѣ не можетъ разбудить ее, пока она вполнѣ не выспится.

Крѣпко и непробудно спала она до слѣдующаго дня, а между тѣмъ о пропавшемъ дитяти производили розыски по всѣмъ направленіямъ.

Проснувшись, нянька не могла собрать своихъ разсѣянныхъ мыслей, пока не освѣжилась чистымъ воздухомъ и не подкрѣпила себя пивцомъ.

Въ отвѣтъ на тоскливые разспросы пораженной матери, она объявила, что во время за прогулки по саду, мимо нея проходила какая то женщина съ корзиной плодовъ на рукѣ, но видно ей очень понравились цвѣты, потому что она остановилась, увидала ее и ребенка и сѣла возлѣ нихъ. Тутъ она вынула три апельсина: одинъ отдала Кларѣ, другой ей, кормилицѣ, а третій стала ѣсть сама.—

Помнить кормилица, что стала ѣсть апельсинъ и что ее склонила дрема; а что было дальше—ничего не знаетъ.

Снова начались розыски, но уже безнадежны: небыло никакого сомнѣнія, что дитя украдено.

Пролетѣли дни, недѣли, мѣсяцы, а маленькая Клара не появлялась на утѣшеніе скорбной матери, и мистрисъ Гардинджъ, слабая тѣломъ и духомъ, поникла подъ бременемъ горя и умерла, оставивъ по себѣ другую дѣвочку, нѣсколькихъ недѣль, по имени Альзину.

Пролетѣло двѣнадцать лѣтъ, и желѣзная рука времени положила печать свою на всѣхъ: убѣлила сѣдиною волосы взрослого человѣка, превратила отрока въ юношу, и склонила къ землѣ старика. Время утишило печаль мистера Гардинджа по его покойной женѣ, а его малютеа-дочь стала расцвѣтать красавицей-дѣвочкой, но красавицей горделивой...

— Купите земляники! проговорилъ бѣдно-одѣтый мальчикъ, робко подходя къ гладкимъ мраморнымъ ступенямъ большого каменнаго дома: на ступеняхъ стояла дѣвочка, съ черными и блестящими глазами, съ надменно-поднятою бровью и съ агатовыми локонами.

Домъ принадлежалъ мистеру Гардинджу, а дѣвочка была его дочь—Альзина.

— Хорошо! я куплю всю вашу землянику, сказала она; только вы останьтесь поиграть со мной.

— Не могу: мать дожидается.

— Васъ дожидается! И дѣвочка гнѣвно сжала губы. — Все-таки вы останетесь.

— Не могу: мать огорчится.

На этотъ разъ она только молча и презрительно откинула назадъ голову.

— Ждите, пока я прійду, сказала она высокомерно.

Вскорѣ она опять появилась въ сопровожденіи высокаго, черноволосаго господина, на вкусъ конечно очень многихъ, — необыкновенной красоты; но въ его глазахъ и въ осанкѣ было что-то странно-лукавое, что-то нравственно-недоброе, доступное скорѣе внутреннему чувству, чѣмъ взгляду.

— Альзинѣ непременно захотѣлось, чтобы вы у насъ побыли, мой милый! сказалъ онъ ласково. Если вы согласны, я предлагаю вамъ — видите какую крупную серебряную крону *): матушка ваша

*) Крона-серебряная англійская монета, цѣною не много болѣе полушора рубля серебромъ.

купить себѣ на нее славное платье, а землянику вы можете отнести домой, къ обѣду.

Мальчикъ стоялъ въ нерѣшительности.

— Я останусь, сказалъ онъ, встрѣтивъ повелительный взглядъ дѣвочки.

— Онъ хорошій мальчикъ! продолжалъ господинъ, погладивъ маленькаго разносчика по головѣ и вложивъ ему въ руку монету

— О чемъ вы расплакались? плачутъ только дѣти... сказала Альвина. Вамъ стоитъ пробыть здѣсь одинъ часъ... Я васъ домой провожу.

— Не нужно мнѣ васъ: я васъ не люблю.

— Пойдемте... Потомъ полюбите.

— Ни-за-что! я васъ больше не увижу.

— Вы прійдете и будете жить со мной.

На другой день мальчикъ усердно бралъ землянику на соседнемъ лугу, какъ вдругъ услышалъ что его кличутъ къ себѣ мать. Онъ поспѣшилъ на зовъ, но при видѣ черноволосаго джентльмена, отшатнулся назадъ.

— Подойдите ко мнѣ, мой милый! Какъ васъ зовутъ?

— Губертонъ.

— Славное имя... Не хотите-ли поѣхать и пожить со мною? У васъ будетъ платье съ иголочки, своя лошадка, свой экипажъ: вы будете кататься съ Альвиной, будете ея братцемъ...

— Не люблю я Альвину, не хочу съ ней кататься, не хочу быть ея братомъ.

— Шшъ, шшъ, Губертъ. замѣтила мать.

Джентльменъ нахмурилъ-было брови, но тотчасъ-же улынулся и проговорилъ вставая.

— Завтра я за нимъ заѣду.

На другой день утромъ, мистеръ Гардинджъ заѣхалъ за мальчикомъ, увезъ его съ собой, и Губертъ Бертонъ сдѣлался пріемнымъ сыномъ этого богатаго человѣка.

Черезъ нѣсколько времени послѣ водворенія своего въ домъ мистера Гардинджа, встрѣтилъ онъ разъ, гуляя, прехошенькую дѣвочку, изнемогавшую подъ тяжестью какого-то узла.

— Вамъ, кажется, тяжело?... позвольте я вамъ понесу.

— Пожалуйста, принесите немножко... Совсѣмъ устала...

— Въ самомъ дѣлѣ тяжелый узелокъ... Откуда вы его несете?

— Изъ книжнаго магазина Томпсона.
 — Это далеко. Отъ кого вы, и что тутъ такое?
 — Отъ миссъ Эдель. Тутъ... какъ ихъ? Шекспиръ, Драйденъ, Попе... и все такія жестокія имена... Миссъ Эдель говоритъ, что она никогда-бы къ нимъ и не притронулась, да въ большомъ свѣтѣ принято объ нихъ разговаривать... А вотъ я и дома: здѣсь живу.

— Какъ васъ зовутъ?

— Ида—Ида Смитъ. А васъ?

— Губертъ Бертонъ. Часто вы выходите изъ дому?

— Да: почти каждый день. Вотъ и завтра мнѣ далеко-далеко идти.

— Хотите—я зайду за вами и отправимся вмѣстѣ?

— Ахъ, пожалуйста, заходите! вдвоємъ веселѣе... А мнѣ пора, мистеръ Губертъ!.. Миссъ Эдель будетъ браниться...

Они простились, но на другой день Губертъ опять встрѣтилъ дѣвочку, и она ему сказала:

— Какъ я рада васъ видѣть! Такъ боялась, такъ боялась, что вы не придете... Мнѣ нужно идти на Юнионъ-скверъ.

— А дорогу вы знаете?

— Еще-бы!

— И никогда не плутали?

— Нѣтъ!.. Это было-бы смѣшно. Я знаю улицы лучше мистера Уайта. Онъ говоритъ, что у меня сильно развита шишка мѣстности. Я спрашивала у миссъ Эдели—что это значить? Она говоритъ, что это выраженіе только и можетъ относиться къ простымъ и уличнымъ дѣвчонкамъ, какъ я. Не вѣрится мнѣ что-то... ни одному слову... А вы вѣрите?

— Нѣтъ. Мистеръ Уайтъ хотѣлъ сказать, что у васъ отличная память мѣсть и что вы не скоро заблудитесь. Давно-ли вы живете у миссъ Эдели?

— Около трехъ лѣтъ,

— А второй вамъ годъ?

— Ровно двѣнадцать.

— Получаете вы жалованье?

— Нынѣшній годъ она мнѣ платитъ два пенса въ день *).

*) Пенсъ—двѣ копѣйки съ половиной серебромъ.

— Что-же вы на нихъ дѣлаете?

— Отдаю матери. Она покупаетъ на нихъ хлѣбъ, исправляетъ дѣтское платье... У меня есть еще братъ и три сестры.

— А можете-ли вы еще что-нибудь дѣлать, кромѣ — какъ быть на посылаехъ?

— Конечно могу: множество разныхъ бездѣлушекъ... Вотъ я училась вышиванью и миссъ Эдель говорить, что вышиваю шегольски... Да это все — пустяки...

Прошло около года; дѣти видались ежедневно, и Губертъ, подраста, сталъ навѣщать Иду въ квартирѣ мистера Уайта. Замѣчательно-красивый, изящно одѣтый, онъ не разъ останавливался на себѣ вниманіе Эдели; но простая дѣвочка уже властвовала надъ нимъ своимъ дѣтскимъ обаяніемъ. Это такъ... только Эдель, въ глубинѣ души повелительно произнесла приговоръ: надо положить этому конецъ.

Вдругъ Губертъ прекратилъ свои посѣщенія и Ида не встрѣчала его нигдѣ нѣсколько недѣль, но однажды, сдѣлавъ нѣсколько закупокъ и выходя изъ лавки, она почувствовала, что ей крѣпко стиснули руку. Оглянулась и увидала Губерта.

— Ступайте за мной, шепнулъ онъ, только подалее, до первой боковой улицы.

Не проронивъ ни одного звука, Ида прошла за Губертомъ нѣсколько улицъ до боковой аллеи, гдѣ онъ остановился и подождать ее.

— Что? спросила она, подходя и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Ничего, не бойтесь, сказалъ онъ. Эдель меня провела, и теперь я не могу съ вами видѣться у васъ дома.

— Отчего?

Юноша замаялся, и на лицѣ его выразилось страданіе, когда онъ проговорилъ привѣтливо, но робко: Вы знаете... Вы вѣдь не болѣе, какъ бѣдная, маленькая... служаночка, Ида!

Ида посмотрѣла на него во всѣ глаза; потомъ взглянула на свои грубыя платья и обувь, на изящный костюмъ Губерта, — и горькая истина разоблачилась передъ нею. Со слезами въ голосѣ спросила она.

— Вашъ отецъ богатъ?

— Нѣтъ: мои родители бѣдны. Я такой же пріемышь, какъ и вы но между нами большая разница. За мною всѣ преимущества обожаемаго ребенка, а вы — служанка. Мистеръ Гардинджъ далъ мнѣ луч-

шихъ учителей, и я не могу пренебрегать его заботливостью — въ ущербъ себѣ и родителямъ.

— О милый мой! Что-же мнѣ дѣлать?..

— Быть доброй дѣвочкой и поступать во всемъ—какъ можно лучше. Когда я вырасту, сдѣлаюсь независимъ и богатъ, я объ васъ не забуду. Мой французскій учитель говоритъ, что у меня, для моихъ лѣтъ, такой талантъ къ живописи, какого онъ отроду не видывалъ. Если это такъ, я буду богатъ.

— А я то! Я не могу ни читать, ни писать, кромѣ того, чему меня учитъ мать по воскресеньямъ... А миссъ Эдель становится все круче и круче... даже бьетъ меня иногда... И мнѣ столько, столько тяжелой работы, и какъ же я устаю!..

Губертъ вздохнулъ, пожалуй, не выпуская изъ рукъ, маленькую ручку и продолжалъ:

— Не теряйте мужества, Ида! На днѣ вашей души дремлетъ и не проснулася еще могучій гоній; ваше сердце — маленькій драгоценный камень, чистѣйшей воды, но еще не отполированный... Въ самыхъ дорогихъ алмазахъ миссъ Эдели то-же химическое начало, какъ и въ грубомъ углѣ, и въ удушливомъ углеродномъ газѣ... И когда вы устанете отъ работы и заботы, и когда миссъ Эдель покажется вамъ очень жестокосердой, и когда, съ годами, васъ будетъ угнетать грубый и бессмысленный народъ, попомните, что всѣ они — полированные колеса маленькаго чистаго алмаза. Однако я съ вами заговорился... Пожалуйста безъ восклицаній... скоро опять увидимся... прощайте.

— Господи! прошептала Ида. — Такъ вотъ моя неизмѣнная доля! Сердце каменѣетъ и горячія слезы стынутъ...

И она пошла домой, дошла, и въ изнеможеніи опустилася на стулъ.

Дверь въ ея комнату отворилась.

— Ида! опять эти гримасы!.. Да когда-же будетъ конецъ?.. Воротнички опять не выглажены, и мнѣ все ждать?

Ида молча встала и пошла въ кухню; но надъ ея головкой уже сіяли лучи...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Юный артистъ.—Исповѣдь.

Прошли года, — и маленькій продавецъ земляники сдѣлался молодымъ живописцемъ. Онъ сидѣлъ въ своей мастерской, болѣе похожей на царскій чертогъ, чѣмъ на комнату художника, сидѣлъ передъ мольбертомъ и глядѣлъ на картину, только-что оживленную послѣдними взмахами кисти. Маленькая дѣвочка съ узломъ, видимо для нея тяжелымъ; полинялая шляпка съ большими полями упала на плечи; блѣдное личико, преждевременно запечатлѣнное заботами; выраженіе глазъ могло остановить на себѣ вниманіе самаго опытнаго, самаго заваленнаго художника; крѣпко сжатые губы, признакъ неодолимо-упорной воли — освѣщались такою нѣжною улыбкой, какъ будто въ ней сама любовь молча говорила „пора!“

— Ха — ха — ха!

Для всякаго посторонняго слуха этотъ смѣхъ прозвенѣлъ-бы мелодическою трелью птички, но для изучившаго всё его переливы молодого художника этотъ смѣхъ отозвался холоднымъ сарказмомъ.

— Какой удивительный сюжетъ для художника! Какая обворожительная поза! Что за погибъ плечъ и — Боже мой! — что за чело!.. Позвольте подойти поближе. Великолѣпно... Вѣроятно-сестрица!..

При этомъ зломъ намекъ на его происхожденіе, молодой художникъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, но сдѣлалъ надъ собой страшное усиліе, и, повидимому, совершенно у споконился.

— Могу я съѣсть?—И Альзина опустила на низенькій оттоманъ возлѣ Губерта. Губертъ поглядѣлъ на нее съ упрекомъ и негодованіемъ; но у него были взглядъ и душа художника: идеальность и красота производили на него такое впечатлѣніе, что передъ нимъ блѣднѣло всякое другое ощущеніе и чувство. Альзина встрѣтила его взглядъ и поняла... Да и какая-же женщина не поняла-бы? Альзина не откинула назадъ голову съ насмѣшливымъ пренебреженіемъ, какъ у нея была привычка, — нѣтъ: все ея лицо освѣтилось женственною нѣжностью, и Губертъ не узналъ ее. Низко склонилась ея головка на бѣлую, оправленную въ драгоценные камни руку, — и черными волнами скатились кудри съ ея изящно наклоненныхъ плечъ. Одѣта была она дѣвственно-строга: ро-

скошное алое платье, обшитое дорогимъ кружевомъ, падало вдоль ея стана граціозными и ровными складками; юность, искусство и вкусъ соединились, чтобы придать этому маленькому деспоту — Альзине неотразимую красоту, не умилительную, не примирительно очищающую душу, а красоту — предвѣстницу бѣшеной страсти.

Поза Альзины была такъ обаятельна, что Губертъ невольно наклонился и сказалъ.

— Въ чемъ дѣло, Альзина?

Отвѣта не было, но она еще ниже наклонила голову; легкая дрожь пробѣжала по ея тѣлу и слезы пробились ручьями севозъ ея тонкіе пальцы. Она схватила руку Губерта, бессознательно сжала ее, и слезы хлынули еще сильнѣе. Альзина плакала такъ, какъ могутъ плакать только одніе глубокочувствительныя женщины.

Губертъ сидѣлъ въ безмолвномъ удивленіи: ему часто случалось видѣть на щекахъ Альзины горячія слезы всплхнувшего гнѣва; но такія нѣжныя, такія женственныя слезы, казалось, были вовсе не свойственны ея природѣ, и только онѣ могли возбудить въ сердцѣ Губерта нѣкоторое чувство любви и сожалѣнія. Онъ сидѣлъ молча, пока сдержанное рыданіе не нарушило тишины, и тогда опять спросилъ.

— Скажите мнѣ, Альзина: что васъ такъ сильно разстроило?

Она приподняла голову и отерла платкомъ слезы со щекъ.

— Знаете-ли вы, что понудило моего отца усыновить васъ?

— Я всегда полагалъ, что поводомъ было ваше неотразимое вліяніе.

— Правда. Но подь какимъ-же вліяніемъ была я сама?

— Думаю, что подь вліяніемъ всегдашняго преобладающаго вашего желанія — дѣлать все по своему.

— Не сомнѣваюсь, проговорила она съ милой досадою, что вы имѣете полное право такъ думать: но въ этомъ случаѣ вы ко мнѣ жестоко, хотя и невольно, несправедливы. Когда я увидала васъ въ первый разъ съ корзиночкой земляники, — у васъ, у простого мальчика, было столько нравственной величавости въ осанкѣ, столько твердаго мужества въ дѣтскихъ звукахъ голоса, столько противоположнаго во всемъ со мною и съ моимъ характеромъ, что мое ребячье сердце покорилось и переполнилось чувствомъ благоговѣнія... Тогда я не знала, что именно влечетъ къ вамъ мои чувства? теперь узнала на бѣду и на горе... Въ послѣдніе годы, когда я кружилась въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, какъ-бы я рада была промѣ-

нять всё его шумныя удовольствія на возможность сидѣть у вашихъ ногъ и знать, что меня ждали, что меня любятъ. Но моя необычайная, неодолимая гордость заставляла меня обращаться съ вами съ презрительнымъ пренебреженіемъ... а я его никогда къ вамъ не чувствовала. Мнѣ представлялись женихи, но что мнѣ было въ нихъ, когда въ вашемъ сердцѣ для меня не было мѣста? Мнѣ нужно, чтобы меня полюбили, какъ я васъ люблю, не за безукоризненную симетрію чертъ, не за волнистые, блестящіе волосы, не за глубокій, пламенный, душу-проникающій взглядъ,—нѣтъ, за что-то большее, за скрытую причину изящной внѣшности. Я умираю отъ жажды такой любви, и любви вашей,—а вы ненавидите меня, возненавидѣли съ перваго раза, какъ увидали!.. Скажите, продолжала она умоляющимъ голосомъ: могли-ли бы вы понемногу полюбить меня, если-бы женились на мнѣ?

При этихъ словахъ, рука Альзины вырвалъсь изъ руки Губерта, какъ-будто ея прикосновеніе было заразительно.

— Альзина! сказалъ Губертъ послѣ нѣсколькихъ мгновеній тягостнаго молчанія:—Если-бы я поощрилъ ваше признаніе хотя единымъ намекомъ, или словомъ, я былъ-бы недостойнъ ни васъ, ни самого себя. Но я не могу скрыть, что въ вашемъ присутствіи мною овладѣваетъ непоятное, отталкивающее чувство: могу-ли-же я предложить вамъ руку—вопреки голосу сердца? Я несказанно обязанъ вамъ и вашему отцу въ денежномъ отношеніи, и далъ себѣ слово расплатиться, хотя потраченная на меня вами сумма—цѣлое состояніе..

Онъ остановился, взглянулъ на Альзину: пепельная блѣдность покрыла ей лицо; жилы на лбу налились кровью до-красна; всегда темные сверкающіе глаза расширились болѣе, и болѣе, и наконецъ загорѣлись пламеннымъ гнѣвомъ.

Битыхъ пять минутъ сидѣла она, недвижная и нѣмая; но, когда приподнялась съ мѣста,—безумецъ! вылетѣло у нея сѣвось стиснутые зубы, какъ изъ раскаленной до бѣла жаровни...—Идите за мной! сказала она, направляясь къ двери. Губертъ повиновался, недоумѣвая,—что могла ей внушить безразсудная страсть? Онъ ждалъ не долго: Альзина отворила дверь на улицу: ступайте вонъ, и никогда не осмѣливайтесь перешагнуть черезъ этотъ порогъ.

— Миссъ Гардинджъ, сказалъ Губертъ съ холодной почтительностью: мнѣ очень прискорбно, но я долженъ просить васъ нѣсколько

обождать. Мнѣ нужно собрать мои рисунки — они мнѣ очень дороги, чтобы оставлять ихъ здѣсь. Безъ гардероба я обойдусь.

Еще нѣсколько минутъ — и дверь Гардинджа захлопнулась за Губертомъ — можетъ быть — сильнѣе чѣмъ-бы слѣдовало. Черезъ два часа ходьбы онъ былъ уже въ квартирѣ своего отца и потихоньку постучался въ дверь.

— Это ты, Губертъ? И безъ шляпы, и съ такой кипой?.. Отецъ очень нездоровъ, а то бы я давно уже легла.

Въ короткихъ словахъ объяснилъ Губертъ своей матери все... Тѣмъ набѣжала на ея лицо.

— Жаль! проговорила она. — Я была такъ убѣждена, что Альзина выйдетъ за тебя замужъ, и никакъ ужъ не думала, что ты безразсудно откажешься...

— Вы не знаете Альзины Гардинджъ, матушка, иначе не говорили-бы этого!

На другой день Губертъ уже бродилъ по городу, весь погруженный въ заботы о томъ, какія-бы выбрать ему занятія и работу сподручнѣе и прибыльнѣе! Разъ, ночью, возвращаясь домой онъ вспомнилъ о маленькихъ золотыхъ часахъ, подаренныхъ ему нѣсколько лѣтъ уже Альзиной. Губертъ никакъ не могъ допустить мысли оставить этотъ подарокъ у себя, и направился къ дому мистера Гардинджа, чтобы, черезъ этого джентльмена передать часы прежней ихъ владѣлицѣ. Подойдя къ великолѣпному дому, Губертъ изумился его тишинѣ и мраку: домъ былъ запертъ и пустъ. Недоумѣніе Губерта было разрѣшено его матерью: мистриссъ Бертонъ сообщила ему, что, на другой-же день послѣ разлуки, Альзина объявила непрѣмѣнное свое желаніе сдѣлать туръ по Европѣ. Отецъ попытался былъ отговорить ее, да напрасно: воля ея была непреклонна. И вотъ, приведя въ порядокъ дѣла и оставивъ ихъ въ вѣрныхъ рукахъ, онъ отправился съ дочерью за границу, на годъ, или на два. Новая мысль озорила Губерта: продать онъ эти часы и составить себѣ маленькій капиталъ — на что прійдется... Узнавъ отъ ювелировъ стоимость часовъ, Губертъ былъ пораженъ ихъ цѣнностію: онъ всегда считалъ ихъ родовымъ подаркомъ...

Когда онъ ихъ продалъ, въ голову ему запада неотступная мысль — отправиться въ Италію и докончить тамъ свое художественное образованіе. Черезъ нѣсколько недѣль, былъ онъ уже на пути въ эту благословенную страну, гдѣ въ идеалѣ менѣе красотъ, чѣмъ въ дѣйствительности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Украденные часы.—Неприятное объявление.

Ида Смитъ сидѣла въ своей небольшой кухнѣ, какъ вдругъ въ дверь, тихо и робко, кто-то: стукъ-стукъ-стукъ. Ида встала и отперла.

— Это вы, матушка? Вы блѣдны, какъ тѣнь... Что вы такъ рано? Булочникъ что-ли пересталъ вѣрить... Да что-же вы словечка не вымолвите?

— Гдѣ Эдель? Мнѣ ее нужно сейчасъ-же видѣть...

— Напрасно. Она готовить богатѣйшее платье къ балу на новый годъ, и сегодня еще утромъ мистеръ Уайтъ строго упрекалъ ее за то, что она требуетъ еще денегъ. Далъ ей двадцать пять фунтовъ стерлинговъ и сказалъ, что не дастъ болѣе ни пени до конца бала.

— Двадцать пять фунтовъ! Сотая доля этихъ денегъ спасла бы моихъ дѣтей отъ голода.

Именно въ это самое мгновеніе Эдель вошла въ комнату, но, замѣтивъ мистриссъ Смитъ, поклонилась официально и хотѣла быстро пройти.

— Миссъ Уайтъ, постойте!

Звукъ ея голоса былъ такъ повелителенъ, что Эдель сразу остановилась и съ изумленіемъ поглядѣла вокругъ себя. Бѣдная женщина подошла къ ней.

— Я испытала всѣ средства, миссъ Уайтъ, и теперь нѣтъ болѣе силъ моихъ: мнѣ нужна хоть половина моихъ денегъ.

— Я ужъ вамъ разъ-навсегда сказала: до 2-го числа ноября года, не могу вамъ заплатить ни полупенки.

— Нѣтъ, я должна получить деньги: у меня дѣти умираютъ съ голоду. Гдѣ ваша матушка? Я къ ней пойду.

— Теперь нельзя: она занята.

— Все равно: мнѣ ее надо видѣть.

— Не протирайте вашего безстыдства слишкомъ далеко, иначе васъ больше въ домъ не пустятъ, сказала Эдель, вышла и затворила за собою дверь. Мистриссъ Смитъ замедлилась, но только на одно мгновеніе: передъ очами ея души возникли образы ея блѣдныхъ, изурнанныхъ дѣтей, и она смѣло пошла за Эделью. Пылающими взорами провожала Эдель бѣдную женщину, когда та отворяла дверь въ приемную. Мистриссъ Уайтъ холодно-величественно приподнялась съ

мѣста и указала на бархатное кресло. — Мистриссъ Уайтъ, ска- зала мистриссъ Смитъ, не принявъ предложенія — садитесь: ваша дочь должна мнѣ десять шиллинговъ... Вы сами—мать, и чувства у васъ материнскія — поймите: мои дѣти больны и безъ куска хлѣба!..

— Вы очень взволнованы, мистриссъ Смитъ... Сядьте, пожа- луйста и успокойтесь... Много-ли у васъ дѣтей?

— Четверо дома, и трое на мѣстахъ.

— Въ г. родѣ есть много заведеній для безпомощныхъ и без- пріютныхъ дѣтей: отчего вы ихъ не помѣстите куда-нибудь?

— Мистриссъ Уайтъ, вы—мать, и еще спрашиваете меня?

Молча повернулась она и вышла изъ дому.

Ида провожала мать до столовой и за дверьми выслушала все, затавъ дыханье, какъ мертвая. Когда мать ея вышла, она сжала одной рукой себѣ лобъ, а другою—сердце. Потомъ неслышно сколь- знула она вдоль длинной и роскошной залы, взбѣжала на верхнее жилье по мягкимъ и безвучнымъ персидскимъ коврамъ лѣстницы, пе- ребѣжала еще залу, остановилась передъ одною дверью и притрону- лась къ щеколѣ. Щеколдка уступила;—Ида вошла въ комнату, и двое оглянулась кругомъ. Это была спальня Эдели. Возлѣ зеркала, въ маленькомъ бархатномъ футлярчикѣ, обдѣланномъ въ золото, ви- сѣли небольшіе часы. Не медля ни мгновенія, Ида сняла ихъ со стѣны и опустила за корсетъ. Слѣдующее мгновеніе она уже бѣжала по улицѣ.

— Сколько вы повѣрите мнѣ подѣ эти часы? спросила она, войдя въ лавку закладчика.

Закладчикъ подержалъ часы въ рукахъ, поглядѣлъ подозри- тельно на Иду, и отвѣчалъ.

— Два фунта.

— Очевъ хорошо.

Ухватившись за деньги, какъ утопающій за соломенку Ида вы- бѣжала изъ лавки. По дорогѣ она накупила разныхъ съѣстныхъ припасовъ и примчалась съ ними къ своей матери. Остатокъ денегъ она отдала то-же ей.

Между тѣмъ въ отелѣ Уайтовъ поднялась большая тревога: у Эдели пропали ея дорогіе часы. На всѣ вопросы Ида отвѣчала хлад- нокровно и съ полнымъ присутствіемъ духа. Даже, когда мистеръ Уайтъ грубо схватилъ ее за р-ку и потащилъ на очную ставку съ мрачнымъ закладчикомъ, даже и подѣ бѣшенными взглядами ма-

меньки и дочки, Ида не шевельнула бровью и осталась также спокойна и невозмутима, какъ самый записной, самый закаленный воръ.

Молча и безтрепетно пошла она за полицейскими агентами.

— Вотъ ваша келья! сказалъ ей тюремщикъ. Только тогда поблѣднѣла она и вздрогнула. Дверь затворилась за этимъ господиномъ съ рѣзкимъ и ржавымъ скрипомъ. Опустившись на полъ, (въ тюрьмѣ ничего не было, кромѣ голыхъ стѣнъ), Ида простонала.

— Боже мой! Боже мой! за что ты оставилъ меня?..

Альзина стояла одна въ гостиной своего отца. Мы не видались съ ней шесть лѣтъ, и, въ это время, изъ хорошенькой дѣвушки она развилась въ роскошно развитую красавицу. Формы ея округлились; осанка приняла царственно-величественный складъ; но въ ней не было нѣжной, мягкой прелести, а безъ нея женщина теряетъ всю свою привлекательность. Альзина была одѣта съ большимъ вкусомъ, чѣмъ когда либо: на ней было темно-голубое шелковое платье, обшитое на вороту и рукавахъ самымъ тонкимъ кружевомъ; роскошные еудри падали на потемнѣлую лазурь платья, какъ полночь на небо.

По своему темпераменту она не могла выносить бездѣйствія и, хотя жаркій полдень манилъ на отдыхъ и покой, Альзина уже собиралась велѣть заложить экипажъ.

Въ эту самую минуту вошла Эдель Уайтъ.

— Одѣвайтесь и поѣдемте со мною: погода такъ хороша, что грѣшно сидѣть въ четырехъ стѣнахъ. Не успѣли онѣ сѣсть въ экипажъ, какъ Эдель сказала: слышали вы новость?

— Новость?.. конечно про миссъ Монро?.. Безъ сомнѣнія, она очень хороша; но не носи она такого почетнаго имени, я увѣраю васъ — дѣлѣ прошла бы не замѣченною въ свѣтѣ.

— А! ревнуешь? Это Эдель только подумала, а въ самомъ-то только улыбнулась и сказала.

— Охъ, нѣтъ! я не про то. Это уже старая исторія... Правда, что миссъ Монро одна изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ, какихъ я видала. Прошлую субботу она была у насъ въ церкви и меня пригласили полюбоваться на нее... Впрочемъ опять таки: я не про то... Мнѣ хотѣлось сообщить вамъ о прїѣздѣ изъ Италіи одного изъ нашихъ знаменитыхъ молодыхъ художниковъ. Онъ намѣренъ открыть

для публики живописную галерею: и говорить, — его картины — дѣять англійской живописи.

— Я живу цѣлую милоу отъ города и новости доходятъ до меня поздно... Странно мнѣ только, что отецъ ничего не сказалъ: въ Morning Herald вѣрно ужъ повѣщено... Какъ имя художника?

— Постойте... Я очень забывчива на имена... Да... припомнила... Губертъ Вертонъ.

Все это было сказано Эделью небрежно; но она впилась глазами въ лицо Альзины. Альзина вспыхнула и перешлила разговоръ. Черезъ нѣсколько минутъ она уже была у подъезда своего дома.

Нѣсколько дней спустя, мистеръ Гардинджъ говорилъ: — Что это значить, Альзина? такое раннее приглашеніе на вечеръ? И онъ подаль ей изящную карточку съ надписью: Мистриссъ... такого-то числа, — дома.

— Ахъ, это — вечеръ въ честь какой-то, не-то ирландской, не-то американской леди..

— Разумѣется, мы поѣдемъ?

— Конечно.

Было девять часовъ вечера, когда Альзина, окончательно одѣтая, поджидала своего отца: онъ былъ непогрѣшительный знатокъ въ женскихъ нарядахъ, и она вполне полагалась на его приговоръ.

— Сегодня тебѣ нечего бояться соперничества! сказалъ онъ, и довольный взглядъ подтвердилъ его слова.

— Вы пристрастны, папа! Будь я вамъ посторонней, — вы и не замѣтили-бы меня.

— Одна только ошибка, продолжалъ онъ, словно не слышавъ ея словъ: черезъ чуръ много этихъ игрушекъ въ волосахъ: довольно густыхъ кудрей... Оставь, пожалуй, одинъ этотъ алмазъ: его не видно, и онъ сверкнетъ развѣ, когда откинешь невзначай локонъ.

Не прошло минуты — всѣ драгоценные уборы покоились въ своихъ футлярахъ.

Быстрымъ взглядомъ окинула Альзина гостиную, загроможденную густой толпою. Прежде всего, въ полусвѣтѣ канделябра, увидала она молодую дѣвушку, съ пріятливой улыбкой на губахъ, окруженную, повидимому, толпой поклонниковъ. Судорога передернула аллы губы Альзины. Она подошла ближе, чтобы лучше оцѣнить новую красавицу. Миссъ Монро была одѣта очень просто: темное атласное платье; въ темныхъ кудряхъ, такихъ-же густыхъ и бле-

стящихъ, какъ и у Альзины, нѣсколько свѣжихъ цвѣтовъ—и все. Къ ней подошелъ какой-то джентльменъ, по видимому, иностранецъ.. Но нѣтъ!.. Это отмѣченное мыслию чело, эти небрежно откинутые назадъ черные волосы, эти художественно отточенныя черты,—въ нихъ нельзя было ошибиться!.. И вотъ они, могучіе глаза, сжигавшіе столько разъ до тла гордое сердце Альзины!.. Да!.. Альзина смѣялась и кокетничала со всѣми, кто къ ней ни подходилъ, но всею душою и всѣми мыслями слѣдила за двумя пріѣзжими, слѣдила, какъ только въ силахъ слѣдить зависть, ненависть и любовь. Если миссъ Монро и не доставало нѣкоторыхъ условій идеальной красоты, отсутствіе ихъ выкупалось полнымъ изяществомъ пріемовъ: каждый ея поворотъ, каждый наклонъ головы, каждый шагъ, каждое движеніе бѣлой ручки были образцемъ изящнаго достоинства и непринужденности.

Альзинѣ представили официально красавца-художника. Она только кивнула ему головой и сказала нѣсколько обычныхъ привѣтствій, а онъ откланялся ей, какъ будто видѣлъ ее въ первый разъ. Пары смѣнялись парами, и Альзина видѣла, какъ мѣсто молодого художника замѣнилъ возлѣ миссъ Монро ея отецъ, какъ, при его приближеніи щеки молодой дѣвушки покрылись густымъ румянцемъ, и изъ черныхъ глазъ посыпались искры...

Мистеру Гардинджу было лѣтъ сорокъ пять; онъ былъ необычайно хорошъ собой и въ совершенствѣ владѣлъ знаніемъ человѣческаго сердца.

Мистрисъ Монро, путешествовавшая для поправленія своего здоровья, была совершенно непохожа на свою рѣзвую дочь: сдержанная сосредоточенная въ самой себѣ, всегда холодно-учтивая и только по временамъ привѣтливая..

Однажды мистеръ Гардинджъ и Альзина сидѣли одни.

— А что бы ты сказала, спросилъ мистеръ Гардинджъ, если бы я вздумалъ жениться, моя милая?

— Я думаю, что ни мое одобреніе, ни мое порицаніе въ этомъ случаѣ ровно ничего не значать.

— Я не женился до сихъ поръ въ ожиданіи твоего совершеннолѣтія и возможности располагать собой по произволу. Теперь ты, вѣроятно, уже не долго останешься со мною, а такъ-какъ представляется золотой случай, я желаю имъ воспользоваться..

— На комъ-же ты женишься?..

— На миссъ Монро.

— Отецъ, да ты съ ума сошелъ!

Онъ ничего не отвѣтилъ, и продолжалъ:

— Ты лучше меня знаешь—о чемъ нужно позаботиться и какія перемѣны необходимы въ домѣ для ея приѣма. Я попрошу тебя приготовить все и приглядѣть за всѣмъ, потому что черезъ двѣ недѣли будетъ свадьба, и по моей просьбѣ, у насъ въ домѣ.

Такая соперница и такъ близко! Альзина поблѣднѣла и дрожа отъ волненія, вышла изъ комнаты.

Прошло нѣсколько дней, и вотъ однажды утромъ, гостинная мистера Гардинджа наполнилась его друзьями и родственниками; глаза всѣхъ были обращены на благороднаго жениха и красавицу-невѣсту, одѣтую съ необыкновеннымъ вкусомъ.

Пасторъ, сіяющій удовольствіемъ и величіемъ, уже готовился приступить къ обряду, какъ вдругъ мать невѣсты неожиданно вышла впередъ, подошла къ мистеру Гардинджу и шепнула ему на ухо нѣсколько словъ.

Богъ вѣсть, — что она сказала, но онъ вдругъ сталъ сбѣже платье своей невѣсты и въ изнеможеніи опустился въ кресло.

Мистриссъ Монро немедленно обернулась къ присутствовавшимъ и объявила, что сейчасъ только узнала объ одномъ обстоятельстве, по которому необходимо отложить бракъ на нѣкоторое время. Затѣмъ она холодно поклонилась обществу, вышла вмѣстѣ съ дочерью изъ гостиной, и вскорѣ ея экипажъ загремѣлъ по улицѣ.

На другой день объ пріѣзжія леди сѣли на пароходъ и были уже на пути въ новый свѣтъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Тюрьма.—Отъѣздъ.

Губертъ Бертонъ проводилъ послѣдняго изъ своихъ посѣтителей, надѣлъ шляпу, и, по обыкновенію, вышелъ прогуляться. Множество улицъ пересѣкъ онъ, множество аллей и переулковъ, грязныхъ и зловонныхъ, обставленныхъ развалившимися домишками. Обитатели этихъ конуръ пали такъ низко, представляли собою такое полное подобіе звѣрей, что вображеніе напрягало всѣ силы и все-таки не постигало—какимъ образомъ могутъ эти жалкія, покрытыя лохмотьями существа жить въ одной и той-же сферѣ, дышать однимъ и тѣмъ-же

воздухомъ, освѣщаться и согрѣваться однимъ и тѣмъ-же солнцемъ съ богатыми и изящно-одѣтыми горожанами?

Губертъ цѣлые полчаса шелъ куда глаза глядѣли, и вдругъ остановился передъ фасадомъ громадной тюрьмы.

— Что за сумасбродство! Куда-это я забрелъ по разсѣянности? подумалъ Губертъ. Онь терпѣть не могъ тюремъ и повернулъ-было ужъ назадъ, но остановился.

— Впрочемъ, продолжалъ онъ мысленно, сегодня—пріемный день: зайду взглянуть.

Холодно и безотрадно-сурово нахмурились надъ нимъ желѣзные столпы; рѣшетки и перегородки изъ того-же мрачнаго матеріала стояли на равномъ разстояніи другъ отъ друга, словно безмолвные часовые на постахъ. Онѣ были тщательно украшены изящными виноградными листьями, цвѣтами и арабесками, но все это было только для глаза: сами онѣ были нѣмы и грубы, какъ желѣзная руда.

Смотритель тюрьмы оказался пріятнымъ, сердечнымъ и услужливымъ человекомъ; ему было чрезвычайно пріятно—сообщить всевозможныя свѣдѣнія.

Пройдя одно отдѣленіе и завернувъ за уголъ коридора, они оба вдругъ остановились: у самыхъ ихъ ногъ лежала какая-то женщина и, повидимому, спала. Ея постелью былъ жесткій каменный полъ; подушкой—нѣжная, мягкая рука; покровомъ длинныя волнистые волосы; разсыпались они по груди ниже пояса и закрыли нижнюю часть лица; но артистическій взглядъ Губерта, по чистому, классическому очерку лба и головы, угадалъ всю красоту и выразительность лица.

Смотритель замѣтилъ его безпокойный, вопросительный взглядъ и сказалъ:

— Да, въ нашу западню попалась рѣдкая птичка; ее посадили сюда за повражу часовъ. Странная дѣвочка: мнѣ кажется, что разгадать ее можетъ только глубокой знатокъ человѣческаго сердца. Моя жена обыкновенно знакомится лично съ каждою изъ нашихъ заключенницъ,—и отъ этой рѣшительно безъ ума. Она положила ее спать въ лучшую комнату, тѣмъ болѣе, что, повидимому, дѣвушка никогда не входила въ свой казематъ и предпочла ему холодный и жесткій полъ коридара, а у меня не достало духу принуждать ее. Разъ, при одномъ только намекѣ, она поглядѣла на меня съ такой отчаянной мольбою, такъ крѣпко вѣцпилась мнѣ въ платье, что у меня сердце упало... Такъ-вотъ, сидитъ, она у насъ цѣлый день въ гостинной, ѣсть за

однимъ съ нами столомъ, словомъ — пользуется всѣми правами и преимуществами семьянинки. Только она ужь черезчуръ любитъ мечтать и писать, и для этого всегда уходитъ сюда, въ свой уголокъ: вѣрно онъ ей пришелся по душѣ своимъ заустѣннѣмъ.

При этомъ Губертъ въ первый разъ замѣтилъ на полу карандашъ и лоскутокъ бумаги. Онъ шепнулъ смотрителю:

— Какъ имя этой дѣвушки?

— Ида Смитъ.

Губертъ вздрогнулъ съ головы до ногъ; тоскливая блѣдность покрывала его лицо, когда онъ спросилъ:

— Виновна она?

— Да. Она, откровенно и не краснѣя сознается сама, и это для меня тѣмъ болѣе непонятно, что она очень робка и очень скромна; душа ея такъ чиста, что неспособна къ обману... Воры обыкновенно скрываются и хитрятъ.

Губертъ наклонился, поднялъ съ полу бумажку и пробѣжалъ ее глазами.

Это были стихи:

Они дышали простотою и женственной прелестью; въ нихъ слышались тоскливые, сдержанные вздохи, покорная безнадежность на земное счастье и горячее упованіе на лучшую жизнь въ иномъ мѣрѣ.

Губертъ вынулъ свой карандашъ и написалъ: „У васъ есть другъ. Г. В.“ Потомъ они осторожно прошли мимо.

— У кого она похитила часы? спросилъ Губертъ.

— У одной молодой леди, Эдели Уайтъ. Она находилась у нея въ услуженіи.

Въ тотъ-же вечеръ Губертъ сидѣлъ наединѣ съ Эделью, въ роскошной гостиной ея отца. Эдель была вся — улыбка и увлекательное одушевленіе; Губертъ ей льстилъ, вставлялъ въ разговоръ тонкія похвалы, былъ любезенъ до-нельзя; но сердцемъ своимъ онъ былъ въ далекомъ уединеніи съ прекрасной заключенницей. Было уже поздно, и Губертъ вынулъ часы.

— Господи, что за непростительная разсѣянность! Позабылъ завести часы...

Эдель вынула свои, поглядѣла и сказала: теперь — ровно десять. Губертъ съ удивленіемъ взглянулъ на часы и проговорилъ:

— Позвольте мнѣ посмотреть на ваши часы?

— Съ удовольствіемъ.

— Такъ и есть: это мои часики! Я узналъ-бы ихъ между де-

сятью тысячами. Вы вѣрно купили ихъ у закладчика въ Гѣпгудѣ? неправдали?

— Правда. Но что понудило васъ разстаться съ такой миленькой, цѣнной игрушкой?

— Сила обстоятельствъ... Но эта бездѣлушка была причиною моихъ удачъ и извѣстности. Какъ я радъ взглянуть на нихъ еще разъ!.. Я думаю, вы не успѣли еще привязаться къ нимъ до того, чтобы не могли бы разстаться съ ними: знаете, что мною овладѣло мальчишеское желаніе приобрѣсти эти часы?

— Они у меня нѣсколько лѣтъ и я привыкла къ нимъ, какъ къ старому другу: у меня ихъ разъ украли-было, но одинъ изъ моихъ друзей опять выручилъ; тѣмъ не менѣе, продолжала она luckily, я не знаю ничего, кто бы сберегъ и сохранилъ ихъ лучше, чѣмъ вы.

Губертъ поблагодарилъ ее и отправился домой. Всю дорогу въ головѣ его роились смутныя мысли.

— Не угодно ли будетъ вамъ передать это миссъ Смитъ? говорилъ, дня черезъ два, Губертъ смотрителю тюрьмы, вручая ему небольшой футлярчикъ.

— Съ великимъ удовольствіемъ! отвѣчалъ смотритель, пожимая Губерту руку. Вы не можете себѣ представить, — какая пережѣна произошла въ этой дѣвушкѣ послѣ вашего посѣщенія! Невыразимо нѣжная улыбка не сходитъ съ ея губъ, и всѣ черты лица какъ будто просвѣтлѣли.

Губертъ улыбнулся при этихъ восторженныхъ словахъ и сказалъ:

— Не переставайте быть къ ней великодушнымъ. Я надѣюсь черезъ нѣсколько дней освободить ее отсюда.

Въ футлярчикѣ были часы, купленные имъ у Эдели, и записка: «Ида! я знаю, что вы въ душѣ невиновны. Эти часы случайно навели меня на вашъ слѣдъ: берегите ихъ, пока не услышите о нашемъ»
Г. Б.»

Нѣсколько дней онъ просидѣлъ дома и все время ничего не слышалъ ни объ Идѣ, ни объ ея добросердечномъ смотрителѣ.

Однажды Губертъ, утомленный тяжелой дневною работою за мольбертомъ, отдыхалъ въ спокойномъ откидномъ креслѣ: отъ нечего дѣлать онъ взялъ послѣдній № „Утренняго Вѣстника“, и глаза его остановились на статьѣ:

„Побѣга“. Вчера вечеромъ бѣжала одна изъ заключенницъ Большой Ньюстонской тюрьмы, по имени Ида Смитъ, содержащаяся за похищеніе цѣнныхъ золотыхъ часовъ. Подробностей побѣга мы еще не знаемъ“.

Губертъ нѣсколько минутъ просидѣлъ какъ ошеломленный; потомъ всталъ, вышелъ изъ дому и быстро направился къ тюрьмѣ. Смотритель встрѣтилъ его строгими словами:

— Какъ! вы до того дерзки, что такъ скоро опять являетесь сюда, сэръ? Вѣрно васъ ужъ чересчуръ увлекла моя снисходительность.

И онъ хотѣлъ-было захлопнуть дверь; но Губертъ удержалъ ее и крикнулъ:

— Ради всего святого! Что это значить? Позвольте же мнѣ хоть выслушать въ чемъ дѣло?

Дверь медленно растворилась и смотритель холодно кивнулъ головою Губерту, говоря:

— Можете войти. Когда Губертъ вошелъ, смотритель продолжалъ:

— Извините за нарушеніе законовъ вѣжливости: мое коренное правило — быть учтивымъ со всѣми, всегда и при всякихъ обстоятельствахъ; но ваше неслыханное безстыдство совершенно заглушило во мнѣ всѣ человѣческія чувства.

Губертъ снялъ шляпу и вытеръ на лбу холодный потъ. Послѣ нѣсколькихъ мгновеній замѣшательства, Губертъ проговорилъ:

— Ваши слова удивляютъ меня еще болѣе. Если я словомъ, или какимъ-нибудь поступкомъ оскорбилъ здѣсь чувство приличія, — это случилось единственно по невѣдѣнію, и прошу васъ извинить меня. Объяснитесь со мной — и я готовъ подвергнуться какому угодно взысканію.

Смотритель пытливо глядѣлъ на Губерта, но ни одно движеніе, ни одинъ взглядъ не изобличали его виновности.

— Вы или рѣшительно невинны, сказалъ смотритель, слегка улыбаясь, или — подобнаго обманщика на свѣтѣ не бывало.

Въ умѣ Губерта неволью мелькнула новая мысль, и онъ спѣшно спросилъ:

— Все это, конечно, связано, такъ или иначе, съ побѣгомъ. Иды Смитъ, не правда ли? Но какъ? Ради Бога, объясните!

— Какъ будто не сами вы вынесли ее отсюда на рукахъ, вчера.

вечеромъ? отвѣтилъ смотритель, все еще недовѣрчиво поглядывая на Губерта.

— Да что вы, помилюйте! Я только часъ тому узналъ, что Ида убѣжала; а вчера я цѣлый день давалъ частные уроки.

— Странно... Но вы, кажется, устали? Не угодно ли вамъ присѣсть?

— Очень радъ. Теперь объяснитесь.

— Извольте. Вчера вечеромъ является къ намъ молодой человекъ, точь-въ-точь одѣтый, какъ вы сегодня, съ такой же изящной и красивой наружностью и съ голосомъ, — Богомъ вамъ клянусь, — похожимъ на вашъ нота въ ноту. Онъ велъ подъ руку молодую женщину, тяжело склонившуюся ему на плечо, и едва могъ поддержать ее другой рукою. Джентльменъ сказалъ мнѣ, что это — родственница Иды, очень опасно больная, и что она не можетъ умереть спокойно, не простившись съ заключенной.

Ида, по своему обыкновению, носилась въ волшебномъ мірѣ, и я, разумѣется, съ большой готовностью допустилъ требуемое свиданіе. Черезъ полчаса джентльменъ вернулся, неся на рукахъ леди, повидимому, въ сильномъ обморожѣ. Онъ сказалъ, что свиданіе было слишкомъ тревожно для ея слабыхъ нервъ, и она лишилась чувствъ; но на свѣжѣмъ вечернемъ воздухѣ, вѣроятно, скоро придетъ въ себя. Лицо молодой леди было блѣдно, какъ мраморъ. Съ грустнымъ участіемъ заперъ я за ними дверь. Черезъ часъ я обходилъ тюрьму обычнымъ рундомъ, и, — вообразите мое удивленіе: вмѣсто Иды Смитъ я вижу на полу большую куклу, очень искусно сдѣланную изъ тряпокъ, ваты и т. п. Маска была снята и надѣта на Иду — отъ того и мертвенная блѣдность лица.

— И вы говорите, что молодой человекъ былъ похожъ на меня?

— Голосомъ, взглядомъ, приемами; до того похожъ, что мнѣ и въ голову не приходило принять его за кого-либо другого, кромѣ васъ.

— Отчего вы тотчасъ же не арестовали меня?

— Изъ уваженія къ вамъ, изъ моей дружбы и симпатіи къ Идѣ. Никогда не могъ я себя представить, чтобы она рѣшилась на такой побѣгъ... Я полагалъ, что она смѣло и откровенно объяснитъ публикѣ все, какъ было, и спокойно покорится своей участи... какъ жестоко я ошибался!.. Никогда не очнуться мнѣ вполне отъ этого удара!

Наступило минутное молчаніе, потомъ Губертъ сказалъ:

— Я увѣренъ, что здѣсь кроется какая-нибудь темная интрига. Произведены были тщательные розыски?

— Не думаю. Впрочемъ, полиція, конечно, не замедлитъ приступить къ дѣлу.

— Прошу васъ быть моимъ довѣреннымъ лицомъ. Я заявляю, что рѣшительно не причастенъ этому дѣлу, сказалъ Губертъ, пожмая руку зрителю и пожелавъ ему доброй ночи.

Губертъ слѣдалъ все, что могъ для отысканія пропавшей дѣвушки: но ее не могли найти нигдѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, — и Губертъ сдѣлался безпокойнымъ, недовольнымъ; наконецъ, объявилъ рѣшительное намѣреніе — снова ѣхать въ Италію. Галерея его была биткомъ набита его друзьями: всѣ они приходили прощаться съ молодымъ художникомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Леди подъ вуалемъ. — Интрига распутывается.

Тихо и плавно выходилъ корабль изъ гавани; спокойны и недвижны были ясныя воды. Одинъ изъ пассажировъ, Губертъ, сидѣлъ одиноко; какое-то бремя давило его всегда веселую и беззаботную голову. Онъ взялъ бумагу, карандашъ и началъ какой-то эскизъ, но бесполезно: гевій его задремалъ.

Вскорѣ вниманіе его было привлечено приближеніемъ незнакомой леди; станъ ея былъ изящно строенъ; движенія горделиво величавы; но Губертъ понялъ сразу, что подъ этой непреступной наружностью таятъ злой внутренній недугъ, и немногіе бы поняли это, потому что леди вся была закрыта вуалемъ. Она прошла мимо, не замѣтивъ Губерта: было ясно, что она погрузилась въ тяжелыя думы.

Каждый день видѣлъ ее Губертъ и всякій разъ подъ вуалемъ; вскорѣ она сдѣлалась предметомъ общаго живѣйшаго любопытства.

Однажды Губертъ сидѣлъ у борта и любовался на море: въ лазурныя воды, слегка подернутыя зыбью, опрокинулась звѣздная чаша яснаго неба; еле-еле скользилъ корабль, укачиваемый легкимъ вѣтеркомъ. Губертъ былъ выведенъ изъ задумчивости нѣжнымъ — мелодическимъ голосомъ; онъ сталъ внимательно вслушиваться: это говорила женщина и умоляла о чемъ-то. Но о чемъ? Губертъ притаялъ дыханіе, и все-таки не слышалъ ни слова. Послышалось глухое рыданіе — и Губертъ не выдержалъ: всталъ и пошелъ въ

тѣни къ тому мѣсту, откуда доносились звуки. Вскорѣ онъ увидалъ какую-то женщину: она сидѣла, закрывъ лицо руками; полувопли полу-рыданія вылетали изъ ея губъ. Передъ ней, ярко-освѣщенный — мѣсячными лучами, стоялъ мужчина грубой и свирѣпой наружности, со скрещенными на груди руками и съ нахмуренною бровью.

— Полно — наконецъ! сказалъ онъ. Не будь у меня безграничнаго терпѣнія, вы загасили-бы во мнѣ послѣднюю искру любви и сдѣлали изъ меня тирана, а не любящаго мужа.

— Какъ вы смѣете?

— Къ величайшему нашему удовольствію, вы скоро узнаете, — какъ я смѣю! Даю вамъ 24 часа сроку — явнѣться съ вашимъ безцѣннымъ дѣвичествомъ: черезъ сутки васъ поздравятъ — моею обожаемою супругой, мистриссъ Пейсонъ, и вы отрете ваши слезы.

Онъ повернулся и отошелъ прочь.

Минуть съ десять сидѣла она недвижимо, и потомъ встала съ ужасающимъ спокойствіемъ.

— Да, я отру свои слезы!

Въ этихъ словахъ слышались жестокіе, ледяные звуки отчаянной рѣшимости. Она подошла къ низенькимъ периламъ и остановилась; Губертъ слѣдилъ за ней шагъ за шагомъ; сердце у него захолоуноло. И вотъ она поставила на перила стройную ножку, потомъ другую, нагнулась впередъ и словно повисла между небомъ и водою. Наступило мгновеніе осязаемой тишины, только мгновеніе, потому-что незнакомка — вдругъ быстро прыгнула впередъ; но Губертъ стоялъ сзади съ распростертыми руками, поймалъ ее на лету и сильно притянулъ къ себѣ. Она отчаянно вскрикнула и потянулась къ периламъ; было видно, что эта женщина рѣшилась умереть. — Леди! проговорилъ Губертъ голосомъ, полнымъ трогательнаго чувства, переждавъ минуты двѣ и продолжалъ.

— Хотите мнѣ довѣриться, леди?

— Шш! шепнула она, прижимаясь къ своему избавителю: „онъ васъ услышитъ!“

— Я все слышалъ, отвѣчалъ Губертъ также шопотомъ; но у васъ сильная дрожь. Сядемте-здѣсь въ тѣни: насъ никто не увидитъ.

Она боязливо оглянулась кругомъ и сѣла.

— Видѣли вы его?

— И видѣлъ и слышалъ его низкія, злыя слова. Но, повѣрьте мнѣ, леди, такой неслыханный поступокъ не будетъ допущенъ на нашемъ пароходѣ.

Она сомнительно покачала головой. — Я знаю, что капитанъ—человѣкъ до нельзя подкупной, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ его вліяніе здѣсь безгранично.

— Странно, непостижимо странно, что подобныя дѣла совершаются въ этой свободной странѣ... Нѣтъ-ли у васъ какой-либо возможности—спастись бѣгствомъ?

— Увы!.. И этого средства вы меня лишили...

— Не говорите этого. Я лично буду вамъ вѣрнымъ слугою; а выйдемъ на берегъ, — правосудіе тотчасъ-же вступить въ свои права.

— Вы можете услужить мнѣ, и даже не воображаете—чѣмъ и какъ?

— Какъ?

— Богаты вы—есть у васъ деньги?

— Да. Столько, сколько я желаю. — Но въ чемъ-же дѣло? Последній мой пенни въ вашей волѣ и въ вашемъ распоряженіи.

— Капитанъ—человѣкъ безъ правилъ: его можно перекупить, заплативъ больше того, что онъ уже получилъ, — и тогда...

— Тогда что?.. Успокойтесь пожалуйста!..

— Если-бы вы на мнѣ женились... Вы колеблетесь!.. Этотъ бракъ не былъ-бы нисколько обязательнымъ для васъ, и разумѣется, разъ укрывшись отъ преслѣдованій, я возвращаю вамъ полную свободу. Не настаиваю на моемъ предложеніи, потому-что оно связано еще съ *одной* побудительной причиной.

— Настаивать не нужно, леди: что вы сказали, будетъ исполнено, и вы будете пользоваться законною свободой.

— Да благословить васъ небо, благородный чужеземецъ! И она припала къ нему на грудь головою и заплакала.

— Шшш! я слышу какой-то шумъ... Что, если это онъ?

И она со страхомъ—прижалась къ Губерту.

— Не бойтесь: васъ никто не обезпokoитъ. Вотъ опять все тихо. Теперь я провожу васъ въ каюту; но прежде всего обѣщайте мнѣ не тревожиться.

— Обѣщаю.

Въ каютѣ были шесть свидѣтелей, тамъ-же находился и па-

сторъ, — и Генрихъ Бертонъ сочетался законнымъ бракомъ съ леди подъ вуалемъ. Въ продолженіе остального пути, онъ только мелькомъ видѣлъ свою жену.

Италія. Вечеръ. Мягкая влажная атмосфера дышетъ любовью и тишиною; небо, растопленною лазурью, словно само собою, клонится къ землѣ съ нѣжнымъ сочувствіемъ; музыка то налетаетъ ближе и ближе полнозвучною гармонією, то замираетъ вдали слабыми отзвуками; то радостью переполнить она душу, то погрузить ее въ тихую задумчивость.

Въ окно роскошно-отдѣланной комнаты глядѣла молодая леди; тонкій мѣсяцъ, тая въ прозрачной синевѣ осypалъ ее лучами, но она ихъ не замѣчала, и со вздохомъ отвернулась отъ шелковыхъ занавѣсокъ. Это была леди подъ вуалемъ, вступившая въ бракъ при такихъ странныхъ обстоятельствахъ.

Занимаемые ею комнаты составляли великолѣпное отдѣльное помещеніе, нанятое для нея Губертомъ: молодой художникъ жаждалъ поскорѣе сблизиться со своей странной незнакомкой. Она отошла отъ окна, задернула на-глухо занавѣсъ и стала ходить по комнатѣ. Но въ душѣ ея кипѣла страстная буря: пройдя нѣсколько шаговъ, она остановилась, и грудь ея поднималась такъ высоко, какъ будто всѣ слезы подступили у ней къ сердцу и не могутъ брызнуть изъ глазъ цѣлительнымъ ручьемъ. Послышались легкіе шаги; — она притаила дыханіе; кто-то постучался въ дверь.

— Господи, помоги мнѣ! вырвалось изъ ея губъ и, совершенно закутавшись вуалемъ, она открыла дверь.

— Съ добрымъ утромъ, очаровательная леди! сказалъ Губертъ, взявъ протянутую ему ручку и поднося къ губамъ съ почти-тельной нѣжностью, такъ высоко-цѣнимую женщинами и такъ неотразимую, если она найдетъ путь къ сердцу.

— Очаровательная? сказали вы?

Эти слова произнесла она тѣмъ-же тихимъ, музыкальнымъ голосомъ, какимъ всегда говорила.

— Если ваше лицо соответствуетъ идеальной симетріи вашего стана и изяществу движеній, — въ цѣлой Италіи не можетъ быть никого лучше васъ.

— Какъ новобрачная, сказала она съ напряженной веселостью, имѣю я право на вашу поцѣлуй?

— Я давно и пламенно жду его, но ваш вуаль...

Она приподняла немного вуаль, и ея трепетныя губы нѣжно прильнули къ губамъ Губерта.

— Готовьтесь къ худшему! сказала она и откинула вуаль.

Губертъ не могъ произнести ни слова, и только глядѣлъ во всё глаза, пораженный изумленіемъ, какъ громомъ: передъ нимъ, въ обаятельной красотѣ, несмотря на сверхъестественную блѣдность лица, стояла—Альзина Гардиндъ.

Первою мыслию онемившагося наконецъ Губерта было — поскорѣе бѣжать, но одинъ взглядъ на бѣдную женщину измѣнилъ его намѣреніе.

— Альзина, сказалъ онъ, усаживая ее: всею глубиною души моею я жалѣю васъ и чувствую себя недостойнымъ вашей страстной и безумной любви... Скажите мнѣ, что вы сдѣлали?

— Объясненій не нужно: такая любовь, какъ моя, безумная, отчаянная, рѣшительная, изобрѣтательна и хитра. Все, что происходило на пароходѣ, было ничто иное, какъ низкая интрига. Моя душа — безобразная развалина; бѣшенная страсть сдѣлала изъ меня презрительное существо. Ненавидьте меня, если хотите, — и вы должны меня ненавидѣть, — но я благословляю даже вашу ненависть. Теперь Богъ съ вами! Сумасшедшее мое желаніе удовлетворено: вы назвали меня женою, вы произнесли супружескіе обѣты, вы дали мнѣ безстрастный брачный поцѣлуй и, хотя я не покоилась на вашей груди, не слыхала отъ васъ отвѣтнаго слова любви, — я довольна... Богъ съ вами!

— Альзина, вы странная дѣвушка!.. Не знай я васъ въ дѣтствѣ, я непременно полюбилъ-бы васъ... Но вы такъ блѣдны, что на васъ страшно посмотрѣть... Лягте и успокойтесь. Альзина опустилась на роскошную софу и припала головой къ мягкой малиновой подушкѣ. Губертъ взялъ книгу, пододринулъ къ софѣ кресло и сталъ читать. Ея лицо приняло понемногу спокойное выраженіе, и она заснула, Губертъ закрылъ книгу и долго смотрѣлъ на спящую дѣвушку. Столько печали и отчаянія было написано на ея лицѣ, что, при взглядѣ на него, невольно приходили на память слова Попе:

«Здѣсь возсѣдаетъ печаль, и вокругъ ея трона,
«Смерти подобны, молчанье и страшный покой пребываютъ».

Губертъ всталъ, тихо вышелъ изъ комнаты и неслышно затворилъ за собою дверь.

Каждый вечеръ онъ приходилъ читать что-нибудь Альзинѣ; или они предпринимали долгія прогулки и часто бродили въ мелкомъ кустарникѣ, при блескѣ полнаго мѣсяца. Однажды вечеромъ, они присутствовали при итальянскомъ обрученіи: они уивались очаровательными звуками музыки, уивались сладострастнымъ воздухомъ юга, и не отставали отъ общій бѣшеной пляски до самаго поздняго часа. Когда они воротились домой, лицо Альзины сіяло необыкновенной привлекательностью; во всемъ ея обращеніи было столько нѣжности, столько довѣрчивости... Губертъ просидѣлъ у нея до зари, и когда ушелъ, на сердце его легъ камень: онъ уже былъ другомъ.

«Лишь благородный человѣкъ способенъ
«Носить въ душѣ печаль, какъ ангелы крыле,
«Что-бы парить горѣ и очищаться».

Такъ случилось и съ Губертъмъ: крѣпко жалѣлъ онъ о минутахъ самозабвенія, но появился въ душѣ—посвятить женѣ всю свою заботливость и нѣжность.

Проходили недѣли, мѣсяцы... И только тогда, когда Губертъ увидалъ на постели Альзину, блѣдную какъ смерть, и подлѣ нея новорожденное дитя, только тогда сокрушительная дѣйствительность предстала передъ нимъ во всей наготѣ, а онъ зналъ, что не можетъ сказать съ Томпсономъ:

«Но смертныхъ всѣхъ блаженнѣй тѣ, кого
«Счастливыя созвѣздія связуютъ
«Судьбою, сердцемъ, благами земными
«И жизнию“...

Губертъ наклонился и поцѣловалъ блѣдный, печальный лобъ своей жены, съ отеческою нѣжностью взялъ на руки и приложилъ къ сердцу невиннаго младенца, и на его рѣсницѣ задрожала слеза...

ГЛАВА VII.

Женщина — импровизаторъ.

— Слышали вы о замѣчательномъ поэтическомъ дарованіи одной женщины, мистеръ Бертонъ? спрашивалъ Губерта одинъ изъ его друзей, нѣсколько дней послѣ прибытія художника изъ Италіи.

— Не слыхалъ. Что такое?

— Ея импровизаціи великолѣпны. Сегодня вечеромъ она гово-

рять въ Окен-Голль, и, если вы хотите ее послушать, поторопитесь достать мѣсто.

— Что это за билеты, Губертъ? спросила Альзина.

— Билеты на нынѣшній вечеръ въ Окен-Голль.

— Зачѣмъ? послушать, какъ импровизируетъ эта дѣвушка?

— Да. Ты слышала о ней?

— Слышала—и не поѣду.

Альзина была спокойна, но это спокойствіе было насильственное, и она нетерпѣливо выжидала случая, чтобы уйдти въ свою комнату.

Губертъ отправился одинъ, и занялъ мѣсто у платформы. Не успѣлъ онъ порядкомъ усѣться, какъ Альзина, переодѣтая, тоже садилась въ кресло, почти напротивъ.

Въ ту-же самую минуту занавѣсъ былъ поднятъ.

Въ женщинѣ, стоявшей передъ многочисленной толпою, не было ничего особенно-привлекательнаго и красиваго. Нѣжнымъ и чистымъ голосомъ она просила назначить ей тему для стихотворенія.

Составили комитетъ и выбрали тему. Музыка расположилась нѣсколько позади артистки и начала играть подъ сурдиной.

Скрестивъ руки и опустивъ голову, артистка словно велушивалась въ какіе-то звуки, неувимые для ея слушателей: это былъ вдохновительный шопоть духа. Но мысль выражалась въ каждой чертѣ лица артистки, и было видно, какъ въ ея воображеніи смягчалась и округлялась каждая линія возникшихъ въ душѣ образовъ. Она стесалась, будто не замѣчая присутствующихъ и витая въ области вѣрной красоты и величія, области, недоступной для смертныхъ.

Начала она тихо и съ остановками; потомъ ея образы и сравненія постепенно становились ярче и ярче, воображеніе разгоралось, — мысли смѣлѣе и смѣлѣе смѣнялись одна другою и наконецъ, — выразительное ея чтеніе достигло страстнаго одушевленія. Вдохновенный восторгъ озарилъ ея лицо неземными лучами.

Полчаса говорила она безъ малѣйшей остановки, пока не кончила. Мгновеніе болѣзненнаго молчанія — и разразился громъ рукоплесканій.

Ей предложили другую тему. Мускулы ея смягчились и затронуты были другія душевныя струны: новая тема была вовсе непохожа на первую и не требовала особой напряженности мысли. Голосъ артистки звучалъ тише и переливы его замирали гдѣ-то вдали, все нѣжнѣе и нѣжнѣе. Тонко и неувимомо-летуче пронеслось всякое ощущеніе, согрѣтое пламенемъ чистѣйшей любви. По волѣ артистки,

дрожала звукомъ каждая фибра и отвѣтно отзывалась ей каждая стру на сердца.

Но во всемъ собраніи былъ человѣкъ, неподвижно прикованный къ своему мѣсту, безъ силъ, безъ жизни. Никто не зналъ его мысли, кромѣ одной особы, сидѣвшей напротивъ, съ такими раскаленными и сосредоточенными взорами, что—замѣть онъ ихъ—они растопили-бы ему душу. Недаромъ Альзина слилась со всемъ его существомъ своимъ собственнымъ я, не даромъ столько лѣтъ изучала его, чтобы не понять, — какимъ ощущеніемъ переполнилась теперь его душа.

Артистка была Ида Смитъ!

И могло-ли волненіе не овладѣть душою Губерта и не преклонить ее, обезсиленную, передъ Идою: она была единственною любимою имъ женщиною.

Воротившись домой, Альзина стала ходить по комнатѣ въ судорожномъ волненіи; но тщетно поджидала она супруга: онъ прошелъ прямо къ себѣ.

Подъ бременемъ бурныхъ ощущеній, поздно ночью Альзина кинулась на постель, и на разсвѣтъ заснула крѣпкимъ сномъ. Стукъ-стукъ! слышалось за дверью, сначала тише, потомъ громче, — отвѣта не было, — дверь растворилась, и въ комнату вошелъ Губертъ; въ лицѣ его не было ни кровинки.

— Направь меня на путь истинный, о Господи! сказалъ онъ, подходя къ постели снавшей жены.

Альзина не просыпалась. Губертъ сѣлъ къ ея туалетному столу и — отъ нечего дѣлать — сталъ перебирать въ ящикѣ разныя женскія бездѣлушки.

Его вниманіе было привлечено красивою корзиночкой странной формы.

Онъ взялъ ее въ руки, чтобы рассмотреть поближе: крышечка трасернулась и на днѣ корзиночки Губертъ увидалъ обложенные ватю часики.

Онъ вынулъ ихъ съ лихорадочною дрожью: послѣдній разъ онъ видѣлъ эти часы, когда самъ уложилъ ихъ въ футлярчикъ, для передачи Идѣ Смитъ, тогда еще заключенницѣ.

— Какимъ образомъ моя жена можетъ быть замѣшана въ этомъ дѣлѣ? подумалъ онъ. Впрочемъ душа, склонная къ кознямъ, не остановится ни-передъ какимъ темнымъ проступкомъ, если только онъ служить къ достиженію цѣли. О, судія всеправедный! И это жизнь! И справедливо это? Постепенно заграждать въ своей душѣ доступъ

всему, что благородно и свято... А между тѣмъ она—мать моего малютки, и онъ вопіеть ко мнѣ, да просвѣтится душа его, да будетъ чиста и благородна.

Смутный стонъ заставилъ его взглянуть на жену: она смотрѣла куда-то вдаль и не замѣчала его присутствія.

— Альзина!

Она вздрогнула и соскочила съ постели, потому что легла, не раздѣваясь.

Орлиные ея глаза, въ одно мгновеніе, замѣтили часы въ рукахъ мужа, и она прыгнула, чтобы ихъ вырвать; но желѣзная рука Губерта приковала ее къ полу. Тогда Губертъ спросилъ ее.

— Скажи мнѣ, Альзина, какимъ путемъ попали тебѣ въ руки эти часы? И берегись, продолжалъ онъ съ непреклонною твердостью, берегись выпутаться въ отвѣтъ какимъ-нибудь презрительнымъ обманомъ“.

— Конечно! гнѣвно прошипѣла Альзина. Эти характеристическіе шипящіе звуки принадлежали только ей одной, но Губертъ не слышалъ ихъ уже нѣсколько лѣтъ.

— Когда ты будешь въ состояніи отвѣчать мнѣ на вопросъ хладнокровно и обстоятельно; я къ тебѣ приѣду. И съ часами въ рукахъ, онъ вышелъ изъ комнаты.

Прошло нѣсколько минутъ, а Альзина все еще стояла неподвижно на томъ мѣстѣ, гдѣ такъ неожиданно оставилъ ее Губертъ; но въ искаженныхъ чертахъ ея лица можно было отчетливо и съ ужасомъ прочесть, — какія невыносимыя муки терзали ей душу.

— Губертъ Вертонъ, проговорила она наконецъ, дрожа отъ бѣшенства, теперь ты побѣжденъ! Моей дьявольской хитрости, такъ великодушно приписанной мнѣ тобою-же, — далеко не конецъ. Тебя я не буду болѣе преслѣдовать: ты въ дѣтскомъ гнѣвѣ попраля ногами страстнѣйшую любовь женщины, и теперь узнаешь, что сердце, способное любить, способно также и ненавидѣть; оно будетъ жалить и язвить смертельнѣйшіи змѣи и скорпіона.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Объясненіе.

Теперь мы должны перенести нашу сцену изъ Англіи въ Америку и взглянуть еще разъ на Мерджи Монро и ея мать.

Подневная закуска была только-что снята, когда мистриссъ Монро, замѣтивъ смертную блѣдность своей дочери, быстро повернулась къ ней и сказала:

— Мэрджи, дитя мое! ты очень блѣдна; ты много плачешь: эта тайная печаль заставитъ насъ скоро прибѣгнуть къ румянамъ.

— Охъ, матушка, матушка!

— Да что съ тобой? Скажи мнѣ.

— Эта жизнь, эта жестокая, ужасная жизнь.

— Ужасная!.. Да ты живешь нехуже королевы.

— Я лучше-бы хотѣла жить на хлѣбъ и на водѣ, работой рукъ моихъ, только-бы тѣло и душа мои были чисты. Скажите: такую-ли вы жизнь вели, когда были дѣвочкой, или невняны и добры?

Мистриссъ Монро встала и ушла.

Когда она вернулась, на щекахъ ея были замѣтны слѣды жаркихъ слезъ.

— Какое твое первое и самое завѣтное желаніе, Мэрджи?

— Когда я посѣщала Англію, мнѣ понравились нравы и обычай народа гораздо болѣе здѣшнихъ. Тамъ я замѣтила больше врожденной скромности и достоинствъ, и меньше льстивости и болтовни. Мнѣ хотѣлось бы провести въ Англіи мирную и спокойную жизнь. О, душа моя изнываетъ по этомъ спокойствію: я его не знала никогда никогда...

— Дай-то Богъ, чтобы ты не ошибалась. Мы поѣдемъ въ Англію, при первой возможности.

Мэрджи, въ порывѣ радости, бросилась было въ объятія мистриссъ, но та отклонила ее отъ себя, сказавъ:

— Прощай. Я не могу выносить этого на-ночь.

Въ эту-же ночь Мэрджи Монро отложила въ сторону свое вечернее бархатное платье и надѣла чистую бѣлую блузу, также чуждую пятенъ, какъ и душа Мэрджи, не смотря на жизнь, выпавшую на долю бѣдной дѣвушки. Потомъ она стала на колѣни за занавѣсками своей кровати и начала молиться: съ каждымъ словомъ горячей молитвы, по щекамъ ея катились жемчужныя слезы благодарности.

На слѣдующее утро мистриссъ Монро объявила дочери о своемъ намѣреніи—немедленно привести въ порядокъ всѣ дѣла и тотчасъ-же возвратиться въ Англію.

Было ясное, тихое утро, когда добрый корабль покинулъ при-

брежья новаго свѣта для опоясаннаго скалами берега старой Англии, унося на себѣ мистриссъ Монро и ея красавицу — дочь.

Перевѣздъ былъ очень покоенъ: вѣтеръ дулъ попутный, погода стояла, — какъ по заказу; но здоровье мистриссъ Монро становилось хуже и хуже, и прежде-чѣмъ показались утесы стараго свѣта, она слегла въ постель.

Дочь ухаживала за нею, какъ можетъ ухаживать только дочь: всегда при ней, всегда озабоченная малѣйшими нуждами больной, всегда готовая исполнять малѣйшія ея желанія.

Корабль вошелъ въ гавань, и мистриссъ Монро съ дочерью поселились въ добромъ, старомъ городѣ Йоркѣ.

Въ день ихъ прибытія, вечеромъ, мистеръ Гардинджъ сидѣлъ въ своемъ великолѣпномъ салонѣ и читалъ газету. Вдругъ его глаза остановились на одной статьѣ; онъ жадно пробѣжалъ ее, поблѣднѣлъ, бросилъ газету подъ столъ, опрокинулся въ кресло и вскринулъ:

— Дочь моя — убійца! невозможно! невозможно! Какую новую кару сулить мнѣ гнѣвъ небесный?

И мистеръ Гардинджъ, постарѣвшій на десять лѣтъ въ нѣсколько минутъ душевной пытки, крѣпко сжалъ лобъ руками и громко простоналъ:

— Расплата за мною — я отплатчу!

Онъ совсѣмъ потерялъ голову и вскричалъ.

Откуда этотъ голосъ? Двадцать лѣтъ не слыхалъ его Гардинджъ, а онъ — тотъ-же самый. Холодный потъ выступилъ на лбу Гардинджя: онъ всталъ лангу и осматривалъ всю комнату, но не нашелъ ничего.

— Какъ вы себя сегодня чувствуете, матушка, спрашивала на другой день Мэрджи Монро, освѣжая намоченнымъ полотенцемъ лобъ больной.

— Сегодня я чувствую себя гораздо покойнѣе; перевѣздъ былъ мнѣ не по силамъ. А какія подробности сообщаютъ объ этомъ убійствѣ.

— „Сейчасъ прочту.

„Хладнокровное убійство. Вчера вечеромъ, когда знаменитая женщина импровизаторъ очаровывала, по обыкновенію, тысячи слушателей своимъ вдохновеннымъ краснорѣчіемъ, къ ней подошла одна изъ извѣстныхъ въ хорошемъ городскомъ кругу леди, дотогѣ безупречнаго поведенія, хладнокровно вынула пистолетъ и выстрѣ-

рля въ артистку. Съ чувствами глубочайшаго сожалѣнія и съ полнымъ сочувствіемъ къ ея супругу и отцу, мы должны объявить ея имя. Мистеръ Гардинджъ, ея отецъ, — одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ и высокочтимыхъ согражданъ. Губертъ Вертонъ, ея супругъ — высоко-даровитый художникъ, снискавшій всеобщее удивленіе и уваженіе — не только своимъ дарованіемъ, но и строгою нравственностью, и чисто-христіанскою жизнію. Артистка еще жива, и есть слабая надежда на ея выздоровленіе.

— Матушка! вамъ дурно... Неужели васъ такъ встревожила эта статья?

— Принеси мнѣ все, что нужно для письма.

— Вамъ нельзя писать: лихорадка возвратится.

— Я должна.

Были написаны три письма и посланы по тремъ разнымъ направленіямъ. Цѣлый день больная тоскливо металась на подушкѣ: лихорадка быстро усиливалась.

Уже стемнѣло, когда зазвенѣлъ дверной колокольчикъ и доложили о пріѣздѣ мистера Гардинджа. Блѣдный, растерянный, онъ подошелъ къ постели больной, взялъ ее за руку и сказалъ.

— Сегодня утромъ я получилъ отъ васъ пригласительное письмо на нынѣшній вечеръ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ я не обратилъ-бы на него ни малѣйшаго вниманія; но горе преклоняетъ долу самыхъ высокоумныхъ людей, и они становятся слабѣе и проще ребенка. Добрый вечеръ, миссъ Монро!

Онъ взялъ руку молодой дѣвушки и долго жалъ ее молча въ своихъ рукахъ.

Вскорѣ вошли мистриссъ Смитъ и отецъ съ матерью Губерта. Полчаса больная тоскливо ждала кого то, и наконецъ вошелъ Губертъ съ женою, сопровождаемой тюремной стражей.

По просьбѣ больной, сторожа удалились, и она сказала:

— Дай мнѣ успокоительнаго питья, Мэрджи, и вынь изъ верхняго ящика маленькій ларчикъ.

Она отперла ларчикъ и стала внимать изъ него разные предметы; присутствовавшіе подумали, что она не въ полномъ умѣ.

— Что все это значитъ? спросилъ мистеръ Гардинджъ у Губерта, поддерживавшаго свою жену, блѣдную, какъ трутъ.

— Мнѣ приходится сказать нѣсколько словъ, начала больная; но они относятся до всѣхъ, кто здѣсь: на моей душѣ лежитъ тяжелое, убійственное бремя, и я не могу умереть спокойно, не напо-

вѣдавъ моей тайны. Мистеръ Гардинджъ, я предложу вамъ вопросъ: видали-ли вы когда нибудь оригиналъ этой миниатюры?

Онъ всталъ и взялъ миниатюру больная зорко слѣдила за каждымъ выраженіемъ его лица. Долго и грустно глядѣлъ онъ на портретъ, потомъ сѣлъ, не выпуская его изъ рукъ, припалъ къ нему головою, зарыдалъ, какъ ребенокъ, и страстно цѣлуя портретъ, проговорилъ:

— Очень хорошо, слишкомъ хорошо знаю я его: это—Эдиенъ Эльпингъ!.. Нѣтъ ни одного пятна на ея чистой, невинно-оскорбленной душѣ, а моя душа мрачна и заклеяена позоромъ.

Больная простонала.

— Гомэзъ, подойдите ближе.

Онъ подошелъ, дрожа.

— Похожа эта миниатюра на меня?

Мистеръ Гардинджъ посмотрѣлъ на нее въ ужасъ и оцѣпенѣніи; потомъ упалъ на колѣни передъ постелью больной, взялъ ее за руку и вскрикнулъ.

— О, Боже! Это ты, это ты, Эдиенъ! И я тебя не узналъ; хотя и странно бывали въ твоёмъ присутствіи мои ощущенія...

— Провѣрьте ваши чувства: мнѣ остается вамъ сказать больше, чѣмъ-бы я желала. Я—дѣйствительно Эдиенъ Эльпингъ; но вотъ вамъ еще портретъ.

— Моя дочь, моя Клара! Эдиенъ, что ты про нее знаешь? Говори скорѣй!

— Успокойтесь и узнаете. Въ ту ночь, въ ту страшную ночь, — вы ее помните, о! вы никогда не забудете ея, — въ ту ночь, когда я поклялась мстить, отлетѣлъ отъ меня мой ангель-хранитель, и окружили меня проклятые демоны. Съ этой самой ночи, я какъ собака слѣдила за вами, и когда вашей милой маленькой Кларѣ исполнилось три года, украла ее у няньки.

Остановись моя месть только на этомъ, я, можетъ быть, знала-бы еще—что такое спокойствіе на землѣ и вѣчное блаженство на небѣ; но злой демонъ шепталъ мнѣ: „Сгуби ее, какъ ея отецъ сгубилъ тебя!“ Эта мысль сводила меня съ ума и наполняла мнѣ душу адскимъ наслажденіемъ. И вотъ, ваша дочь была воспитана во всѣхъ козняхъ, во всѣхъ интригахъ, во всѣхъ плутняхъ, обманахъ и въ изученіи всѣхъ наглыхъ приманокъ, съизмала и постепенно отерываемыхъ несчастнымъ, обреченнымъ на раннюю погубель. Но никакое воспитаніе въ мѣрѣ не могло извратить врожденной ей граціи и ча-

рующего обаянія ея свѣтлой души. Она вращалась въ безднѣ нищеты и позора, но, среди тлетворнаго дыханія разврата и порока, душа ея осталась непорочною, сердце незапятнаннымъ, и я отчаялась въ моемъ намѣреніи. Клару поддерживала рука свыше: небо сторожить своихъ чадъ. Тогда я рѣшилась сдѣлать изъ вашей дочери орудіе для достиженія иной цѣли. Я привезла ее въ Лондонъ—и ужь вѣрно никто болѣе меня не наслаждался удовлетворенною местию, когда вы, при мнѣ, преклонялись передъ красотой Клары! Она васъ также полюбила, и я это знала. Свадьба ваша была назначена. О, какъ долго дожидалась я васъ нѣкогда: настала очередь подождать и вамъ!..

Но желанія мои были уже пресыщены, и я шепнула вамъ на-ухо: Эдиъ Эльпинъ еще жива!

Возьмите же отъ меня вашу Клару, прижмите къ сердцу ваше первородное дитя. Мэрджи, теперь вы знаете, что я вамъ не мать: васъ зовутъ Кларой, и вотъ вашъ отецъ—ступайте къ нему.

Клара Гардинджъ встала, дрожа, но невѣдомое сладостное чувство проникло ей въ сердце и озарило лицо.

Мистеръ Гардинджъ также всталъ и прижалъ къ груди свою дочь.

Потомъ Клара стала на колѣни передъ своей бѣдной, преступной сестрой, и слезы ихъ слились.

Какъ были онѣ похожи и какъ не сходны одна съ другою: Клара смотрѣла простодушнымъ ребенкомъ—такъ ясенъ былъ ея взглядъ, такъ невинно выраженіе лица; Альзина казалась нѣсколькими годами старше сестры: глубокія борозды провела необузданная страсть по ея прокрасному лицу. Черезъ нѣсколько времени ихъ вниманіе сосредоточилось на больной. Она говорила:

— Получили-вы всѣ свѣдѣнія, какія желали?

— Кажется, всѣ, отвѣтилъ мистеръ Гардинджъ.

Тѣмъ пробѣжала по лицу больной, но она сказала:

— Тѣмъ не менѣе, я сообщу вамъ еще одно. Не было-ли у васъ еще ребенка, кромѣ двухъ дочерей?

— Эдиъ, вы знаете...

И онъ сѣлъ—не могъ отъ волненія устоять на ногахъ.

— У меня былъ сынъ, продолжала Эдиъ Эльпинъ, одаренный всѣми качествами благородной великой души. Я предложила одной новобрачной четѣ—взять его на свое попеченіе, съ клятвеннымъ обязательствомъ—хранить въ глубокой тайнѣ, пока я сама не

пожелаю, что онъ — не собственное ихъ дитя. Оба супруга здѣсь на лицо — мистеръ и мистриссъ Бертонъ, а воспитанный ими Губертъ — вашъ родной сынъ.

— Мозгъ мой горитъ; чувства мои обманываютъ меня!.. Мистриссъ Бертонъ, развѣ Губертъ — не ваше дитя?

— Нѣтъ. Эдионъ сказала правду; и мы призваны сюда, чтобы засвидѣтельствовать ея слова.

Мистеръ Гардинджъ въ раскаяніи склонилъ голову на плечо сына и долго не поднималъ ее, до тѣхъ поръ, пока не замѣтили, что съ Альзиной сдѣлалось дурно.

Поздно ночью, Альзина воротилась въ тюрьму вмѣстѣ съ своимъ братомъ мужемъ.

Войдя въ тюрьму она сказала:

— „Сядь сюда на минуту, *братъ мой!* Я оскорбила тебя; но страшное возмездіе ожидаетъ того, кто намѣренно пойдетъ стезею зла. Злая души похожи на взволнованное море; не можетъ оно успокоиться и выкидываетъ со дна тину и грязь; и Господь сказалъ: лукавымъ нѣтъ покоя. Я никогда немогла понять, — какой злобный гевій стерывалъ мнѣ всѣ твой намѣренія? Ты любилъ Иду такъ глубоко и искренно, какъ глубока и искренна твоя природа. По какому невѣдомому предопредѣленію инымъ дается власть читать чужія мысли? Этотъ даръ долженъ былъ выпасть на долю однихъ добрыхъ и правдивыхъ... Переодѣвшись въ мужское платье, похожее на твое, подражая твоему голосу и приемамъ, въ парикъ и наклеенныхъ усахъ, я вошла въ тюрьму, выдала себя за тебя, дала Идѣ хлороформа, и — сильная, какъ Сампсонъ, — унесла ее, сонную на рукахъ.

Потомъ я взяла у нея посланные тобою часы, а ее заключила въ верхней комнатѣ отцовскаго дома. Она никогда и не узнала, — гдѣ была и кто ее похитилъ?

— Въ ночь передъ твоимъ отъѣздомъ въ Итацію, я посадила ее въ свой экипажъ, отвезла ее, окольными путями, на нѣсколько миль отъ Лондона и высадила невдалекѣ отъ какаго-то дома, вручивъ ей большую сумму денегъ.

Поглѣдывая мои дѣйствія ты знаешь. Я не буду просить у тебя прощенья до тѣхъ поръ, пока не узнаю, что само небо простило меня. Если Ида выздоровѣетъ, — и объ этомъ съ каждымъ вздохомъ будетъ слыта моя молитва, — если она выздоровѣетъ, будьте счастливы: вы оба заслужили счастье. Теперь — прощай!..

И да хранять святые ангелы всѣ пути твои!..

На другое утро, и преступница-мать, и ея дѣтя были найдены мертвыми: она отравила ребенка и отравилась сама; душа ея, за-
клейменная убійствомъ и самоубійствомъ, промѣняла здѣшнюю жизнь
на иную, — до нея-же не достигаетъ взоръ смертнаго...

Будь милосердъ къ ней, Всеблагій Отче!..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Гомзъ и Эдиенъ.—Губертъ и Ида.

Кончивъ свою исповѣдь, Эдиенъ опрокинулась на подушку, — и
спокойствіе, чуждое ей столько мрачныхъ и тяжелыхъ лѣтъ, пало
ей на душу живительной росой.

Мистеръ Гардинджъ все еще сидѣлъ подлѣ больной, и рядомъ
съ нимъ Клара, ребячески доврчиво склонивши голову на грудь
отца; оба они прислушивались къ тихому дыханію заснувшей Эдиенъ.

Проснувшись, она тихо повернула голову на подушкѣ.

Мистеръ Гардинджъ все-еще сидѣлъ возлѣ Эдиенъ; рука ея ле-
жала въ его рукѣ.

Румянецъ удовольствія проступилъ на щекахъ больной, и взоры
ея остановились на Гардинджѣ съ доврчивой кротостью, столько
разъ чаровавшей его въ дни дѣвчества Эдиенъ.

— Лучше вамъ, матушка? спросила Клара, подходя къ боль-
ной. Позвольте, я поправлю вамъ подушку?.. Ну-вотъ, продол-
жала она, теперь вашей головѣ будетъ покойнѣе.

— Благодарю васъ, Мэрджи! тихо сказали больная. Гомзъ Гар-
динджъ, вы еще здѣсь?

— Здѣсь. Я сидѣлъ подлѣ васъ, пока вы спали. При этихъ
словахъ, Эдиенъ почувствовала легкое пожатіе руки, и улыбка мель-
кнула на ея губахъ.

Гомзъ глядѣлъ на ея блѣдное лицо, и совѣсть громко упрекала
его въ оскорбленіи, нанесенномъ имъ Эдиенъ.—Но, можетъ быть,
еще не поздно загладить былой проступокъ? подумалъ онъ, и нагнулъ
ся такъ, что его губы почти касались щеки больной женщины.

— Эдиенъ, прошептала онъ, можете вы выслушать на-ночь
то, что я вамъ скажу? Эдиенъ, улыбулась въ знакъ согласія и онъ
продолжалъ.—Этотъ проступокъ моей молодости—самый постыд-
ный проступокъ: лучше-бы я обагривъ себѣ руки въ крови ближ-

няго. Охъ, страшно шутить съ любовью, этой свѣтлѣйшею частицею души, и плачевны послѣдствія этой шутки. Но, Эднѣ, я васъ любилъ болѣе, чѣмъ могъ любить мою жену, несмотря на всѣ ея достоинства; я поступилъ съ ней несправедливо: отдалъ ей руку и не отдалъ сѣрдца... Меня остановила гордость, не благородная гордость, долженствовавшая руководить моими поступками, а пошлый страхъ ложнаго стыда, боязнь—вести въ свой домъ бѣдную, необразованную дѣвушку. Но прошлаго не вернуть самъ ангелъ примиренія; а дѣйствовать можно только въ настоящемъ. Я всё еще люблю васъ; но не ожидайте отъ меня прежнихъ страстныхъ возгласовъ и порывовъ—я просто васъ спрашиваю; хотите вы выйти за меня замужъ, и хотъ сейчасъ, если угодно?

Эднѣ, во все время его монолога, лежала съ закрытыми глазами, но открыла ихъ, когда онъ кончилъ, и устремила пытливый взоръ на его лицо; однако не произнесла ни слова.

— „Вы слышали меня, Эднѣ?—спросилъ онъ, помолчавъ. Вы поняли мои слова?

— Слышала и поняла.—

— И вашъ отвѣтъ?

Эднѣ приподнялась на постели и положила ему руку на плечо.

— Вы дѣлаете мнѣ это предложеніе, Гомезъ, только для того, чтобы загладить прежнее ваше поведеніе?

— Конечно, это одна изъ причинъ; но,—на сколько я могу прозрѣвать въ будущее,—насъ ожидаютъ впереди любовь, спокойствіе и счастье.

— И вы дѣйствительно меня еще любите?

— Да, Эднѣ, какъ и всегда.

— И докажете вашу любовь, замѣтила она „какъ и...“

— Нѣтъ, Эднѣ, нѣтъ! перебилъ ее Гомезъ. Да будетъ небо моимъ свидѣтелемъ и судіею!

— Хорошо, Гомезъ: ровно черезъ годъ, если ваши чувства не измѣнятся, а у меня вывѣтрится изъ сѣрдца накипѣвшій ядъ мести, я прийму ваше предложеніе.

— Да благословить васъ Богъ, Эднѣ, сказала Гомезъ, наклонился и поцѣловалъ ея блѣдный лобъ.

— Теперь уходите, сказала Эднѣ: мнѣ нужно остаться наединѣ съ Кларой. Прощайте!

Гомезъ Гардинджъ всталъ, поднесъ къ губамъ руку Эднѣ, об-

пять и поцѣловаль Клару, и съ сердцемъ, полнымъ словами любви, ностѣшно вышелъ изъ комнаты.

Медленно, но неослабно возвращались къ Эдиенъ прежнее ея здорье и силы. Черезъ мѣсяць она уже могла выходить изъ комнаты, подъ-руку съ Кларой, и вдыхать въ себя свѣжій вѣтерокъ, долетавшій съ зеленыхъ луговъ Йоркъ-Шэйра.

Почти въ то-же время Ида Смитъ сидѣла въ маленькомъ садикѣ передъ коттеджемъ*), купленнымъ ею для себя и для матери въ одномъ изъ лондонскихъ предмѣстій.

Коттеджъ стоялъ на живописномъ мѣстѣ; стѣны его были оплетены вьющимися растеніями, и отъ ихъ цвѣтовъ разливался въ воздухѣ тонкій запахъ. Пчелы, жужжа, перелетали съ цвѣтка на цвѣтокъ; птицы щебетали въ густой листвѣ деревьевъ, и серебромъ звенѣла трель взвизывающаго въ поднебесье жаворонка...

Уходъ за коттеджемъ былъ порученъ мистриссъ Смитъ, а также и присмотръ по хозяйству: это доставляло ей не малое удовольствіе и поддерживало ея здорье.

Ида думала о прошломъ и была печальна: съ самаго дѣтства, какая-то грустная тѣнь повсюду лежала широкою дорогою въ ея воспоминаніяхъ. Она услышала приближавшіеся шаги, и щеки ея зарумянились: Ида знала—кто идетъ! И не ошиблась: Губертъ Бертонъ пришелъ навѣстить ее на новосельѣ. Она протянула ему руку, онъ взялъ ее, и первыми его словами были: мы еще увидимся съ вами, Ида! слова, сказанныя имъ когда-то при прощаньи съ маленькой уличной дѣвочкой.

— О, какъ я рада васъ видѣть! крикнула Ида, и румянецъ то вспыхивалъ, то потухалъ на ея щекахъ.

Такъ рада, такъ рада!..

— Я сказалъ вамъ, что—мы еще увидимся.

— Да! И въ сердцѣ моемъ отозвались эти слова: я почувствовала, что настанетъ наконецъ время нашего свиданія.

— И вотъ я пришелъ, и долженъ о многомъ поговорить съ вами...

— А я съ вами.

Губертъ подвелъ ее къ низенькой дерновой скамьѣ, гдѣ она сидѣла до его прихода, сѣлъ съ ней рядомъ и началъ.

— „Странно проходила моя жизнь съ тѣхъ поръ, какъ мы раз-

*) Коттеджемъ (cottage) англичане называютъ всякій обывательскій домъ, занятый только хозяйскою семьей.

стались съ вами, Ида! Два раза мѣнялъ я берега Англїи на чужеземныя прибрежья. Голубое небо Италїи влекло къ себѣ чарующей силой бѣднаго художника; но въ моихъ мечтахъ я никогда не разлучался съ вами. Моя кисть, накладывая на полотно какой-нибудь женскій обликъ, невольно вводила въ него одну изъ чертъ вашего милаго лица. Вы были моею отроческою любовью, моею юношескою грезой. Ида, маленькая уличная дѣвочка, была постоянною моею мыслию днемъ, постояннымъ видѣніемъ ночью. Отроческая моя любовь крѣпла и росла вмѣстѣ съ моимъ ростомъ и силою; и наконецъ вашъ образъ слился съ каждою моею мыслью. Я возвратился въ Англїю и увидалъ васъ... но я васъ не презрѣлъ: я зналъ, что вашъ проступокъ былъ совершенъ подъ нестрашимымъ вліаніемъ природнаго побужденія дочерней любви. Вдругъ вы исчезли, не оставивъ по себѣ ни одного слѣда... Я снова поѣхалъ въ Италїю...

— И забыли про свою любовь къ бѣдной дѣвочкѣ! перебила со вздохомъ Ида.

— О, нѣтъ! возразилъ Губертъ: моя любовь къ вамъ никогда не остывала. Женился на Альзинѣ Гардинджъ, я не зналъ, что женюсь на ней, и женился не по любви, а изъ сожалѣнія къ бѣдной, угнетенной женщинѣ: моею женитьбой я думалъ спасти ея отъ чловѣка, лишеннаго сердца и всѣхъ чловѣческихъ чувствъ. Я вовсе не считалъ этотъ бракъ обязательнымъ; но увя! не всегда мы можемъ владѣть собою. Въ одну неосторожную минуту Альзина сдѣлалась моею законною женою и матерью моего сына, ребенка, принесеннаго ею въ жертву неукротимымъ страстямъ. Она самовольно кинула этотъ мїръ, и послала свою душу во срѣтеніе ея Создателя и судїи... Да умилосердится оны надъ нею!"

— Аминь! отвѣчу я на эти слова, сказала Ида.—Хотя она искала моей жизни, а я ничѣмъ не оскорбила ее: но ото всего сердца прощаю ей и повторяю вашу молитву: „Да смилуется Господь надъ ея душою!"

— И вы, Ида, многое испытали съ тѣхъ поръ, какъ я встрѣтилъ васъ съ вашимъ узелкомъ.

— Правда! отвѣтила она съ легкимъ отгнѣномъ гнѣва въ голосъ.—Обитательница тюрьмы—и предметъ восторженнаго удивленія нѣсколько тысячъ слушателей!

— Я давно говорилъ вамъ, Ида, что въ душѣ вашей не проснулся еще гонїй. Хотя я былъ еще мальчикомъ, но уже чувствовалъ,

что вы рождены для чего-то высшего, — не для черной работы... Однако, где ваша матушка? Я чуть-было не позабыл про нее...

— Она в коттедж — весела и счастлива. Благодаря всевышнему, бедность обжала от нас и вместо нея поселилось скромное довольство...

— Что за благородное, что за золотое сердце у вас, Ида!

Было за-полночь, когда они вошли в гостиную маленького чистого коттеджа.

В ту же ночь, у садовой калитки коттеджа, стоял Губерт, обвив рукою стройный стан Иды; голова молодой девушки покоилась на его плечѣ.

— Ида! сказал он: может-ли Губерт назвать это тренетное сердечко своимъ, когда пройдетъ пора печальныхъ воспоминаній?

Ида припала къ нему на грудь головою и прошептала: „оно твое, Губертъ, моя первая и единственная любовь!“

Онъ крѣпко прижалъ ее къ груди, горячо поцѣловалъ и удалился быстрыми шагами.

Губертъ былъ счастливъ, гораздо счастливѣе, чѣмъ нѣсколько лѣтъ назадъ а Ида — о! какъ была счастлива Ида: вполнѣ и на яву осуществлялась ея дѣтская грѣза.

Черезъ одиннадцать мѣсяцевъ, Губертъ и Ида стояли у брачнаго алтара. Это былъ одинъ изъ тѣхъ союзовъ, гдѣ присутними свидѣтелями бываютъ сами ангелы: *союзъ сердецъ и рукъ*. Гомъзъ Гардинджъ и Эдионъ Эльпинъ были также на бракосочетаніи.

Сладостно было для извращенной горемъ души Эдионъ чувство удовлетворенной мести; но еще сладостнѣе было право на прощеніе.

Время шло, и Ида сдѣлалась матерью: кудрявый ребенокъ, веселившій весь домъ своей бѣготней и рѣзвыми прыжками, былъ единственнымъ плодомъ брака Губерта съ Идой.

Гомъзъ и Эдионъ были счастливы. Во многомъ могли они упрекнуть другъ-друга; но мрачныя тучи печали разсѣялись, и ясное солнце счастья и довольства освѣтило склонъ ихъ жизненной стези.

Блага Гардинджъ вскорѣ простилась со своимъ одинокимъ дѣвичествомъ и, черезъ нѣсколько лѣтъ, подлужины розощекныхъ малютокъ украшали домъ ея и ея мужа.

ДОЧЬ МИССИОНЕРА.

ДОЧЬ МИССИОННЕРА.

(Разсказъ Альфреда Котса).

ГЛАВА I.

Похищеніе.

Было ясное, восхитительное утро 17** года, когда добрый корабль „Морская Клѣтка“ отошелъ, при попутномъ береговомъ вѣтерѣ, отъ береговъ Старой-Англіи, и каждый морякъ говорилъ не безъ увѣренности, что переѣздъ въ Америку будетъ очень хорошъ. На кораблѣ было мало пассажировъ, и въ числѣ ихъ былъ почтенный старикъ съ дочерью, хорошенькою, голубоглазою дѣвушкою, лѣтъ девятнадцати. Старикъ много лѣтъ прожилъ въ графствѣ Дербі и считался однимъ изъ тогдашнихъ лучшихъ пасторовъ англиканской церкви.

Онъ былъ вдовцемъ: жена его умерла нѣсколько лѣтъ передъ началомъ нашего разсказа. Это событіе до того поразило ему душу, что онъ часто не могъ исполнять своихъ приходскихъ обязанностей. Поэтому онъ рѣшился покинуть мѣста, гдѣ всякая бездѣлица напоминала ему утраченную подругу, и, вмѣстѣ съ дочерью, посвятить остатокъ своихъ дней на евангельскую проповѣдь обитателямъ дальнихъ лѣсовъ Америки.

„Морская Клѣтка“ благополучно прибыла въ Новый Свѣтъ, и мистеръ Уильямсъ съ дочерью поселились на берегахъ Ніагары. Ласковое и прямое обращеніе пастора вскорѣ приобрѣло ему многихъ друзей между сосѣдними племенами, и они слушали поученія его го-

раздо внимательнѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ уроженцевъ гѣсовъ и степей.

Между другими племенами, просвѣщаемыми пасторомъ, свѣтомъ истинной вѣры, было племя Чокуфовъ. Вождь этого племени, человекъ съ сильными страстями и жестокосердый, велъ непрерывную борьбу съ сосѣдями, и не признавалъ ничего, кромѣ своего свирѣпаго произвола.

Напрасно усиливался добрый миссіонеръ доказывать ему, что убійство ближняго не оправдывается ничѣмъ предъ очами Великаго Духа, и что благосклонность его снискивается милосердіемъ, а не кровопролитіемъ: вождь выслушивалъ все до конца, вставалъ съ злобнымъ хохотомъ и уходилъ.

Однажды, во время ихъ бесѣды, въ комнату вошла дочь милліонера. Едва краснокожій взглянулъ на дѣвушку, имъ овладѣло странное волненіе. Видалъ онъ много блѣднлицыхъ женщинъ; но не одна не поразила его въ такой степени: онъ мгновенно созналъ, что на свѣтѣ не можетъ быть прелестнѣе этой дѣвушки, и задумалъ, во что бы то ни стало, овладѣть ею.

Въ этотъ деньонъ возвратился въ свой вигвамъ *) съ мрачными мыслями, терзавшими ему душу. Красавица Клара Уильямсъ оставила въ его сердцѣ неизгладимое впечатлѣніе.

Но какимъ путемъ могъ онъ овладѣть Кларой? Не было никакой надежды, чтобы она согласилась выйти за него за-мужъ, сдѣлаться женою человека, разорившаго столько селеній и безжалостно умертвившаго павниковъ. Притомъ-же, развѣ онъ не былъ индійцемъ? А дочери „блѣдныхъ лицъ“ рѣдко сочетались бракомъ съ дѣтьми гѣсовъ.

Съ этого дня, онъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ мистера Уильямса, подъ предлогомъ желанія обратиться въ протестантскій законъ, но въ самомъ дѣлѣ только для того, чтобы быть ближе къ Кларѣ.

Прошло нѣсколько времени въ тщетныхъ стараніяхъ съ его стороны—заслужить хотя бы одну улыбку красивой дѣвушки, и, понявъ, что даромъ теряетъ время, онъ рѣшился овладѣть ею силою.

Разъ ночью, окруженный въ своемъ вигвамѣ главными старшинами племени, онъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи:

— Когда мѣсяцъ покинетъ небеса“ сказалъ онъ, „и звѣзды

*) Индійская хижина.

померенуть—издъ стенью, я войду въ домъ блѣднлицой и унесу ее въ свой вигванъ.

— Обдумай хорошенько, Ганджера, что ты предпринять: у блѣднаго лица много друзей въ сосѣднихъ племенахъ, замѣтилъ одинъ изъ старшинъ, высокий, плечистый индѣецъ.

— „Это что еще? спросилъ вождь. „Неужели Чокуфы побоятся встрѣчи съ тѣми, кто за-одно съ бѣлымъ человѣкомъ?“

— Чокуфы ничего не боятся! отвѣтилъ старшина, оскорбленный насмѣшливымъ голосомъ Ганджеры; но они отрываютъ томагоужъ *) за свою землю, а не за женщинъ.

— „Если у тебя бѣлое сердце, избавь меня отъ твоего совѣта и участія: я не нуждаюсь въ помощи труса!“

— Ганджера, возразилъ индѣецъ, поднимаясь во весь свой ростъ, ты—вождь моего племени, и я обязанъ тебѣ повиновеніемъ; но—произнеси эти слова другой—мой томагоужъ раскрылъ-бы ему черепъ или моя стрѣла пронзила бы ему сердце. Когда раздавался набатъ и наши молодые воины шли на войну, я всегда былъ съ ними, и всегда впереди. Я внесъ въ мой вигванъ—много пучковъ вражьихъ волосъ, и не заслуживаю того названія, что ты мнѣ далъ...

— Крели! сказалъ вождь, подходя къ старшинѣ; я потропился словомъ—прости меня. Ты сказалъ правду, а я оскорбилъ тебя несправедливо. При этихъ словахъ, Ганджера протянулъ руку, и Крели пожалъ ее горячо.

— Хорошо, сказалъ онъ: когда тебѣ нужна моя помощь, я всегда готовъ.

— Ганджера, замѣтилъ другой старшина, не будетъ знать покоя, пока блѣднлицая не будетъ его женой...

— Но все равно: настанетъ часъ, желаніе Ганджеры будетъ мнѣ приказаніемъ, перебилъ Крели.

— Благодарю, Крели, сказалъ Ганджера. Теперь оставьте меня одного.

Крели и прочіе старшины разошлись, а Ганджера кинулся на жесткое ложе изъ сухой травы, насланное въ одномъ изъ угловъ вигвама и крѣпко задумался.

Нѣсколько времени онъ безпокойно ворочался на своемъ ложѣ и сидился заснуть, но напрасно призывалъ благосклоннаго бога сна: душу его волновали и жгли порочныя мысли.

*) Топоръ, каменный, или изъ тѣжелаго дерева.

Чувствуя, что всё попытки заснуть тщетны, Ганджера всталъ, отворилъ дверь вигвама и поглядѣлъ кругомъ. Высоко стоялъ на небѣ мѣсяцъ, и при яркихъ его лучахъ всё предметы были видны, какъ днемъ, но его свѣтъ былъ мягче и скромнѣе солнечнаго. Царившая вокругъ тишина нарушалась крикомъ ночныхъ птицъ, да далекимъ гуломъ мощной Ниагары: вѣчно стремится она съ крутизны, съ вѣчнымъ, неукротимымъ бѣшенствомъ. Ганджера набросилъ на плеча тигровую шкуру и вышелъ изъ вигвама; холодный ночной воздухъ освѣжилъ ему горячія щеки и воспаленный мозгъ. Но въ его мысляхъ опять мелькнулъ образъ миссіонерской дочери, и вся природа была позабыта, и въ душѣ опять поднялся бурный вихорь страсти...

— „Къ чему мнѣ откладывать“, шепталъ онъ про себя, глядя на небо, „къ чему мнѣ дожидаться, пока мѣсяцъ скатится съ небосклона и звѣзды задернутся туманнымъ пологомъ? Мнѣ не знать покоя до того мгновенія, когда эти руки прижмутъ „бѣлое лицо“ къ этому сердцу. Зачѣмъ-же принесли ее сюда мощныя воды, если не затѣмъ, чтобы она вошла женой въ вигвамъ чоуфскаго вождя? Нѣтъ, никогда этого не будетъ“, продолжалъ онъ: ни одной улыбки не видалъ отъ нея могущественный Ганджера, ни одного обѣтнаго взгляда: холодно ея лицо; да эти холодныя взгляды не морозятъ кровь, а жгутъ мнѣ мозгъ и сушатъ источники сердца. Она должна раздѣлить вигвамъ, и, если не полюбитъ меня, узнаетъ вполне, что такое мѣсть краснокожаго!“

Онъ пошелъ вдоль берега и вышелъ на небольшую площадку, вырубленную недавно въ густомъ кустарникѣ и мелколѣсѣ; тогда онъ свернулъ въ сторону и, пройдя шаговъ сто отъ потока, остановился передъ бревенчатымъ домомъ объ одномъ жильѣ.

Домъ принадлежалъ мистеру Уилльямсу и его дочери. Ганджера посмотрѣлъ на окна; но въ нихъ не было свѣта; обитатели давно уже покоились глубокимъ сномъ и въ домѣ была совершенная тишина.

Онъ подошелъ къ двери и сталъ внимательно прислушиваться: ни одного звука; положилъ руку на щеколду, щеколда уступила; заглянулъ въ комнату, въ комнатѣ ничего не было подозрительнаго. Ганджера хотѣлъ было уже войти, но, оглянувшись въ послѣдній разъ кругомъ, увидалъ на землѣ какъ будто человѣческую тѣнь.

Въ одно мгновеніе онъ притворилъ дверь, и пошелъ вдоль дома, прелегая вплотъ къ самой стѣнѣ; потомъ завернулъ за уголъ, и зная, по положенію тѣни, что на этомъ мѣстѣ его никто не уви-

дять, быстро пробѣжалъ пустое пространство и спрятался въ ближайшей купѣ деревьевъ.

Онъ рѣшился подстеречь и увидать своими глазами кто такой можетъ бродить въ этотъ часъ около пасторскаго дома?

Но, хотя ему изъ-за деревьевъ было видѣть весь домъ миссіонера, однако же онъ не замѣтилъ около дома ни человѣческой ни звѣриной тѣни. Переждавъ довольно долгое время, Ганджера убѣдился, что никого не было, и что ему только показалось.

Выскользнувъ изъ своей засады, какъ тигръ изъ логовища, онъ опять подошелъ къ строенію и опять поглядѣлъ на окно комнаты, гдѣ, по его предположенію, должна была спать Клара, и вся кровь прихлынула ему къ сердцу и охватила мозгъ пыломъ преступной страсти.

— Въ эту ночь, прошипѣлъ онъ сквозь стиснутые зубы, какъ змѣя, въ эту ночь Ганджера заключить въ свои объятія блѣднолицую дѣвушку: другое солнце не должно взойти надъ моею ненасыщенною страстью.

Въ этомъ вигвамѣ нѣтъ никого, кромѣ проповѣдника и его дочери, а старикъ слишкомъ слабъ, чтобы бороться съ могучимъ Ганджерою. Еще день не долженъ пропадать даромъ. Удобяще этой ночи не будетъ... Рѣшено!

Онъ опять положилъ руку на щеколду и вошелъ въ домъ. Ему было слышно ровное дыханіе ничего неподозрѣвавшаго старика и его дочери: они спали тихимъ и спокойнымъ сномъ людей съ чистою, ни однимъ грѣхомъ не обремененною совѣстью. Ганджера зажегъ сосновый факель, подошелъ къ спальнѣ Клары, повернулъ ручку замка, осторожно отворилъ дверь и вошелъ. Факель его облилъ яркимъ свѣтомъ каждый предметъ, бывшій въ спальнѣ.

Но взоры вождя были прикованы къ лицу сонной Клары; она спала на кровати, прислоненной къ одной изъ стѣнъ, и не снилось ей, что завѣтный порогъ ея спальни переступилъ свирѣпый дикарь.

Ганджера тихо подошелъ къ кровати и наклонился надъ сонной дѣвушкой. Голова его шла кругомъ; злобщая улыбка мелькала по лицу.

Искушеніе было велико, и вождь не устоялъ: еще ниже наклонился онъ, чтобы осквернить Клару поцѣлуемъ, но искра отъ его факела упала ей на голую шею. Клара вскрикнула и проснулась.

Кто можетъ изобразить ужасъ молодой дѣвушки, когда она увидала передъ собой индійскаго вождя? Красноватый свѣтъ факела

придавалъ чертамъ его демонское выраженiе; во взглядахъ свѣтилось торжество; въ нахмуренныхъ бровяхъ таилась страшная угроза. Клара поглядѣла на него, и сердце замерло у нея въ груди.

Судорожно натянувъ простыню на дѣвственную грудь, она крикнула въ ужасѣ.

— Кто вы такой, и какъ вы смѣете входить ко мнѣ въ комнату?

— Развѣ ясныя глаза блѣднлицей дѣвушки не узнаютъ Ганджера, вождя Чоуфова? спросилъ индiецъ глухимъ голосомъ.

При этихъ словахъ онъ поднялъ факель и освѣтилъ себѣ лице, потомъ ерѣшко воткнулъ факель между стѣнныхъ бревенъ и сталъ передъ дрожавшею дѣвушкой, не спуская съ нея глазъ.

— Что вамъ здѣсь угодно? спросила она. Зачѣмъ вы, какъ воръ, прокрались сюда ночью?

Зловѣщая улыбка искривила губы дикаря, когда онъ отвѣтилъ:

— Сказать блѣдному лицу, что Ганджера его любить.

— Любить! крикнула она и вся задрожала.

— Да, продолжалъ онъ. Ганджера, сильный воинъ и вождь Чоуфова, любить дочь блѣднлицата пришельца: онъ хочетъ ввести ее въ свой вигвамъ и охотиться для нея за буйволомъ.

— Уйдите! сказала она, усиливаясь казаться спокойною. Оставьте мою комнату: здѣсь не мѣсто и не время для объясненiй. Вы говорите, что любите меня, докажите же вашу любовь: повинуйтесь моему желанiю и сейчасъ же уйдите изъ нашего дома.

Индiецъ гнѣвно улыбнулся, наклонился такъ близко къ Кларѣ, что его лице почти касалось лица молодой дѣвушки, и прошипѣлъ ей на ухо!

— Повиноваться, говоришь ты? повиноваться! Развѣ ты не знаешь, что отъ водонадоевъ — кругомъ такъ далеко, какъ видить человекъ, всю землю смѣетъ повелѣвать только одинъ, — и этотъ одинъ — Ганджера? Повиноваться! Блѣдное лице не должно быть такъ надменно, когда говорить съ вождемъ: на своей собственной землѣ онъ позволилъ жить и блѣднлицой и ея отцу.

Бѣдная дѣвушка дрожала, какъ въ лихорадкѣ, но отвѣчала насмѣшливо:

— Какъ благородно пользоваться правами сильнаго и оскорблять беззащитную женщину! Неужели, продолжала она, раскрывъ широко голубые свои глаза и презрительно улыбаясь: неужели Ганджера унижить и себя, и свое племя? Неужели онъ покажетъ себя трусомъ и безчувственнымъ человекомъ?

— Ганджера не трусь Онъ встрѣчалъ въ степи племена враговъ и приносилъ домой, своему народу, кровавые знаки своихъ побѣд. Онъ схватывался въ одиночку съ пантерой и переплывалъ кипучие потоки; онъ великъ и въ свѣтѣ, и въ битвѣ, и на охотѣ, и ложь говорить блѣдное лицо, когда говорить, что онъ—трусъ.

Онъ выпрямился во весь ростъ и такъ грозно поглядѣлъ на Клара, черты его лица дышали такой свирѣпостью, что сердце бѣдной дѣвушки сжалось отъ ужаса, но она тотчасъ же оправилась и сказала:

— Повторяю вамъ, что вы и безчестный человѣкъ и трусь; ваши слова и дѣйствія это доказываютъ!.. Развѣ не безчестно войти тайкомъ въ женскую спальню и не уходить изъ нея, не смотря на просьбы? Развѣ не трусость—угрожать и безъ того уже оскорбленной женщинѣ?..

— Ну, хорошо! отвѣтилъ вождь бѣшено кусая губы и скрипя зубами. Блѣднолицая все сказала: пусть же теперь хорошенько запомнить она слова Ганджеры. Когда вы съ отцемъ пришли сюда изъ далекой стороны, я позволилъ вамъ поселиться безопасно въ предѣлахъ моей земли. Будь на то моя воля, я приказалъ бы убить васъ, или предать всякимъ мученіямъ, потому что *здѣсь* моя воля—законъ. Но нѣтъ: я дозволилъ жить вамъ мирно и ходить повсюду безъ допросовъ и помѣхи. Я увидалъ тебя,—красота твоя воспламенила мнѣ сердце, и я полюбилъ и поклялся, что ты войдешь въ мой вигвамъ, станешь подругою моей жизни и матерью моихъ дѣтей: Я поклялся, а клятва Чоуфа нерушима вовѣки.

Клара задрожала еще сильнѣй, впилаясь взорами въ лицо индійскаго воина, но не могла произнести ни одного звука.

— Ты слышала слова вождя? продолжалъ онъ. Вождьожидаетъ твоего отвѣта. Ты молчишь? прибавилъ онъ, переждавъ нѣсколько мгновеній. Я спрашиваю: хочеть ли блѣднолицая раздѣлить вигвамъ Чоуфа Ганджеры и плести ему мокасины. *)

— Ганджера, отвѣчала она, этого не можетъ быть, а потому оставьте меня и идите съ миромъ своей дорогой.

— Не можетъ быть? крикнулъ онъ. А почему?

— Вы не имѣете права предлагать мнѣ вопросы, отвѣчала она съ твердостью, и потомъ прибавила болѣе мягкимъ голосомъ: Ганджера, выберите любую изъ дочерей вашего племени, и она, безъ

*) Плетеная обувь, въ родѣ лаптей.

сомнѣнія, осчастливитъ васъ, а я не могу. Клара Уилльямсъ не можетъ быть женою Ганджеры — индѣйца.

Онъ бросилъ на нее мгновенный взглядъ и произнесъ страстнымъ голосомъ:

— Блянусь Великимъ Духомъ! ты будешь — или женою, или рабыней Ганджеры.

И схвативъ ее крѣпко за руку, онъ шепнулъ: выбирай любое — или согласишься быть женою Ганджеры, или...

Помоги, отецъ! помоги. крикнула бѣдная дѣвушка, почувствовавъ на щеку горячее дыханіе индѣйца и грубую его руку на своемъ нѣжномъ тѣлѣ.

— Молчать! прошипѣлъ Ганджера, блеснувъ передъ ея глазами длиннымъ своимъ ножомъ. Я поклялся, что ты будешь моею, и горе тому, кто станетъ между нами!

Онъ повернулъ голову къ двери и увидалъ на порогѣ стараго миссіонера, въ одномъ ночномъ шлафроктѣ и съ наведеннымъ пистолетомъ.

Мистеръ Уилльямсъ тихо подошелъ къ своей дочери и, положивъ лѣвую руку на руку индѣйца сказалъ: Оставьте мою дочь: я не хочу, чтобы мою совѣсть запятнала человѣческая кровь.

Вождь только злобно улыбнулся.

— О, спаси меня, отецъ! спаси меня! кричала умоляющимъ голосомъ Клара.

— Въ послѣдній разъ прошу: оставьте ее, или я выстрѣлю! сказалъ мистеръ Уилльямсъ.

— Ты думаешь, что Чокуфъ боится твоихъ угрозъ! отвѣчалъ презрительно вождь. Развѣ агнеюгъ можетъ противиться волку, или воробей соколу!

Говоря эти слова, онъ вдругъ ударилъ по рукамъ старика своей свободной рукой, и пуля безвредно просвистала надъ его головой.

— Мошенникъ! оставь ее! крикнулъ миссіонеръ. Какъ я ни старъ и ни слабъ, а защищу свое дитя!

Онъ прыгнулъ на индѣйца и уакъ внезапно схватилъ его за горло, что вождь выпустилъ руку Клары. Но гдѣ было сладить старику съ могучимъ сыномъ лѣсовъ! Ослѣпленный яростью, Ганджера поднялъ ножъ и, быстрѣе молніи, глубоко вонзилъ въ плечо миссіонера.

Старикъ простоналъ и тяжело рухнулъ на полъ.

Съ крикомъ, отозвавшимся по всему дому и пронзившимъ даже

сердце Ганджеры, бѣдная Клара упала безъ чувствъ на недвижимое тѣло своего отца.

Ганджера на мгновеніе остановился въ нерѣшимости передъ двумя трупами. Первою его мыслию было, что Клара умерла, но, подойдя ближе, онъ замѣтилъ, что она дышетъ. Онъ хотѣлъ было приподнять ея и положить на постель; но въ то же мгновеніе сѣнная дверь съ грохотомъ распахнулась и внизу послышались быстрые шаги.

Быстрые мысли Ганджера прыгнувъ къ двери спальни и быстро заперъ ее на ключъ; потомъ завалилъ дверь вѣсми, что было потяжелѣе въ комнатѣ, для обороны отъ перваго нападенія, и поглядѣлъ въ окно: но кругомъ дома никого не было. Онъ вспомнилъ о видѣнной имъ, при входѣ, тѣни и заключилъ, что она принадлежала теперешнему незванному посѣтителю.

Вырвавъ изъ бревенъ факель, онъ бросилъ его, возлѣ постели, на полъ, что бы потушить, подыалъ безчувственную дѣвушку на руки, схватился за подоконникъ, и выпрыгнувъ съ своей добычею въ окно.

Пробѣжать разстояніе между домомъ и густыми деревьями было дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній. Тогда Ганджера взглянулъ въ лицо все еще безчувственной дѣвушки и страстно прильнулъ губами къ ея губамъ. Вдругъ странный свѣтъ заигралъ на чертахъ Клары. Ганджера обернулся и увидалъ, что недавно покинутая имъ спальня пылала. Крѣпко сжавъ въ объятіяхъ свою плѣнницу, чокуфскій вождь поспѣшно удалился съ нею по направленію къ своему вигваму.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О х о т н и к ъ.

Послѣдніе лучи заходящаго солнца потухали за горами, изрѣдка обливая золотомъ и пурпуромъ быстро темнѣвшія тучки и бросая на окрестность таинственный полусвѣтъ. Сумерки надвигались ниже и ниже, и вскорѣ ночь одѣла землю своею ризой.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Ніагарскаго водопада раскинулась живописная группа вигвамовъ, населенныхъ въ то время племенемъ Дажота.

Они были выстроены на маленькой равнинѣ, окруженной съ трехъ

сторону лѣсами и степью, и съ четвертой величаво катила свои волны. рѣка Ніагара.

Картина была дикая, но очаровательная.

Вигвамы отличались разнообразіемъ постройки: одни были конической формы, другіе—круглой, третьи—завершались птицами, и всѣ вмѣстѣ представляли издали необыкновенный эффектъ.

Въ серединѣ группы, или селенія, или городка, бросался въ глаза вигвамъ конической формы. Стѣны его были увѣшаны внутри трофеями охоты: шкурами, рогами, клыками и головами разныхъ животныхъ.

Этотъ вигвамъ принадлежалъ Зооло, прозванному всѣмъ племенемъ охотникомъ стреминиъ за его отважную охоту вблизи водопада.

Когда ночь стала темнѣе и мѣсяцъ уже просвѣчивалъ сквозь лѣсную чащу, серебра лучами рѣку, на порогѣ вигвама показался какой-то человѣкъ и началъ пристально вглядываться въ обрестность.

Это былъ самъ охотникъ стреминиъ.

Всякій, взглянувъ разъ на молодого индійца, никогда уже не забывалъ его наружности.

По крайней мѣрѣ шести футовъ роста, съ пропорціонально—отлитыми членами, съ величественными чертами лица, весь облитый мѣсячными лучами, онъ стоялъ на порогѣ вигвама, погруженный въ думу, или—лучше сказать—въ задумчивость.

Одежда его была гораздо наряднѣе, чѣмъ бываетъ обыкновенно у дикихъ обитателей лѣсовъ.

На головѣ его развѣвались яркія перья, перемѣшанные съ золотыми украшеніями; на плечи была накинута шкура бизона, схваченная у шеи снуркомъ, перевитымъ серебряною битью; на тесмѣ, надѣтой черезъ плечо, висѣла пороховница; изящно сплетенныя мокассы были вышиты разноцвѣтными бусами; въ рукавѣ у него былъ карабинъ превосходной отдѣлки, подарокъ одного англійскаго офицера, спасеннаго Зооло отъ вѣрной смерти подъ рогами разъяреннаго буйвола.

Молодой воинъ вдругъ какъ будто очнулся, поднялъ карабинъ, поглядѣлъ на него и проговорилъ:

— Теперь тебѣ ужъ поздно посылать свинцовыхъ вѣстницъ на встрѣчу буйволу; отдохни дома.

Онъ внесъ карабинъ въ вигвамъ, но у порога остановился и

сталъ опять глядѣть на свое завѣтное оружіе.

— Ты служилъ мнѣ вѣрно, сказалъ онъ: гдѣ раздавался по лѣсу твой гласъ, тамъ и вивалась къ цѣль мѣткая пуля... Правда, не всегда: порой у Зооло дрожала рука, и душа, какъ и нынѣшней ночью, уносилась по волнамъ къ дому блѣднаго лица.

Онъ вздохнулъ, закутался плотнѣе въ шкуру, и направилъ свои шаги къ рѣкѣ.

Подойдя къ крайнѣ берегу, онъ спустилъ на воду легкую лодку и медленно отчалилъ, но, попавъ въ самую струю потока, налегъ сильнѣе на весла и благополучно переплылъ на другую сторону. Потомъ онъ вытащилъ лодку на берегъ и пошелъ къ дому мистера Уилла ямса и его дочери.

Не дойдя нѣсколькихъ шаговъ до дому, онъ остановился и прошепталъ:

— Странное чувство вкралось въ сердце охотника... Былъ онъ счастливъ, пока не видалъ блѣднолицей, а теперь рука Зооло отпадаетъ отъ карабина, и всѣ мысли полны красотой христіанки. Отчего она всегда въ моей душѣ, отчего обезсилѣла моя рука, отяжелѣли мои ноги, отчего, возвратясь съ охоты, я и не думаю объ отдыхѣ, а все смотрю туда, гдѣ живетъ она?

Зооло давно уже выслушивалъ съ полнымъ вниманіемъ поученія добраго миссіонера, и въ душѣ былъ полухристіанинъ. Постоянный посѣтитель духовныхъ митинговъ собиравшихся въ домѣ пастора, онъ успѣлъ оказать ему много услугъ и сдѣлался любимцемъ старика. Полный нѣмого восторга, онъ не сводилъ глазъ съ Клары и любилъ ее искренней горячѣй любовью.

И хорошенькая дѣвушка глядѣла на него благосклоннѣе, чѣмъ на прочихъ индійцевъ; его любезное и благородное обращеніе, его всегдашняя готовность исполнять ея малѣйшія желанія, его величавая осанка и античныя черты лица снискали ему уваженіе Клары, — и она всегда встрѣчала его улыбкой и ласковымъ словомъ, но любовь... Клара улыбулась-бы при одной мысли.

Зооло ступилъ еще нѣсколько шаговъ впередъ, опять остановился, скрестилъ на груди руки и сталъ глядѣть въ окна дома. Вдругъ онъ увидалъ, что къ дому подерался какой то человѣкъ и положилъ руку на дверной замокъ.

Изъ опасенія быть узаннымъ Зооло послѣшно отступилъ, и его-то тѣнь замѣтилъ Ганджера, передъ своимъ свиданіемъ съ Klarой.

Недоумѣвая, — кто бы могъ быть такимъ позднимъ посѣтителемъ миссіонера, Зооло раздумчиво пошелъ къ своей лодкѣ; но въ головѣ его мелькнула мысль, что у этого человѣка могли быть недобрыя намѣренія: онъ быстро повернулъ назадъ и рѣшился выждать незнакомца.

Онъ былъ уже въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ дому, какъ вдругъ его слухъ былъ пораженъ пронзительнымъ крикомъ миссіонерской дочери.

Пантерою прыгнулъ онъ къ двери и взбѣжалъ по маленькой лѣстницѣ. Войдя въ комнату мистера Уилльямса, онъ нашелъ ее пустою; толкнулъ другую дверь, но дверь была заперта и всѣ его усилія отворить ее были тщетны.

Внезапно яркій блескъ пробился сквозь щели стѣны, и вслѣдъ за нимъ повалили густые клубы дыма. Въ одно мгновеніе онъ сообразилъ, что комната горитъ и что Клара можетъ сдѣлаться жертвою пламени. Онъ уперся въ дверь своими широкими плечами, почти съ сверхъ-естественною силою высадилъ ее со всѣмъ, чѣмъ она была завалена, ворвался въ комнату и быстро окинулъ ее взглядомъ, но Клары въ ней не было. Онъ бросился было отыскивать ее въ другихъ комнатахъ, но его взорамъ представилось ужасное зрѣлище: на полу, въ кровавой лужѣ, набѣжавшей изъ раненнаго плеча, едва-едва не охваченный огнемъ, лежалъ старый миссіонеръ. Зооло мигомъ очнулся отъ изумленія, поднялъ старика на руки, вынесъ на свѣжій воздухъ и тихо опустилъ на землю, невдалекѣ отъ пылавшаго дома, а самъ кинулся снова отыскивать Клару.

Поиски его были напрасны. Клары не было нигдѣ; но только тогда, когда огонь охватилъ со всѣхъ сторонъ зданіе и когда оставаться долѣе было уже полнымъ безуміемъ, только тогда Зооло, съ тяжелымъ сердцемъ, вышелъ изъ пылавшаго дома.

Онъ направился къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ бѣдный миссіонеръ, и наклонился надъ его недвижнымъ тѣломъ. Свѣжій ночной воздухъ нѣсколько оживилъ раненаго и онъ пробормоталъ.

— Пощадите ее, пощадите ее!

— Гдѣ Клара? спросилъ охотникъ, приподнявъ голову старика на свое колѣно и сострадательно глядя ему въ лице. — Я обискалъ весь вигвамъ: въ немъ нѣтъ блѣднолицой дѣвушки.

— Воды, прохрипѣлъ старикъ, воды, Клара, воды!

Голова его упала назадъ, и онъ опять потерялъ сознаніе.

Зооло осторожно опустилъ его на землю, бросился къ рѣкѣ, за-

черпнул нѣсколько воды въ складки своей мѣховой одежды и черезъ два-три мгновенія былъ уже опять на мѣстѣ. Вспрыснувъ лицо старика и, вливъ ему нѣсколько капель воды въ ротъ, онъ терпѣливо выжидалъ, пока больной придетъ въ чувство, а между тѣмъ перевязалъ ему какъ можно туже рану лоскутомъ шляфрока и, наконецъ, унялъ кровь.

Страшно было поглядѣть, какъ огонь охватывалъ жилище миссіонера, какъ выскакивали красные языки, какъ они плясали и обвивались вокругъ всего стараемаго, а горячаго матеріала было много: почти все зданіе было сложено изъ однихъ бревенъ. Всякая попытка остановить пожаръ была бы бесплодна: постоянно сухая и жаркая погода заранѣе приготовила домъ пастора въ вѣрную добычу пламени. Наконецъ огонь слился на нѣсколько мгновеній въ одинъ яркій столпъ, и когда потухъ, на мѣстѣ дома осталась одна груда углей и пепла, и надъ нею погребальнымъ покровомъ нависла черная туча дыма.

Въ это время Зооло снялъ съ себя бизонью шкуру и одѣлъ ею все еще безчувственного старика, а когда пламя подошло къ нимъ близко, взялъ его на руки и направился къ лодкѣ. Бережно уложивъ раненаго въ свое утлое судно, онъ принялся быстро грести черезъ потокъ къ своему вигваму, куда скоро и вошелъ со своей ношей.

Онъ опустилъ старика на грубое ложе изъ шкуръ разныхъ животныхъ, приготовилъ всѣ живительныя снадобья, что нашлись подъ рукою и съ радостью наблюдалъ, какъ больной понемногу приходилъ въ чувство.

Открывъ глаза, бѣдный миссіонеръ съ дикимъ изумленіемъ оглянулся кругомъ и, казалось, усиливался припомнить событія послѣдней ночи. Онъ хотѣлъ-было привстать на ложѣ; но рана его была такъ болѣзненна, такъ изнурила его потеря крови, что онъ не могъ шевельнуться.

— Клара! Клара! стоналъ онъ раздирающимъ сердце голосомъ. — Гдѣ ты? Неужели и ты пала жертвою грабителя?

Онъ закрылъ глаза, и по всему его тѣлу пробѣжала дрожь.

— Гдѣ блѣднолицая дѣвушка? спросилъ охотникъ, наклоняясь надъ ложемъ.

Старикъ открылъ глаза и свирѣпо поглядѣлъ на Зооло.

— А, разбойникъ! крикнулъ онъ. — Ты все еще здѣсь? Гдѣ моя Клара, моя...

Онъ остановился, потому что узналъ охотника.

— Гдѣ я? Гдѣ мое дитя? спросилъ онъ смѣгченныиъ голосомъ.

— Гдѣ она — про это знаетъ одинъ Великій Духъ! отвѣчала Зооло. — А вы въ безопасности, у меня въ вигвамѣ: я васъ вынесъ изъ горѣвшихъ развалинъ вашего дома.

— Что вы говорите? Такъ ли мнѣ послышалось? Мой домъ сторѣлъ? Стало быть, его подожгли — и мое дитя, моя Клара погибла въ пламени?

— Не думаю, сказалъ охотникъ: я искалъ въ домѣ — блѣднолицая дѣвушка исчезла. Васъ я нашелъ почти въ огнѣ, и вы плавали въ своей крови.

— О, Господи! воскликнулъ бѣдный старикъ, всплеснувъ руками: — неужели моя дочь, отрада моихъ старыхъ дней, похищена у меня на жертву дикой страсти и нечистой похоти измѣнника и убійцы? Неужели мнѣ, немощному старцу, суждено лечь въ гробъ, оплакивая потерю и позоръ моей дочери? Защити и не допусти этой кары, Господи! Исторгни мою дочь изъ разбойничьихъ рукъ и возврати въ мои объятіе чистою и непорочною!

Охотникъ взглянулъ съ недоумѣніемъ и величайшимъ изумленіемъ на лице миссіонера, когда тотъ произносилъ послѣднія слова. Мысли его озаарились внезапнымъ свѣтомъ. Не была ли Клара похищена и не произошелъ ли пожаръ отъ умышеннаго поджога? Это должно было быть дѣйствительно такъ: иначе какъ могъ быть раненъ старикъ, если не защищалъ своей дочери, или своего дома? Да и самъ Зооло не ведалъ развѣ, какъ въ домъ всшелъ кто-то, и въ такую педнюю пору, что онъ заподозрилъ этого посѣтителя въ недобрыхъ намѣреніяхъ? Обратясь къ старигу, Зооло спросилъ:

— Кто входилъ въ вашъ вигвамъ ночью?

— Мерзавецъ! отвѣтилъ старикъ. — Его низкая и трусливая душонка не пощадила ни невинности, ни сѣдыхъ волосъ.

— Зачѣмъ онъ приходилъ?

— Порушаться надъ старымъ отцомъ и обезчестить его дочь! отвѣчалъ мистеръ Уилльямсъ.

Брови охотника потемнѣли, что туча, и онъ невольно схватился за карабинъ, крикнувъ съ негодованіемъ:

— И такъ, блѣднолицая дѣвушка была насильно вырвана изъ объятій отца и изъ-подъ крова вигвама? Какъ! краснокожія дружески протянулъ руку блѣдному лицу только для того, чтобы оскорбить тѣхъ, кого долженъ былъ защищать. Правду говорятъ бѣлые люди, что ни они, ни ихъ дѣти не могутъ жить съ нами въ безопас-

ности; что краснокожихъ надо отогнать къ послѣдней грани ихъ земли, или пусть переселятся они въ страну вѣчной охоты и заснутъ тамъ блаженнымъ сномъ!.. Будь похититель Клары моимъ братомъ въ совѣтѣ, моимъ товарищемъ на охотѣ, моимъ другомъ въ битвѣ — карабинъ мой заговорить — и сердце предателя расклянуть вороны!

— Зооло! тихо проговорилъ пасторъ, взявъ охотника за руку и горячо пожимая ее: — не говорите о мщеніи. Тотъ, Кто одинаково сотворилъ и блага челоуѣка, и индійца, накажетъ виновнаго и охранитъ невиннаго. На Его милосердіе возлагаю все мое упованіе. Онъ не попуститъ старика сложить, въ тоскѣ и горѣ, съдую голову въ могилу.

— Скажите мнѣ; кто похитилъ вашу дочь? Я отыщу ее и возвращу въ ваши объятія.

— Ганджера, вождь Чокуфовъ, отвѣчалъ старикъ. — Онъ прокрался въ мое жилище, оскорбилъ мою дочь, вонзилъ ножъ въ это старое тѣло и, безъ сомнѣнія, поджогъ домъ для того, чтобы подумали, будто я и Клара — оба мы погибли въ пламени.

— Ганджера, Чокуфъ! крикнулъ охотникъ. — Я буду слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ и, гдѣ бы его ни встрѣтилъ, — мой карабинъ заговорить и Ганджера умереть.

ГЛАВА III.

Побѣгъ.

Отойдя съ безчувственной Кларой Уилльямсъ въ объятіяхъ отъ пылающаго дома, истребленнаго его предательской и грубою рукой, Ганджера Чокуфъ быстро устремился впередъ. Мозгъ его также пылалъ и въ немъ роились самыя безчестныя, самыя постыдныя мысли. По временамъ онъ оглядывался на сцену ужаса и разрушенія, но въ сердцѣ его не было и признака состраданія. Демонъ вла овладѣлъ его душою и отстранялъ всякую добрую мысль. Напротивъ, Ганджера съ злобною улыбкою торжества любовался, какъ выше и выше поднималось пламя, и какъ пепелило въ своихъ жгучихъ объятіяхъ эту нѣкогда счастливую обитель...

Онъ очень хорошо понималъ, что въ случаѣ какихъ-либо розысковъ объ участи Клары, такъ какъ миссіонеръ и его дочь приобрѣли себѣ многихъ друзей въ сосѣднихъ племенахъ, все несчастіе будетъ приписано внезапному пожару, и всѣ подумаютъ, что Клара съ от-

демь погнбли въ пламени. Не боялся онъ и того, что одно изъ племень покинетъ свои вигвамы и выйдетъ въ поле за Клару: несмотря на всю свою низость и на всю душевную злобу, онъ былъ смѣлъ, какъ левъ, и когда въ пустынѣ раздавался кличъ войны, Ганджера первый отзывался на него воинскимъ крикомъ Чокуфовъ.

Но не война, а любовь, и не любовь—неистовая страсть оковала всѣ его чувства, и нѣжныя объятія Клары Уильямсъ осчастливили бы теперь его болѣе, чѣмъ рѣзня беззащитныхъ плѣнниковъ, такъ часто утолявшая его звѣрскую жажду крови. Онъ свернулъ въ сторону съ большой дороги, если можно такъ назвать тропинку, протогонную вдоль берега отъ небольшого селенія Чокуфовъ до жилища миссионера, и пошелъ тѣнистымъ лѣсомъ, тянувшимся невдалекѣ, почти параллельно тропинкѣ.

Такимъ образомъ онъ надѣялся укрыться отъ глазъ всякаго индѣйца, можетъ быть вызваннаго изъ вигвама заревомъ пожара.

Пройдя значительное разстоянiе отъ мѣста своего адскаго преступленія, Ганджера остановился, тихо опустилъ дѣвушку на дернъ стеръ потъ у себя на лбу и устремилъ—хищный взоръ на лице Клары серебримое лучами яркаго мѣсяца.

— Кто скажетъ, прошепталъ—онъ про себя, что краснокожій не можетъ любить? Только бы на одно мгновенiе заключить тебя въ объятія, и я готовъ презрѣть всякую опасность; выйду безоружный на пантеру, винусь въ мощныя струи водопада, слушусь въ жерло горящей горы, схвачусь съ удавомъ, даже выдамъ мое племя врагомъ... Нѣтъ ничего такого, чего не сдѣлаеть и не сдѣлалъ бы Ганджера, чтобы только овладѣть блѣднолицей дѣвушкой. Но она и безъ того моя, и краснокожій веселье, сердце его расширилось, члены окрѣпли... Краснокожій воинъ обезумѣлъ отъ радости!..

Онъ приподнялъ голову Клары къ себѣ на колѣни, и долго и страстно всматривался въ ея лице, потомъ крѣпко прижалъ ее къ груди и обсыпалъ поцелуями ея блѣдныя губы. Дѣвушка стала обнаруживать признаки пробужденія отъ обморока и Ганджера снова вскинулъ ее на руки, какъ ребенка, проговора.

— Она оживаетъ; но Ганджера долженъ поспѣшить въ свой вигвамъ, прежде-чѣмъ блѣднолицая скажетъ слово и откроетъ глаза.

Говоря эти слова, Ганджера быстро шелъ впередъ и скоро стоялъ уже у порога своего вигвама. Все было тихо и цѣлое селенiе спало крѣпкимъ сномъ; даже вѣтерокъ еле-еле шелестилъ листьями лѣсныхъ деревьевъ, когда Ганджера вошелъ въ вигвамъ и положилъ почти

уже очнувшуюся дѣвушку на ложе, еще такъ недавно покинутое имъ самимъ:

Она заперъ вигвамъ и сѣлъ у ложа Клары, поджидая, когда она придетъ въ себя и слѣда, какъ поднималась и опускалась ея грудь отъ прерывистаго дыханія.

Вдругъ по ея тѣлу пробѣжала судорожная дрожь; она глубоко вздохнула, открыла глаза и дико посмотрѣла кругомъ. Повидимому, она не могла даже пошевелиться: такъ изумительнымъ казалось ей ея положеніе.

Нѣсколько времени лежала она недвижно; мѣсячные лучи, пробиваясь сквозь рѣшетку, вставленную надъ дверью, придавали ея лицу гробовую блѣдность и бросали кругомъ фантастическія тѣни.

Черезъ нѣсколько мгновеній она приподнялась и только тогда замѣтила, — что была не одна. Напрягая зрѣніе, она всматривалась въ какую-то темную человѣческую фигуру, но не могла разглядѣть лица: мѣсячные лучи одѣли этотъ уголь вигвама густою тѣнью. Ночныя событія вдругъ ожили въ памяти блѣдной дѣвушки: она вскочила съ ложа, подошла къ воину и голосомъ звучавшимъ глубокою тоскою, спросила:

— Кто вы? скажите мнѣ: кто вы, и въ какомъ странномъ мѣстѣ нахожусь я теперь.

Вождь всталъ при ея словахъ, подошелъ подъ мѣсячный лучъ и сказалъ:

— Блѣднлица получила отвѣтъ. Ясный мѣсяцъ указываетъ, кто стоитъ передъ нею.

— Ганджера! крикнула она. Презрѣнный! гдѣ я! гдѣ мой отецъ, пораженный твоею предательскою рукою.

Ганджера думаетъ только о тебѣ, отвѣчалъ вождь.

— Не о себѣ я говорю, возразила она, презрительно глядя на индѣйца: я говорю о томъ, чьи сѣдые волосы ты опозорилъ, чьего слабаго тѣла ты не пощадилъ, когда онъ сталъ защищать свое дитя отъ негодяя, раба и труса!

Индѣецъ задрожалъ отъ бѣшенства, и крѣпко схватилъ Клару за руку, прошепталъ:

— Я не трусь. Твой отецъ сталъ между нами и я повергъ его на землю.

Я поклялся, что ты раздѣлишь со мною мой вигвамъ, и будь руки благаго человѣка гораздо сильнѣе, я поступилъ бы также.

— Ты лжешь, Ганджера! крикнула гнѣвно молодая дѣвушка.

Твое трусливое сердце сжалось бы отъ страха передъ ровною силою; твоя грубая рука ослабѣла бы при молодомъ защитникѣ... Но гдѣ мой отецъ? продолжала она и голосъ ея задрожалъ: палъ онъ жертвою твоей звѣрской страсти? умеръ онъ?

Индіецъ молчалъ.

— Ганджера, проговорила она, положивъ ему руку на руку и пристально глядя ему въ лице: скажи мнѣ, что онъ еще живъ, и я..

— Полюбишь Чокуфа! перебилъ онъ съ такимъ взглядомъ, что она отшатнулась съ ужасомъ и отвращеніемъ.

— Скажи мнѣ о моемъ отцѣ.

— Ганджера не убивалъ блѣднолицаго, сказалъ вождь, помолчавъ.

— Господи! Благодарю Тебя! и глубокій вздохъ облегчилъ грудь Клары Ганджера прибавила она: выпусти меня отсюда. Бѣдный старикъ нуждается въ помощи дочери.

Клара подошла къ двери и намѣревалась выйдти изъ вигвама; но Ганджера загородилъ ей дорогу.

— Этого нельзя, сказалъ онъ: блѣднолицый въ тебѣ не нуждается.

У бѣдной дѣвушки захолонуло сердце: она поняла, что индіецъ рѣшился держать ее плѣнницей, и со слезами на глазахъ простонала.

— Ганджера, нусти меня! О моемъ бѣдномъ отцѣ некому поззботиться, кромѣ меня...

— Блѣднолицему нужна теперь помощь развѣ въ странѣ вѣчной охоты.

— Боже! крикнула Клара... Но вѣдь ты сказалъ, что онъ не умеръ отъ твоей руки.

— Ганджера сказалъ правду; но вигвамъ сгорѣлъ и блѣднолицый погибъ въ огнѣ.

Бѣдная дѣвушка, словно мертвая, упала на ложе и громко зарыдала.

И такъ оставалась она долго, закрывъ лицо руками; все ея тѣло передергивало судорога; тяжелыя рыданія надрывали ея грудь; горячія слезы струились севозъ нательцы. Она чувствовала что теперь одинока на свѣтѣ.

Индіецъ снова сѣлъ у ея ногъ и внимательно глядѣлъ на рыдающую дѣвушку. На мигъ онъ какъ будто раскаялся въ своемъ

преступленіи, но это былъ только мигъ, и въ душѣ его опять забушевала страсть.

Мѣсяцъ почти уже закатился, и на востокѣ вырѣзалась первая сѣрватая полоса ранней зари; въ вигвамахъ стало свѣжѣе и каждый предметъ потемнѣлъ. Вскорѣ лѣсныя птицы подняли свои головки изъ-подъ крылышекъ и звучнымъ хоромъ загѣли благодарственный гимнъ новому утру. Яркое свѣтило дня покинуло свое ложе и первые его лучи окрасили пурпуромъ сѣрую тучу тумана. Ганджѣра всталъ и выглянулъ изъ вигвама.

Выше и выше поднималось солнце, ярче и ярче золотили его лучи лѣсныя верхушки, но мрачнѣе и мрачнѣе становилось въ душѣ индійца. Ежели страданія дѣвушки и пробудили въ немъ искру сожалѣнія, она уже давно погасла, и сердцемъ его вновь овладѣли любовнаго страстіе и жестокость.

Ганджѣра повернулся, остановился передъ дочерью миссіонера и спросилъ съ знаменательною улыбкою:

— Говорить Ганджѣрѣ, зачѣмъ онъ принесъ въ вигвамахъ блѣднлицую дѣвушку?

— Убійца! крикнула Клара, — и звуки собственнаго голоса вывели ее изъ оцѣпененія. Убійца! праведный Богъ взываетъ съ тебя за твои злыя, демонскія дѣла. Прочь! прибавила она, усиливаясь пройти къ двери: пропусти меня, или, если уже ты такъ презрѣнень, пусть рука, поразившая отца, убьетъ и дочь!

Индіецъ отступилъ съ изумленіемъ: онъ былъ пораженъ этимъ страстнымъ порывомъ, придавшимъ лицу Клары неземную красоту, пораженъ ея величавою осанкою, ея пылающими глазами и взволнованной грудью.

— Ганджѣра слишкомъ любитъ блѣднлицую дѣвушку, чтобы ее зарѣзать! сказалъ онъ.

— Ты любишь! крикнула презрительно. Ты, Ганджѣра, черная душа, кровожадный безумецъ, беспощадный мучитель плѣнниковъ. Ты позоришь имя человѣка, оскорбляя беззащитную женщину, безсилную наказать такое чудовище... Ты протянулъ дружески руку чужеземцу, пришельцу, какъ змѣя, вползъ въ его домъ, и, какъ змѣя, вонзилъ въ него украдкой ядовитое жало... И ты смѣешь говорить о любви, смѣешь говорить мнѣ, чье сердце ты разбилъ на части, чей домъ разорилъ до тла, чьего отца умертвилъ предательски!.. Посторонись и дай мнѣ дорогу; вдѣсь воздухъ дышетъ

ядомъ, здѣсь каждое твое прикосновеніе — зараза.. Прочь, говорю тебѣ! Я ненавижу, клянуп и презираю тебя.

Вспыльчивость бѣдной дѣвушки не знала уже границъ, и, порываясь къ двери, Клара своей бѣлой, изящной рукой ударила индѣйца въ грудь. Дрожа отъ страсти, индѣецъ схватилъ эту руку и сжалъ, какъ въ желѣзныхъ тискахъ.

— Клянусь Великимъ Духомъ! прошипѣлъ онъ сквозь стиснутые зубы: блѣднотлица узнаеть, что Ганджѣра, Чокуфъ, можетъ такъ же негавидѣть, какъ и любить...

Я предлагалъ ей раздѣлить со мной вигвамъ, и она отказала. Пусть же душа Ганджѣры никогда не увидитъ страны вѣчной охоты, пусть его стрѣла не долетитъ до цѣли, пусть его томагоукъ упадетъ у него изъ руки среди битвы, пусть врагъ ему срѣжетъ съ черепа кожу и волосы, если Ганджѣра не отомститъ за себя. Блѣднотлица упадетъ съ позоромъ къ его ногамъ и краснокожія жены будутъ гнѣвно указывать на нее пальцемъ.

Съ этими словами онъ сильно оттолкнулъ отъ себя Клару и сталъ ходить по вигваму неровными шагами. Все его тѣло дрожало отъ бѣшенства и лицо исказилось страстями, кипѣвшими у него въ груди...

— Лжецъ! крикнула она. Клара Уиллямсъ, дочь миссіонера, пока въ ней есть хоть капля жизни, будетъ защищать свою честь. Великій Богъ никогда не отклоняетъ слуха отъ моленій о его праведномъ судѣ и милосердіи. Онъ услышитъ молитвы сироты и спасетъ ее отъ руки святотатца, неправшаго законы божескіе и человѣческіе.

Индѣецъ повернулся къ Кларѣ, и, устремивъ на нее угрожающій взоръ, сказалъ:

— Пусть же твой Богъ помогаетъ тебѣ скорѣе!..Прежде чѣмъ мѣсяцъ снова взойдетъ на небо и пантера заляжетъ въ свое логовище, блѣднотлица падетъ, блѣднотлица узнаеть всю силу вызваннаго ею на бой, обиженнаго и разгнѣваннаго вождя.

Дневной свѣтъ позволялъ теперь Кларѣ явственно различать всѣ предметы, и, оглядываясь кругомъ, она замѣтила въ одномъ изъ угловъ вигвама лукъ и стрѣлы воина.

Въ головѣ ея мелькнула мысль: если бы ей удалось завладѣть этимъ оружіемъ, она могла бы удержать Ганджѣру отъ нападенія и высѣжать изъ вигвама. Выждавъ удобную минуту, когда Ганджѣра повернулся къ ней спиною, чтобы выглянуть въ дверь вигвама, Клара схватила лукъ, положила на тетиву стрѣлу, и только что

индїецъ отодвинулся отъ двери, однимъ прыжкомъ очутилась на порогъ.

— Богъ услышалъ вопль сироты и послалъ ей помощь! крикнула она, намѣтивъ стрѣлу въ грудь вождя.

— Осмѣйся теперь задержать или преслѣдовать меня, — и эта стрѣла найдетъ путь къ твоему черному, низкому сердцу!

Ганджера стоялъ, какъ пригвожденный къ мѣсту. Изумленіе и неожиданность лишили его силъ воспротивиться Кларѣ, когда она скользнула въ дверь и скорѣе полетѣла — чѣмъ побѣжала къ своему дому, узы! уже грудѣ ризвалинь.

Наконецъ Ганджера пригнулъ въ себя и устремился по слѣдамъ бѣглянки, расточая себѣ проклятїя за то, что не удержалъ ея. Между тѣмъ, Клара отбѣжала уже довольно далеко: страхъ быть настигнутой придавалъ ей крылья. Но она не могла выдержать долгой погони: горе убило въ ней прежнія силы, и члены ея начинали ослабѣвать. Оглянувшись она увидѣла, что Ганджера былъ отъ нея въ нѣсколькокихъ шагахъ, и впала въ отчаяніе.

Она обернулась, опять намѣтила стрѣлу въ грудь индїйца и закричала отчаянно:

— Еще одинъ шагъ ко мнѣ, — и да падетъ твоя кровь тебѣ же на голову!

Индїецъ подошелъ — на самое близкое, смертное разстояніе и проговорилъ съ гнѣвною улыбкою и нахмуренными бровями:

— Неужели блѣднolicaя думаетъ, что Ганджера побоятся женской стрѣлы? Неужели она думаетъ, что тотъ, кто шелъ побѣдно во главѣ своего племени — на встрѣчу вражїихъ стрѣлъ, уклонится отъ своего намѣренїя? Нѣтъ! Ганджера поклялся овладѣть блѣднolicей, а Чокуфъ никогда не забываетъ своей клятвы... Ты вызвала его на бой, и онъ будетъ отомщенъ. Блѣднolicaя падетъ, но не такъ, какъ оя отецъ, раненый только въ тѣло: у нея будутъ ранены сердце, душа и честь.

И онъ смѣло пошелъ къ Кларѣ.

— Остановись, крикнула она, или рука дочери отомститъ за смерть отца!

Индїецъ продолжалъ подходить съ рѣшительнымъ взглядомъ, и Клара изо всѣхъ силъ натянула лукъ. Она поняла, что индїецъ непоколебимъ въ своемъ намѣренїи, и что если она опять попадетъ ему въ руки, — ей уже нѣтъ надежды на побѣгу. Она спустила стрѣлу, но Ганджера слишкомъ внимательно слѣдилъ за ея движе-

ніями, и стрѣла пролетѣла надъ нимъ безвредно. Для бѣдной дѣвушки было все потеряно, и вся дрожь отъ страха, она бросилась къ берегу рѣки.

— Боже! воскликнула она. Прости меня! Беззащитной, сокрушенной сердцемъ и духомъ, мнѣ лучше предстать передъ моимъ отцемъ чистою и непорочною, чѣмъ умереть отъ стыда и позора.

Клара добѣжала до окраины берега, преслѣдуемая Ганджерою, и уже чувствовала на плечѣ его руку, чувствовала на щекѣ его дыханіе; но съ нечеловѣческой силой вывернулась изъ-подъ-руки дикаря и далеко прыгнула въ птобѣ.

Волны закрутили ее и быстро отнесли отъ берега...

ГЛАВА IV.

Спасеніе.

Мы оставили смѣлаго и благороднаго „охотника стреминъ“ въ его вигвамѣ, когда онъ поклонился у ложа раненаго миссіонера — отомстятъ жестокосердому вождю Чокуфовъ. Миссіонеръ заснулъ глубоко но ночныя событія отгоняли сонъ отъ глазъ охотника, и онъ подумалъ, что — можетъ быть — свѣжій воздухъ разсѣетъ тяжелыя впечатлѣнія послѣднихъ часовъ.

Выйдя изъ своего вигвама, онъ постучался въ другой, по соудству, и на его зовъ вышелъ молодой индѣецъ, лѣтъ двадцати. Охотникъ попросилъ его присмотрѣть за старымъ миссіонеромъ, и юноша тотчасъ-же согласился, выслушавъ всѣ обстоятельства дѣла.

Подведя своего товарища къ ложу миссіонера, Зооле приказалъ отнюдь не впускать никого въ вигвамъ, взялъ карабинъ и пошелъ въ водопадамъ. Тяжелымъ камнемъ лежала у него на сердцѣ участь миссіонерской дочери, потому что онъ любилъ бѣдную дѣвушку такъ-же чисто и свято, какъ горячо и искренно.

Съ растерзанной душой, ничего не замѣчая вокругъ себя, онъ шелъ и думалъ: какъ ему спасти бѣдную дѣвушку отъ руки Ганджеры и возвратитъ отцу?

Встрѣтъ онъ Ганджеру одного, — онъ не задумался бы отомстить ему за зло, нанесенное старику и его дочери; но идти къ нему съ укорами въ вигвамъ было-бы крайнее неблагоразумно: племена Охотника и Ганджера жили въ мирѣ, а ссора вождей повела-бы къ

неминуемому разрыву и кровавой схваткѣ между Дакотами и Чокуфами.

— Нѣтъ, раздумывалъ охотникъ, нѣтъ: Зооло не слѣдуетъ открыто требовать блѣднолицой дѣвушки изъ вигвама Ганджеры: вождь обратится къ вѣсколькимъ воинамъ своего племени и они помогутъ ему въ его черномъ и зломъ дѣлѣ. Встрѣтятся лицомъ къ лицу съ Зооло онъ не посмѣетъ, онъ, побѣдоносно похитившій дѣвушку; а сердце его такъ черно и жестоко, что онъ лишитъ дочь миссіонера всякой возможности вырваться на свободу. Но Зооло не етелонится отъ своего намѣренія: онъ будетъ подстерегать врага изъ своего вигвама, онъ будетъ ходить по его слѣдамъ, и, когда они сойдутся съ глазу на глазъ, Ганджера пойметъ, что охотникъ Зооло умѣетъ уважать справедливость и права, умѣетъ и противоборствовать насилію, низости и злу.

Охотникъ погрузился въ глубокую думу и тихо шелъ по берегу, изрѣдка поглядывая разсѣянно на воду.

Не любовался онъ, какъ прежде, игрою серебряныхъ лучей мѣсяца на волнахъ: его душа парила надъ вигвамомъ Ганджеры и незримо охраняла Клару отъ всякой бѣды, какая могла представиться его воображенію.

— И что-же! шепталъ онъ про себя, крѣпче сжимая карабинъ: неужели Зооло знаетъ, что его милая въ опасности и не стремится ей на помощь? Неужели безпощадный Чокуфъ восторжествуетъ надъ безцѣнной для Зооло дѣвушкой, и Зооло не попытается спасти ее. Развѣ охотникъ сдѣлался трусомъ, что стоитъ здѣсь, а не передъ вигвамомъ Ганджеры? Или промолчить его карабинъ, вмѣсто того, чтобы пронзить огненнымъ ударомъ сердце Чокуфа? Нѣтъ! Зооло не будетъ празднымъ, и не промолчитъ его карабинъ. Охотникъ переллываетъ рѣку, отыщетъ вигвамъ Чокуфа, спасетъ блѣднолицую дѣвушку и убьетъ презрѣннаго оскорбителя чести цѣлаго племени и имени индійца!

Онъ повернулъ назадъ, къ тому мѣсту, гдѣ лежала его лодка, какъ вдругъ первый лучъ свѣта пронзилъ ночные туманы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя мысли западали въ голову Зооло.

— Можетъ быть, думалъ онъ, пока свѣжій вѣтерокъ обвѣвалъ ему горячее лицо, можетъ быть, Ганджера не унесъ блѣднолицой дѣвушки къ себѣ въ вигвамъ, а ежели и унесъ, солнце будетъ уже высоко на небѣ, кгда охотникъ дойдетъ до селенія Чокуфовъ. Дакоту узнаютъ и спрячутъ отъ него дѣвушку, и заботы его проца-

дуть даромъ. Охотникъ долженъ выждать, когда скатится темный туманъ и въ лёсу зарычитъ пантера: тогда, незримо и неслышно, онъ пойдетъ къ вигваму Ганджэра. Будетъ онъ пока смотрѣть на быстрыя струи потока: веселятъ онъ сердце печальнаго охотника, а грохотъ мощныхъ водопадовъ — музыка для его уха. Блѣдное лицо говорить, что это музыка природы, славящей громовымъ голосомъ чудныя дѣла Великаго Духа!..

И онъ, дикій сынъ лёсовъ, невоспитанный, необразованный, онъ признавалъ бытiе силы, высшей, чѣмъ сила человѣческая? Кроткія поученія пастора, вреденная наклонность къ мысленію и красоты дикой, невоздѣланной природы, окружавшей его отъ самой колыбели, раскрыли ему духовныя очи, и онъ съ изумленіемъ и благоговѣніемъ всюду прозрѣлъ Верховнаго Даятеля всёхъ благъ.

Онъ стоялъ и глядѣлъ на переливній цвѣтъ волнъ, какъ солнце вдругъ бросило на нихъ радужный снопъ своихъ лучей. Яркій дневной цвѣтъ разлился по землѣ, пробудилъ дремавшую природу и воззвалъ ее къ радостной жизни.

Пернатые пѣвцы слили свои голоса въ одну мелодію; воздухъ вѣялъ утреннимъ ароматомъ, освѣжалъ и нѣжилъ чувства. Колибри порхали съ дерева на дерево, съ цвѣтка на цвѣтокъ, и такъ была вѣйна ихъ жужжащая пѣсенка: бѣлки прыгали и играли на солнцѣ, а ясный день гналъ далеко-далеко ночные туманы.

Охотникъ все еще стоялъ въ раздумьѣ; величавый его станъ ясно обозначался въ рамкѣ лучей; взоръ его былъ устремленъ по ту сторону рѣки, къ вигваму Ганджэры.

Мысли его, на время разсѣянные окрестными видами, снова сосредоточились на блѣднлицой дѣвушкѣ и на средствѣ вырвать ее изъ рукъ Чокуфа. Но тщетно усиливался онъ придумать вѣрный планъ для ея спасенія. Онъ сѣлъ на скалу, опустил голову на руки и глубоко задумался.

— „Безполезно будетъ,“ шепталъ онъ, обращаясь съ просьбою о помощи. Дакоты и Чокуфы въ мирѣ. Они не рѣшатся подвергнуться случайностямъ битвы за дочь благаго человѣка: и такъ много нашихъ молодыхъ воиновъ пало въ бою, пало, правда, не безъ отместки, но наши старики не согласятся объявить войны Чжэу-фанъ за то, что ихъ вождь нарушилъ права гостепріимства передъ чужеземцемъ. Они скажутъ, что не ихъ дѣло сражаться за пришельцевъ изъ далекихъ сторонъ: — будетъ съ нихъ битва и за самихъ себя, когда чужое племя завладѣетъ ихъ землею, или уго-

нить их быковъ, или похитить ихъ женщинъ. Нѣтъ: Зооло будетъ бѣгаться одинъ за блѣднлицую дѣвушку!

Онъ всталъ и хотѣлъ спуститься со скалы, чтобы вернуться въ свой висвамъ, какъ вдругъ до него долетѣлъ по водѣ, вмѣстѣ съ вѣтеркомъ, слабый и жалобный крикъ.

Охотникъ пристально поглядѣлъ кругомъ, въ надеждѣ узнать — откуда донесся этотъ крикъ? — но не выдалъ ничего, кромѣ прыгавшихъ по волпамъ солнечныхъ лучей.

Онъ сталъ внимательно прислушиваться: ничего... Изрѣдка слышались пѣвіе птицъ, да шумъ воды — и опять тишина. Еще разъ сталъ онъ спускаться со скалы и еще разъ повторился тотъ же крикъ. Сердце Охотника билось сильно и, Богъ вѣсть, — почему — всѣмъ его существомъ овладѣло странное ощущеніе. Онъ упорно глядѣлъ на волны, убѣжденный, что звукъ вылеталъ изъ нихъ.

Долго и тоскливо глядѣлъ онъ въ потокъ, перевитый съ солнечными лучами и уносившійся съ ними въ шумной пласкѣ, и глядѣлъ ненапрасно: внизъ по рѣкѣ, на дѣвольно далекомъ разстояніи, къ нему быстро подплывалъ какой-то предметъ.

— „Вотъ тамъ,“ прошепталъ онъ: „что-то такое несется по потоку прямо сюда. Что это можетъ быть! солнце и вода такъ ослѣпили Охотника, что онъ ничего не можетъ разглядѣть... А!“, прибавилъ онъ, когда предметъ подплылъ ближе: „это человѣкъ... Чья нибудь лодка опрокинулась и отдала своего пловца на волю потока... Помогите мнѣ, Великій Духъ, спасти бѣдняжку, кто-бы онъ ни былъ: попадетъ въ струю — и тогда пропасть!“

Онъ глядѣлъ на плывущій предметъ изъ подъ руки: солнечные лучи словно клубились и взметывали волны передъ его ослѣпленными глазами, и застилали все кругомъ зеленоватой пеленой.

— „А!“ вскрикнулъ Зооло, взглянувъ пристальнѣе: „это женщина, и женщина блѣднлицая... Неужели это дочь благаго человѣка, похищенная Чокуфъмъ. Да, это должна быть она!... О, Великій Духъ, дай силы Охотнику спасти ее отъ быстрины!“

Какъ безумный, сбѣжалъ онъ со скалы и полетѣлъ вдоль берега на встрѣчу утопавшей дѣвушки, все еще уносимой волнами въ самую быстрину.

— „Если Эй подводная скала задержитъ ее на мгновеніе, еще есть надежда на спасеніе!“ говорилъ Зооло, устремивъ взоры на поднимающуюся изъ воды низкую скалу: волны бѣшено разбивались о нее и отбѣгали къ берегу. — „Да нѣтъ,“ продолжалъ онъ со вздо-

домъ: „волна промчить ее мимо, и тогда уже никому не снасти ея, кромѣ Великаго Духа“.

Вдругъ его озаряла неожиданная мысль, и онъ быстро побѣжалъ по берегу къ огромному дереву, далеко нависшему надъ водою своими вѣтвями.

— „Если потокъ понесетъ блѣднолицую по эту сторону скалы,“ подумалъ онъ: „волны ударятся въ камень и сначала отбѣгутъ къ берегу, чтобы потомъ вновь устремиться отъ него къ водопадамъ... Если бы это случилось такъ, рука Охотника не напрасно протянулась бы на помощь блѣднолицой, и сердце бѣлаго человѣка не разбилось бы отъ горя, при печальномъ разказѣ индѣйца?“

Клара все еще плыла впередъ: ее поддерживало на водѣ платье, раздутое воздухомъ въ тотъ самый мигъ, когда, спасаясь отъ преслѣдованія Ганджеры, она кинулась въ волны. Уже близко была она отъ скалы: еще нѣсколько мгновений — и ея судьба должна была рѣшиться.

Индѣецъ съ проворствомъ кошки вскарабкался на стволъ, схватился за самую длинную вѣтвь и доползъ до ея верхушки. Подъ тяжестью его тѣла, вѣтвь наклонилась футовъ на шесть отъ поверхности воды, отразившей образъ Охотника въ своемъ кристальномъ зеркалѣ.

Зооло смутила мысль, что эта вѣтвь оторвется отъ ствола, рухнетъ съ нимъ въ воду и вмѣстѣ съ ней потонетъ послѣдняя надежда — спасти блѣднолицую дѣвушку.

Ближе и ближе подплывала Клара: волны несли ее прямо на скалу и грозили разбить въ дребезги; но въ нѣсколькихъ футахъ отъ каменной гряды вдругъ остановились и словно замерли. Замерло въ этотъ мигъ и дыханіе у Зооло: но разомъ отпрянули отъ скалы волны, словно ихъ оттолкнула незримая рука, и бѣшено помчались съ Кларой къ берегу. Радостный вздохъ облегчилъ грудь Зооло. Быстро свѣсилъ онъ съ вѣтви, держась за нее одними ногами, и голова его едва не коснулась воды. Одно невѣрное движеніе — и онъ погибъ бы, одно мгновеніе нерѣшимости — и Клара не было спасенія...

Но Клара проносилась мимо — рука индѣйца сверкнула молніей и мощно схватила дорожную добычу.

Зооло притянулъ дѣвушку къ себѣ, — и только сверхъ-естественная сила, только дикарь — исполинъ могли совершить такое чудо: несмотря на тяжесть намоетшаго платья, не смотря на свое отчаянное положеніе, Зооло приподнялся самъ и приподнялъ дѣвушку до спа-

сительной вѣтви, тихо спустился до корня дерева, подожилъ свою безчувственную ногу на землю, и палъ въ изнѣможеніи къ ногамъ Клары.

ГЛАВА V.

Любовь и опасность.

Какъ только Ганджера увидалъ, что отчаянная Клара кинулась въ потокъ, первымъ его движеніемъ было—броситься вслѣдъ за нею и вырвать ее изъ жадныхъ объятій волнъ. Но онъ мгновенно одумался и понялъ все безразсудство такого поступка и всю невѣрность успѣха: онъ былъ могучій пловецъ, да врядъ-ли удалось-бы ему настичь Клару, потому что рѣка дробилась на множество струй, и самыя опытные и ловкіе индійцы со страхомъ ввѣрялись ихъ быстринѣ, и съ большимъ трудомъ торжествовали надъ притягательною силою водопадовъ.

Въ безумной ярости отъ утраты своей добычи, Ганджера скрежеталъ зубами и ломалъ себѣ руки, такъ что кровь выступала изъ подъ ногтей. Онъ поднималъ брошенный Кларою на берегу лукъ, и, проклиная себя за оплошность, побѣжалъ вдоль берега рѣки, вслѣдъ за волнами, уносившими Клару.

Всякая попытка спасти ее была теперь бесполезна: струя несла Клару по самой серединѣ потока, и дѣвушка не было никакой надежды—избѣгнуть водопадовъ, низвергавшихся въ кипучее озеро.

Индіецъ превратилъ напрасную погоню, остановился и глядѣлъ вслѣдъ Клары. Онъ видѣлъ, какъ ее крутило и мчало впередъ; но она ни разу не погрузилась: платье, надутое воздухомъ, держало ее на водѣ. Клара была утрачена для него на всегда: мощныя волны обручились съ ней, и одно воспоминаіе о ночной неудачѣ осталось Ганджерѣ за его коварство, преступленіе и низость.

Слѣдя глазами за Кларою, индіецъ замѣтилъ, что какой-то предметъ, выдавшійся изъ воды, загораживалъ путь волнамъ. Снова ринулся онъ впередъ, все еще въ надеждѣ—не утратить своей жертвы безвозвратно. Но тѣло дѣвушки оставалось недвижнымъ на водѣ только одно мгновеніе: платье Клары, казалось, запуталось во что-то, но тотчасъ-же мощный потокъ оторвалъ ее и быстро умчалъ къ противоположному берегу.

Чѣмъ слабѣе и слабѣе мелькалъ лучъ надежды, тѣмъ сильнѣе раздавались проклятія Ганджеры. Онъ разглядѣлъ скалу, пересѣ-

кавшую потогъ, увидалъ Клару въ двухъ шагахъ отъ каменьевъ, грозившихъ раздробить ее въ атомы, и потерялъ ее изъ виду. Онъ отвернулся и затаилъ дыханіе; корча сжала ему каменное сердце, и каждое мгновеніе ожидалъ отъ послѣдняго крика погибнувшей на опѣнненныхъ камняхъ Клары.

Нестерпимо болѣзненно завывало его сердце, и онъ поднялъ взоръ къ небу. Въ этотъ самый мигъ онъ увидѣлъ, что Зооло приближается къ себѣ на дерево безчувственную дѣвушку, и закрылъ отяжелѣвшіе отъ боли глаза.

Ганджера отвернулся отъ рѣки и задумчиво пошелъ къ своему вигваму, проклиная себя и за то, что надъ нимъ насмѣялась блѣднолицая, и за то, что не удержалъ ее на берегу.

Дойдя до вигвама, онъ кинулся на ложе и отдался тяжелымъ думамъ.

Въ головѣ его сталкивались различныя мысли: онъ и радъ былъ, что Клара жива, и досадно было ему, что она вырвалась изъ его рукъ. Одно мгновеніе отъ приходилъ въ восторгъ при мысли объ ея спасеніи; другое — дрожалъ отъ бѣшенства, что волны не поглотили ея, если уже не могли принести назадъ въ его объятія.

— Но она жива, проговорилъ онъ вставая съ ложа, она спаслась, и теперь должна быть любовницей Ганджеры... А ежели она досталась чужому племени... Такъ что-же! Чокуфы объявятъ войну, если блѣднолицая не будетъ имъ возвращена. Ганджера водилъ своихъ воиновъ въ битву за менѣе важныя предлоги. Онъ потребуетъ блѣднолицую, и, если получить отказъ, его воинскій крикъ пронесется отъ лѣсовъ до озеръ, и его томагоукъ, тяжело упадетъ на голову врагамъ. Но, продолжалъ онъ, солнце уже высоко на небѣ, а воинъ еще не ложился спать; онъ усталъ и члены его ослабѣли. Онъ отдохнетъ немного, и когда его тѣло окрѣпнетъ и мозгъ его остынетъ, тогда онъ проявитъ всю свою силу, если ему откажутъ...

Онъ снова бросился на ложе, и, утомленный событіями ночи, крѣпко заснулъ.

Былъ уже полдень, когда Ганджера проснулся, всталъ съ ложа и припомнилъ все, что случилось ночью и раннимъ утромъ.

Теперь голова его простигла и онъ могъ рассуждать спокойнѣе. Не теряя надежды на обладаніе Кларою, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ — какъ безумно было первое его намѣреніе — вытребовать блѣднолицую дѣвушку открыто: легко могло случиться, что подобное требованіе поставило-бы и его самого, и все его племя въ весьма затруд-

питательное положеніе. Поэтому онъ рѣшился посѣтить Крели и другихъ старшинъ, вызвавшихъ его въ коварномъ похищеніи дѣвушки изъ отчужаго дома. Онъ надѣялся что ихъ совѣты укажутъ ему вѣрное средство — вновь овладѣть Кларою.

Съ этой цѣлью онъ навѣстилъ своего товарища, засталъ его дома, и пригласивъ еще нѣсколькихъ дикарей, разсказалъ имъ все, какъ было, и терпѣливо ожидалъ ихъ отвѣта.

— Ганджера, сказали Крели, мы обѣщали помочь тебѣ, а Чокуфъ всегда вѣренъ своему слову. Но твое нетерпѣніе овладѣть блѣднолицей погубило все. Подождаль-бы ты нашей помощи, мы были-бы подлѣ тебя и отвратили-бы бѣду. Теперь намъ остается поправить твою ошибку.

— Научите, какъ мнѣ снова овладѣть блѣднолицей? крикнулъ Ганджера. Я поклялся великимъ Духомъ, что она испытаетъ на себѣ и власть мою, и месть. Я поклонился ей моею любовью, — она отвергла ее съ гнѣвомъ: пусть же теперь узнаеть, что такое ненависть Ганджеры!

— Ганджера! замѣтилъ одинъ изъ индійцевъ: ты говоришь нехладнокровно и не разсудительно: — тебя ослѣпила страсть. Ты говоришь, что хочешь овладѣть блѣднолицей: если такова твоя воля, выбирай-же средства исполнить ее — благоразумныя и безопасныя. Слушай, еле встало солнце надъ лѣсомъ и озолотило горячими лучами воды, я былъ уже въ челнокѣ и переправился на другую сторону рѣки. Прошло не много времени, какъ я увидалъ Зооло, дакотскаго охотника; онъ несъ на рукахъ безчувственную блѣднолицую дѣвушку. По ея мокрому платью, я догадался, что она вытащена изъ воды; руки ея были исцарапаны, какъ-будто о подводные камни. Нѣтъ сомнѣнія, что эта та, къ-мъ ты желаешь овладѣть... Но Зооло храбръ, Зооло защищаетъ блага челоуѣка, радушно введетъ его дочь въ свой вигвамъ, и откажется выдать ее намъ. Ганджера тебѣ не слѣдъ — раздражать Дакотовъ, твоимъ требованіемъ: они не послушаютъ твоего голоса, ежели Зооло противъ тебя. Зооло любимъ своимъ племенемъ: онъ поголовно встанетъ, или падетъ за него.

— Но блѣднолицая должна быть моею! крикнулъ Ганджера, яростно топнулъ ногою. Я поклялся Великимъ Духомъ и сдержу мою клятву.

— Потерпи немного, сказали Крели, — и блѣдолицая будетъ въ твоихъ рукахъ. Пусть солнце встанетъ и сядетъ семь разъ: мы

тогда переплывемъ рѣку и возьмемъ блѣднолицую изъ вигвама Зооло. Теперь насъ ждетъ одна неудача и напрасная твоего. Переждемъ недѣлю, — и успѣхъ за нами. Такъ и знай, и прійми мой совѣтъ.

— Хорошо! сказалъ Ганджера, помолчавъ и обдумавъ слова Крели: твой совѣтъ хорошъ. Семь разъ встанетъ солнце, — и тогда мы отправимся за безпечной блѣднолицей дѣвушкой, и испытаетъ она всю власть Ганджеры.

Проговоря эти слова, онъ простился съ друзьями и вошелъ въ свой вигвамъ. Тѣмъ временемъ, Зооло, очнувшись отъ обморока, поднялъ на руки Клару и понесъ ее въ свой вигвамъ.

Старый миссионеръ также очнулся на мѣховомъ ложѣ, оправленномъ ему услужливымъ индѣйскимъ юношею.

Какъ описать радость сѣвого старика, когда онъ увидаль свою дочь?

Глядя на поблѣднѣлое лице своей Клары, онъ только пожималъ руку молодого Охотника.

— Услышаны молитвы старика! проговорилъ онъ: возвращено ему дитя. Зооло, да будетъ надъ вами мое благословеніе, вы поступили...

— Какъ повелѣлъ мнѣ Великій Духъ, — для чести моего племени и для спасенія благаго человѣка... Охотника благодарить не нужно: онъ сумъ себя наградилъ.

Клара недолго оставалась въ безчувствіи: открыла глаза, прыгнула на шею къ отцу и зарыдала... Слезы заменили ей слова.

Охотникъ улыбался, глядя на отца и на дочь, а когда Клара бросила на него благодарный взглядъ, отвернулся и вышелъ изъ вигвама, сказавши:

— Я пришлю къ вамъ одну изъ нашихъ женщинъ. Въ моемъ вигвамѣ вы можете спать спокойно и не бояться: Зооло силенъ и племя его храбро.

— Благородное сердце, великодушный человѣкъ! сказала Клара подходя къ своему отцу. Батюшка, мы его неоплатные должника.

— Справедливый Богъ заплатитъ ему, отвѣтилъ старикъ. Смѣлый его поступокъ отмѣченъ Тѣмъ, Кто благословляетъ защитниковъ слабыхъ отъ сильнаго.

Прошла недѣля, — цѣлая недѣля! Кажется, времени не много, а сколько было перемѣнъ, и сколько ихъ кануло въ вѣчность?

И дѣйствительно. невообразимо перемѣнилась Клара Уилльянсъ,

хотя и выздоровленіе стараго миссіонера, благодарѣ уходу дочери и дѣвственнаго сына лѣсовъ, было также невообразимо.

Вечерѣло. Солнце золотило и багровило западъ, бросая на землю фантастическія тѣни, а пернатые пѣвицы пожелали ему прощальнымъ гимномъ доброй ночи, и запрятали головы подъ крыло, въ ожиданіи, что и завтра то-же солнце возвѣстивъ имъ новое утро.

На порогахъ вигвама сидѣли Зооло, Клара и ея отецъ. Едва оправившійся старикъ все еще былъ слабъ и его беспокоила рана, нанесенная Ганджерою. Благоговѣнно и долго смотрѣлъ онъ на румяный закатъ наконецъ утомился, обнявъ дочь, пожалъ руку Зооло, и ушелъ спать.

Клара и Охотникъ остались одни.

Клара не поднимала глазъ и упорно глядѣла въ землю; Охотникъ не сводилъ взоровъ отъ солнечнаго заката и только изрѣдка поглядывалъ на задумчивую дѣвушку. Оба они были погружены въ глубокія думы; молчаніе становилось тягостно и всемѣтная тишина нарушалась только плескомъ водопада, да шелестомъ крылъ птицы, пробужденной ночнымъ мотылькомъ.

Зооло первый нарушилъ молчаніе. Пристально поглядѣлъ онъ на Клару и промолвилъ:

— Волики дѣла Великаго Духа! Посмотрите, какъ хорошо зажать! послушайте, какъ звучно говорятъ воды...

— Да, прошептала Клара, и снова задумалась.

Зооло отвернулся и тяжело вздохнулъ.

Клара услышала этотъ вздохъ, и словно подъ унисономъ, грудь ея заколебалась отъ такого-же глубокаго вздоха.

Давно уже знала и уважала она молодого Охотника. Его дружеская почтительность къ ней и къ ея отцу, его самоотверженность при спасеніи старика изъ пламени, а ея самой изъ челюстей близкой и страшной смерти—заставили Клару, хотя и не созналась-бы она, полюбить индійца. Слѣдуетъ при этомъ припомнить, что все таки она была европейкою, образованною женщиною, случайно закинутою въ чуждую даль, и сколько ей было нужно силъ, чтобы, вопреки предразсудкамъ, соединить свою судьбу съ судьбою невоспитаннаго, необузданнаго дикаря?

Объ этомъ-то и думала Клара, изрѣдка поглядывая на мужественный обликъ молодого индійца.

Но о чемъ думалъ Зооло?.. Думалъ и онъ, что напрасны были бы его надежды на взаимность блѣднолицей, и что разстояніе между

нить и Кларой слишкомъ велико. Онъ, никогда не склонявшій гордой головы ни передъ одной изъ своихъ одноплеменницъ, чувствовалъ, что готовъ за одно слово, за одну улыбку, за одинъ взглядъ Клары, пасть къ ея ногамъ.

Но, передумывалъ онъ самъ съ собою: пусть блѣднотлица и не любить Охотника все же она не разсердится на его горячую любовь: не сгонитъ со щекъ его румянца, не остудитъ сердца холоднымъ презрѣнiемъ. Нѣтъ, нѣтъ! слишкомъ добра она, слишкомъ мила: пожалѣеть человѣка хотя-бы за то, что спасъ и ея отца, и самое ее отъ смерти.

Онъ обернулся, поглядѣлъ прямо въ лицо дѣвушки, взялъ ее за руку и проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

Хочетъ блѣдное лице послушать краснокожаго?

— Да, отвѣтила Клара, очнувшись: говорите Зооло! Я ваша вѣчная должника.

— Блѣднотлица добра, продолжалъ охотникъ, а краснокожій благодаренъ. Но онъ боится говорить..

Не бойтесь, возразила Клара: не можетъ быть ничего такого, чего-бы я отъ васъ не выслушала.

Рука индiйца нервически дрогнула въ ея рукѣ, и тихо, и нерѣшительно сталъ онъ говорить:

— Клара! когда бѣлый человѣкъ, вашъ отецъ, сталъ сзывать дѣтей лѣсовъ, чтобы передать имъ завѣты Великаго Духа, уши Зооло чутко раскрылись и вся его душа была потрясена удивленiемъ. Ежели индiйцы смѣялись подъ часъ надъ рѣчами бѣлаго человѣка, Охотникъ былъ всегда первымъ его защитникомъ...

Увидалъ Охотникъ дочь бѣлаго человѣка, и пала тоска на сердце Охотника: понялъ онъ, какъ блѣднотлица лучше всѣхъ его родныхъ дѣвушекъ и молил Великаго Духа—превратить его въ бѣлаго человѣка, чтобы могъ онъ любить безъ страха и надѣяться... Пыталъ онъ задушить въ себѣ сердце, позабыть про блѣднотлицу, бродилъ по лѣсу, и по степи: нѣтъ! Подниметь съ логова пантеру, а ее и заслонить лицо бѣлой дѣвушки, и свинець пролетитъ мимо. Вѣтеръ шелохнетъ листьями—голосъ блѣднотлицы; рѣка отражаетъ ее, небо говоритъ про ея красоту.

Опустылѣла Зооло охота, сталъ онъ бродить около дома бѣлаго человѣка, и все—для чего? не увидитъ-ли, не услышитъ-ли дѣвушки, а если и нѣтъ—будетъ къ ней близко—близко...

— Клара! шепнулъ онъ еле слышно, и грудь его заволнова-

лась: Клара! краснокожій васъ любить! Зооло жаждетъ и охотиться, и жить для васъ, и биться и умереть за васъ!

Крѣпко пожалъ онъ руки Клары и поглядѣлъ на нее такимъ глубокимъ, такимъ душевнымъ взоромъ, что она опустила глаза и не могла произнести ни слова.

Еслибы и сомнѣвалась она въ любви Охотника, — сомнѣніе исчезло. Слова и взоры индѣйца горѣли страстію, а Клара молчала.

— Не хочеть мнѣ отвѣтить блѣднолицая? спросилъ Зооло, переждавъ. Станетъ она плести мокасины Охотнику, или слова его уязвили ее?

— Нѣтъ Зооло! прошептала она: нѣтъ! не уязвили меня ваши слова...

— Стало-быть, крикнулъ онъ радостно, стало быть, Охотника...

— Любятъ! перебила Клара, принавъ на грудь Зооло.

Горячими объятіями и долгимъ поцалуемъ отвѣтилъ Зооло: онъ обезумѣлъ отъ блаженства...

Солнце сѣло; блѣдные лучи мѣсяца брызнули на рѣку; стихло; задремали и лѣсъ, и степь; вѣтерокъ вѣялъ ароматами съ тысячи цвѣтовъ на золотые кудри дѣвушки; вдали гудѣли водопады.

Вдругъ молодой Охотникъ вскочилъ, наклонился всѣмъ станомъ впередъ и сталъ прислушиваться.

— Что ты? спросила Клара: это шумать лѣсъ, да рѣка.

— Бѣлое лицо ошибется, а Охотникъ никогда: чутокъ онъ къ лѣснымъ звукамъ. У птицы въ воздухѣ, у пантеры въ трупцѣ, у змѣи въ травѣ, — у всѣхъ свои звуки, знакомые дѣтямъ степей... Прозвучало теперь ни то, ни другое, ни третье: прозвучалъ воинскій рогъ моего племени.

— Я ничего не слышу, замѣтила, вслушиваясь, Клара.

— Вотъ онъ опять долетѣлъ, словно крикъ ночной птицы... Чу?... продолжалъ онъ, принавъ ухомъ къ землѣ. Развѣ не слышно?.. Все ближе и ближе гроза на мое племя.

— А почти всѣ молодые воины на далекой охотѣ: что-же дѣлать? спросила поблѣднѣлая Клара. — Да не ошибся-ли ты...

— Блѣднолицая нашихъ не знаетъ: росли въ лѣсу; баюкала буря, да вой дикихъ звѣрей: неужели-же будутъ не на готовѣ при всякомъ шорохѣ и не слышать съ какого небеснаго угла подулъ вѣтеръ?.. Вотъ этотъ звукъ съ востока, а наши на западѣ, гдѣ солнце ложится спать... А! крикнулъ онъ вдругъ: видишь: — прыгаетъ пантерой? Слышишь: — остерегаеть?

— А ежели добрыя вѣсти?

— И не думай: пустился къ намъ со всёхъ ногъ... Не-ладно!

Дѣйствительно: по степи мчался газелью какой-то индѣецъ. Порывавшись съ Зооло, онъ ударилъ лукомъ о-земь и проговорилъ запыхался:

— Чокуфы перебиваютъ веслами рѣку... Ганджера вождемъ... На насъ плывутъ... Живо на встрѣчу, пока не вспыхнули вигвамы, и не заплагали плѣнные скоу. *)

И пробѣжалъ мимо — поднять съ ложа всёхъ, кто не отправился на охоту.

Мигомъ всполошилось селенье: мужчины схатились за томагоуки и ножи; женщины бѣгали взадъ и впередъ, рыдая объ отсутствіи молодыхъ воиновъ.

Зооло поднялъ одною рукою съ ложа миссіонера, другою ухватилъ Клару, и, тоскливо поглядѣвъ имъ въ лицо, сказалъ:

— Надо разстаться, и храни васъ Великій Духъ! Чокуфы напали насъ врасплохъ, — Ганджера впереди: спасайтесь отъ ихъ ружь.

— О, не покидай насъ, умоляла Клара. Останься съ нами Зооло!.. Въ силахъ-ли мой бѣдный, слабый отецъ бѣжать и скрыться въ степи.

— Я дамъ коня: онъ у меня цѣлъ, потому-что индѣйцы не мѣшаютъ въ свою вражду животныхъ... Скачите скорѣй! . Я долженъ васъ оставить: видите — всё наши воины въ строю, а Чокуфы — подъ рукою...

Онъ быстро отошелъ отъ нихъ, но еще быстрѣй вернулся, ведя подъ узду осѣдланную кровную кобылу.

— Скорѣе! крикнулъ онъ, вскинувъ на спину благороднаго животнаго Клару и, приподнявъ на сѣдло старика, сунулъ ему въ руки уздечку.

— Въ степь, въ степь! говорилъ онъ: въ степи Чокуфъ не найдеть васъ, а — не сядетъ еще солнце, — найдеть васъ Дакота.

Зооло! сказала дѣвушка со слезами. Солнце сядетъ, а гдѣ будетъ Зооло?

— Подлѣ тебя, если Дакоты по прежнему храбры. Не бойся: самъ Великій Духъ за мое племя, а у насъ и ножи остры, и головоломы тяжелы.

— Да вѣдь васъ мало, а Чокуфовъ много, замѣтилъ старикъ.

*) Скоу — женщина.

— А не самъ-ли бѣлый человѣкъ говорилъ, что Великій Духъ укрѣпляетъ десницу праваго и ослабляетъ мышцы виноватаго?

— Правда отвѣчалъ мистеръ Уилльямсъ: надѣющіеся на Мя да не погибнутъ.

— И такъ, покончилъ индѣецъ: ты — въ степь, а Зооло — въ бой... Хранить насъ Великій Духъ, и Дакоты навѣрно повѣсятъ на пояса чубы Чокуфовъ.

ГЛАВА VI.

Степной пожаръ.

Мигомъ опустѣла деревня: женщины и дѣти бѣжали, а Зооло быстро, но тайно и неслышно, отвелъ своихъ воиновъ на встрѣчу Чокуфовъ, какъ можно было дальше отъ вигамовъ.

Старикъ — миссіонеръ и Клара пѣскакали въ степь. Давно уже скрылось изъ виду селенье Дакотовъ, какъ дѣвушка случайно оглянулась и чуть было не обмерла со страха: подъ тѣнью деревьевъ, по одной съ нею и съ отцемъ дорогъ, двигались живыя тѣни туземцевъ, видимо враждебныхъ.

Клара разсудила, что лучше не говорить объ этомъ старику, а заставить его — погонять кобылу. Такъ и сталося: животное только-что не полетѣло надъ землею съ двойнымъ своимъ бременемъ.

— Только бы лѣсъ миновать, думала Клара, и мы спасены, Ганджеръ, если-бы онъ, — оборони Господи, — и побѣдилъ, въ голову не прійдетъ — искать насъ по степи.

Дальше и дальше неслася кобыла, — ближе и ближе надвигался спасительный кровъ.

Вдругъ опять пронесся въ воздухъ крикъ дикарей, уже слышанный Кларой,

— Что это за крикъ? спросилъ старый миссіонеръ, съ трудомъ удержавшись на внезапно осажденной лошади.

Прежде, чѣмъ Клара успѣла отвѣтить, крикъ повторился справа, будто въ отвѣтъ на первый.

— Господи! крикнула испуганная дѣвушка. Мои подозрѣнія оправдались, насъ окружили. Сначала крикнули сзади насъ, и подали вѣсть переднимъ. Отецъ, отецъ! лѣвъѣ, лѣвъѣ!.. Это единственная наша надежда!

— Возложимъ упованіе на небо! отвѣтилъ старикъ, направляя кобылу влѣво.

Въ ночной тиши еще ближе пронесся тотъ-же крикъ.

— Мы верхомъ, — не бойся, дитя мое: обгонимъ ихъ, ободрялъ старикъ Клару.

Гляди, гляди! отозвалась Клара, еще разъ оглянувшись: гляди, отецъ! мы погибли!

И упала на плечо старика.

Мистеръ Уильямъ также оглянулся и — кровь у него застыла.

— Господи! Дитя мое! Вотъ и все, что онъ могъ выговорить.

Когда, по просьбѣ дочери, онъ свернулъ влѣво, степь разстилалась передъ ними и справа, и сзади, и спереди, на лѣво возвышались скалы, прорытыя потоками.

Въ этомъ то ихъ положеніи, вызвавшемъ восклицаніе Клары, позади нихъ всыхнула степь до самыхъ облаковъ.

Возвратиться назадъ или повернуть куда-нибудь въ сторону — не было никакой возможности.

— Впередъ, отецъ, впередъ! кричала Клара.

Старикъ погонялъ кобылу, и летѣла она чуть не на крыльяхъ вѣтра; да огонь-то летѣлъ быстрѣе ея. Настала страшная минута, и пасторъ обратился къ Богу съ горячей молитвой о спасеніи дочери отъ неумолимой стихіи.

Передъ нимъ степь скатывалась къ берегу рѣки, кое-гдѣ огороженной перелѣсками и скалами.

Къ этому-то берегу, на вдавшійся въ рѣку языкомъ мысъ, и направились сбѣглецы; но достигнуть его можно было только лѣсомъ.

А между тѣмъ, — чѣмъ быстрѣе неслись они, тѣмъ быстрѣе нагонялъ ихъ степной огонь, тѣмъ удушливѣе доносился по вѣтру дымъ.

Дорогая ихъ скакунья стала видимо изнемогать, и ужасъ ихъ удвоился.

— Погибли, погибли! восклицала Клара, обливаясь слезами и за себя и отца.

— Нѣтъ не погибли: гдѣ жизнь, тамъ и надежда на нее! увѣщавалъ старикъ. — Намъ не далеко и спасемся съ Божьей помощью.

Но съ этими словами ослѣпило ему глаза новое пламя, и чернѣйшій дымъ хлынулъ на встрѣчу, такъ-что дыханье занялось. Лошадь осѣлась на заднія ноги и чуть ихъ не сбросила. Оба крикнули отъ ужаса, и не напрасно: степь пылала и сзади и спереди; пламя кло-

котало и мело съ пути все, что ни встрѣчалось; мириады искръ разсыпались по воздуху; дымъ стлался чернымъ, погребальнымъ флеромъ.

Лошадь, словно пригвожденная къ землѣ громомъ, не могла тронуться съ мѣста.

— Боже мой! Боже мой! смилуйся надъ рабомъ Твоимъ! молится онъ шепотомъ.

Но какъ ни погонялъ онъ кобылы, все было по-напрасну; она дрожала, при видѣ страшной сцены разрушительнаго нежара, и стояла какъ вкопанная.

Клара не отчаялась и быстро накинула свою мантилью на голову лошади, а того только и надо было: не вида болѣе огня кобыла боязливо прыгнула впередъ; но Клара не могла сохранить равновѣсія и тогда-же что-то сдернуло ее мгновенно съ сѣдла, и кобыла унеслась вдаль съ однимъ старикомъ.

Клара будто-бы повисла между небомъ и землей удержанная какой-то незримою силою. Впрочемъ, о себѣ, тогда и не думала: взоры ея слѣдили за отцемъ. Спасительницей его могла быть только рѣка, но все ближе и ближе догоняло уставшую лошадь пламя пожара. Оставалось около сотни ярдовъ до рѣки: около сотни же ярдовъ оставалось и до огня.

Дымъ на мгновеніе ѣдко отуманилъ глаза Клара, и когда она могла взглянуть на что-нибудь, — и лошадь и сѣдокъ были задержаны огненной занавѣскою; но не на долго: раздвоилась она, и за нею все еще мчалась къ рѣкѣ лошадь, только ужъ безъ сѣдока:

Огненная занавѣска задержала и глаза Клара; закружилась у ней голова, — задрожали всѣ члены, и покачнулась она, словно мертвая, при шопотѣ:

— Вотъ какъ погибаетъ бѣлый человѣкъ!.. Узнаетъ-же теперь блѣднолицая и силу, и грозную месть краснокожаго!..

Дикій, пронзительный крикъ вырвался изъ губъ бѣдной дѣвушки, и безъ чувствъ она упала на руки Чокуфа Ганджера.

ГЛАВА VII.

Борьба на смерть.

Когда Клара упала въ обморокъ, Ганджера понесъ ее вверхъ по прибрежной, лѣсистой скалѣ, отслоня рукою встрѣчныя вѣтви.

Лѣсъ былъ конечно знакомѣ дикарю, чѣмъ старому миссіонеру, и, обойдя окольнымъ путемъ степной пожаръ, онъ одновременно, но съ меньшею опасностью, прибылъ съ мистеромъ Уильямсомъ.

Конечно, его душилъ пожарный дымъ, но все таки онъ успѣлъ добраться до заранѣе заготовленной имъ лодкѣ.

Ганджера снесъ на нее безчувственную Клару, взялъ весла и поплылъ по самой серединѣ потока.

Еле-еле почувалъ онъ, что попалъ въ быстрину, сзади него замедляли нѣсколько лодокъ. Удивленный и испуганный тѣмъ, что эти лодки не могли принадлежать его племени, онъ напрягъ всѣ силы опередить ихъ, какъ можно болѣе: было ясно, что за нимъ плывутъ его враги, Дакоты, возвращавшіеся изъ отдаленной охотничьей поѣздки.

И онъ не обманулся племя Дакотовъ возвращалось домой на лодкахъ, чтобъ избѣгнуть степнаго пожара.

Ганджера налегъ на весла мощною рукою; но его быстро догоняли, потому-что на каждый прелѣдовавшей его лодкѣ было по шести весель.

Узнавъ въ своихъ преслѣдователяхъ Дакотовъ, приверженцевъ стараго миссіонера и его дочери, Ганджера упалъ духомъ.

Планъ Ганджеры овладѣть Кларою былъ хорошо обдуманъ: черезъ своихъ шпионовъ узналъ онъ, что большая часть молодыхъ дакотскихъ воиновъ отправилась на охоту — слѣдовательно, въ ихъ отсутствіи, можно было напасть безбоязненно на селеніе Дакотовъ.

По этимъ-то соображеніямъ, пероправился онъ черезъ рѣку и велѣлъ своимъ людямъ вступитъ въ бой съ Дакотами, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ пороговъ, а съ горстью избранныхъ воиновъ самъ углубился въ степь. Имъ-то и поручилъ онъ зажечь кругомъ лѣса сообразивъ, что Зооло, съ остаткомъ племени, кинется на встрѣчу главной толпѣ Чукуфовъ и оставить Клару и ея отца беззащитными.

По этому-то такъ усиленно налегалъ онъ на весла, поджидалъ встрѣтитъ своихъ соплеменниковъ — побѣдителей; но надежды его были обманутыми. Нѣсколько изъ возвращавшихся Дакотовъ подняли мистера Уильямса въ то самое мгновеніе, какъ онъ былъ сброшенъ съ сѣдла и чуть не задохнулся отъ дыма, и узнали отъ него всѣ обстоятельства дѣла.

Посадивъ стараго миссіонера въ одну изъ своихъ лодокъ, Дакоты изъ всѣхъ силъ поплыли къ своему селенію, чтобы помѣшать намѣреніямъ Ганджеры.

Вскорѣ они воззрились въ его лодку и усилія ихъ удвоились.

Но нельзя даже и вообразить—до чего дошло вошепіе мистера Уилльямса, когда онъ разглядѣлъ, что въ лодкѣ Ганджеры лежала его дочь... Отчаянные крики его придали еще болѣе силы гребцамъ.

Едва Ганджера убѣдился въ ихъ намѣреніи, еще сильнѣе налегъ на весла. Хотѣлъ-было онъ пристать къ другому берегу, да боялся быть схваченнымъ, а на берегъ дакотскаго селенія вѣроятнo уже ждали его *свои*, безъ сомнѣнія поразившіе Дакотовъ, обезсиленныхъ отсутствіемъ молодыхъ воиновъ.

И еще разъ ошибался онъ: молодые охотники поспѣли во время на помощь Зооло, разгрѣмили Чокуфовъ нежданно-негаданно и повѣсили ихъ чубы на свои пояса.

Между тѣмъ Ганджера все еще усиливался опередить своихъ преслѣдователей; но они догоняли его съ каждымъ взмахомъ весла. Не пуская стрѣль, чтобы не попасть какъ-нибудь въ Клару, Дакоты, на нѣсколькихъ лодкахъ, перерѣзали путь Ганджерѣ къ его селенію.

Чокуфъ уже миновалъ вигвамы Дакотовъ, правя къ тому мѣсту, гдѣ надѣялся встрѣтить свое побѣдоносное племя, а за нимъ, будто „по горячимъ слѣдамъ“ поспѣшали Дакоты. Ганджера свернулъ къ берегу, вынесъ на рукахъ Клару и затрубилъ въ рогъ призывную пѣснь войны своего племени...

И какъ-же онъ былъ изумленъ, когда никто не отозвался на его зовъ, и какъ былъ взбѣшенъ, увидавъ на землѣ трупы Чокуфовъ. Попытался-было онъ переплыть на противоположный берегъ; но тамъ уже пристали прежде него, и ждали къ себѣ въ гости...

Тогда-то, стиснувъ въ клещистыхъ рукахъ Клару, понесъ онъ ее, въ полномъ отчаянномъ бѣшенствѣ, вдоль берега, и ближе, все ближе къ водопадамъ. Удивительно было, какъ быстро уходилъ онъ съ Кларою Уилльямсъ на рукахъ, отъ своихъ догонщиковъ: еле-еле, на всѣхъ веслахъ, поспѣвали они за нимъ.

Рядомъ съ Ганджерой, прыгали съ порога на порогъ бѣшенныя волны... И глянуть онъ внизъ, словно на одинъ мигъ вздумалось ему помѣряться съ ними силою и вынести свою плѣнницу на другой берегъ; да страшно клубились водныя стремнины, и недолго постоялъ онъ въ раздумьѣ, поглядывая то на пѣнную глуть, то на подплывавшихъ ближе и ближе индѣйцевъ.

Почти въ то же мгновеніе пристали и они къ подошвѣ скалы, гдѣ остановился Ганджера съ полумертвой Кларой. Къ нимъ присоединились и другіе Дакоты съ Охотникомъ.

Едва ихъ завидѣлъ Ганджера у подошвы, — взмахнулъ надъ головою ножъ и проговорилъ грезно:

— Дакоты, услышьте непреложныя слова Чокуфа Ганджеры: онъ любитъ блѣднолицую; надъ ея головою поднять его ножъ; подъ ея ногами кипятъ волны и такія, что не осмѣлится довѣриться имъ ни одинъ безстрашный индѣецъ... Если кто нибудь изъ васъ ступитъ мокасинами на верхушку этой скалы, клянусь Великимъ Духомъ, — ножъ Ганджеры ухнется всею кровью блѣднаго лица, а тѣло кинется внизъ — жертвою мести красно-кожаго!

Зооло и его воины поблѣднѣли при этихъ словахъ чокуфскаго вождя: такъ былъ рѣшителенъ его взмахъ ножемъ и такъ отчаянно было положеніе Клары.

Молодой Охотникъ опомнился первый.

— Ганджера! крикнулъ онъ: слышали мы слова Чокуфа — выслушай-же и ты слова Дакоты... Бѣлый человѣкъ и его дочь пришли къ нашимъ берегамъ черезъ великія воды и поставили себѣ вигвамы — на твоей землѣ, и ты протянулъ имъ руку, какъ другъ и покровитель. Благодарностію переполнилось сердце благаго человѣка, и сталъ онъ призывать благостныю Великаго Духа на страннопріимнаго индѣйца, и повѣрилъ ему, краснокожему, а тотъ увидалъ дочь блѣднаго лица, и ея невинность, ея сирое одиночество должны были-бы тронуть его сердце, должны были бы вооружить его томагаукомъ за одну ее... Нѣтъ! Ты, Чокуфъ, поглядѣлъ на нее не такъ: ты, Ганджера, понялъ одно, что хороша она и добра; нарушилъ обѣтъ гостепріимства и покровительства; посрамилъ имя индѣйца: уподобилъ краснокожаго змѣѣ, коварно вползши въ дѣвичью спальню. Твоя могучая рука посягнула на сѣдины маститаго старца. И послѣ этого можно считать непреложнымъ слово Чоруфа?.. Дакоты и твое племя жили въ мирѣ и согласіи; но ты и твои Чокуфы переплыли рѣку, нарушили мирныя уставы вторгнулись неправо въ наши предѣлы. Мы пошли вамъ на встрѣчу, а вы струсили и побѣжали не передъ нашими воинами даже, а передъ нашими стариками и беззащитными дѣвочками. Вы все потеряли право — называться воинами, а ты вдвойнѣ: ты — не воинъ, и не вождь. Отведи свою руку отъ блѣднаго лица и ступай своимъ путемъ-дорогой, и не оскорбляй взоромъ индѣйца собою, вороньей падалью.

Ганджера дрогнулъ подъ громовыми укорами Охотника, но не выпустилъ Клары изъ своихъ тисковъ, и отвѣчалъ:

— Зооло! за этими водами сменье Чокуфовъ; туда отнесеть на рукахъ блѣднолицую Ганджера, или эти стремнины будутъ ея гробомъ.

— А!.. крикнулъ онъ, замѣтивъ, что Охотникъ поднимаетъ карабинъ: тронь только курокъ, ножъ Ганджеры будетъ пьянъ отъ крови блѣдой дѣвушки...

— Чокуфъ! отвѣчалъ въ свою очередь Зооло: я бью въ крыло птицу-муху, и если ты только руку поднимешь, заговорить мой карабинъ, и тяжело у тебя будетъ на сердцѣ.

— Пощади! крикнула вдругъ очнувшись Клара Ганджеръ. — Пощади меня: я вѣдь ничего тебѣ худаго не сдѣлала.

— Ганджера, отвѣчалъ чокуфскій вождь, предлагаетъ блѣднолицой раздѣлить съ нимъ вигмамъ.

— Ни-за что! отвѣтила дѣвушка рѣшительно.

— Ну, такъ смерть? крикнулъ Ганджера сдавивъ руку Клары.

— Лучше смерть, чѣмъ жизнь съ такимъ негодиемъ какъ Ганджера!

— Христіанка сама рѣшила: пусть-же и отпоютъ ее волны водопада!

Между тѣмъ Дакоты, и Зооло впереди, все выше и выше поднимались на скалу.

Ганджера кинулъ дрожавшую Клару на колѣни, занесъ надъ ней ножъ и смотрѣлъ на нее, какъ воплощенный дьяволъ.

Но прежде, — чѣмъ могла-бы опуститься рука Чокуфа, окрестность огласилась выстрѣломъ и изъ раздробленной пулею руки Ганджеры выпалъ ножъ.

— Блѣднолицая! крикнулъ Ганджера, когда его рука повисла бессильно: карабинъ Дакоты произнесъ твой смертельный приговоръ: твоя могила — этотъ водопадъ... если ты ужъ не досталась Чокуфу, не доставайся же и Дакотѣ. Говоря это, онъ одной рукой взмахнулъ дѣвушку надъ обрывомъ скалы и крикнулъ торжественно Дакотамъ.

— Зооло! ты вѣдь любишь блѣднолицую: спаси-же ее отъ смерти и мсти Чокуфа.

— Держитесь крѣпче за Чокуфа, крикнулъ Кларѣ Охотникъ, прыгая вверхъ на скалу по уступамъ. Ухватитесь за его поясъ, и

Охотникъ спасетъ васъ, или проведетъ самъ въ страны вѣчной охоты.

Ганджера рвануль отъ себя вдѣпившуюся въ него Клару, но, съ нечеловѣческой силой, обвила она его руками.

Зооло, прыжкомъ пантеры, былъ уже подлѣ: одной рукой вырвалъ онъ Клару, другой ухватилъ за горло Ганджеру. Истоленная, полумертвая Клара лежала на скалѣ такой-же безжизненной глыбой...

И тогда-то Ганджера съ Охотникомъ схватились другъ съ другомъ въ отчаянный, смертной борьбы; и раненая рука Чокуфа изменила своему бойцу: съ перваго-же напора Зооло опрокинулъ его на земь. Но и на землѣ озлобленные борцы по очередно клубились другъ надъ другомъ, какъ волны надъ скалами Ниагары.

Индійцы, пораженные паническимъ ужасомъ, недвижно слѣдили за этой обоюдно нещадной борьбою на смерть.

Напрасно усиливался Ганджера поразить своего противника ножемъ, поднятымъ во время схватки: рука Охотника всегда была на готовѣ и отражать, и наносить удары.

А все-таки раненый Ганджера былъ-бы соперникъ сильный, для многихъ и многихъ, да попался-то онъ въ упругую стѣту стальныхъ мышцъ Зооло...

Оба борца приблизились къ окраинѣ пропасти. Зооло вспыхнулъ съ непонятной силой приподнялъ могучаго Чокуфа и бросилъ въ зияющую бездну.

Ниже и глубже, глубже и ниже падалъ онъ, раздробляя черепъ о скалы, пока не погрузился въ шумный водопадъ и не былъ поглощенъ имъ безъ слѣда; одинъ насмѣшливый грохотъ дробящихся о скалы струй пропѣлъ надъ нимъ похоронную пѣсню.

Зооло нагнулся и слѣдилъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока Ганджера не попалъ въ самый кипень; а затѣмъ поднялъ безчувственную Клару и передалъ ее съ ругъ на руки отцу...

— Еще разъ, говорилъ старикъ, осыпая дочь поцалуями: еще разъ возвращаете вы мнѣ въ объятія Клару: бѣлый человѣкъ бѣденъ и не можетъ заплатить ни за себя, ни за дочь свою.

— Охотнику благодарности не нужно, отвѣчалъ Зооло: онъ ужъ и тѣмъ награжденъ, что исполнилъ свой долгъ.

— Благодарю! замѣтилъ старикъ, и...

И говорить-то стоитъ-ли? Только вотъ-что случилось: добрый-

пшій пасторъ соединилъ законнымъ бракомъ благороднаго индйца Зооло со вселюбезной своей дочерью Кларою.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ ихъ брака, благословеннаго всемъ племенемъ Дакотовъ, явились кое-кто изъ оставшихся Чокуфовъ, приняты были дружелюбно, а ночью подожгли вигвамы своихъ хозяевъ.

Разсѣрились тогда и Дакоты; въ свой чередъ переплыли рѣку и все селеніе Чокуфовъ предали огню и мечу. Спаслись развѣ въ лѣсахъ женщины, да дѣти, а имя племени исчезло навсегда.

Велико было веселье на свадьбѣ Зооло и Клары, и весь свой вѣкъ были счастливы молодые, хотя Богъ ихъ и не благословилъ дѣтьми. Тѣмъ не менѣе, старый миссіонеръ восхвалялъ Бога Единаго за то, что и онъ, бѣдный пасторъ, и дочь его Клара благотворно посѣяли сѣмена Евангелія въ невоздѣланную почву: отступили и исчезли передъ цивилизаціею былыя, дикія племена; но не исчезло преданіе о первомъ благодушномъ миссіонерѣ и о его красавицѣ — дочери.

ДЖЕРАЛЬДА.

ТАИНСТВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ДЖЕРАЛЬДА.

(Разсказъ Леона Гозлана).

I.

Семейное прощаніе.

— Не увѣжай же, другъ мой! тебя твоя вѣрная подруга Софія, тебя твоя дочь, твоя обожаемая Нэль, умоляютъ остаться. Не будь же безчувственъ и къ просьбѣ почтеннаго м-ра Крокка, твоего лучшаго друга. Чего тебѣ здѣсь не достааетъ? Не богатъ ты, что ли, не счастливъ, не уважаемъ, не боготворимъ всѣми?

— Я знаю, отвѣчалъ М. Фитцъ-Джеральдъ флегматически, но нѣсколько даже и нѣжно, — я знаю, что я очень богатъ; ты и дочь моя будете очень огорчены моимъ отъѣздомъ; что порядкомъ пожалѣеть обо мнѣ и м-ръ Кроккъ; знаю также, что я — предсѣдатель двадцати-трехъ клубовъ въ Лондонѣ, но всѣ эти узы, болѣзненно разрываемаы мною, не въ силахъ отклонить меня отъ моего намѣренія, созрѣвшаго въ тиши, обдуманнаго хладнокровно...

— Скажи лучше: жестокосердо.

— Милэди!

— Да, жестокосердо: не правда-ли, мистеръ Кроккъ? Если бы дѣло шло о наслѣдствѣ, — даже въ Калифорніи, о государственномъ порученіи, — даже въ Китай, о спасеніи чьей-либо жизни, — я не сказала бы ни слова, не посѣтовала бы и на неопредѣленный срокъ твоего путешествія; но для насъ тайна...

При словѣ тайна, М. Фитцъ-Джеральдъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ. Жена его продолжала:

— Совершенная тайна — и причина твоего отъѣзда, безъ сомнѣнія, опасно-исключительная, и названіе страны, куда ты ѣдешь... Не все ли это равно, что выказать болзнь — не вернуться къ своей семьѣ?

— Я никогда и не отрицалъ опасности, возразилъ М. Фитцъ-Джеральдъ: но, какъ честный человѣкъ, я принялъ всѣ мѣры къ полному твоему обезпеченію, если-бы судьба не судила мнѣ опять заключить тебя въ мои объятія, тебя и мою милую, бѣлокурую Нэль, и моего почтеннаго друга и сотоварища м-ра Крокка.

— Я не одобряю этого путешествія, сказала, въ свою очередь, м-ръ Кроккъ, хотя благоразуміе м-ра Фитцъ-Джеральда и ручается мнѣ вполнѣ за его заботливость о своей семьѣ... Въ священной книгѣ сказано: „Ежели ты мудръ, ты не взыщешь чуждаго дыма, и не омоешь ногъ нигдѣ, кромѣ своей рѣки“.

— Клянусь вамъ, любезнѣйшій мистеръ Кроккъ! крикнулъ мистеръ Фитцъ-Джеральдъ: — я до того насмотрѣлся на дымъ лондонскихъ трубъ и на воду Темзы, что мнѣ позволительно поискать другого дыма и другой воды. Но я стремлюсь къ наслажденію высшему и болѣе существенному.

— Что можетъ быть выше и естественнѣе желанія — жить съ тѣми и для тѣхъ, которые сами для насъ живутъ?

— Любезный мистеръ Кроккъ, продолжалъ Фитцъ-Джеральдъ, не обращая вниманія на сугубыя упрасиванія жены и дочери, — любезный мистеръ Кроккъ, духовная и матеріальная жизнь моей семьи будетъ теперь зависѣть отъ васъ. Если я когда-либо возвращусь, я желалъ-бы найти и состояніе мое увеличеннымъ, и миръ моей семьи упроченнымъ. Вы знаете, что мы ждемъ двухъ кораблей изъ Ямайки.

— И бумаго-прядильная наша фабрика процвѣтаетъ, прибавилъ мистеръ Кроккъ.

— Теперь конецъ, заключилъ мистеръ Фитцъ-Джеральдъ, прижимая въ волненіи къ своему сердцу жену и дочь, бѣлокурую Нэль, а та все плакала и все шептала:

— Не уѣзжайте, батюшка: мы вѣдь какъ любить-то васъ будемъ!

Мистеръ Фитцъ-Джеральдъ крѣпко пожалъ руку достопочтенному мистеру Крокку, сильно растроганному въ качествѣ сотоварища

рица и въ качествѣ домашняго друга, но не пролившему ни единой слезы, какъ и подобало священнослужителю англиканской цѣркви.

— Прощай! прощайте! кричали мистеру Фитцъ-Джеральду съ верху лѣстницы; прощайте! кричали ему, махая платками изъ окна; прощайте! прощайте! слышалъ онъ до самаго конца улицы.

Такъ какъ въ Лондонѣ вѣчная ночь, естественно, было очень темно, когда мистеръ Фитцъ-Джеральдъ остановился не вдалекѣ отъ своего дома, у одного довольно пустыннаго перекрестка.

— Начнемъ, сказалъ онъ самъ себѣ, доставъ изъ кармана портфейль и вынувъ оттуда огромный пакетъ, въ родѣ министерскаго. Этотъ пакетъ принялся онъ начинать какими-то шелковистыми и эластическими четверугольными бумажками. Нѣсколько минутъ предавался онъ этому занятію, не заботясь о любопытствѣ прохожихъ. Пакетъ толстѣлъ болѣе и болѣе, такъ что становилось сомнительнымъ—пройдетъ ли онъ въ отверстіе почтоваго ящика. Но мистеръ Фитцъ-Джеральдъ, вѣроятно, полагалъ, что пройдетъ, потому что досталъ изъ кармана жилетки синюю облатку, слегка ее поплюнилъ и припечаталъ пакетъ большимъ пальцемъ. Затѣмъ онъ написалъ карандашемъ на этой чудовищной обложкѣ: „*М-ру Фитцъ-Джеральду*“. Ничего, кромѣ этихъ словъ: „*м-ру Фитцъ-Джеральду*“.

II.

Бѣлокурое тріо

Кто бы ни взглянулъ на эти три бѣлокурья головы, оставленныя м-ромъ Фитцъ-Джеральдомъ, всякій-бы сказалъ, что м-ръ Фитцъ-Джеральдъ оставилъ у себя дома трехъ ангеловъ. Красота англичанокъ также извѣстна, какъ и ихъ безобразіе. Ничего нѣтъ красивѣе; ничего нѣтъ уродливѣй. Госпожа Фитцъ-Джеральдъ была блондинка съ черными глазами, и послѣднее обстоятельство было единственной причиной — почему мать и дочь не походили другъ на друга, какъ двѣ капли воды: у Нэль глаза были голубые. И это было, въ самомъ дѣлѣ, жалко: обѣ онѣ были такія бѣленькія, такія нѣжныя, что умри одна изъ нихъ—другая невольно заставила-бы усомниться въ этой смерти. Различія лѣтъ между тридцатилѣтнею матерью и семнадцатилѣтнею дочерью только служило въ ихъ выгодѣ, а почему? Это ускользаетъ отъ всякихъ математическихъ соображеній. Такъ и хотѣлось-бы, чтобы ни дочь не была моложе, ни

мать старше... И какіе великолѣпные волосы были у обѣихъ! Что за розы были розы ихъ губокъ, кончиковъ ушей и кончиковъ пальцевъ! просто очарованіе! Вы-бы подумали, что это фонарики, сложенные изъ разовыхъ лепестковъ и освѣщенные пламеннымъ свѣточемъ маленюкаго генія. У Винтергальтера не достало-бы для нихъ нѣжныхъ оттѣнковъ; мнѣ хотѣлось-бы, чтобы Діазъ испестрилъ своими фантастическими узорами ковры для нихъ царственныхъ ножекъ. Можно ли понять, что человѣкъ честный, богатый, какъ Крезъ, рѣшился покинуть такую красавицу-жену и такую красавицу-дочь.

Что касается м-ра Крокка—это былъ истинный служитель англиканской церкви, сотоварищъ и другъ м-ра Фитцъ-Джеральда, это былъ вполне англійскій пасторъ: человѣкъ, занимавшійся и духовнымъ и торговымъ промысломъ—хлопчатникомъ, желѣзомъ, листовою мѣдью и кампешскимъ деревомъ; рядомъ съ библіей у него лежали конторскія книги. Съ девяти часовъ утра до семи часовъ вечера, онъ велъ переписку съ ямайскими корреспондентами и со своими надсмотрщиками за мануфактурными заведеніями. Въ семь часовъ послѣ обѣда, онъ облакался въ черное платье и превращался въ служителя алтара. Онъ вдругъ блѣднѣлъ и лицо его принимало строгое, сдержанное выраженіе. Утромъ онъ глядѣлъ сквозь пальцы на торговлю неграми; вечеромъ онъ громилъ ее анаемой, запивая свои проклятія чаемъ и заѣдая сандвичами*). О немъ отзывались, какъ объ очень крутомъ человѣкѣ въ торговомъ и промышленномъ отношеніи: у него не было никакой жалости къ работникамъ, и онъ морилъ ихъ по восемнадцати часовъ въ сутки; но, какъ пасторъ, онъ часто взывалъ къ милосердію и кошелекамъ своихъ слушателей для облегченія участи этихъ же работниковъ. М-ръ Фитцъ-Джеральдъ благоговѣлъ передъ Кроккомъ, и какъ другъ, и какъ неофитъ, — и нельзя составить себѣ понятія о томъ, какого уваженія и какой любви требовалъ онъ отъ своей семьи къ пастору. М-ру Крокку едва исполнилось тридцать два года. У него было длинное, худощавое лицо, но подъ кистью художника оно поразило бы выраженіемъ высокаго ума и хитрости—сказали бы мы—если бы дѣло шло о комъ-нибудь другомъ, а не о служителѣ Божіемъ. Вообще, на этомъ лицѣ лежала печать красоты и красоты изящной.

*) Особого рода тартины.

III.

Удивленіе почтоваго бюро.

Хотя въ англійскихъ служебныхъ мѣстахъ ничему не удивляются по привычѣ къ туземнымъ эксцентричностямъ всякаго рода, однако-же, огромный пакетъ, броненный нѣсколько часовъ тому въ почтовый ящикъ мистеромъ Фитцъ-Джеральдомъ и лаконическая надпись карандашемъ: *м-ръ Фитцъ Джеральдъ*, привели все почтовое бюро въ невольное удивленіе.

Принявши пакетъ, чиновникъ отнесъ его къ непосредственному начальнику и тотъ пришелъ въ недоумѣніе — въ какое мѣсто вселенной, густо населенной Фитцъ-Джеральдами (а въ особенности Лондонъ), куда именно отправить этотъ пакетъ? Пакетъ былъ отнесенъ къ начальнику отдѣленія, а тотъ, въ свою очередь, счелъ нужнымъ представить его на благоусмотрѣніе самого директора почтъ. Директоръ былъ человекъ крайне проницательный, какъ вообще всѣ высшіе чиновники въ Англии. Онъ положилъ пакетъ на чувствительные вѣски, тщательно осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и проговорилъ съ глубокомысліемъ Архимеда: „Такой объемъ и такой вѣсъ... это французскіе банковые билеты“. Въ довершенію удивленія подчиненныхъ, директоръ прибавилъ: „Въ этомъ пакетѣ двѣсти тысячъ франковъ“.

— Но что же съ нимъ дѣлать? спросилъ начальникъ отдѣленія.

— Отослать по адресу.

— Но ваша милость изволите забывать, что адреса нѣтъ... на пакетѣ не обозначено ни улицы, ни города, ни страны.

— Ясно, что отправившій это письмо по лондонской почтѣ обратилъ англійскія деньги во французскіе билеты. Его намѣреніе было втравиться во Францію, гдѣ эти билеты имѣютъ правильное обращеніе.

— И такъ, пакетъ слѣдуетъ отправить во Францію?

— Безъ сомнѣнія.

— Но въ какой городъ!

— Въ Парижъ. Англичанинъ съ двумястами тысячъ франковъ можетъ отправиться только въ Парижъ. Впрочемъ, я, на всякій случай, приложу записочку къ парижекому почт-директору. Если

ж-ра Фитцъ-Джеральда не окажется въ Парижѣ въ теченіе одного года, навѣтъ его мнѣ будетъ возвращенъ, а тамъ посмотримъ. По-сылайте.

Письмо было отправлено въ Парижъ, и вѣроятно — въ числѣ пяти или шести тысячъ другихъ писемъ съ надписью на имя Фитцъ-Джеральда, потому что въ Англіи Фитцъ-Джеральдамъ имя легіонъ.

IV.

Чему очень смѣялся нѣкій господинъ на балу англійскаго посольства?

Господинъ этотъ стоялъ, прислонившись къ одной изъ входныхъ дверей балльной залы англійскаго посланника. Всякій разъ, когда возвѣщали извѣстную фамилію, онъ отвертывался и смѣялся отъ души. Онъ одинъ замѣтилъ, что безпрестанно провозглашали:

Герцогъ и герцогиня Фитцъ-Джеральдъ.

Графъ и графиня Фитцъ-Джеральдъ.

Баронъ и баронесса Фитцъ-Джеральдъ.

Г. Фитцъ - Джеральдъ, управляющій вѣдомствомъ публичныхъ зданій.

Разъ полтора ста было произнесено это имя въ продолженіи вечера, и столько-же разъ улыбнулся этотъ господинъ.

Черезъ восемь дней, этотъ-же господинъ улыбнулся при одномъ воспоминаніи, сидя у окна, Пармской гостиницы въ улицѣ Гро-Калью: такъ забавенъ казался ему млечный путь Фитцъ-Джеральдовъ, протянувшійся по парижскому небу. Вызываю всю фалангу демоновъ, сказалъ онъ, — отличить Фитцъ-Джеральда въ Гро-Калью отъ остальныхъ его соименниковъ.

V.

Время сказать — зачѣмъ м-ръ Фитцъ-Джеральдъ пріѣхалъ въ Парижъ.

Въ Парижѣ всегда, почти каждый мѣсяцъ, является новая рѣдкость на показъ иностранцамъ: не опера, такъ балетъ; не революція, такъ важный преступникъ; не Франклинъ, такъ Ласенеръ. Парижане великіе мастера показывать рѣдкости. И вотъ, съ нѣкоторыхъ поръ, м-ръ Фитцъ - Джеральдъ только и слышалъ, что о

тайнахъ, да о тайнахъ, порождаемыхъ Парижемъ: то таинственные мужчины, то таинственныя женщины, то таинственныя интриги.

Передъ духовнымъ окомя м-ра Фитцъ-Джеральда Парижъ принялъ фантастическій образъ какой то гигантской тайны, поглотившей въ себя другія тайны — одна другой таинственнѣе. Меблированные комнаты — тайна; кофейная — другая тайна; винный погребъ — большая тайна; общій столъ — одна изъ самыхъ великихъ тайнъ. Раскроеть-ли онъ журналъ, тамъ только и рѣчи, что о страшной тайнѣ, недавно открытой парижской полиціей; пробѣжитъ-ли фельетонъ, и тамъ читаетъ: „тайны Бастилии“, „торрежнныя тайны“, „тайны моей жены“. Взглянетъ-ли на театральныя афиши, на всѣхъ театрахъ идетъ одна пѣса: на театрѣ Gaïete — „тайны“; на Varieté — „тайны“; на Ambigu — „тайны“. Подобное повтореніе идей и образовъ естественно должно было имѣть вліаніе на мозгъ м-ра Фитцъ-Джеральда, и безъ того уже настроенный эксцентрично, и добрѣйшій мистеръ понялъ, что не пайдти ему въ мірѣ семъ покоя, пока онъ не отправится въ Парижъ и не примѣтъ ванны изъ тайнъ. Надобно замѣтить, что нѣкотораго рода страхъ примѣшивался къ его необузданному стремленію и только усиливала его. М-ръ Фитцъ-Джеральдъ былъ убѣжденъ, что нельзя выйдти живымъ изо-всѣхъ этихъ тайнъ, потому что онъ вознамѣрился, всѣ ихъ извѣдать лично, всѣ: и тайны „Ситэ“, и тайны „Маріоновской арки“, и тайны „Рокетты“, и тайны „каторги“, и тайны дома умалишенныхъ.

И такъ, онъ рѣшился отправиться въ Парижъ, не сказавъ ни чувствительной своей женѣ, ни достойному своему другу м-ру Броккеу о пламенномъ стремленіи, заставившемъ его предпринять это путешествіе.

Дней съ десять прошло по пріѣздѣ его въ Парижъ, и все это время онъ дѣлалъ нужныя приготовленія, чтобы низойти въ адское жерло самыхъ черныхъ тайнъ. Для этого онъ принялся перечитывать свои замѣтки, — краткія, спѣшныя, но энергическія извлеченія изъ всего прочитаннаго имъ о тайнахъ. Перечтя ихъ, онъ составилъ себѣ слѣдующій маршрутъ:

Отыскать кабакъ *Безголовой женщины* и тамъ ужинать.

Пригласить къ обѣду знаменитаго шпагобда *Avele-Poignard*.

Отправиться на балъ къ *дѣвицамъ Вампиркамъ*.

Быть въ полночь въ Сенарскомъ лѣсу, на перекресткѣ *Красныхъ ульщилловъ*.

Ночевать въ гостинницѣ, подъ названіемъ *Гиллмотина*, на площади *Дыбы*, и пр. и пр.

Мы сказали, что м-ръ Фитцъ-Джеральдъ сидѣлъ у окна Пармской гостинницы и радостно утѣшалъ себя мыслию, что никому не удастся узнать его участи въ извилистыхъ трещинахъ этого потухшаго волкана, называемаго міромъ.

Вдругъ служанка Пармской гостинницы назвала его по имени.

— М-ръ Фитцъ-Джеральдъ!

— Это не я, отвѣчалъ онъ поспѣшно.

— Какъ не вы? да развѣ вы не...

— Я дѣйствительно Фитцъ-Джеральдъ, но не можетъ быть, чтобы именно тотъ, кого вы ищите.

— Однако-же факторъ просилъ передать этотъ толстый пакетъ именно вамъ. Адресъ немножко стерся, потому-что карандашомъ надписано.

— Мое письмо! крикнулъ съ горькою улыбкою м-ръ Фитцъ-Джеральдъ. — Дайте пакетъ и оставьте меня. Смущенная служанка удалилась.

— Какъ! какъ! какъ! три раза прошептала м-ръ Фитцъ-Джеральдъ! Я бросаю вечеромъ, въ Лондонѣ, въ почтовый ящикъ, это безобразное письмо, которое могло быть отправлено въ Китай или Канаду, потому что адреса на немъ нѣтъ; я помѣщаюсь въ итальянской гостинницѣ, на самомъ концѣ отдаленной улицы Парижа, и и это письмо, наполненное банковыми билетами, не искушаетъ ни одного изъ печетовыхъ чиновниковъ, и цѣлехонько доставляется мнѣ въ руки. Какая ужасающая точность! какой несчастный первый шагъ на таинственномъ пути! Но какимъ же путемъ слѣдовало само оно, это непонятное письмо? Отвѣтъ на вопросъ м-ра Фитцъ-Джеральда можно было прочесть на пакетѣ; съ обѣихъ сторонъ былъ онъ исчерченъ стосемнадцатью чернильными помѣтками, синими, красными и черными. Прежде всего пакетъ объѣхалъ всѣ минеральныя воды Франціи, какъ иѣста, по мнѣнію почтоваго бюро, наиболѣе посѣщаемыя англичанами, и Фитцъ-Джеральдами по преимуществу, а затѣмъ возвратился въ Парижъ, гдѣ показѣтъ производились тщательныя розыски. Словомъ: не прошло десяти дней пребыванія Фитцъ-Джеральда въ столицѣ, какъ пакетъ дошелъ къ нему точно такимъ-же, каковымъ и былъ, когда его владѣлецъ съ такой насмѣшмой припечаталъ его синей облаткой.

Слѣдуетъ замѣтить еще одно обстоятельство. Парижскій почтди-

ректоръ, извиняясь коротенькой запиской въ невольной задержкѣ пакета, просилъ, м-ра Фитцъ-Джеральда обозначать въ другой разъ свой адресъ опредѣлительнѣе.

— Судьба! проговорилъ еще разъ Фитцъ-Джеральдъ. — Это письмо прошло черезъ руки какой-нибудь полторы тысячи англійскихъ и французскихъ чиновниковъ, и доставлено мнѣ нетронутымъ и ни одинъ банковый билетъ не утраченъ. Къ счастью, прибавилъ онъ, теперь я въ городѣ тайнъ — и скоро возьму свое.

Вѣроятно никому не покажется удивительнымъ, что человекъ, рѣшившійся пресытиться тайнами, не избралъ мѣстомъ своихъ прогулокъ Тюиллеры и Лювсдмбурга. Каждый вечеръ, — а дѣло было въ глубокую зиму, — Фитцъ-Джеральдъ отправлялся на Іэнскій мостъ, гдѣ, съ десяти часовъ у прохожихъ не спрашиваютъ кошелекъ или жизни, а просто отнимаютъ и то и другое.

И вотъ, вечеромъ того дня, когда Фитцъ-Джеральдъ былъ такъ глубоко оскорбленъ почтою, онъ такъ-же какъ и наваунѣ, только гораздо позже, отправился на Іэнскій мостъ съ твемой рѣшимостью — начать свой знаменитый розыскъ тайнъ. Гнѣвъ на почтовое вѣдомство ускорилъ его намѣреніе. Онъ захватилъ съ собою таинственно-возвращенные ему двѣсти тысячъ франковъ.

VI.

Іэнскій мостъ въ одиннадцать часовъ зимняго печера.

Къ Іэнскому мосту не легко подойти, особенно съ лѣваго берега, съ самаго зданія палаты депутатовъ, вы не встрѣтите здѣсь ночью ни одного прохожаго съ честнымъ обликомъ. Развѣ попадутся иногда два инвалида, два призрака Березины: они возвращаются въ свой домъ, или спѣшать въ Елисейскія поля, — вѣроятно на полуночный смотръ усопшаго Кесаря, такъ мастерски воспитанный Зейдлицомъ въ его великолѣпной балладѣ. Затѣмъ вы вступаете въ область невѣдомаго. Постоянные туманы снимаются съ песчаной нагорной равнины и съ Сены, и представляютъ собою какой-то хаосъ, пересѣченный мостомъ; подъ арками моста, извѣденными рѣчными испареніями, проносятся какой-то унылый шепотъ и сѣрые клубы чада. За мостомъ — ничего; направо — ничего; налѣво — ничего. Тусклые отблески, неясные отзвуки, тѣни предметовъ роятся и перелетаютъ передъ вашими глазами, какъ джинны, страшные восточные джин-

ны, блѣдные, продрогшіе, — бѣгите ихъ; они васъ заманять въ ровъ, и тумъ позорный убійца, изъ-за двадцати су, зарѣжетъ васъ заржавленнымъ ножомъ и броситъ въ Сену, чтобы омыть не преступленіе свое, а руки... И въ то-же время, на противоположной дугѣ небосклона, Парижъ таетъ въ огнѣ, зажигаетъ дымку тумана, и раскидываетъ надъ своимъ ложемъ пурпурный пологъ извѣ- жонный сагравъ. Вы слышите глухой и мѣрный стукъ колесъ и надѣетесь на добрую встрѣчу съ какою-нибудь телѣгой, — не заблу- ждайтесь: эта телѣга проѣзжаетъ по крайней мѣрѣ въ двухъ лье отъ васъ, если только проѣзжаетъ гдѣ-нибудь. Для законченности сцены, вдругъ возлѣ самаго вашего уха, раздается свистъ и мимо васъ кидается со всѣхъ ногъ онѣмѣлая собака. Что значить этотъ свистъ? Буда прооружула эта собака въ волнахъ тумана?

Не безъ волненія, — но волненія онъ и искалъ, — не безъ вол- ненія вслушивался Фитцъ-Джеральдъ, подходя къ Іэнскому мосту, въ этотъ ночной пустынный шорохъ, навѣвавшій тоску и страхъ. Но вотъ и начало моста. Шагахъ въ пятидесяти мерцаетъ какой-то огонекъ — Фитцъ-Джеральдъ идетъ на него. Огонекъ моргаетъ въ нѣсколькихъ футахъ надъ землей: это фонарь извощичьяго кабрию- лета.

Въ груди у Фитцъ-Джеральда закипало.

— Самъ-ли убійца этотъ извощикъ, или только сообщникъ? Что онъ здѣсь дѣлаетъ? Зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ?.. Узнаю.

— Кого ты ждешь? спрашиваетъ онъ, хлопнувъ по кожанному плащу.

— Сѣдока, отвѣчаетъ пьяный голосъ. — Хотя самого чорта, если ему вздумается влѣзть въ мою улитку.

Волосы у извощика были рыжіе; каррикъ *) — бѣловато-кофей- наго цвѣта, каррикъ, давно уже преставившійся, призракъ кар- рика.

— Понимаю. Теперь я могу узнать все, подумалъ Фитцъ-Дже- ральдъ.

— Садитесь. Куда ѣхать, господинъ?

— Къ Итальянской заставѣ, по загороднымъ бульварамъ.

— Только туда, господинъ?

И въ самомъ дѣлѣ, это былъ такой отвратительный конецъ, ка-

*) Каррикъ — кожаный или суконный извощикій плащъ.

кой могъ придумать только человѣкъ, рѣшившійся вернуться домой безъ головы.

— Садитесь-же.

— Постой, сказала Фитцъ-Джеральдъ, подошелъ къ кабриолетному фонарю, раскрылъ бумажникъ и сталъ перелистывать банковые билеты.

Рыжій извозчикъ пожиралъ ихъ глазами крокодила.

Фитцъ-Джеральдъ считалъ вслухъ: „Сорокъ тысячъ франковъ, шестьдесятъ тысячъ, да двадцать тысячъ, восемьдесятъ, да еще двадцать, — сто. Сто десять тысячъ, сто двадцать тысячъ — полтора ста... Сейчасъ, сейчасъ!.. Двѣсти тысячъ: такъ!

— Ну, теперь погоняй.

Фитцъ-Джеральдъ сѣлъ въ кабриолетъ, закрылъ бумажникъ и положилъ его къ себѣ на колѣни.

— Если вамъ все равно, господинъ, мы свернемъ вотъ въ этотъ переулокъ, сѣздалъ извозчикъ.

— Рѣшительно все равно... Ты почему спрашиваешь?

— Да тутъ недавно убили бѣднягу Кляпье, — съ мѣсяцъ никакъ...

— А! его убили въ этомъ переулкѣ?

— Да — вотъ здѣсь, видите? отвѣчалъ извозчикъ, указывая на тумбу, прислоненную къ ветхой стѣнѣ. И убили-то изъ-за пятидесяти пяти су... Трое ихъ было: два плотника, да нашъ братъ извозчикъ... Вотъ какъ: человѣка убить изъ-за пятидесяти пяти су!

— Въ самомъ дѣлѣ — изъ-за пустяковъ согласился Фитцъ-Джеральдъ. (Бумажникъ онъ все еще держалъ на колѣняхъ). — Такъ вы, извозчики, убиваете иногда? продолжалъ онъ.

— Случается... коли работы нѣтъ... Да вѣдь дурныхъ характеровъ вездѣ много.

— Дурныхъ характеровъ! мысленно повторилъ Фитцъ-Джеральдъ и подумалъ: а кто ему мѣшаетъ взять пригѣръ со своего собрата и убить меня? Посмотримъ, — что онъ будетъ дѣлать?

Хотя они уже и проѣхали весь переулокъ, но дорога все-таки была изъ рукъ вонъ плоха на загородныхъ бульварахъ: кабриолетъ такъ и бросало во всѣ стороны; кузовъ колотился о деревья: колеса увязали въ поперечныхъ канавахъ.

— Да, вездѣ много дурныхъ характеровъ, повторилъ съ каинимъ-то удовольствіемъ рыжій извозчикъ, и повернувшись къ м-ру Фитцъ-Джеральду, повоисился на него недобромъ.

Въ это же самое мгновеніе лошадь остановилась: чья-то рука схватила ее подъ уздцы.

— Западня! подумалъ Фитцъ-Джеральдъ. Теперь я пропалъ. Да хранить мою семью Господь Богъ и почтенный м-ръ Кроккъ! Мнѣ жаль только одного, что я умру, не извѣдавъ тайны Іэнскаго моста.

— Фонари потухли, проговорилъ неизвѣстный, остановившій лошадь: за это штрафъ.

— Извините, отвѣчалъ извозчикъ полицейскому (неизвѣстный былъ не болѣе, какъ полицейскій): фонари зажжены оба, только ихъ за туманомъ не видно.

— То то не видно! проворчалъ полицейскій, сворачивая въ одну изъ боковыхъ аллей.

— Это еще не тайна, подумалъ Фитцъ-Джеральдъ; но ужъ не отвертеться мнѣ отъ нея нынѣшнюю ночь.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, извозчикъ спросилъ:

— Вотъ мы и у Итальянской заставы—гдѣ прикажете васъ высадить?

— Въ полѣ.

— Слушаю. Прикажете подождать?

— Нѣтъ.

— Стало, вы нынѣшней ночью не вернетесь въ Парижъ?

Фитцъ-Джеральдъ не отвѣчалъ.

Обмѣнявшись нѣсколькими отрывистыми вопросами и отвѣтами, путники наконецъ достигли того мѣста, гдѣ, повидимому, Фитцъ-Джеральдъ желалъ остановиться.

— Здѣсь, господинъ?

— Да, здѣсь.

Фитцъ-Джеральдъ заплатилъ извознику пять франковъ, выпрыгнулъ и исчезъ, оставивъ свой бумажникъ на кабріолетной подушкѣ.

Только въ три часа утра пошелся онъ до своей парижской гостиницы, разсуждая: эта ночь не пропала, хотя и могла бы пройти лучше. Извозчикъ начнетъ проматывать мои деньги, — его заложить въ воровствѣ и въ убійствѣ. Онъ будетъ отпѣкиваться, и его посадятъ въ тюрьму, а я изъ произведеннаго слѣдствія узнаю—что онъ дѣлалъ на Іэнскомъ мосту, въ одиннадцать часовъ вечера? За такую тайну не грѣхъ и заплатить дорого.

VII.

Чай и анонимное письмо.

Восемь добрыхъ часовъ сна оправили м-ра Фитцъ Джеральда отъ ночной усталости и укрѣпили его въ геройскомъ настрѣеніи не покидать Парижа до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ лицомъ къ лицу съ главными парижскими тайнами. Въ средніе вѣка, разсуждалъ онъ самъ съ собою, наливая чай, я посвятилъ-бы себя на изученіе алхиміи; въ XIX вѣкѣ я жажду узнать инныя тайны. Во время оно я бросилъ-бы золото за науку, — какъ не умѣть его дѣлать; теперь я жертвую нѣсколькими сотнями тысячъ, за полное познаніе тайнъ, именно здѣсь, въ Парижѣ, столицѣ всѣхъ тайнъ, въ „Тайноградѣ“.

И такъ м-ръ Фитцъ-Джеральдъ крѣпко рассчитывалъ на свой бумажникъ, оставленный въ кабриолетѣ, какъ на средство узнать всю исторію извозчика на Уэнскомъ мосту; кромѣ того онъ углубился въ соображеніе насчетъ другихъ еще, самыхъ черныхъ, самыхъ ужасныхъ тайнъ, когда служанка парижской гостиницы положила ему на чайный подносъ письмо изъ Лондона.

— Изъ Лондона и опять на имя Фитцъ-Джеральда; крикнулъ онъ. Впрочемъ, если ужъ разъ меня отыскали, почему и не отыскать и другой?.. Но это-же это ко мнѣ пишетъ? Это не почеркъ моихъ семейныхъ.

Лондонское письмо было распечатано. Фитцъ-Джеральдъ взглянулъ на подпись, — подписи не было. Анонимное письмо: прочтемъ!

Милостивый Государь.

„Наружность бываетъ часто обманчива. Это пошло, но истинно. Люди, пользующіеся нашимъ довѣріемъ, ищутъ только случая, чтобы измѣнить намъ. Съ прискорбіемъ долженъ васъ извѣстить, что вы сдѣлались жертвой подобнаго коварства. Этотъ м-ръ Броккъ, принятый въ вашемъ домѣ, сдѣлавшійся вашимъ сотоварищемъ, другомъ и совѣтникомъ вашей семьи, обманываетъ васъ безстыдно...“

— Неправда, о это неправда! вскрикнулъ м-ръ Фитцъ-Джеральдъ. Что дальше?

„Воспользовавшись вашимъ отсутствіемъ и своимъ вліяніемъ на доброе и нѣжное сердце вашей супруги, онъ осмѣлился, послѣ вашего отъѣзда обезчестить ваше имя...“

— М-ръ Кроккъ! онъ! служитель Господа. О, какая наглая клевета!

„Вы безъ сомнѣнiя, воселикнете: клевета! читая эти анонимныя строки; тѣмъ не менѣе въ нихъ — одна прямая правда. Въмѣсто того, чтобы жить вдали отъ Лондона, вы поступили-бы благороднѣе м-ръ Фитцъ-Джеральдъ, если-бы возвратились домой, убѣдились собственными глазами въ намѣренiи этого человѣка — осквернить семейную вашу святыню и приняли-бы мѣры къ предотвращенiю зла, можетъ быть уже не поправимаго... Теперь вы предупреждены: дѣйствуйте.

— И я повѣрю подобной выдумкѣ! Нѣтъ! я слишкомъ хорошо знаю мою Софію, знаю и моего благороднаго друга Крокка. Возвратиться домой — это значить одобрить клевету: я останусь. И думать не стоитъ объ этой гнусной лжи.

Съ негодованiемъ бросилъ онъ въ огонь анонимное письмо, и позвонилъ, чтобы убрали чай.

— Съ вами хочеть переговорить какой-то человѣкъ.

— Со мной?

— Извозчикъ, кажется.

— Извозчикъ?

— Да вотъ онъ самъ.

— Господи—Боже! вскрикнулъ Фитцъ-Джеральдъ. Мой рыжій ночной извозчикъ. Ты здѣсь?

— Точно такъ, господинъ честной! Я за вами слѣдилъ и догналъ таки, хоть и пришлось мнѣ порядкомъ помѣсить грязь на полѣ.

— Чего тебѣ отъ меня нужно? Зачѣмъ...

— Прежде всего, позвольте мнѣ доложить вамъ, господинъ, что я вотъ уже пять лѣтъ — медаль перваго класса, а за то, что въ разное время принесъ сѣдокамъ на домъ тридцать девять зонтиковъ, дюжину калошъ и семнадцать кошелековъ съ деньгами... все было забыто у меня въ кабриолетѣ. Такъ видите-ли, нынѣшней ночью, какъ-только вы меня оставили, слышу я что-то такое у себя подъ рукой; гляжу — бумажникъ. Я сей часъ за вами, догналъ, слава Богу; узналъ — какая улица и какой номеръ вашей гостинницы, — и — вотъ бумажникъ... поглядите все ли цѣло господинъ?

— Мой бумажникъ!

— Да ужъ такъ! Потому: Антуанъ Муронъ честенъ; за честность и на вывѣску попалъ: извозчикъ въ кофейномъ каррикѣ на

всѣхъ погребковыхъ вывѣскахъ — это вѣдь я, и подписано : „*честный извозчикъ*“ ... Такъ осмотрите-же бумажникъ.

— Что-же ты дѣлалъ, несчастный, на Іанскомъ мосту, ночью, въ такой таинственный часъ?

— Рыбу удилъ. А такъ какъ это запрещено...

— Рыбу удилъ?

— Да уклейку, плотичку...

— А я то видѣлъ въ немъ орудіе тайны!.. Ну, сколько-же тебѣ слѣдуетъ награды?

— Ничего, господинъ!

— Ничего!

— Ничего. Запишите вотъ въ эту книжечку, что я вамъ доставилъ вашъ бумажникъ, а я снесу показать въ полицію: выдадутъ шесть франковъ, если не забудутъ.

Не смотря на полное свое уныніе, м-ръ Фитцъ Джеральдъ пожалъ руку черезчуръ честному извозчику, говоря:

Very well, my dear friend! My dear fellow, very welle (*).
Антуанъ Муронъ былъ уже на улицѣ.

Цѣлые пятнадцать дней не могъ позабыть Фитцъ-Джеральдъ своей первой неудачи, хотя она, согласитесь сами, не могла имѣть важныхъ послѣдствій. Одной тайной меньше, такъ что-жь? За одну въ Парижѣ найдется десятокъ другихъ.

VIII.

Ужиянь у Безголовой женщины.

Прошло пятнадцать дней, и въ девять часовъ вечера, въ самую пору для тайнъ, м-ръ Фитцъ-Джеральдъ возсѣдалъ уже въ харчевнѣ *Безголовой женщины*, за заставой *Трехъ королей*. Его предварительныя изученія, его многостороннія изслѣдованія, спеціальныя и наиболѣе извѣстныя книги по этой части, наконецъ наведенныя вѣрныя справки, — все это убѣдило его, что эта загородная харчевня пользуется самой недоброй славой. Развратные и грязные люди, омерзительные ужины, циническія игры — все соединялось тамъ, для наблюдательныхъ взоровъ любителей. Изрѣдка полиція погружала свой багоръ въ это ржавое болото и вытаскивала гудовищъ

*) Хорошо, мой другъ! хорошо, любезный!

первой величины на скамьи уголовного суда, въ ящерицу содроганію
обоихъ половъ.

Переряженный каменщикомъ изъ боязни помѣшать привычкамъ
харчевни, или привлечь на себя ихъ вниманіе, мистеръ Фитцъ при-
сѣлъ къ кончику стола, приготовляемаго для ужина. Лица собесѣд-
никовъ какъ разъ согласовались съ любопытными догадками нашего
иностранца, жаждавшаго тайнъ. У всѣхъ нихъ были голыя руки, съ
узловатыми мускулами, съ синими жилами, толстыми, какъ веревки
и испещренныя странными татуажами.

Ихъ звѣрскіе нравы и эти кровавые рисунки, наколотые кончи-
комъ винжала, представляли странную противоположность. На ри-
сункахъ были изображены пылавшія сердца, букеты цвѣтовъ, кор-
зинки съ плодами, птички и собаки съ выходящей изъ пасти под-
писью.

Эмблема строгости, или Я твой, мой друг!

— Это такъ, разсуждалъ м-ръ Фитцъ-Джеральдъ: это неволь-
ная дань, приносимая даже злодѣями природѣ, любви и дружбѣ.

Принесли ужинъ. И какой ужинъ. Мозги съ яйцами, мозги ва-
реные, мозги подъ соусомъ. Богъ ихъ знаетъ какіе это мозги! думалъ
герой м-ръ Фитцъ-Джеральдъ. За мозгами принесли телячьи печенки
съ невиннымъ соусомъ, и опять телячьи печенки на миланскій ма-
неръ. Гмъ! Для телятъ эти печенки что-то крупноваты! подумалъ
еще разъ про себя м-ръ Фитцъ-Джеральдъ.

Впрочемъ онъ отвѣдалъ эти кушанья, чтобы не сидѣть безъ дѣла
и удобнѣе прислушиваться къ разговорамъ голорукыхъ.

И какъ онъ слушалъ!

Они говорили о землетрясеніи въ Гваделупѣ, о послѣдней рѣчи
Ламартина, о рѣчахъ Тьера, объ академическихъ выборахъ, а въ
особенности о послѣднемъ законѣ насчетъ сахарнаго производства.

— Ну, меня-то этими хитростями не проведешь, думалъ Фитцъ-
Джеральдъ: сейчасъ проговорятся.

Посреди этихъ размышленій, ему пришлось обратить вниманіе
на какой-то шумъ вдали, или скорѣе внизу: прямо у него подъ но-
гами, съ грохотомъ переливали изъ сосуда въ сосудъ какую-то жид-
кость.

— Ага, ага! проговорилъ онъ. Подземная работа начинается.
Прислушаемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ скоро замѣтилъ что гости *Безголовой*
женщины, попарно и втроемъ, начали оставлять харчевню, что

свѣчка догорала и стрѣлка часовъ съ кукушкой придвигалась къ полуночи. Куда уходили эти люди спать? Но м-ръ Фитцъ-Джеральдъ разглядѣлъ очень ясно, какъ въ они выходили въ сѣнную дверь для того только, чтобы спуститься тайкомъ въ бывший у него подъ ногами погребъ. Сквозь твора болѣе доносилось клокотанье переливаемой жидкости и пересыпались ворохи чего-то твердаго и сухаго. Новое страшное убѣжденіе: его обоняніе было поражено какимъ-то зловоннымъ запахомъ, какъ будто съ бойни. Подъ его ногами рѣзали, умерщвляли! Эти люди были убійцы. И нельзя было сомнѣваться или ошибаться: эти господа ужь конечно не мясники.

Наконецъ, оставшись съ глазу на глазъ съ харчевенной служанкой, уже собравшейся запереть дверь, онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Вотъ вамъ тысяча франковъ золотомъ...

— Тысяча франковъ.

— Не будемъ терять времени: эти деньги ваши, если вы оставите меня здѣсь на ночь.

— Здѣсь?

— Хотите?

— Еще-бы!

Заприте-же потихоньку дверь, ключъ, отдайте мнѣ, и уходите.

Служанка заперла дверь харчевни, ушла и оставила м-ра Фитца-Джеральда въ совершенно темной комнатѣ.

Подземный шумъ все еще продолжался. Фитцъ-Джеральдъ тихонько отодвинулъ столъ, очевидно съ намѣреніемъ — поставленный ножками на твора, приподнял за кольцо одну изъ половинокъ погребной двери и подсунулъ подъ нее пребку. Въ это отверстіе, при красноватомъ свѣтѣ двухъ или трехъ свѣчей, увидѣлъ всѣхъ господъ, съ которыми ужиналъ. Страшному занятію предавались они: сливали въ чаны кровь и складывали въ правильныя кучи кости. Каждый былъ занятъ этою ночною работою отдѣльно отъ другихъ. Одинъ приносилъ кровь въ двойномъ ведрѣ; другой принималъ это ведро въ чанъ; третій выпускалъ кровь изъ чана въ каменный жолубъ, проведенный въ землю. По временамъ они пили вино большими стаканами, сидя на кучахъ костей.

Если ужь это не тайна, разсуждалъ м-ръ Фитцъ-Джеральдъ, какже и назвать иначе? стало быть есть въ Парижѣ мѣста, гдѣ убиваютъ людей и такъ ловко хоронятъ концы, что даже кровь уходитъ въ землю, а кости сглаживаются словно зубами шакаловъ.

Пять битыхъ часовъ наслаждался м-ръ Фитцъ-Джеральдъ этимъ отвратительнымъ зрѣлищемъ, и когда вышелъ изъ харчевни, конечно, былъ возмущенъ до глубины души; но вмѣстѣ съ тѣмъ остался и доволенъ, что наконецъ послѣ долгаго путешествія и столькихъ жертвъ, ему удалось стать лицомъ къ лицу съ одной изъ отыскиваемыхъ имъ тайнъ.

Восемь дней онъ былъ совершенно счастливъ, и всѣ эти дни провелъ то въ размышленіяхъ и событіяхъ этой ночи, проведенной имъ въ харчевнѣ *Безоловой* женщины, то въ приготовленіяхъ къ новымъ поискамъ не менѣе потрясающихъ тайнъ.

Онъ уже готовъ былъ приступить къ дѣлу, какъ вдругъ получилъ письмо изъ Лондона, — тѣмъ же анонимнымъ почеркомъ.

— Вѣроятно, подумалъ онъ, это — полный отказъ отъ безчестной силетни, распущенной на счетъ добраго имени моей супруги и моего почтеннаго друга, м-ра Крокка? Прочтемъ.

„Милостивый Государь!

Мнѣ крайне прискорбно, что вы не почтили вниманіемъ перваго моего предостереженія: теперь вамъ не пришлось-бы оплакивать новаго и большаго горя. Презрѣнный м-ръ Кроккъ, не довольствуясь тѣмъ, что наложилъ неизгладимое пятно на супружескую вашу честь, замыслилъ — плачьте несчастный отецъ! — замыслилъ — говорю: увлечь вашу дочь, вашу дорогую Нэль въ бездну соблазна. Дочь ваша исчезла изъ дому.

Иные полагаютъ, что она переѣхала на материкъ, другіе — и это вѣроятно, — что она спрятана въ одномъ изъ лондонскихъ загородныхъ домовъ. Я знаю, какую глубокую рану нанесетъ вашему сердцу это извѣстіе; но скрывать его было незачѣмъ, а отвратить зла уже нельзя. Поспѣшите-же скорѣе въ Лондонъ, не для спасенія чести вашей фамиліи, а для избавленія ея отъ публичнаго позора. Надѣюсь, что хоть на этотъ разъ вы не будете глухи къ моему призыву“.

— Буду глухъ и на этотъ разъ, сказала м-ръ Фитцъ-Джеральдъ. Мѣсяцъ тому не повѣрилъ, не повѣрю и теперь: съ моей стороны была-бы слабость — измѣнять убѣжденіямъ. Дорогая Софія! дорогая малютка Нэль! Превосходнѣйшій м-ръ Кроккъ! Вы даже не подозреваете, какой гнусный ковъ замыслили на васъ? Къ счастью, и за это хвала Богу! — всѣ дурныя сѣмена клеветы падаютъ на скалу.

И второе анонимное письмо полетѣло въ огонь.

IX.

Еще тайна—въ гѣстинницѣ Гильютины.

Упорный, неутомимый въ своихъ поискахъ, охваченный чудовищнымъ усилѣхомъ у заставы „Трехъ коронъ“ м-ръ Фитцъ-Джиральдъ рѣшился перейти немедленно на самую опасную, самую тернистую стезю своего туризма въ новомъ годѣ. Кромѣ того его заставило рѣшиться еще одно обстоятельство; но объ немъ мы скажемъ послѣ.

И такъ онъ отложилъ до другого времени и предположенное свиданіе съ знаменитымъ шпалѣдомъ *Hvale-Poignard*, и танцевальный вечеръ у дѣвицъ *Вампирокъ*, и прогулку въ Сенарскомъ лѣсу, на перекресткѣ *Красныхъ угольщикоуэ*,—все для того, чтобы провести давно-желанную, ужасную ночь въ гѣстинницѣ Гильютины, на площади Дыбы... Это былъ самый крупный алмазъ въ юранѣ тайнъ. Въ гѣстинницѣ Гильютины только съ полуночи отпиралась дверь, если можно назвать дверью каменную пастъ, пробитую въ стѣнѣ, проптанной убойственными исареніями. Внутренность соответствовала наружности: извилистыя ступеньки, черныя, распатанныя, обитыя, вели въ разныя комнаты, а эти комнаты углублялись въ другія, то низкія, то съ округленнымъ сводомъ и прямыя, какъ пожарная кишка; темнота царяла повсюду, и вездѣ чернѣли мрачныя закоулки. Въ этомъ домѣ, построенномъ надъ каменоломней стараго Парижа, было три ряда погребовъ одинъ подъ другимъ, и самый нижній сообщался съ катакомбами, то есть съ городомъ, также обширнымъ, также населеннымъ, какъ Парижъ; но улицы были въ немъ выведены изъ берцовыхъ и голенныхъ костей, площади обрѣжены кучами череповъ, дома сложены изъ костей таза и предѣлеція. Если вы приложите ухо къ полу нижняго погреба, вамъ слышится, будто всѣ эти кости хрустятъ и ворочаются, стараясь выбрать другую, менѣе утомительную позу. Черезъ эти-то погреба и похоронныя подземелья убѣгаютъ самые важные преступники, преслѣдуемые полиціей. Едва она нагрянеть, ихъ спускаютъ на веревкахъ внизъ. Затѣмъ имъ приходится идти ощупью около двухъ миль, до тѣхъ поръ, пока имъ не удастся найти выходъ въ известковыя ломки Жантильи. Иные плутаютъ безъ толку или погибаютъ подъ оторванными, движеніемъ воздуха, обвалами. Ихъ

душить смерть подъ грудями скелетовъ. Въ описанномъ нами домѣ, известномъ полиціи и оставляемомъ ею на случай впуска своихъ хищныхъ птицъ, въ этомъ дому дѣлать добычу и обдумываютъ, какъ ловчѣе закинуть сѣти въ одинъ изъ золотыхъ бассейновъ, чтобы уловъ вышелъ вполне удаченъ. Здѣсь вы встрѣтите и женщинъ, много молодыхъ женщинъ, иногда очень красивыхъ; но всѣ онѣ отмѣнены раскаленнымъ клеймомъ отчаянія или ревности. Въ этотъ вертепъ ихъ привлекаютъ страсти, имъ же нѣтъ имени, и съ звѣрскимъ наслажденіемъ отдаются онѣ каторжнымъ Аполлонамъ и Антиноямъ гильотины. Здѣсь не дѣлуютъ, а кусаются. Гѣны испугались бы, и львицы сгорѣли бы со стыда при видѣ этого мрачнаго логовища. „Я видѣлъ все это“, могъ бы сказать новѣйшій маркизъ де-Садъ, „и издалъ въ свѣтъ „Жюстину“. Дневной свѣтъ здѣсь не известенъ и это — какъ будто дань и почетъ сіянію Бога. Огромные свѣточи перебѣгаютъ изъ рукъ въ руки и прицѣпляются къ стѣнамъ, гдѣ нужно. Отвратительная салная свѣча отгѣбчаетъ на стѣнахъ свой циническій путь чудовищными рисунками, порожденными угаромъ водки. Это фрески Содомы. Ночь обыкновенно проводятъ въ самой гостинницѣ *Гильотины*; впрочемъ, это — только кличка, а настоящее ея названіе *Гостинница трехъ амурчиковъ*. Вы входите и вамъ говорятъ! „Два су за постельное бѣлье, по одному су за каждый матрацъ, два лярда за соломенникъ. Господинъ желаетъ почевать одинъ!“ Эти вопросы предлагаетъ вамъ толстая, веселая женщина, съ золотою цѣпью на шеѣ и съ полдюжиною перстней на пальцахъ. Обыкновенное ея имя или мадамъ Паламедъ, или — мадмоазель Кловисъ. Обычники называютъ ее просто теткой Гриншаръ. Таковы были наведенныя м-ромъ Фитцъ-Джеральдомъ справки и такія картины рисовались въ его воображеніи передъ тѣмъ, какъ онъ рѣшился низойти въ этотъ адъ и провести въ немъ ночь, чтобы узнать, наконецъ, таинственнѣйшую изъ всѣхъ тайнъ.

Онъ нацисалъ духовное завѣщаніе, запечаталъ его въ пакетъ и отправилъ къ своему посланнику; затѣмъ очистилъ свою совѣсть покаяніемъ и молитвою и въ одинъ прекрасный вечеръ, около самой полуночи, направилъ свои стопы къ гостинницѣ *Гильотины*. Какъ въ пресловутую ночь, проведенную за заставой *Трехъ коронъ*, онъ былъ переодѣтъ каменщикомъ.

На башнѣ святого Евстафія пробило половина двѣнадцатаго, когда онъ вступилъ на площадь Дыбы. Въ душѣ своей онъ чувствовалъ нѣкоторый страхъ, но этотъ страхъ испытываютъ всѣ храбрые

люди передъ началомъ сомнительнаго дѣла, а м-ръ Фитцъ-Джеральдъ былъ храбръ. Тетка Гриншаръ послѣ обычныхъ вопросовъ сунула ему въ руки какой-то окисленный ночникъ, провела его по лабиринту клѣвучковъ, задернутыхъ грязными занавѣсками.

— Попросите у кого-нибудь милостыньки, сказала она, — и спите съ Богомъ; прощайте.

Теперь пора объяснить особую причину, заставившую неукротимаго нашего искателя тайнъ ускорить посѣщеніемъ Гильотины. Цѣлые два мѣсяца передъ этимъ полиція отыскивала знаменитаго преступника Паульманна и знала, по вѣрнымъ указаніямъ, что онъ скрывается въ Парижѣ, въ одной изъ берлогъ, отиѣченныхъ красными фонарями, какъ та же гостинница *Гильотина*.

Въ надеждѣ встрѣтиться съ Паульманномъ подъ этою страшною кровлей, м-ръ Фитцъ-Джеральдъ рѣшился исполнить свое намѣреніе какъ можно скорѣе.

Въ часъ онъ уже лежалъ въ одномъ изъ тѣхъ сосновыхъ гробовъ, гдѣ воры привыкли прикидываться сонными. Слышалъ, какъ пробило два часа, и какъ потомъ всякій шумъ стихъ на улицѣ св. Іакова. Какая прелюдія для тайнъ! Ночь! зіяющія катакомбы подъ ногами, надъ головой злодѣи обдумываютъ новыя преступленія! но все это сливалось въ одно глухое, тяжелое молчаніе.

Вдругъ, не успѣли еще часы пробить половины третьяго, какъ м-ръ Фитцъ-Джеральдъ услышалъ такіа слова: „Намъ измѣнили! Рыжая воровалась!“

Рыжею называютъ воры и разбойники полицію. Этотъ крикъ тысячекратно повторился, посреди ночи, въ злобщихъ и несказанныхъ отзвукахъ. На чердакахъ выли: рыжая! рыжая! въ пятомъ жилѣ и въ остальныхъ шентали: берегись, рыжая всходить! Съ верхняго погреба до самой утробы катакомбъ, какъ бурчаніе въ желудкѣ отравленнаго человѣка, переливался этотъ крикъ: рыжая! рыжая! Фитцъ-Джеральдъ задыхался отъ радости и страха. Вотъ таѣ тайна! Потомъ все стихло и сѣнная дверь запахнулась съ громомъ. Вѣроятно, преступникъ былъ уже и арестованъ.

Тоже думалъ и м-ръ Фитцъ Джеральдъ, когда изъ глубины его комнаты выдѣлилась какая-то тѣнь, вооруженная кинжаломъ. Эта тѣнь преобразилась въ человѣка, а занесенный кинжалъ опускался ближе и ближе къ его сердцу, Фитцъ-Джеральдъ подумалъ: — они кричали объ измѣнѣ и безъ сомнѣнія думаютъ, что измѣнникъ — я:

за это меня зарѣжутъ. Что-же мнѣ дѣлать? Ничего. Умереть. По крайней мѣрѣ, унесу съ собою въ гробъ тайну.

Когда кинжалъ былъ уже въ нѣсколькихъ линіяхъ отъ его груди, чей-то голосъ произнесъ.

— Ты Поульманнъ! Только шевельнись, а тебя убью.

— А! меня принимаютъ за Поульманна.

Въ то же мгновеніе вошло челоуѣкъ двадцать полицейскихъ и связали Фитцъ-Джеральда, принужденнаго молча покоряться всѣмъ послѣдствіямъ этой ужасной ошибки. Его отвели въ цѣпяхъ въ тюрьму. Тамъ онъ написалъ свое имя и послалъ къ префекту полиціи; но, въ ожиданіи отвѣта, онъ былъ брошенъ среди легіона мошенниковъ, сметенныхъ ночью съ лица Парижа.

На другой день въ полдень, призвалъ его къ себѣ одинъ изъ полицейскихъ начальниковъ и съ удивленіемъ спросилъ: какимъ образомъ иностранецъ его званія могъ найдтись въ такомъ мѣстѣ ночью?

— Я жаждалъ знать, отвѣчалъ Фитцъ-Джеральдъ, тайны вашей столицы... я читалъ...

— Довольно, милостивый государь, перебилъ его начальникъ. Не вы первый, и конечно не вы послѣдній безумецъ, извините за выраженіе, кого завлекутъ извѣстной, пошленькой фантазмагоріей. чье дѣтское легковѣріе употребить во зло.

— Какъ! какое дѣтское легковѣріе! Какая пошленькая фантазмагорія! вскрикнулъ м-ръ Фитцъ-Джеральдъ, ничего дѣйствительнаго быть не можетъ. Хотите доказательствъ?

И онъ принялся подробно рассказывать о тайнѣ Трехъ-коронной заставы, не забывая ни голыхъ рукъ, ни кучъ костей, ни чановъ съ челоуѣческой кровью. Начальникъ слушалъ его, улыбаясь...

— Вамъ хорошо смѣяться...

— Послушайте меня и разувѣрьтесь, мистеръ! сказалъ начальникъ Фитцъ-Джеральду. Возлѣ этой харчевни, (вы конечно не обратили на это вниманія) выстроенъ сахарный раффинаднй заводъ. Заводъ и харчевня соединены крытыми ходами что-бы работники не теряли времени, на побѣгушки къ другимъ торговцамъ,

— А кости? а кровь? а...

— Всякій знаетъ, что кости и кровь служатъ для очищенія сахара: кровь—это бычачья, и доставляется съ бойни Поасоньерскаго предмѣстья; кости собираются на парижскихъ улицахъ людьми, живущими этимъ промысломъ.

Фитцъ - Джеральдъ смущенный, пораженный, уничтоженный, опустил голову. Тайна Іэнскаго моста — глупость; тайна Трехъ-коронной заставы — другая глупость; гостиницы Гильотины — еще глупость; полицейскій начальникъ не замедлилъ сообщить ему, что этотъ домъ, хотя и пользуется дурною славой, но далеко не былъ свидѣтелемъ преступлений и мерзостей, порожденныхъ воображеніемъ мистера. Какъ нѣкій древній мужъ произнесъ передъ смертію: „добродѣтель! ты одинъ звукъ“! такъ точно и Фитцъ-Джеральдъ, выходя изъ полиціи, вскрикнулъ: „тайна! ты одинъ звукъ“!

Возвратясь къ себѣ пристыженный, усталый, измученный и обманутый, онъ наткнулся на англійскій журналъ и прочелъ:

„Прошлой ночью, лондонская полиція производила обыскъ въ домѣ м-ровъ Крокка и Фитцъ-Джеральда, сотоварищей по торговлѣ. Они обвиняются въ умышленномъ поджогѣ ихъ бумаго-прядильной фабрики, застрахованной, въ десять разъ дороже ея стоимости: преступленіе, наказываемое закономъ ссылкой въ Вотэни-Бэй. Что не оставляетъ никакого сомнѣнія въ ихъ виновности, такъ это — давно задуманный отъѣздъ м-ра Фитцъ-Джеральда и бѣгство м-ра Крокка, который сначала соблазнилъ жену и похитилъ молодую дочь своего сотоварища.

— Гнусный! тысячу кратъ гнусный Кроккъ! вскрикнулъ Фитцъ-Джеральдъ. Но философская стойкость его нрава сразу взяла свое и онъ проговорилъ разсудительно.

— Да, о, да! тайны существуютъ, но намъ слѣдуетъ ихъ отыскивать у себя, а не у другихъ... Самый великій, самый омерзительный самый страшный злодѣй — не тотъ, кто грабитъ, на олушкѣ, кто рѣжетъ въ трупѣхъ лѣса, или на жалкомъ постояломъ дворѣ, — нѣтъ! — а тотъ, кто, кроткій медорѣчивый и спокойный, обманываетъ и безчеститъ васъ съ потушенными глазами, кто въ бѣлыхъ перчаткахъ крадетъ у васъ жену и соблазняетъ вашу дочь за урокомъ духовныхъ кантовъ. Тартюфъ — все еще самый глубокій и самый таинственный злодѣй всего міра. Мольера не опередилъ еще никто.

Date Due

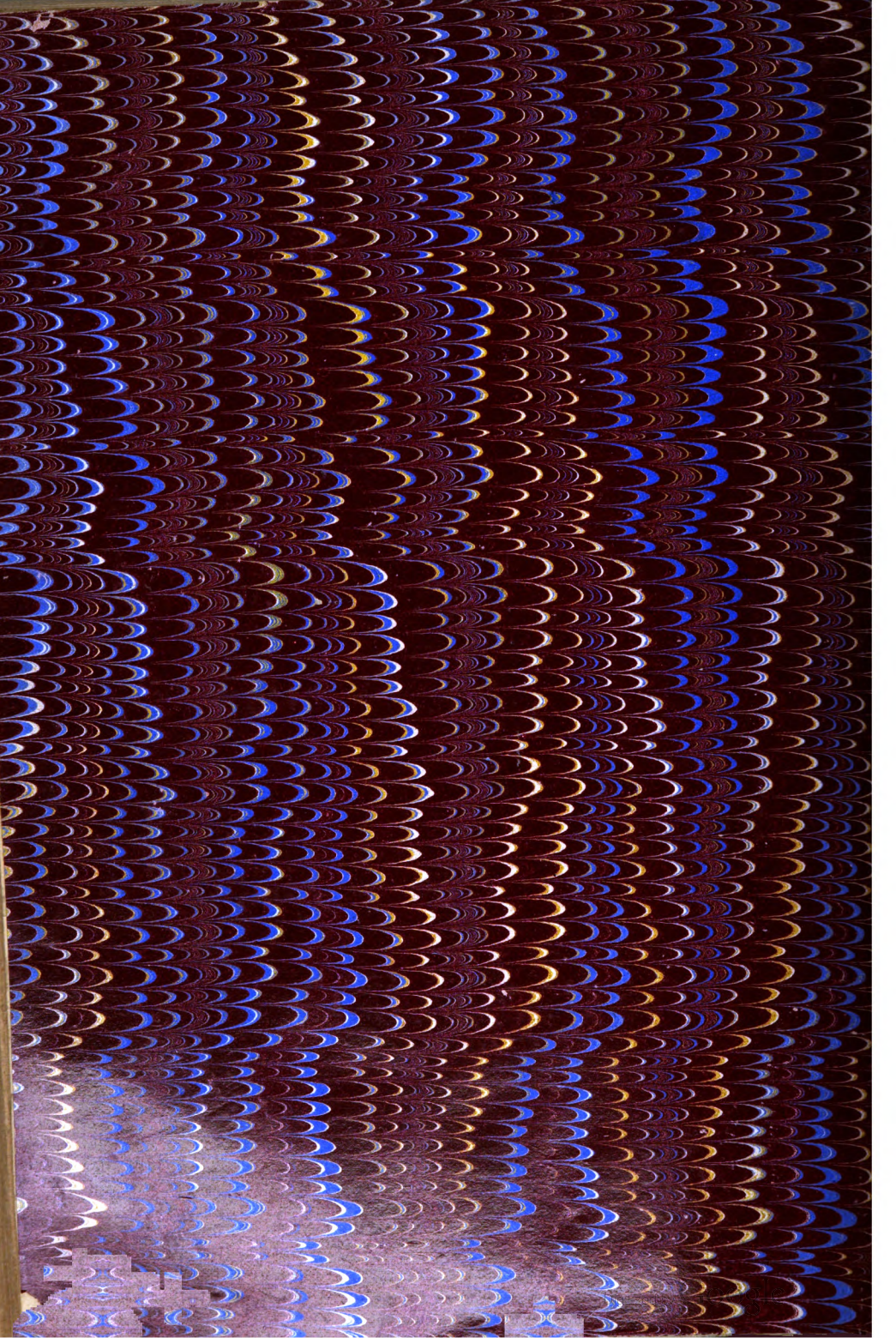
PRINTED IN U. S. A.

PG 3337

.M4

1887

v. 3

3 2000 007 011 234

